Изучение проблем бедности в России

Избранные материалы победителей конкурса научных работ



ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЕДНОСТИ В РОССИИ

Избранные материалы победителей конкурса научных работ
в рамках проекта Всемирного банка «Совершенствование измерения,
мониторинга и анализа бедности в России»

Всемирный банк
Москва
2005

УДК 330.341
ББК 60.7

Суждения, интерпретации и выводы, изложенные в настоящем исследовании, принадлежат авторам и могут не совпадать с мнениями и выводами Всемирного банка, входящих в него организаций, Совета исполнительных директоров, равно как и стран, которые они представляют.
Росстат не несет ответственности за использование предоставленных победителям научного конкурса данных ОБДХ и их интерпретацию.

Изучение проблем бедности в России . — М.: «Алекс», 2005. — 224 с.

ISBN 5-9618-0018-0

Сборник статей по проблемам бедности. Авторы исследуют причины, способствующие развитию бедности и анализируют способы и средства ее ликвидации.

Научный редактор — д.э.н., профессор Андрей Полетаев, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Все права защищены
Материал публикации защищен законодательством об авторском праве. Никакая часть настоящего издания не может быть воспроизведена, помещена на хранение в информационно-поисковую систему или передана в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные, магнитные и прочие, без предварительного письменного разрешения Всемирного банка.

Отпечатано в России

ISBN 5-9618-0018-0

© Международный банк реконструкции
и развития/ Всемирный банк, 2005
1818 H Street, N.W., Washington, D.C. 20433, USA

Оглавление

Часть I. Масштабы и профиль бедности 5

Татьяна Богомолова, Вера Тапилина. Бедные в экономической стратификации населения 7
Ирина Корчагина. Показатели уровня бедности: доходы, расходы и накопленное имущество 25
Анастасия Александрова, Елена Гришина. Анализ сельской бедности 39
Галина Родионова. Оценки показателей бедности сельского населения административного района 50

Часть II. Бедность и рынок труда 65

Анна Лукьянова. Дифференциация заработной платы и феномен работающих бедных 67
Татьяна Карабчук (Бандюкова). Случайная занятость и бедность 96
Александр Разумов. Рынок труда и бедность трудоспособного населения 124
Татьяна Четвернина, Ирина Соболева, Светлана Ломоносова. Бедность безработных и меры по ее преодолению 145

Часть III. Способы уменьшения бедности 163

Мария Ягодкина. Эффективность социальных льгот и их влияние на уровень бедности 165
Светлана Герасимова. Стратегии выживания семей в условиях рыночной экономики 190
Елена Иванова. Внутрисемейные межпоколенные трансферты как резерв снижения бедности пожилого населения 207

Часть I

МАСШТАБЫ И ПРОФИЛЬ БЕДНОСТИ

Татьяна Богомолова, Вера Тапилина

БЕДНЫЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Данная работа посвящена анализу экономической стратификации населения – неравного распределения доходов и материальных благ. Замысел исследования состоял в том, чтобы выявить место бедных в экономической стратификации населения России, а также проследить траекторию изменения их положения в этой стратификации во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов. Центральное место в работе занимает проблема бедности в различных ее ракурсах (измерение бедности и неравенства, динамика показателей бедности, воспроизводство бедности, структурные срезы бедности, оценка вклада социальных групп в бедность всего населения и др.).

Информационной базой исследования являются прежде всего материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)[1] за 1994–2002 гг., а также данные Обследований бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) за 1997–2002 гг., проводимых Госкомстатом РФ. Анализ материалов, полученных с помощью РМЭЗ и ОБДХ, выполнен по единой методологии и с применением одних и тех же аналитических шкал, что позволило осуществить сопоставление результатов.

В качестве основной переменной для измерения материального благосостояния населения на материалах РМЭЗ нами используются *денежные доходы*. Исходной информацией для формирования этой переменной являются данные РМЭЗ о текущих денежных доходах, полученных домохозяйством из всех источников в течение 30 дней, предшествующих моменту опроса. Основным наблюдаемым признаком при построении экономической стратификации выступает показатель текущего денежного дохода, приходящегося на одну *потребительскую единицу* в домохозяйстве. В отличие от среднедушевого денежного дохода, обычно применяемого в отечественных исследованиях материально-экономического положения населения, этот удельный показатель в соответствии с концепцией потребительской единицы принимает во внимание различия в рентабельности домохозяйств различного количественного состава. В данной работе была использована эквивалентная шкала экономии на размере домохозяйства, разработанная специально для РМЭЗ коллективом российских и американских исследователей (Б. Попкин, А. Батурин, М. Можина, Т. Мроз).

Построение показателей экономической стратификации базируется на денежном доходе, выраженном не в рублях, а в количестве прожиточных минимумов, приходящихся на одну потребительскую единицу (в дальнейшем для простоты словоупотребления будем называть эту единицу измерения дохода ПМ/ПЕ). Нормирование доходов, в данном случае – деление величины доходов жителей различных регионов на величину региональных прожиточных минимумов, позволило, во-первых, выделить в каждом из регионов группу населения с уровнем дохода ниже величины регионального прожиточного минимума, т.е «сконструировать» основной объект наблюдения – бедных; во-вторых, хотя бы частично элиминировать территориальные различия в стоимости жизни и тем самым более корректно сопоставить доходы населения различных регионов страны.

Известно, что проблемой любого выборочного исследования является неполный охват самых бедных и богатых в населении. Кроме того, полученная в ходе выборочного обследования информация о доходах страдает определенными погрешностями, которые связаны с ненамеренным или с умышленным искажением респондентами сведений о величине доходов. Принимая существование нефиксируемой части доходов как данность, в отношении на-

[1] РМЭЗ – это первое российское панельное обследование домохозяйств, проводимое на основе общенациональной выборки. Инициаторами и организаторами мониторинга являются коллективы исследователей Университета Северной Каролины (США) и Института социологии РАН (Москва). Подробнее о РМЭЗ см.: Свафорд и др., 1999.

блюдаемой части мы исходим из того, что ненамеренные искажения дохода распределены случайно и не зависят от доходной группы. Абсолютная величина утаиваемого, конечно, во многом зависит от уровня фактического дохода, но относительная – зависит от него значительно меньше. Это дает нам основание считать, что сокрытие действительной величины дохода, распределенное по наблюдаемой совокупности, «девальвируя» абсолютные размеры доходов, фактически не меняет ранг дохода индивидов или домохозяйств, а значит, не вносит существенных искажений в конфигурацию экономической стратификации.

1. Экономическая стратификация населения России в 1994–2002 гг.

В основе построения показателей экономической стратификации лежал поиск аналитической шкалы, наилучшим образом учитывающей распределение населения по уровню дохода. С точки зрения критерия Колмогорова–Смирнова, который позволяет сравнивать эмпирическую функцию распределения с теоретическим распределением, наилучшей оказалось шкала, дающая следующие десять страт: 1) до 0,5 ПМ/ПЕ; 2) 0,5–1,0 ПМ/ПЕ; 3) 1,0–1,5 ПМ/ПЕ; 4) 1,5–2,5 ПМ/ПЕ; 5) 2,5–3,5 ПМ/ПЕ; 6) 3,5–4,5 ПМ/ПЕ; 7) 4,5–7,0 ПМ/ПЕ; 8) 7,0–10,0 ПМ/ПЕ; 9) 10,0–15,0 ПМ/ПЕ; 10) более 15 ПМ/ПЕ.

В табл. 1 приведены количественные оценки экономических страт населения России в 1994–2002 гг. по данным РМЭЗ, которые демонстрируют необычайно высокий удельный вес бедных (первая и вторая) и малодоходных (третья) страт в общей численности населения.

Таблица 1

Распределение населения России по экономическим стратам, 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Страта	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002
1. До 0,5 ПМ/ПЕ	8,3	15,9	18,3	18,7	16,4	16,6	14,9
2. 0,5–1,0 ПМ/ПЕ	15,3	26,2	25,2	27,7	29,1	28,1	31,0
3. 1,0–1,5 ПМ/ПЕ	20,4	22,8	21,5	22,0	21,1	24,6	22,8
4. 1,5–2,5 ПМ/ПЕ	26,9	21,2	20,4	19,6	19,3	19,3	20,7
5. 2,5–3,5 ПМ/ПЕ	13,3	7,0	6,8	5,8	7,7	6,2	6,1
6. 3,5–4,5 ПМ/ПЕ	6,4	2,7	3,5	2,7	2,8	1,9	1,9
7. 4,5–7,0 ПМ/ПЕ	5,4	2,4	2,9	2,2	2,1	2,0	1,7
8. 7,0–10,0 ПМ/ПЕ	1,9	0,8	0,7	0,6	1,0	0,8	0,4
9. 10,0–15,0 ПМ/ПЕ	1,1	0,6	0,5	0,3	0,2	0,3	0,3
10. Более15 ПМ/ПЕ	1,0	0,4	0,2	0,4	0,3	0,2	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Оценки динамики стратификации, полученные на основе РМЭЗ, нуждаются в определенном комментарии. С одной стороны, эти данные показывают необычайно резкий сдвиг в доходной стратификации населения в середине 1990-х годов. В 1995 г. резко увеличилась доля двух нижних страт и, соответственно, сократилась доля средних и высших страт. В результате произошла смена модальной страты: в 1994 г. самой многочисленной была относительно благополучная четвертая страта с доходами от 1,5 до 2,5 ПМ/ПЕ, а начиная с 1995 г. место модальной прочно занимает вторая страта с доходами ниже прожиточного минимума (от 0,5 до 1 ПМ/ПЕ).

С другой стороны, начиная с 1996 г. оценки распределения демонстрируют необычайную стабильность. Даже финансовый кризис 1998 г., судя по имеющимся данным, не оказал сколько-нибудь существенного влияния на общий характер доходной стратификации (к сожалению, ни перед кризисом в 1997 г., ни в 1999 г., когда эффект кризиса должен был полностью сказаться на доходах населения, обследование не проводилось). Суммарная доля первой и второй страт (населения с доходами менее 1 ПМ/ПЕ) с 1998 по 2002 г. оставалась практически неизменной (45–46% населения), хотя при этом уменьшалась доля крайне бед-

ного населения (с доходами менее 0,5 ПМ/ПЕ) и, соответственно, увеличивалась доля населения с доходами в диапазоне 0,5–1 ПМ/ПЕ.

Исходя из этого, к приведенным оценкам следует относиться с известной осторожностью – в частности, наблюдаемые изменения в стратификации (или их отсутствие) могут быть связаны со спецификой определения величины прожиточного минимума в разные периоды времени.

Примечательной особенностью экономической стратификации населения России в 1990-е годы являлось нарастание масштабов бедности за счет трудоспособной части общества. На фоне традиционной бедности неполных и многодетных семей, инвалидов и престарелых сформировался новый слой – работающих бедных, которые не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния из-за низкой заработной платы и хронических задержек ее выплаты. По данным Всероссийского центра уровня жизни, в России в 1999 г. 54,2% работников получали заработную плату ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения (Мониторинг..., 2000. № 3. С. 45). При таком уровне покупательной способности заработной платы работники были не в состоянии обеспечивать минимальный уровень потребления ни себе, ни своим детям. По оценкам российских исследователей А. Кируты и А. Шевякова, в середине 1990-х годов в России проблема бедности только на 20% зависела от недостаточности социальных трансфертов. Примерно на 50% бедность определялась низкой оплатой труда и безработицей и более чем на 25% – низкими возможностями получения дополнительных доходов за счет индивидуальной трудовой деятельности, личного подсобного хозяйства и мелкого предпринимательства (Суринов, 2000. С. 310).

Начавшаяся в 2000 г. стабилизация экономики страны способствовала увеличению заработной платы и доходов населения в целом, сокращению задолженности по заработной плате и уменьшению доли работающих бедных. В 2000 г. доля работников с заработной платой ниже уровня прожиточного минимума трудоспособного населения снизилась до 44,3%, в 2001 г. – до 34,7%, а в 2002 г. – до 27,9% (Мониторинг..., 2002. № 2. С. 42). Вместе с тем, по данным государственной статистики, в ряде отраслей более половины работников продолжали получать и в 2002 г. заработную плату ниже величины прожиточного минимума человека трудоспособного возраста. Это сельское хозяйство (75,0%), культура и искусство (51,2%). Высокой остается доля таких работников в легкой промышленности (43,4%), в сфере образования (41,4%), здравоохранения (38,8%) (Социальное положение..., 2003. С. 152).

2. Особенности воспроизводства бедности

Важной характеристикой бедности в обществе является степень подвижности и обновления состава бедных. Соотношение постоянной и меняющейся части бедных, а также источники пополнения группы бедных заслуживают специального внимания с точки зрения выработки дифференцированного подхода к решению проблемы бедности в рамках социальной политики. Инструментом изучения воспроизводства бедности и рисков попадания в состояние бедности является анализ мобильности доходов населения.

Относительная мобильность населения по уровню доходов означает перемещение за период времени (t_0, t_1) их получателей (индивиды, домохозяйства) на шкале распределения по доходам. Характерной особенностью опросов РМЭЗ является наблюдение за одними и теми же объектами (индивиды, домохозяйства), позволяющее отслеживать изменения их положения в экономическом пространстве в различные моменты времени. В отличие от всех других способов изучения динамики доходов, анализ мобильности дает возможность определить, остались ли наблюдаемые объекты в исходном классе (страта или слой) или переместились в другой; сколько было тех, кто перешел в другой класс, и сколько тех, кто остался в прежнем доходном классе; какое направление перемещения доминировало (вниз или вверх).

Объекты (индивиды), которые осуществили за анализируемый отрезок времени переход из одной экономической страты в другую ($i \neq j$), считаются мобильными, а те, которые остались в прежней страте ($i = j$), – иммобильными. Доля в совокупности индивидов, сменивших

экономическую страту в период наблюдения, показывает уровень мобильности. При этом мобильные индивиды различаются направленностью своего движения и подразделяются на тех, кто осуществил восходящую ($i < j$) и нисходящую мобильности ($i > j$).

В рамках данного исследования для нас наибольший интерес представлял уровень иммобильности бедного населения, а также перемещение небедного населения в страты бедности. Показателями, используемыми для оценки мобильности социальной группы, являются коэффициенты выхода и входа. Коэффициент выхода – это доля в численности группы в базовом году (t_0) тех, кто в финальном году (t_1) переместился в другие страты. Применительно к группе бедных он показывает, в какой мере они подвижны в экономическом пространстве, т.е. какая их часть переходит в более высокодоходные страты к концу периода. Масштаб притока новых членов в группу отражает коэффициент входа. Применительно к группе бедных – это доля в численности бедных в финальном году (t_1) тех, кто в базовом году (t_0) принадлежал к другим группам. Коэффициент входа характеризует «проницаемость» границ группы.

Результаты переходов бедных между экономическими стратами показаны в табл. 2. Согласно этим оценкам, бедность в 1994–2002 гг. носила застойный характер. Ее костяк составляли хронически бедные. Изменение уровня их доходов в большинстве случаев было недостаточным для преодоления черты бедности. Этого достигали лишь 28–35% бедных.

Таблица 2

Перемещения бедных (1-я и 2-я страты) по экономическим стратам, 1994–2002 гг., % от числа бедных в базовом году (по данным РМЭЗ)

Направленность перемещений	1994–1996	1996–1998	1998–2000	2000–2002
Остались бедными (в 1–2-й стратах)	71,7	64,8	68,1	68,1
Преодолели черту бедности	28,3	35,2	31,9	31,9
В том числе:				
Перешли в соседнюю (3-ю) страту	14,9	18,0	17,1	18,8
Перешли в другие более доходные страты (4–10-я)	13,4	17,2	14,8	13,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Другая сторона ротации состава бедных – масштаб и источники пополнения этой группы. Особенности формирования состава бедных отражены в табл. 3.

Таблица 3

Объем притока в группу бедных представителей других экономических страт (доля в группе бедных на конец периода), 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Направленность перемещений	1994–1996	1996–1998	1998–2000	2000–2002
Принадлежали к бедными (1-я и 2-я страты)	37,6	66,0	67,4	69,8
Опустились ниже черты бедности	62,4	34,0	32,6	30,2
В том числе:				
Перешли из соседней (3-й) страты	27,8	16,2	18,4	15,6
Перешли из других более доходных страт (4–10-й)	34,6	17,8	14,2	14,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

«Старые» бедные (бедные 1994 г.) в составе «новых» бедных (бедные 1996 г.) составляли лишь около 38%. Однако они воспроизвели себя, как показано в табл. 3, более чем на 70%. Это объясняется увеличением доли бедных в составе населения России с 1994 по 1996 г. в 1,8 раза. В дальнейшем рост численности бедных замедлился, а коэффициенты входа в бедные в 1996–1998 гг. и в 1998–2000 гг. составили около 30% и стали сопоставимыми с коэффициентами выхода из бедных. Таким образом, в 1996–2002 гг. наблюдается устойчивое воспроизводство бедности: свыше 65% бедных могут считаться хронически бедными.

Основным источником обмена между низкодоходными стратами и пополнения состава бедных является 3-я страта, объединяющая население с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов на потребительскую единицу. Из нее переходило в группу бедных почти такое же количество населения, как и из всех остальных вместе взятых страт. Рубеж между теми,

кто находится в непосредственной близости к черте бедности снизу или сверху, следовательно, весьма условен. Поэтому третью страту можно назвать зоной повышенного риска с точки зрения вероятности перемещения из нее за черту бедности. Это обстоятельство не должно выпадать из поля зрения социальной политики, и, возможно, представителям этой группы населения следует уделять не меньшее внимание, чем той, которая находится немного ниже черты бедности и которую, как кажется, легче всего вывести из бедности. В противном случае им на смену будут приходить представители 3-й страты.

Прямых и простых методов по предотвращению или уменьшению масштабов этого процесса, по-видимому, не существует, а уязвимость материального положения тех, кто балансирует в непосредственной близости от черты бедности, очевидна. В ряде стран это принимают во внимание при разработке различных программ социальной политики. Так, в США талоны на получение бесплатного продовольствия и продовольствия по льготным ценам имеют члены домохозяйств с уровнем душевого дохода, равным 130% от черты бедности. Это делается для того, чтобы гарантировать малообеспеченным приобретение продуктов питания, обеспечивающих здоровую диету, и в целях повышения реальных доходов населения, на которое направлена эта программа. Она осуществляется при содействии Департамента сельского хозяйства США (USDA), ежегодно направляющего на эти цели около четверти своего годового бюджета (Blisard and Harris, 2002. P. 4).

3. Бедность общества и бедность бедных: показатели и анализ

Используемые в практике измерения бедности показатели можно условно разделить на характеризующие бедность общества и бедность бедных. К числу первых относятся индекс уровня бедности ***PG*** (доля бедных в общей численности населения), индекс глубины бедности ***PGI*** (относительный дефицит денежных доходов) и индекс остроты бедности ***SqPGI*** (относительный квадратичный дефицита денежных доходов)[2]. В соответствии с формулой Фостера–Грира–Торбеке, эти показатели интерпретируются следующим образом. Индекс глубины бедности ***PGI*** выражает дефицит денежных доходов в процентном отношении к черте бедности по отношению к численности всего населения, и в этом смысле является характеристикой не столько бедных, сколько всей совокупности населения. Индекс остроты бедности ***SqPGI*** (квадратичный дефицит денежных доходов) более чувствителен к благосостоянию беднейшей части населения, чем индекс глубины бедности, хотя он, как и ***PGI***, выступает характеристикой всего населения.

Результаты расчетов индексов бедности, принадлежащих к классу показателей Фостера–Грира–Торбеке, приведены в табл. 4.

Таблица 4

Показатели бедности общества, 1994–2002 гг. (по данным РМЭЗ)

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002
Уровень бедности (доля бедных в населении)	0.234	0.417	0.432	0.461	0.455	0.445	0.456
Глубина бедности (относительный дефицит денежных доходов)	0.092	0.170	0.188	0.198	0.186	0.179	0.172
Острота бедности (относительный квадратичный дефицит денежных доходов)	0.051	0.100	0.113	0.118	0.106	0.103	0.093

[2] Эти показатели рассчитываются по формуле:

$$P_a = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{q}\left(\frac{Z - Y_i}{Z}\right)^a ,$$

где N – численность всей совокупности населения; q – численность бедных в составе населения; Z – черта бедности; Y_i – уровень дохода i –ого бедного; a – показатель чувствительности индекса бедности: при $a = 0$ вычисляется уровень бедности (доля бедных); при $a = 1$ вычисляется индекс глубины бедности (относительного дефицита денежных доходов); при $a = 2$ вычисляется индекс остроты бедности (относительного квадратичного дефицита денежных доходов).

В 1994 г. доля бедных составляла 23,4 % от численности населения, средний уровень дефицита денежных доходов равнялся 9,2% черты бедности, а средний уровень квадратичного дефицита денежных доходов был равен 5,1%. Это наименьшие показатели бедности за 1994–2002 гг. После 1994 г. начался их рост, а пик, по имеющимся данным, пришелся на 1998 г. (напомним, что данные РМЭЗ за 1999 г. отсутствуют).

За период 1998–2002 гг. в наибольшей степени сократился индекс остроты бедности (относительный квадратичный дефицит денежных доходов) – на 21,2%, в то время как индекс дефицита бедности уменьшился на 13,1%, а доля бедных – всего на 1,1%. Мы не можем сказать, в какой мере эта динамика была обусловлена общим ростом доходов населения и их распределения в обществе, а в какой – мерами социальной политики (этот вопрос требует специального изучения). Тем не менее можно констатировать, что если острота бедности в последние годы несколько уменьшилась, то уровень бедности, по данным РМЭЗ, остался практически неизменным. Заметим, что данные ОБДХ и базирующиеся на них оценки уровня бедности, рассчитываемые Госкомстатом, дают иную картину, и ниже мы обсудим эти различия более подробно.

Если говорить о политике, направленной на уменьшение бедности, то она должна выглядеть по-разному в зависимости от выбора целевых показателей. Наиболее распространенной целью является уменьшение уровня бедности (доли бедных в населении). Это может достигаться, в частности, в том случае, если меры социальной политики адресуются группе, которая находилась сразу за чертой бедности и которую можно вывести из состояния бедности не столько за счет социальных трансфертов, сколько за счет создания условий для интенсификации собственных усилий, направленных на улучшение материального положения.

Но возможны и другие варианты. В частности, социальная политика может ориентироваться на уменьшение глубины бедности (относительный дефицит денежных доходов). В этом случае в поле зрения социальной политики должны находиться все группы бедных. Этот вариант предполагает использование широкого комплекса мер как социальной, так и экономической политики. Он, по сути дела, является самым дорогостоящим с точки зрения затрат государства на решение проблемы бедности и именно потому подтверждает решимость государства системно бороться с бедностью.

Наконец, в том случае, когда первоочередной целью является уменьшение остроты бедности (относительный квадратичный дефицит денежных доходов), приоритетной для социальной политики оказывается группа крайне бедных. При этом варианте велика роль социальных трансфертов, непосредственной помощи государства (денежной и неденежной) самым бедным.

До сих пор мы говорили о показателях бедности общества. К показателям, которые делают акцент на бедности бедных в обществе, можно отнести индекс Сена. В 1990-е годы Амартия Сен предложил для измерения бедности показатель, который одновременно учитывает распространенность бедности, величину дефицита денежных средств и уровень расслоения бедных (Sen, 2002. P. 104). Благодаря «интегральному» характеру этот показатель получил широкое распространение в исследованиях бедности, так как удобен при динамических, межстрановых, межрегиональных и прочих множественных сравнениях. Индекс Сена S рассчитывается по формуле:

$$S = H^*(I + (1-I)^*G_p),$$

где H – доля бедного населения, I – средний дефицит денежных доходов бедных, G_p – коэффициент Джини для бедных.

Средний дефицит денежных доходов бедных рассчитывается как средняя арифметическая отношения доходов бедных к черте бедности и может интерпретироваться как среднее отклонение доходов бедных от черты бедности, выраженное в процентах (в отличие от индекса относительного дефицита денежных доходов Фостера–Грира–Торбеке, который рассчитывается для всего населения). Используемая в данной работе формула расчета индекса Сена представляет его как взвешенный дефицит денежных доходов бедных. Индекс Сена

имеет интервал значений от 0 (ни одно домохозяйство или индивид не попали в группу бедных) до 1 (крайний случай бедности и неравенства, когда все домохозяйства или индивиды попали в группу бедных, а их доходы сконцентрированы в одном домохозяйстве или у одного индивида).

Рассмотрим значения индекса Сена и некоторых его компонентов, имеющих и самостоятельное значение при оценке бедности (табл. 5).

Таблица 5

Индекс Сена и его компоненты, 1994–2002 гг. (по данным РМЭЗ)

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002
Доля бедных в населении	0,234	0,417	0,432	0,461	0,455	0,445	0,456
Уровень дефицита денежных доходов (средний процент отклонения дохода бедных от черты бедности)	0,392	0,409	0,436	0,429	0,408	0,404	0,378
Коэффициент Джини для бедных	0,278	0,298	0,305	0,319	0,295	0,300	0,245
Индекс Сена	0,131	0,244	0,263	0,282	0,265	0,259	0,242

Судя по величине показателя дефицита денежных доходов бедных, среднему российскому бедному недоставало для преодоления черты бедности денежных средств в размере примерно 40% от величины прожиточного минимума на протяжении всего периода наблюдения. При этом неравенство доходов бедных было существенным (хотя, конечно, значения индекса Джини для бедных были ниже, чем для всего российского населения).

Как показывают данные, приведенные в табл. 5, резкое увеличение величины индекса Сена в России произошло в 1994–1995 гг. за счет увеличения доли бедных в населении, при относительно небольших изменениях показателей дефицита денежных доходов и неравенства бедных. Рост величины компонентов и самого индекса Сена продолжался до 1998 г. включительно. Начиная с 2000 г. можно говорить о некотором улучшении положения бедных: индекс Сена уменьшился с 0,265 до 0,242, прежде всего за счет сокращения уровня дефицита денежных доходов бедных и коэффициента Джини для бедных. Имея в виду сказанное ранее о свойствах индекса остроты бедности ***SqPGI*** (относительный квадратичный дефицит денежных доходов), улучшение ситуации связано прежде всего с уменьшением численности крайне бедных и переходу их в категорию «просто бедных».

Решение проблем бедных так или иначе зависит от благосостояния небедной части населения и общества в целом, от той социально-экономической политики, которую проводит государство. Условным показателем потенциала общества в решении проблемы бедности может служить отношение дефицита денежных доходов бедных к доходам небедного и (или) всего населения (табл. 6).

Таблица 6

Средний дефицит ежемесячных денежных доходов бедного населения, 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002
Величина среднего дефицита денежных доходов бедных в процентах от величины среднего дохода небедных	12,9	16,8	17,8	19,0	17,8	17,5	17,1
Величина среднего дефицита денежных доходов бедных в процентах от суммы доходов всего населения	3,7	10,2	11,6	13,3	12,2	11,6	11,6

Величина среднего дефицита денежных доходов бедных в процентах от среднего дохода небедных составляла в 1995–2002 гг. 17–19%. Решение проблемы бедности или ее существенное ослабление за счет перераспределения средств, полученных государством на основе прогрессивного налогообложения, при такой нагрузке было бы теоретически возможным, тем более что прямая денежная помощь государства необходима и целесообразна только в случае выплат самым бедным. Однако действующая с 2002 г. единая ставка подоходного налога с физических лиц, равная 13%, ограничивает потенциал перераспределения

средств от небедных к бедным в решении проблемы бедности, а на фоне высокой концентрации доходов и высокой доли бедных такая схема налогообложения выглядит неадекватной ситуации.

4. Социальный спектр бедности

Чтобы выяснить, как варьируется бедность по социальным группам населения, нами был использован структурный анализ бедности. Социальные группы для анализа сформированы на основе таких характеристик, как экономическая активность и занятость; место проживания (город – село); территория проживания (западные – восточные регионы страны); возраст; образование; профессиональная группа. Помимо этого, во внимание принята такая характеристика семьи как число детей, которая может иметь непосредственное отношение к шансам членов семьи попасть или не попасть в число бедных.

В табл. 7 показана доля бедных среди групп населения, выделенных по различным социально-экономическим и демографическим основаниям. Рассматриваемые группы различаются по доле бедных в их составе. В некоторых группах она заметно превышает уровень бедности, средний для всего населения. Например, в 2002 г. к таким группам можно отнести безработных, среди работающих – низкоквалифицированных рабочих ручного труда; пенсионеров и, соответственно, лиц в возрасте старше 60 лет; детей до 15 лет; лиц, не имеющих законченного общего среднего образования; сельских жителей и проживающих в восточных районах страны, а также членов многодетных семей с тремя и более детьми.

Таблица 7

Доля бедных в составе социальных групп населения, 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Социальная группа	1994	1996	1998	2000	2002
Группы населения по экономической активности и занятости					
Дети	30,7	50,2	52,7	49,2	52,5
Прочее экономически неактивное население трудоспособного возраста	23,6	44,3	50,0	48,4	48,8
Пенсионеры	17,8	43,1	43,3	54,4	54,4
Безработные	37,6	52,7	63,4	59,5	62,1
Самозанятые	18,8	36,6	34,4	36,3	38,2
Работающие	20,3	38,0	40,0	36,6	33,9
Группы населения по месту проживания					
Городское	16,2	37,7	39,7	37,3	39,0
Сельское	45,4	61,6	64,0	69,3	66,5
Группы по территории проживания					
Западные регионы (включая Урал)	23,1	42,1	44,3	43,4	44,8
Восточные регионы (за Уралом)	25,0	47,9	53,6	53,3	51,4
Группы населения по возрасту					
0–15 лет	30,7	50,2	52,7	49,2	52,5
16–30 лет	23,4	39,3	45,7	41,0	39,6
31–45 лет	25,3	45,0	48,1	44,3	44,9
46–60 лет	18,0	36,7	41,2	41,5	39,1
61 год и старше	16,2	42,7	41,2	52,3	52,0
Группы населения по уровню образования (для лиц в возрасте от 18 лет и старше)					
Незаконченное общее среднее	28,2	50,6	52,3	53,6	56,3
Законченное общее среднее	25,8	45,3	49,0	45,2	46,6
Законченное среднее специальное	17,3	36,1	39,9	38,1	36,1
Законченное высшее	8,4	23,4	24,7	26,0	25,5

Таблица 7 (продолжение)

Социальные группы	1994	1996	1998	2000	2002
Профессиональные группы работающих					
Военнослужащие	6,1	23,5	27,0	35,5	25,0
Руководители (директора, управляющие, начальники отделов предприятий и организаций)	10,4	21,2	20,1	23,9	23,6
Профессионалы с высшим образованием	10,1	27,8	27,1	25,5	23,6
Профессионалы со средним специальным образованием	16,4	35,9	37,4	30,7	29,6
Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	23,4	36,8	39,1	36,2	32,3
Работники сферы обслуживания	20,3	34,4	40,8	37,9	36,5
Квалифицированные работники сельского хозяйства и рыбной промышленности	37,9	61,9	50,0	42,1	42,9
Квалифицированные рабочие-ремесленники	21,2	41,9	45,6	38,8	33,7
Промышленные рабочие	24,1	44,1	44,5	40,7	37,8
Разнорабочие	34,1	47,8	53,9	55,5	52,4
Группы населения по числу детей в семье					
Три и более	50,1	68,9	63,0	69,0	77,3
Два	29,8	48,2	56,0	49,4	55,1
Один	21,9	42,3	43,9	41,7	38,6
Нет детей	14,2	36,0	39,0	43,3	42,7

Сравнение показателей распространенности бедности на начало и конец периода говорит о том, что среди рассматриваемых групп нет таких, где бы распространенность бедности уменьшилась. Очевидны и лидеры прироста бедности. В частности, в три раза увеличилась доля бедных в составе пенсионеров и, следовательно, людей старше 60 лет. Во многом этому способствовало то, что размеры государственных пенсий стали заведомо ниже величины прожиточного минимума.

Распространенность бедности в отдельных социальных группах – это лишь одна из сторон проблемы бедности. Вес (или значимость) проблемы бедности какой-либо из социальных групп в масштабах всего общества зависит не только от распространенности (доля бедных в группе), но и от среднего размера дефицита денежных доходов в этой группе, и от доли группы в составе населения. Все эти параметры учитываются в показателе «вклад группы в бедность всего населения» (***C***), предложенном Дж. Фостером (Foster, 1984). Он рассчитывается как отношение интенсивности бедности[3] определенной группы (I_g) к интенсивности бедности всего населения (***I***), взвешенное по доле группы в численности населения (D_g):

$$C = (I_g / I) * D_g.$$

В табл. 8 приводятся результаты расчетов вкладов различных социально-экономических групп в бедность населения. Приведенные данные позволяют сказать, что социально-экономические группы вносят неравный вклад в бедность населения. К числу групп, вносящих вклад в бедность, заметно превышающий их долю в численности населения, относятся сельские жители; дети; члены многодетных семей или семей с числом детей не менее двух; безработные. Именно эти характеристики населения можно считать факторами наибольшего риска бедности.

[3] Интенсивность бедности определяется как произведение индекса распространенности бедности (доли бедных в анализируемой совокупности) и индекса дефицита денежных доходов в анализируемой совокупности.

Таблица 8

Величина вклада социальных групп в бедность всего населения, 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Социальная группа	1994	1996	1998	2000	2002
Группы населения по экономической активности и занятости					
Дети	39,8	32,1	30,2	31,1	24,9
Прочее экономически неактивное население трудоспособного возраста	9,0	8,5	12,6	13,2	14,8
Пенсионеры	7,2	15,8	11,9	15,1	22,2
Безработные	13,6	11,7	17,1	15,1	15,7
Самозанятые	0,6	1,5	1,3	2,1	1,8
Работающие	29,8	30,4	26,9	23,4	20,6
Группы населения по месту проживания					
Городское	22,4	45,1	44,0	36,3	40,4
Сельское	77,6	54,9	56,0	63,7	59,6
Группы по территории проживания					
Западные регионы (включая Урал)	75,0	72,1	71,0	67,8	75,7
Восточные регионы (за Уралом)	25,0	27,9	29,0	32,2	24,3
Группы населения по возрасту					
0–15 лет	43,3	32,4	30,9	32,1	26,2
16–30 лет	20,8	17,2	21,4	19,0	18,8
31–45 лет	29,5	26,1	25,6	22,6	21,8
46–60 лет	0,9	11,8	12,5	13,8	13,6
61 год и старше	5,5	12,5	9,6	12,5	19,6
Группы населения по числу детей в семье					
Три и более	33,2	20,7	16,8	18,7	22,5
Два	37,3	31,1	36,9	27,7	25,2
Один	21,2	28,0	27,0	29,5	23,8
Нет детей	8,3	20,2	19,3	24,1	28,5

За 1994–2002 гг. увеличился вклад в бедность таких социально-экономических групп, как дети до 15 лет, экономически неактивное население в трудоспособном возрасте, пенсионеры, лица с законченным высшим образованием, в том числе, и профессионалы с высшим образованием, директора, управляющие, начальники отделов на предприятиях и в организациях. Несмотря на то, что увеличение вклада в бедность с увеличением доли этих групп в численности населения, в целом в этом росте находит отражение ухудшение уровня благополучия перечисленных групп.

Среди взрослого и работающего населения наибольший вклад в бедность вносят люди, не имеющие законченного общего среднего образования; работники неквалифицированного ручного труда (разнорабочие всех отраслей занятости) (табл. 9).

Таблица 9

Величина вклада социальных групп в бедность взрослого (старше 18 лет) и работающего населения, 1994–2002 гг., % (по данным РМЭЗ)

Социальные группы	1994	1996	1998	2000	2002
Группы населения по уровню образования (для лиц в возрасте 18 лет и старше)					
Незаконченное общее среднее	41,0	42,1	35,1	41,0	38,0
Законченное общее среднее	45,7	39,8	45,9	41,0	45,7
Законченное среднее специальное	11,4	14,4	14,6	13,6	11,6
Законченное высшее	1,9	3,7	4,4	4,4	4,7
Профессиональные группы работающих					
военнослужащие	0,1	0,4	0,3	0,7	0,1
директора, управляющие, начальники отделов предприятий и организаций	0,6	0,9	1,3	2,0	2,3
профессионалы с высшим образованием	3,8	8,3	7,2	5,7	6,1
профессионалы со средним специальным образованием	7,8	12,1	11,6	8,5	11,1
служащие конторские и по обслуживанию клиентов	6,8	5,5	5,4	5,3	5,4
занятые в сфере обслуживания	6,5	6,4	9,4	9,3	9,6
квалифицированные работники сельского хозяйства и рыбной промышленности	1,4	2,2	1,0	1,1	1,2
ремесленники	17,7	18,6	16,5	15,5	12,0
промышленные рабочие	23,6	24,7	23,9	23,1	20,1
разнорабочие	31,7	20,9	23,4	28,8	32,1

Международные сравнения показывают существование значительных различий в величине вкладов в бедность социальных групп населения в России и в других странах (Ras et a., 2002. P. 15). Так, в отличие от европейских стран – членов Европейского союза у работающего населения в России вклад в бедность был выше примерно в 2,7 раза. Выше в России и вклад в бедность безработных (примерно в 1,7 раза), а также вклад детей (в 1,3 раза). Что касается экономически неактивного населения трудоспособного возраста, то в России его вклад в бедность, наоборот, в 2,4 раза меньше, чем в странах Европейского союза. Можно сказать, что основное отличие России от стран Европейского союза в плане бедности заключается в том, что у нас в среднем работающий человек вносит больший вклад в бедность, чем тот, который не работает, а в странах Европейского союза – наоборот.

5. Измерение влияния факторов бедности

Анализ структурного спектра бедности позволил выявить долю бедных и оценить вклад в бедность социальных групп, выделенных по разным основаниям, а также определить группы, принадлежность к которым связана с наибольшим риском попадания в число бедных. Чтобы оценить силу влияния различных факторов бедности, нами был проведен логистический регрессионный анализ.

Логистическая регрессионная модель бинарного типа позволяет оценить вероятность наступления события на основе вычисления шансов, т.е. отношения вероятности того, что событие наступит, к вероятности того, что событие не наступит. Факторами наступления или «не наступления» интересующего события выступают независимые переменные[4].

В нашем случае оценивалась вероятность оказаться за чертой бедности в зависимости от принадлежности к социальным группам, названными нами на основе предыдущих рассуждений группами риска бедности. В табл. 10 представлены значения регрессионных коэффициентов и в скобках их факторов – ***exp*(*B*)**. Величина ***exp*(*B*)** показывает, во сколько раз увеличивается (когда значение коэффициента ***B*** имеет положительный знак) или уменьшается (когда значение коэффициента ***B*** имеет отрицательный знак) шанс наступления оцениваемого события при изменении независимой переменной от 0 до 1 при неизменности других переменных (Norusis, 1994. P. 6–7).

Таблица 10

Оценки параметров логистических регрессионных моделей за 1994–2002 гг.

(по данным РМЭЗ)

Переменные	1994	1996	1998	2000	2002
Проживающие в селе	1,3480 (3,8496)	0,8285 (2,2899)	0,8867 (2,4271)	1,1732 (3,2323)	1,1460 (3,1456)
Дети (возраст от 15 лет и младше)	0,5233 (1,6876)	0,3867 (1,4721)	0,4774 (1,6119)	0,3742 (1,4538)	0,4332 (1,5423)
Проживающие на Востоке страны	0,0195* (1,0197)	0,1877 (1,2065)	0,3354 (1,3986)	0,3593 (1,4324)	0,1654 (1,1798)
Безработные	0,9690 (2,6354)	0,5388 (1,7139)	0,8846 (2,4220)	0,7138 (2,0417)	0,8013 (2,2284)
Лица без общего среднего образования	0,1371 (1,1469)	0,4231 (1,5268)	0,3054 (1,3572)	0,6675 (1,9494)	0,7226 (2,0599)
Члены многодетной семьи	0,9048 (2,4714)	0,8816 (2,4147)	0,4325 (1,5411)	0,7456 (2,1076)	1,1700 (3,2221)
Неквалифицированные рабочие	0,5903 (1,8046)	0,2382 (1,2689)	0,4992 (1,6475)	0,4480 (1,5651)	0,3280 (1,3881)
Константа	–1,9617	–0,7906	–0,7420	–0,8767	–0,8586

Примечание. Все приведенные в таблице параметры статистически значимы при 0,05 уровне значимости, кроме отмеченного звездочкой (*).

[4] В общем виде логистическая регрессионная модель может быть записана следующим образом: ***Prob* (*Poverty*) = 1 / (1 + *Exp* (–*Z*))**, где ***Z*** есть линейная комбинация: $Z = B_0 + B_1*X_1 + B_2*X_2 + \ldots + B_k*X_k$, в которой B_0 и B_k – это коэффициенты в уравнении, а X_k (k=1,...,K) – независимая переменная.

Как показывают результаты анализа, указанный набор независимых переменных позволяет правильно предсказать вероятность такого «события» как бедность, для всего населения в 62–78% случаев из 100 (минимум наблюдался в 1998 г., максимум – в 1994 г.). Все приведенные в табл. 10 значения коэффициента ***B*** положительны, т.е. все независимые переменные в случае их изменения от 0 до 1 увеличивают шансы наступления оцениваемого события (в нашем случае – «принадлежности к бедным»). Таким образом, используемый набор независимых переменных обладает хорошей прогностической способностью в отношении бедности.

Интерпретируя оценки параметров логистической регрессионной модели, можно сказать, что из данного набора переменных самыми сильными факторами, способствовавшими попаданию в число бедных, например, в 2002 г. были принадлежность к многодетным семьям **(*exp*(*B*)=3.2221)** и проживание в селе **(*exp*(*B*)=3.1456)**. За ними следуют принадлежность к группе безработных **(*exp*(*B*)=2.2284)** и принадлежность к группе лиц, не имеющих общего среднего образования **(*exp*(*B*)=2.0599)**.

Ранжирование независимых переменных по силе воздействия **(*exp*(*B*))** на зависимую переменную за все анализируемые годы показывает, что чаще всего на первом месте оказывалось проживание в селе, на втором – принадлежность к многодетным семьям и группе безработных. Другие факторы риска бедности из рассматриваемого набора переменных, оставаясь значимыми, были менее влиятельными.

6. Сравнительный анализ результатов исследования экономической стратификации и уровня бедности по материалам баз данных РМЭЗ и ОБДХ

Государственная статистика уровня жизни населения (доходы, потребление, расходы, сбережения и пр.) и дифференциации по материальному благосостоянию в основном опирается на данные обследований бюджетов домашних хозяйств – ОБДХ. Согласно Методологическим и организационным положениям по обследованию бюджетов домашних хозяйств в 1997–2002 гг., важнейшими задачами бюджетных обследований домашних хозяйств являются определение уровня и структуры индивидуальных расходов и потребления домохозяйств, необходимых для расчетов индексов потребительских цен, показателей для оценки уровня благосостояния населения и данных для обеспечения макроэкономических показателей. В соответствии с этими задачами ключевыми понятиями обследований ОБДХ являются «денежные (потребительские) расходы» и расходы на конечное потребление домашних хозяйств. Они представляют собой стоимость товаров и услуг, приобретаемых, используемых или оплачиваемых домохозяйством путем прямых денежных покупок, собственного производства, бартерного обмена или дохода в натуральной форме для удовлетворения потребностей членов домохозяйства.

Осуществляемая в рамках бюджетных обследований оценка показателей доходов предназначена не для изучения доходов в собственном смысле слова, а для получения необходимых данных для классификации домашних хозяйств по уровню материального достатка. Денежный доход в бюджетных обследованиях, в отличие от показателя денежных доходов в РМЭЗ, – это расчетный показатель, исчисляемый исходя из суммы произведенных денежных расходов и сложившегося прироста финансовых активов в течение учетного периода обследования (квартала). Он представляет собой объем денежных средств, которыми располагали домохозяйства для обеспечения своих расходов и создания сбережений без привлечения ранее накопленных средств, ссуд и кредитов. Месячная величина денежного дохода домохозяйства рассчитывается как средняя за три месяца квартала наблюдения.

К числу безусловных достоинств базы ОБДХ относятся обширная программа регистрации фактического потребления домашних хозяйств, мониторинговый характер наблюдений, представительность населения практически всех субъектов Российской Федерации и всего населения РФ.

В связи с этим полезным и целесообразным представляется изучение экономической стратификации и показателей бедности на материалах базы данных ОБДХ и их сопоставле-

ние с результатами, полученными на основе данных РМЭЗ. Выборочные совокупности и той и другой базы данных построены на одних и тех же принципах – многоступенчатой случайной стратифицированной выборке. Конечно, различия в методах формирования и расчета исходных показателей, несовпадение календарных периодов наблюдения и другие различия ограничивают возможность прямого сопоставления отдельных показателей, полученных с помощью РМЭЗ и ОБДХ. Вместе с тем сравнение некоторых результатов расчетов по этим альтернативным источникам информации можно рассматривать, во-первых, как один из способов проверки достоверности полученных данных, касающихся наиболее принципиальных, значимых характеристик как статики экономической стратификации, так и динамики – выявленных тенденций ее трансформации. Во-вторых, использование материалов двух баз данных дает возможность получить более полное представление об экономической стратификации населения, поскольку материалы этих баз дополняют друг друга. Так, в ОБДХ региональная и территориальная структура населения страны представлена полностью, тогда как РМЭЗ не репрезентирует отдельные регионы, а только население страны в целом. В свою очередь в РМЭЗ содержится широкий спектр социальных характеристик населения, чего практически нет в ОБДХ.

Оценка сходства и отличия результатов, полученных на основе баз данных РМЭЗ и ОБДХ[5], была одной из основных задач в работе с материалами ОБДХ. Как различия, так и сходство результатов представленного исследования бедности в России, полученных на материалах независимых баз данных – РМЭЗ и ОБДХ, имеют свои объяснения. При этом общий уровень бедности, регистрируемый материалами ОБДХ, примерно соответствует показателям бедности, полученным на данных РМЭЗ. Так, согласно материалам ОБДХ, доля бедных в составе населения составляла в 3-м квартале 2000 г. 47,4% и 42,2% в 4-м квартале того же года (Доходы..., 2001. С. 35, 97). По данным РМЭЗ, проводившегося во втором полугодии 2000 г., уровень бедности составлял 45,5%.

Параметры стратификации. Различия в результатах обусловлены различиями в методологии формирования выборочной совокупности, в методологии построения и разработки основных переменных в базах данных РМЭЗ и ОБДХ. Края экономической стратификации населения РФ лучше представлены в выборочной совокупности РМЭЗ. Бедные в выборке РМЭЗ беднее, а богатые богаче, чем в выборке ОБДХ. На долю 10% бедных в выборке РМЭЗ в 4-м квартале 2000 г. приходилось 1,4% объема денежных доходов всего населения, а не 2,5% как в выборке ОБДХ. То же самое наблюдается и в отношении 10% богатых. На их долю в выборке РМЭЗ приходилось 34,9% объема денежных доходов всего населения, а не 26,2%, как в выборке ОБДХ (Доходы..., 2001. С. 86).

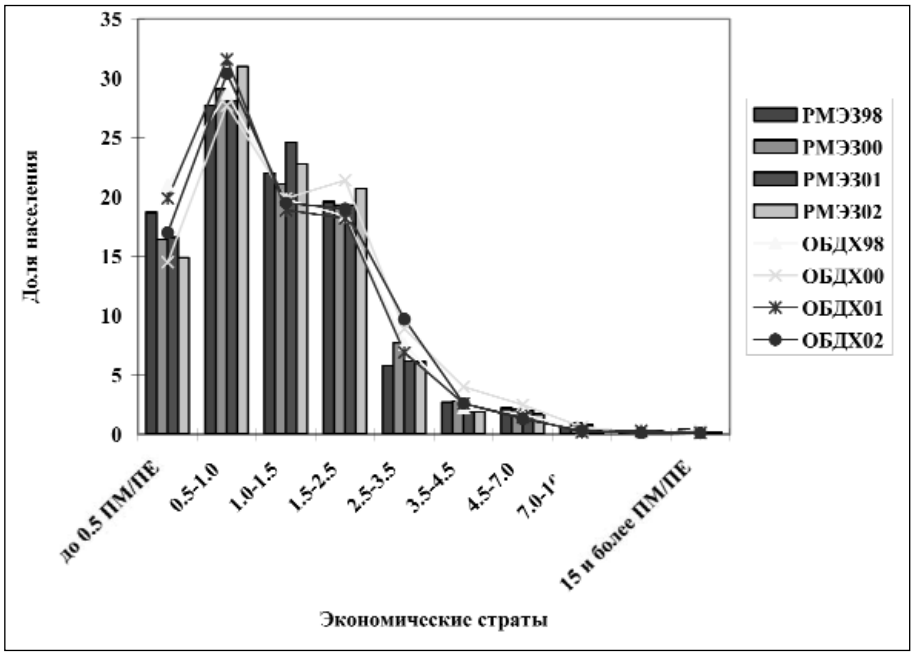
Однако сопоставление результатов, полученных на базах данных РМЭЗ и ОБДХ, приводится не только для иллюстрации величины различий или сходства полученных распределений по отдельным показателям. При проведении сравнения важно оценить, насколько подобны структуры и профили экономических стратификаций, полученных на материалах РМЭЗ и ОБДХ, а также масштабы распространенности и глубины бедности населения, тенденции изменений этих показателей.

Наиболее корректные сравнения результатов исследования экономической стратификации и бедности по РМЭЗ и ОБДХ обеспечивают данные за сопоставимые моменты наблюдения, т.е за 4-й квартал 1998, 2000, 2001 и 2002 гг. Сходство и отличия между экономической стратификацией по величине денежных доходов в ОБДХ и РМЭЗ за этот период времени отражает *рис. 1.* Несмотря на существование небольших различий в численном составе отдельных страт в выборках РМЭЗ и ОБДХ, в каждый из моментов наблюдения очевидна близость профилей двух экономических стратификаций. Обе имеют сходную «конструкцию», примерно одинаковые пропорции выделенных страт. И в той и другой модальной является страта бедного населения, со среднедушевыми денежными доходами в интервале от 0,5 до 1 ПМ/ПЕ.

---

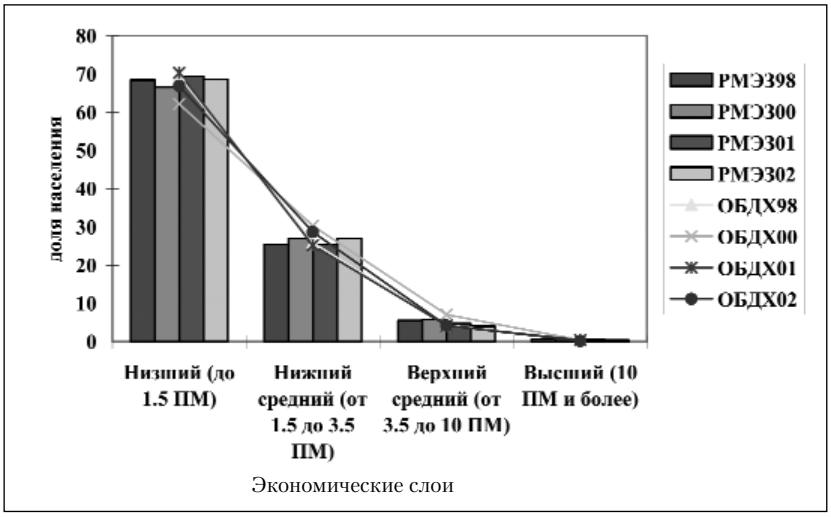
[5] Авторы работы еще раз выражают благодарность Госкомстату РФ и Институту мирового банка за предоставленные методические материалы и возможность работать с базой данных ОБДХ.

Рис. 1. Распределение населения России по экономическим стратам, по данным РМЭЗ и ОБДХ (4 кв.), %



Если обратиться к агрегатам экономических страт населения – крупным экономическим слоям, то сходство результатов оценки социально-экономического расслоения населения в базах данных РМЭЗ и ОБДХ будет еще более очевидным (*рис. 2*).

Рис. 2. Распределение населения по экономическим слоям в зависимости от величины денежных доходов, 1998–2002 гг., по данным РМЭЗ и ОБДХ за 1998–2002 гг. (4 кв.), %



Выявленные черты сходства между экономическими стратификациями в выборках РМЭЗ и ОБДХ в целом сохраняются и при их разделении на совокупности городского и сельского населения (табл. 11). Следует, однако, отметить, что края экономической стра-

тификации как городского, так и сельского населения в выборке РМЭЗ представлены более полно, чем в выборке ОБДХ.

Таблица 11

Распределение городского и сельского населения по экономическим стратам, 1998–2002 гг., по данным РМЭЗ и ОБДХ, 4 кв., %

Годы	Обследование	Экономические страты									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Городское население											
1998	РМЭЗ	13,5	26,5	23,1	22,8	7,2	3,2	2,5	0,5	0,3	0,4
	ОБДХ	15,6	28,4	20,9	20,8	9,0	2,5	2,2	0,5	0,1	0,0
2000	РМЭЗ	9,7	27,3	23,8	22,9	9,0	3,1	2,5	1,1	0,2	0,4
	ОБДХ	9,6	26,8	20,7	23,4	10,4	4,8	3,1	0,7	0,1	0,4
2001	РМЭЗ	8,6	26,4	27,6	23,8	7,4	2,4	2,3	1,0	0,4	0,1
	ОБДХ	13,6	31,3	19,8	20,9	8,5	3,4	1,8	0,3	0,3	0,1
2002	РМЭЗ	8,7	28,4	26,2	24,2	7,1	2,3	2,1	0,5	0,3	0,2
	ОБДХ	10,9	30,0	20,2	21,2	12,1	3,2	1,6	0,4	0,2	0,1
Сельское население											
1998	РМЭЗ	33,6	31,0	19,2	10,5	1,9	1,4	1,1	0,9	0,1	0,3
	ОБДХ	35,9	29,4	17,0	11,8	3,9	1,4	0,5	0	0	0
2000	РМЭЗ	35,9	33,4	13,6	8,6	4,4	1,9	1,1	0,8	0,2	0,1
	ОБДХ	27,8	30,1	17,9	16,0	5,1	1,9	0,9	0,3	0	0
2001	РМЭЗ	37,6	32,7	16,9	7,5	2,6	0,5	1,1	0,5	0,1	0,5
	ОБДХ	36,8	32,2	16,5	10,8	2,6	0,4	0,4	0	0,1	0
2002	РМЭЗ	31,1	37,8	13,5	11,9	3,6	1,0	0,8	0,1	0,2	0,0
	ОБДХ	33,5	31,6	17,5	12,9	3,0	0,7	0,5	0,1	0	0,1

Показатели бедности. Основные показатели бедности за эти годы в соответствии с данными РМЭЗ и ОБДХ представлены в табл. 12. Отличие доли бедных в составе населения РМЭЗ и ОБДХ для трех периодов наблюдения не превышает трех–восьми процентных пунктов, и лишь в одном периоде наблюдения (2001 г.) эти различия составляют около 13 п.п. Эти данные свидетельствуют скорее в пользу сходства, чем различия рассматриваемых показателей. То же самое можно сказать относительно других показателей бедности, приведенных в табл. 12. Несмотря на некоторые отличия и «несинхронность» колебаний показателей бедности, материалы обеих баз данных свидетельствуют об устойчиво высоких масштабах и глубине бедности в 1998–2002 гг.

Таблица 12

Показатели бедности по величине среднедушевых денежных доходов в 1998–2002 гг., по данным РМЭЗ и ОБДХ (4 кв.)

Показатели	1998		2000		2001		2002	
	РМЭЗ	ОБДХ	РМЭЗ	ОБДХ	РМЭЗ	ОБДХ	РМЭЗ	ОБДХ
Индекс уровня бедности (доля бедных в населении)	0.461	0.495	0.455	0.421	0.445	0.512	0.456	0.472
Индекс глубины бедности (относительный дефицит денежных доходов)	0.198	0.218	0.186	0.164	0.179	0.213	0.172	0.190
Индекс остроты бедности (относительный квадратичный дефицит денежных доходов)	0.118	0.127	0.106	0.089	0.103	0.118	0.093	0.103
Величина среднего дефицита денежных доходов бедных в % от величины прожиточного минимума	42.9	44.0	40.8	39.1	40.4	41.7	37.8	40.2
Величина среднего дефицита денежных доходов бедных в % от величины среднего дохода небедных	19.0	20.7	17.8	17.1	17.5	18.4	17.1	17.5

Таким образом, несмотря на методологические различия, обе базы данных дают фактически одну и ту же картину расслоения населения РФ по уровню материального благосостояния, а выявленные различия в оценке масштабов бедности не носят принципиального характера.

Использованные для сопоставления результатов данные одновременно говорят о том, что сложившаяся в России к 1998 г. экономическая стратификация устойчива и ее структурные элементы, в первую очередь группы бедности, воспроизводятся.

7. Заключение

Анализ экономической стратификации населения России показывает, что соотношение между экономически относительно благополучными и неблагополучными слоями в середине 1990-х годов сложилось не в пользу благополучных, и такое распределение населения по экономическим стратам было достаточно устойчивым вплоть до 2002 г. Эта устойчивость наводит на мысль, что потенциал населения, социально-экономические условия и ресурсы, которые государство выделяет в разных формах на социальную поддержку, были достаточными только для воспроизводства и поддержки экономической стратификации именно такой конфигурации. Для того чтобы в ней произошли позитивные подвижки – рост доли экономически благополучных слоев, искоренение застойной бедности, снижение риска бедности у работающих и семей, имеющих детей, – необходимы институциональные экономические изменения, направленные на более полное использование имеющегося потенциала как государства, так и населения, а также совсем другие масштабы и схемы государственной помощи нуждающимся и социального страхования.

Обращают на себя внимание существенные отличия оценок уровня бедности, полученных в рамках РМЭЗ и ОБДХ (Доходы..., 2003, 1-й кв. С. 46–47; 2003, 2-й кв. С. 46–47; 2004. С. 60–61), с одной стороны, и расчетных оценок Госкомстата РФ – с другой. Согласно последним, в 2002 г. доходы ниже прожиточного минимума в России имели 25% населения (Социальное положение..., 2003. С. 30). Иными словами, разница между данными обследований и расчетными оценками составляла в начале 2000-х годов 2,3–2,7 раза. Оценка доли бедных в размере 25% является итогом оценки доходов населения, осуществляемой на макроуровне с использованием баланса доходов и расходов. На макроуровне становится очевидным расхождение между легальными, учтенными доходами и суммой расходов, произведенных населением страны, и, тем самым, выявляются неучтенные доходы. Это и доходы незаконного происхождения – получаемые за счет нелегальных, запрещенных законом производства и продажи товаров и услуг (алкоголь, наркотики, проституция и пр.), доходы криминального характера (хищения, взятки), а также доходы, присваиваемые предпринимателями, занимающимися вполне легальным бизнесом, за счет ухода от налогов на заработную плату и прибыль и пр. При макроэкономических расчетах по согласованию баланса расходов и доходов сумма неучтенных доходов определенным образом распределяется среди всего населения. В принципе не вызывает сомнения, что значительная часть населения нашей страны так или иначе участвует в деятельности, связанной с получением неучтенных доходов. Вместе с тем, скорее всего, высокие доходы от этой деятельности концентрируются лишь в определенных и немногочисленных группах населения. Результатом же корректив, вносимых перераспределением неучтенных доходов, является повышение среднего уровня доходов населения и сокращение уровня бедности в стране до 25%.

На наш взгляд, оценки масштабов бедности, получаемые на основе микроданных (ОБДХ, РМЭЗ) и макроданных, можно рассматривать как верхнюю и нижнюю границы уровня бедности в стране, иначе говоря, пессимистическую и оптимистическую оценки, соответственно. Однако для тех, кто действительно беден, не имеет значения, являются ли они частью 25% или 46% от общей численности населения страны. Поэтому при решении амбициозной задачи сокращения доли бедных в два раза в предстоящие два–три года, поставленной Президентом РФ, акцент имеет смысл делать не столько на количественных сторонах проблемы бедности, сколько на путях ее решения с учетом структурных (социальных и экономических) характеристик бедности.

Различия в глубине бедности нуждающихся предопределяют разные пути решения проблемы. В первую очередь усилия в области социальной политики должны быть направлены на помощь самой бедной части населения, которая имеет доходы, например, *ниже половины*

прожиточного минимума, поскольку именно эта часть населения нуждается в социальной помощи в виде разного рода государственных трансфертов. По данным ОБДХ, подушевые доходы, составляющие менее половины прожиточного минимума, имела треть пенсионеров по инвалидности и пенсионеров по случаю потери кормильца, четвертая часть получателей пособий на детей до 1,5 лет, получателей стипендий и социальных пенсий. По меньшей мере у 50% зарегистрированных безработных подушевые доходы не превышали половины прожиточного минимума. Примерно треть всех детей проживает в семьях, где подушевые доходы вдвое ниже величины прожиточного минимума (Доходы..., 2003, 2-й кв. С. 46, 47).

Средний размер дотаций и льгот, выделяемых на одного получателя из трех нижних децилей (т.е. самых бедных групп домохозяйств) составлял в 2002 г. 161–185 руб. (Социальное положение..., 2003. С. 184). Для членов этих домохозяйств даже двукратное или трехкратное увеличение дотаций и льгот в денежном эквиваленте вряд ли позволит преодолеть абсолютную черту бедности, хотя глубина их бедности, конечно, сократится. Исходя из этого, предложенная в мае 2004 г. Правительством РФ программа реформирования системы социальных льгот, на наш взгляд, будет мало способствовать уменьшению масштабов бедности. Радикально изменить ситуацию может лишь подтягивание размеров социальных пенсий и пособий к величине прожиточного минимума. Степень и сроки этого повышения определяются прежде всего решимостью государства следовать этому гуманистическому направлению социальной политики и лишь во вторую очередь – экономическими возможностями.

Бедные, имеющие среднедушевые денежные доходы в интервале от 0,5 до одного прожиточного минимума, представляют собой другую группу с точки зрения глубины бедности. Это самая многочисленная (модальная) группа в экономической стратификации населения. Костяк ее составляют люди, размеры доходов которых фиксированы и определяются государством: пенсионеры по старости, работники бюджетной сферы, а также сельского хозяйства.

Для некоторых представителей этой социально-экономической страты преодоление черты бедности также зависит от увеличения размеров социальных выплат, но принципиальное изменение материального положения основной массы представителей этой страты связано с повышением оплаты их труда. Этими людьми, как правило, уже используются возможности дополнительной работы и случайных приработков, работы в личном подсобном хозяйстве, но все это не позволяет им вырваться из малообеспеченности. Речь идет, прежде всего, о занятых в государственном секторе народного хозяйства – на предприятиях и организациях, финансируемых из государственного бюджета. Проблема не в том, чтобы просто увеличить зарплату на какое-то количество процентов или даже в разы, а в необходимости объективного подхода к оценке эффективности труда работников бюджетного сектора.

Не сбрасывая со счетов проблемы возможной избыточности числа врачей, учителей, среднего медицинского персонала, эффективности расходования бюджетных средств и качества услуг, предоставляемых бюджетным сектором в настоящее время, нужно сказать, что затраты на бюджетный сектор – это не просто расходы на зарплату работающих в этой сфере. Это вложения в здоровье, образование, культуру населения, и в этом смысле такие расходы, безусловно, эффективны, хотя и в долгосрочной перспективе. Поэтому государство, платя работникам бюджетного сектора мизерную заработную плату, фактически признает неэффективным их труд, а тем самым и неэффективными вложения в здоровье и образование населения вообще.

Анализ экономической стратификации и особенностей воспроизводства в ней бедных, когда треть населения принадлежит к хронически бедным и почти столько же из года в год мигрируют вокруг черты бедности, приводит к заключению, что эффективное решение проблемы бедности возможно лишь в контексте поиска путей повышения благосостояния практически всего населения.

Литература

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 3–4-м кварталах 2000 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат, 2001. 160 с.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 1-м квартале 2002–2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат, 2003. 126 с.
Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств во 2-м квартале 2002–2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат, 2003. 126 с.
Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 3-м квартале 2002–2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Госкомстат, 2004. 140 с.
Мониторинг «Доходы и уровень жизни населения». 2000. № 3.
Мониторинг «Доходы и уровень жизни населения». 2002. № 2.
Мониторинг «Доходы и уровень жизни населения». 2002. № 3.
Обзор экономической политики в России за 1997 год. М.: Бюро экономического анализа, 1998. 428 с.
Российский статистический ежегодник. Официальные материалы. М.: Статистика, 2002.
Российский статистический ежегодник. Официальные материалы. М.: Статистика, 2003.
Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С. 153–172.
Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002: Стат. сб./ Госкомстат России. М., 2003. 464 с.
Суринов А. Е. Доходы населения. Опыт количественных измерений. М.: Финансы и статистика, 2000. 429 с.
Blisard N., Harris J. M. Measuring of the Well-Being of the Poor. Demographics of Low-Income Households. United States Department of Agriculture. Technical Bulletin No. 1898. 2002. Electronic Report from the Economic Research Service. www.ers.usda.gov // http://usda.mannlib.cornal.edu/reports/general/tb/tb1898.pdf
Foster J. On Economic Poverty: A Survey of Aggregate Measures. In Advances in Econometrics. 1984. V. 3.
Norusis M. J. SPSS Advanced Statistics 6.1. Chicago: SPSS Inc., 1994, 606 p.
Ras M. R. M., Pommer E. & Schut J.M.W. Income on the Move: Report on Income Distribution, Poverty and Redistribution. Study Series 2002. European Commission Directorate-General for Employment and Social Affairs, 2002.
Sen A. Inequality reexamined. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1992. 207 p.

Ирина Корчагина

ПОКАЗАТЕЛИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ: ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И НАКОПЛЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Многомерный характер феномена бедности создает определенные трудности при его анализе, а оцениваемые масштабы и профиль бедности во многом зависят от методов и показателей, используемых для расчетов. Максимально адекватно измерить уровень жизни можно через прямые показатели потребления, отражающие фактическое удовлетворение потребностей домохозяйств. Однако формализовать процесс учета таких показателей при масштабных обследованиях уровня жизни домохозяйств практически невозможно. Поэтому в практике анализа бедности преимущественно используются показатели, рассчитанные на базе денежных доходов или расходов.

Показатель денежных доходов – наиболее простой с точки зрения процедуры одномоментного сбора информации, но в условиях, когда затруднено получение достоверных данных о доходах в связи с нежеланием респондентов афишировать все источники доходов и в связи невозможностью их проконтролировать, для оценки благосостояния исследователи предпочитают использовать показатель расходов. Респонденты более охотно делятся информацией о своих расходах, но полный и корректный учет всех расходов домохозяйства требует существенно больших затрат труда как от респондентов, так и от исследователей.

Предполагается, что показатели доходов и расходов равнозначно измеряют уровень экономического благосостояния домохозяйств, и при корректном измерении эти два показателя должны совпадать. Однако в действительности это не происходит. Так, проведенные Госкомстатом еще в 1993–1995 гг. обследования доходов и расходов домохозяйств показали, что суммарные доходы оказались меньше расходов (Пономаренко, 1997. С. 27). Данные РМЭЗ, которые содержат информацию как о доходах, так и о расходах, также демонстрируют расхождение этих показателей (Овчарова, 2003. С. 11).

При этом остаются открытыми вопросы: «Насколько сильно расходятся данные по доходам и расходам? Насколько переход от одного показателя к другому меняет картину благосостояния и, в частности, бедности? Какие домохозяйства больше склонны искажать информацию о доходах/расходах? Можно ли без ущерба для качества измерения благосостояния и бедности ограничиться лишь показателем расходов домашних хозяйств и не задавать респондентам столь неудобные для них вопросы о размере доходов?».

В рамках борьбы с бедностью актуален и еще один вопрос: «В какой степени владение имуществом необходимо учитывать при анализе бедности?». Важность этого вопроса стала очевидна с принятием Федерального Закона «О государственной социальной помощи», в рамках которого существует положение, рекомендующее в ходе реализации программ социальной помощи учитывать имущественный статус домохозяйств. Насколько накопленное имущество позволяет домохозяйству не быть бедным и какой тип имущества может быть источником доходов?

Поиску ответов на перечисленные вопросы посвящена данная работа. Эмпирической базой для исследования послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ)[1]. К достоинствам РМЭЗ можно отнести наличие в программе исследования подробной информации о доходах и расходах домохозяйств. Необходимо также отметить «сопоставимость данных РМЭЗ с данными Государственного комитета Российской Федерации по статистике по целому ряду параметров» (Мисихина, 1999. С. 22), что позволяет с уверенностью использовать данное обследование для целей поставленной задачи.

---

1 Использовались данные опроса РМЭЗ десятого раунда. Этот раунд обследования проводился в октябре–ноябре 2001 г. Выборка насчитывала 4528 домохозяйств, в которых проживало 12 121 человек.

1. Показатели экономического благосостояния домохозяйств

Для получения надежных оценок уровня жизни населения необходимо прежде всего корректно выбрать показатель, на основании которого будет производиться распределение домохозяйств на шкале «благосостояние». Большинство своих функциональных потребностей население удовлетворяет за счет имеющихся у него доходов, что определило выбор показателя доходов в качестве традиционного критерия оценки уровня жизни, как на макро-, так и на микроуровне. На макроэкономическом уровне доходы – это часть валового внутреннего продукта, направленная на потребление и накопление, а на уровне домашних хозяйств доходы – это средство удовлетворения потребностей.

Полный учет доходов домохозяйств помогает оценить всю систему распределительных отношений, понять значимость отдельных источников доходов как для населения в целом, так и для отдельных групп. Например, структура текущих располагаемых ресурсов, рассчитанная для бедных и небедных семей с детьми по данным обследования РМЭЗ в 2000 г. (табл. 1), позволяет сделать вывод о том, что такие источники, как межсемейные трансферты и поступления от личного подсобного хозяйства, играют значимую роль для бюджета домашних хозяйств, причем для бедных они более важны. В то же время социальные выплаты, учитывающие наиболее распространенные социальные пособия и льготы нестрахового характера, даже для бедных составляют не более 4% доходов.

Таблица 1

Структура текущих располагаемых ресурсов в среднем на одно домохозяйство с детьми, с разбивкой на бедных и небедных, 2000 г., % (по данным РМЭЗ)

Вид дохода	Все домохозяйства	В том числе	
		Небедные	Бедные
Доходы от трудовой деятельности	52,0	62,3	44,7
Пособие по безработице	0,2	0,1	0,3
Стипендия	0,3	0,2	0,4
Пособия и социальные выплаты детям	2,6	1,0	3,7
Алименты выплаченные (–)	0,5	0,3	0,7
Алименты полученные (+)	1,0	0,9	1,2
Пенсии	10,2	3,8	14,7
Прочие денежные поступления	21,3	24,7	18,8
В том числе			
Денежная помощь от родственников, знакомых	7,4	6,9	7,8
Денежная помощь из других источников (от местных органов власти, от предприятия, благотворительных и религиозных организаций)	0,5	0,6	0,5
Доход от сдачи внаем жилья, дачи, гаража, транспортных средств	0,2	0,2	0,2
Доход от продажи продукции из личного подсобного хозяйства и дикоросов	3,5	4,8	4,6
Возвращенные долги	1,2	1,9	0,6
Деньги, взятые в долг	5,9	6,4	5,6
Использованные сбережения	2,6	4,0	1,6
Поступления продуктов от личного подсобного хозяйства, оцененные стоимостном выражении	13,0	7,3	16,9
ИТОГО текущих располагаемых ресурсов	100,0	100,0	100,0

В советское время, когда практически единственным источником доходов основной массы населения служила фиксированная заработная плата на одном месте работы, денежные доходы легко учитывались. Органы государственного управления осуществляли прямой контроль над процессом формирования доходов населения прежде всего через регулирование механизма оплаты труда и общественных фондов потребления. Девяностые годы изменили существовавшее положение, поскольку сопровождались разрушением механизма государственного воздействия на процесс формирования доходов населения. Были сняты ограничения на интенсивный рост многих видов доходов, и одновременно предприятия получили право самостоятельно определять вид и систему оплаты труда работников, а также соотношение в заработной плате между различными категориями работников.

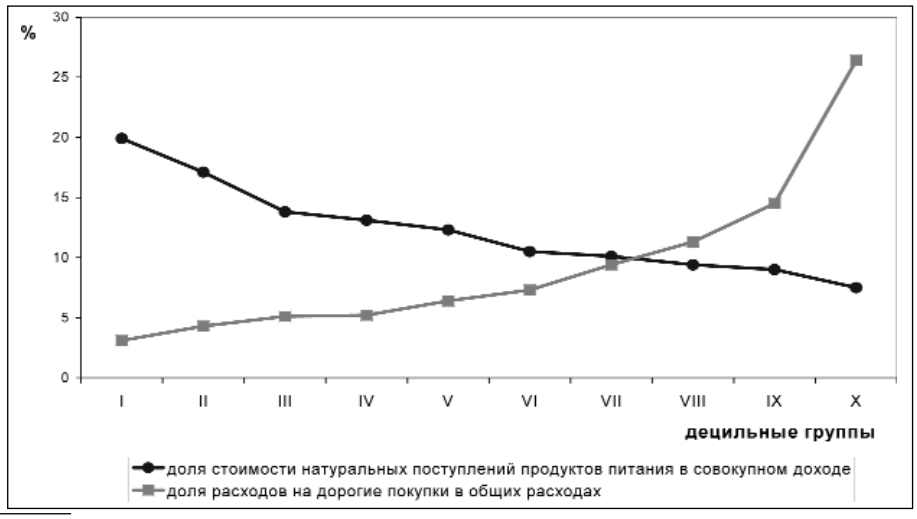
Произошедшие преобразования открыли ранее недоступные для населения источники доходов (предпринимательский доход, доход от собственности, акций, ценных бумаг и многие другие виды доходов). Вследствие этого существенно снизилась роль заработной платы в общих доходах населения. Если до середины 1980-х годов до 80% денежных доходов населения формировалось за счет легальной заработной платы, то в 1998 г. – только 40% (Российский статистический ежегодник, 1999. С. 149). Получила широкое распространение множественная занятость. Массовая неформальная занятость привела к росту в экономике скрытой оплаты труда (по сделанным Госкомстатом расчетам скрытая оплата труда составляет от четверти до трети всех доходов) (Пономаренко, 1997. С. 27).

Все эти изменения, а также задержки с выплатой заработной платы и социальных трансфертов привели к тому, что учет доходов в ходе проведения социологических исследований стал сопровождаться серьезными трудностями, и специалистам приходится переходить на другие показатели. Прежде всего, это касается данных официальной статистики, которая в рамках обследования бюджетов домашних хозяйств с 1997 г. отказалась от сбора информации о доходах домохозяйств и определяет уровень их благосостояния непосредственно на основе учета расходов[2].

Оценка жизненного уровня через расходы более трудоемка, но она характеризует реальное потребление домохозяйств, а это очень важно с точки зрения измерения бедности. Структура потребительских расходов низкодоходных слоев существенно отличается от расходов более обеспеченных групп населения, и различия в характере потребления различных групп населения могут служить индикатором уровня их жизни. Например, согласно закону Энгеля, у низкодоходных групп городского населения максимальную долю в бюджете семьи занимает статья расходов на питание дома, а многие другие расходы очень ограничены или практически совсем отсутствуют (например, расходы на приобретение имущества, услуги современной связи, оплата медицинских услуг или расходы на образование, путешествия и т.д.).

Рис. 1 демонстрирует высокую долю дорогих покупок в общих расходах высокодоходных групп населения, а также высокую долю стоимости натуральных поступлений продуктов питания в совокупном доходе низкодоходных групп населения.

Рис. 1. Распределение домохозяйств по стоимости натуральных поступлений продуктов питания в совокупном доходе и по стоимости дорогих покупок в общих расходах населения разного материального достатка, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)



[2] Такая схема расчета материальных возможностей домохозяйств позволяет избежать недоучета доходных составляющих, неизбежного в условиях переходной экономики, однако данный метод трудно использовать при проведении одномоментных обследований. Поэтому большинство исследовательских коллективов, проводящих одномоментные исследования уровня жизни населения России, материальную обеспеченность определяют методом суммирования всех денежных потоков, поступающих в домохозяйство.

За последние 15 лет структура расходов населения претерпела существенные изменения. Переход к рыночной экономике привел к сокращению общественных фондов потребления, что повлекло за собой рост расходов на услуги, ранее не оплачиваемые из бюджета семьи (например, услуги систем образования и здравоохранения). В этой связи можно говорить о формировании новой модели расходов населения, предполагающей рост доли услуг в общих тратах домохозяйств, что значительно увеличивает объем учитываемых показателей и затрудняет построение индикаторов материальной обеспеченности на базе расходов.

Таким образом, для характеристики уровня жизни домохозяйств используют в основном показатели, базирующиеся на учете либо доходов, либо расходов. В то же время при анализе уровня жизни малообеспеченных семей важно иметь оба показателя, поскольку они характеризуют разные аспекты благосостояния. Расходы демонстрируют структуру потребления бедных семей и показывают, все ли базовые потребности домохозяйства удовлетворены. Доходы определяют источники материальных средств, доступных бедному домохозяйству в данном обществе.

Предполагается, что при корректном измерении эти два показателя должны совпадать: должен существовать баланс между всеми денежными поступлениями в домашнее хозяйство и общей суммой расходов этого домохозяйства. Для проверки этой гипотезы рассчитаем денежные потоки, «входящие» в домохозяйство и «выходящие» из него, используя возможности обследования РМЭЗ.

2. Методика расчета показателей «доходы» и «расходы»

1) Доходы домохозяйств

В программе обследования РМЭЗ информация о доходах собиралась на семейном и индивидуальном уровнях, что привело к частичному дублированию информации. Такой «избыток» информации о доходах позволяет сопоставить собранные данные и в итоге более точно оценить уровень доходов домохозяйства.

Анализировались следующие источники информации о доходах домохозяйства:

- информация об общей сумме текущих денежных доходов домохозяйства, предоставленная самым информированным членом семьи;
- информация по каждому из существующих в домохозяйстве источников доходов, предоставленная самым информированным членом семьи;
- информация от каждого члена домохозяйства о суммарных персональных доходах;
- информация от каждого члена домохозяйства о персональных доходах из различных источников.

Расчет текущих денежных доходов в целом на домохозяйство по четырем предложенным программой обследования моделям в идеале должен привести к одинаковым результатам. Однако в реальности это не происходит, в силу естественных ошибок учета, происходящих из-за забывчивости респондентов или незнания даже самого информированного члена семьи всех источников доходов других членов домохозяйства. Представляется корректным для более полного учета доходов в итоге использовать значение, равное максимальному из представленных четырех вариантов.

Программа обследования РМЭЗ позволяет учесть следующие составляющие доходов: заработную плату, доход от предпринимательской деятельности и самозанятости, пенсии, стипендии, пособия, алименты, доход от личных инвестиций (рента, проценты по вкладам, дивиденды по акциям и ценным бумагам), денежную помощь от родственников и друзей, доход от продажи личного имущества и от собственности, сдаваемой в наем. Дополнительно, чтобы учесть весь поток денежных поступлений в домохозяйство за учетный месяц, к полученному результату добавляется денежный доход от продажи продуктов питания из личного подсобного хозяйства, а также потраченные сбережения и займы, возвращенные долги.

Таким образом рассчитывался показатель, который включал **все поступления, приходящие в домохозяйство в денежной форме** за один календарный месяц, предшествующий обследованию. В дальнейшем для простоты этот показатель мы будем называть **«доходы»**.

2) Расходы домохозяйств

Данные РМЭЗ предоставляют также подробную информацию обо всех денежных расходах обследуемой совокупности домохозяйств за период наблюдений. Она включает довольно подробный перечень: расходы на покупку продуктов питания, одежды и обуви, товаров длительного пользования, на оплату всех видов топлива и всех видов услуг, на оплату долгов и алиментов, расходы на все виды сбережений и займов. При этом расходы на покупку продуктов питания фиксируются за семь дней. Также за семь дней учитываются расходы на питание вне дома. Текущие расходы на услуги (ЖКХ, транспорт, топливо, почтово-телеграфные, образовательные, медицинские, санаторно-курортные услуги и пр.) и промышленные товары повседневного спроса (например, средства гигиены), ежемесячные выплаты и расходы, связанные с поведением домохозяйств на финансовом рынке, учитываются за 30 дней. Расходы, связанные с покупкой промышленных товаров индивидуального пользования (одежда, обувь), и расходы на приобретение всех видов товаров длительного пользования общесемейного потребления (культтовары, предметы домашней обстановки, бытовая техника, транспортные средства, жилье, гараж, строительные материалы и пр.) учитываются за три месяца, предшествующих опросу. На основе собранной информации все расходы пересчитываются в расчете на календарный месяц.

Для корректного сравнения с показателем, характеризующим все денежные поступления в домохозяйство за анализируемый период, был построен агрегированный показатель **«расходы»**, включающий все расходы, произведенные домохозяйством за прошедший перед обследованием месяц, за исключением расходов на покупку дорогостоящего движимого и недвижимого имущества. Такое ограничение вполне закономерно, поскольку дорогостоящее имущество покупается преимущественно на сбережения, а не на текущие доходы (вопрос о всех сбережениях в рамках обследования РМЭЗ не задавался).

Для оценки масштабов бедности использовалась официальная для России абсолютная концепция, при которой в качестве границы бедности фигурирует прожиточный минимум. Учет региональных различий в стоимости жизни отражен в использовании величин прожиточных минимумов, установленных в субъектах Российской Федерации в соответствии с законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» за 4-й кв. 2001 г. Для регионов, не имеющих официальных данных о прожиточном минимуме, величина ПМ была рассчитана экспертным путем, исходя из соотношения величин общероссийского и регионального прожиточных минимумов предыдущего временного интервала.

3. Сопоставление доходных и расходных показателей

Как уже отмечалось, данные РМЭЗ позволяют сопоставить информацию по денежным потокам, циркулирующим в обследуемых домохозяйствах в течение учетного периода, что поможет ответить на вопрос: «Могут ли доходы и расходы адекватно заменять друг друга для измерения благосостояния и бедности?». Приведенные в табл. 2 данные позволяют сделать вывод о том, что денежные потоки, входящие и выходящие из домохозяйства, в масштабах всей совокупности практически совпадают.

Таблица 2

Некоторые характеристики показателей благосостояния: денежные поступления и расходы, 2001 г. (по данным РМЭЗ)

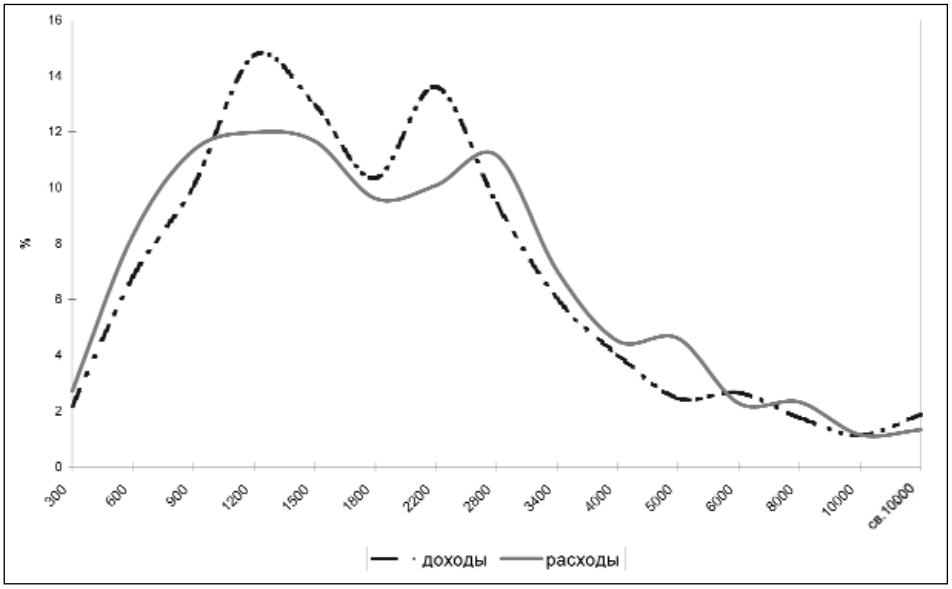
Показатель	Среднее значение (руб.)	Медиана (руб.)	Доля бедных, %	Коэффициент Джини
Денежные поступления в расчете на члена домохозяйства	2268	1596	51,3	0,426
Расходы в расчете на члена домохозяйства	2292	1633	49,8	0,412

Различия между среднедушевыми значениями доходов и расходов незначительны, масштабы бедности, оцененные по доходам и расходам, также имеют статистически незначимые различия. Обращает на себя внимание высокая доля бедных домохозяйств, оцененная на ба-

зе рассчитанных показателей, поскольку, во-первых, в них учтены не все материальные возможности домохозяйств, а во-вторых, по мнению ряда исследователей, выборка РМЭЗ смещена по отношению к генеральной совокупности в сторону завышения численности малообеспеченных групп населения (Шевяков, Кирута, 2001. С. 20).

Тождественность показателей материальной обеспеченности домохозяйств на базе доходов и расходов продемонстрирована на *рис. 2*. Распределения домохозяйств по этим показателям, представленные на одном рисунке, демонстрируют довольно близкую форму кривых. Несоответствие в средней части графика не столь велико, максимальное расхождение не превышает 1,5 процентных пункта.

Рис. 2. Распределение домохозяйств по уровню материальной обеспеченности с использованием показателей денежные поступления и расходы, %



В среднем по всей совокупности расходы превышают доходы всего на 24 руб. Таким образом, в рамках всей совокупности как показатель, рассчитанный на базе доходов, так и показатель расходов одинаково измеряют масштаб бедности. Возникает вопрос: наблюдаются ли совпадения на уровне конкретных домохозяйств? Или бедность, оцениваемая двумя разными показателями, выбирает разные домохозяйства?

Табл. 3 демонстрирует нетождественность полученных совокупностей. Если сравнить размер реально израсходованных денежных средств за обследуемый период каждого домохозяйства с уровнем полученных, то в целом по всей совокупности 44% обследованных домохозяйств имеют расходы на уровне заявленного дохода, в то время как почти у 29% расходы превышают доходы, а 28% за обследуемый период потратили меньше, чем получили.

Таблица 3

Соотношение доходов (всех денежных поступлений) и расходов домохозяйств, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)

яПоказатель сопряженности доходов и расходов	Всего	В том числе по 20%-м доходным группам				
		1	2	3	4	5
Доля домохозяйств, у которых расходы выше доходов	28,6	47,1	33,5	20,8	12,0	13,0
Доля домохозяйств, у которых доходы совпадают с расходами	43,6	42,7	52,0	59,6	51,0	37,0
Доля домохозяйств, у которых доходы выше расходов	27,8	10,2	14,5	19,6	37,0	50,0

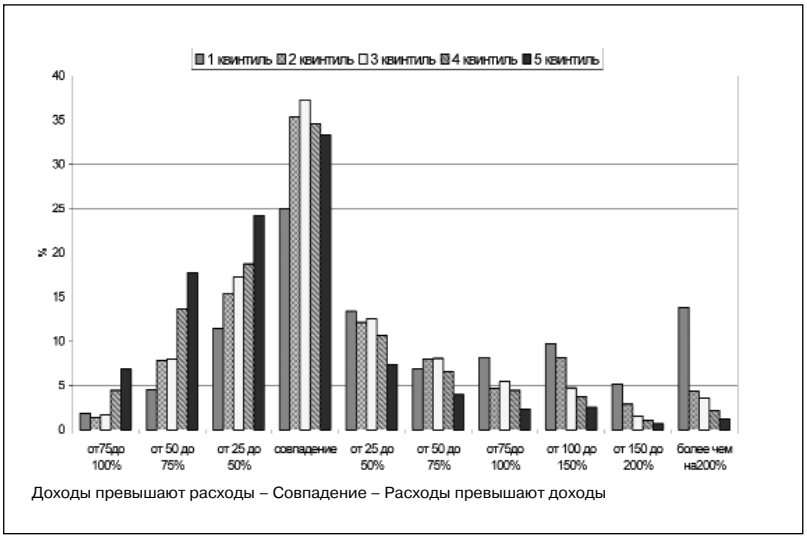
Тот факт, что у части опрошенных семей текущие расходы оказались ниже доходов, вполне объясним, т. к. домохозяйства не всегда расходуют в полном объеме имеющиеся в их распоряжении доходы. В основном это характерно для обеспеченных семей (у 50% таких домохозяйств доходы превышают расходы); следовательно, если мы будем использовать показатель расходов для анализа уровня жизни высокообеспеченных слоев населения, то мы явно будем недооценивать материальные возможности каждой второй семьи, принимающей участие в обследовании.

Для измерения бедности больше подходит показатель «расходы», но и в этом случае существует ошибка, хотя и меньших масштабов: в число бедных попадают более 10% домохозяйств с более высокими доходами.

Наибольшее совпадение доходного и расходного показателей наблюдается у среднеобеспеченных домохозяйств, для которых превышение доходов над расходами и, наоборот, превышение расходов над доходами фиксируется приблизительно в равных долях.

Приведенные в табл. 3 данные демонстрируют только сам факт наличия несовпадений анализируемых показателей: всех денежных поступлений в домохозяйства и сделанных ими расходов за расчетный период. При этом неясно, насколько один показатель превышает другой возможно, несовпадения не столь значительны, и ими можно пренебречь. Для количественной оценки несовпадений был рассчитан показатель, характеризующий сальдо доходов и расходов домохозяйств и показывающий, насколько один из показателей благосостояния превышает другой. Результаты расчета можно видеть на *рис. 3*, в разрезе различных доходных групп.

Рис. 3. Соотношение доходов (всех денежных поступлений) и расходов домохозяйств в зависимости от уровня материального благосостояния, 2001 г., %
(по данным РМЭЗ)



В центральной части рисунка показаны домохозяйства, в которых доходы и расходы совпадают, в левой – домохозяйства, в которых денежные поступления превышают расходы, а в правой – домохозяйства, в которых расходы превышают денежные поступления. Превышение доходов над расходами больше характерно для высокообеспеченных групп населения, что вполне закономерно и можно «оправдать» сберегательным поведением обеспеченных домохозяйств.

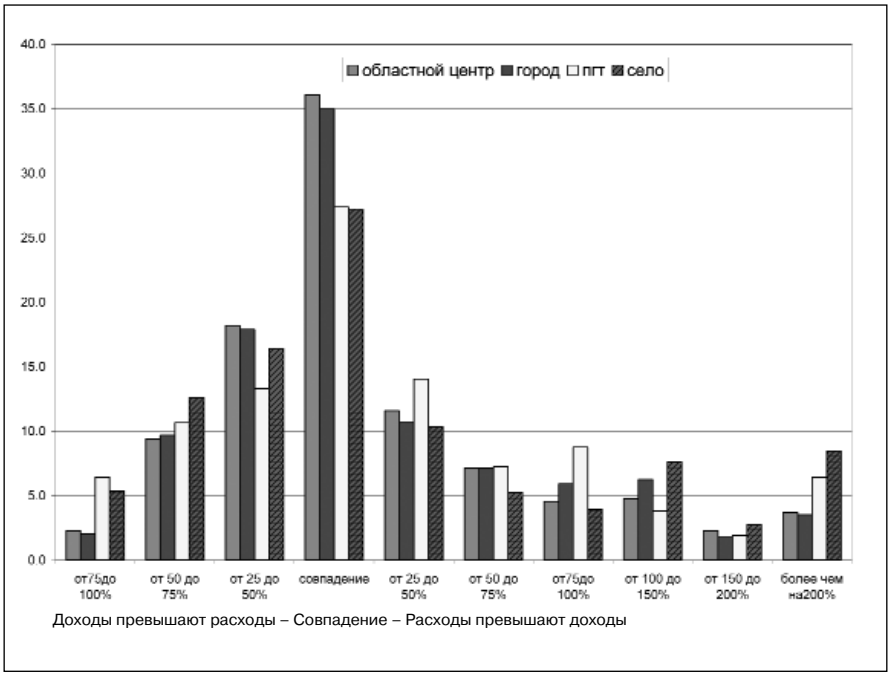
Интерес вызывают домохозяйства, у которых расходы превышают все денежные поступления. Максимальное превышение расходов над денежными поступлениями наблюдается среди малообеспеченных домохозяйств: около 15% домохозяйств 1-й квинтильной группы, что существенно больше, чем в других доходных группах, имеют значительное превышение расходов над доходами (в два раза и больше). А это значит, что эти бедные по доходам домо-

хозяйства при переходе на показатель расходов не будут отнесены к бедным, а будут рассматриваться по крайней мере как среднеобеспеченные. Таким образом, очевидно, что показатель доходов при оценке бедности дает высокую ошибку измерения.

У какого типа домохозяйств уровень расходов значительно превышает уровень заявленных доходов? Более половины, а именно 58% таких домохозяйств не указали в своем составе ни одного работника, несмотря на то, что все выделенные семьи имеют людей трудоспособного возраста, которые, видимо, не хотят афишировать не только размер, но и источник доходов.

Рис. 4 указывает на то, что большая доля домохозяйств, расходы которых значительно превосходят доходы, проживает в сельской местности. Поскольку практически все домохозяйства, проживающие на селе или в поселках городского типа, имеют личное подсобное хозяйство, то можно предположить, что заниженные доходы связаны с неполным учетом всех материальных возможностей, которые предоставляет личное подсобное хозяйство.

Рис. 4. Соотношение доходов и расходов домохозяйств в зависимости от места проживания домохозяйств, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)



Таким образом, использование расходов для оценки уровня бедности позволяет избежать ошибок включения в число бедных домохозяйств, укрывающих свои доходы. Но в этом случае к бедным будут причислены семьи, имеющие высокие доходы, но, по тем или иным причинам, ограничивающие себя в расходах. Чтобы избежать возможных ошибок измерения, целесообразно использовать комбинированный показатель бедности, учитывающий одновременно домохозяйства как с низкими доходами, так и с низкими расходами.

Сочетание двух методик позволяет выявить действительно бедные домохозяйства. С одной стороны, домохозяйства, имеющие доход ниже доходной черты бедности, но поддерживающие довольно высокий уровень потребления, а значит, имеющие невыявленные источники доходов, не будут рассматриваться как бедные. С другой стороны, домохозяйства, имеющие доход выше доходной черты бедности, но при этом характеризующиеся низким уровнем потребления, также не будут рассматриваться как бедные, поскольку низкие расходы таких семей являются осознанным выбором, а не необходимостью.

Использование такой методики на данных РМЭЗ сокращает масштаб бедности на треть.

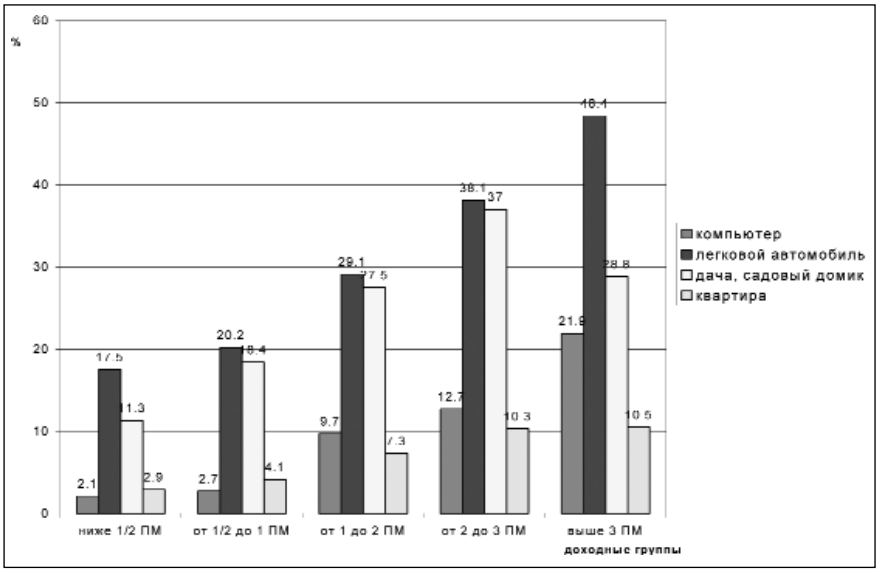
4. Имущественные характеристики домохозяйств

Насколько правомерно считать домохозяйство с низким текущим доходом бедным, если оно располагает высоколиквидной собственностью и имуществом высокого качества? Очевидно, что значительный объем накопленного имущества характеризует благосостояние домохозяйства в течение длительного промежутка времени, в то время как низкий текущий доход может быть явлением временным или даже случайным для этого домохозяйства. Неденежные материальные активы домохозяйства, с одной стороны, являются важнейшими факторами, определяющими социально-экономический потенциал домашнего хозяйства, а с другой – стратегическими ресурсами, позволяющими домохозяйствам адаптироваться к новым экономическим условиям.

В какой степени владение имуществом необходимо учитывать при анализе бедности? Актуальность этого вопроса возросла с принятием Федерального Закона «О государственной социальной помощи», в рамках которого существует положение, рекомендующее в ходе реализации программ социальной помощи учитывать имущественный статус домохозяйства.

Предварительный анализ показал, что существенные различия во владении имуществом между низко- и высокодоходными группами отмечаются только для дорогих, современных и «престижных» предметов длительного пользования (Дифференциация..., 2003), к которым, прежде всего, относятся транспортные средства, современные средства связи и недвижимость. Поэтому для оценки имущественной обеспеченности были построены два агрегированных показателя: один оценивает общее количество предметов длительного пользования и недвижимости в домохозяйстве, другой – количество так называемых «престижных» предметов. Из предложенного программой обследования списка предметов длительного пользования и недвижимости к «престижным» можно отнести компьютер, легковой автомобиль и дополнительное жилье в виде квартиры или дачи. Именно для них наиболее высока дифференциация домохозяйств, что можно видеть на *рис. 5*.

Рис. 5. Распределение домохозяйств с различными доходными характеристиками по наличию компьютера, транспортных средств и недвижимости, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)



Поскольку недвижимость всегда является высоколиквидным имуществом, то наличие у домохозяйства в собственности более чем одного жилья может рассматриваться как стратегический ресурс домохозяйства и использоваться для получения дополнительного дохода

посредством его продажи или сдачи в наем. Дополнительную квартиру имеют домохозяйства во всех доходных группах, но в беднейшей группе таких 2,9%, а среди наиболее обеспеченных – 10,5% (*рис. 5*). Распространенность дополнительного жилья среди самых бедных по доходам домохозяйств показывает, что не всегда дополнительная недвижимость может быть использована в качестве источника доходов, поскольку ликвидность такого рода ресурса зависит от его качества и местонахождения. Расслоение домохозяйств по факту наличия дачи значительно ниже, чем по факту наличия второй квартиры, 11% беднейших домохозяйств имеют садовые домики или дачи, и загородные земельные участки служат им дополнительным источником продуктов питания.

Персональный компьютер, появившийся на потребительском рынке более 20 лет назад, в начале XXI в. получил большое распространение среди всех групп населения. Но, несомненно, реализовать свои потребности в такого рода товаре могут в большей степени высокодоходные домохозяйства: только 2% среди беднейших домохозяйств владеют компьютерами, в то время как среди наиболее обеспеченных таких 22%.

К сожалению, программой обследования РМЭЗ не предусмотрено выявление наличия в домохозяйствах мобильного телефона; между тем максимальное расслоение в потреблении жителей крупных городов характерно именно для современных средств связи, и прежде всего для мобильного телефона. По данным обследования ИСЭПН РАН, в низкодоходных группах практически нет владельцев сотовых телефонов, в то время как в десятой децильной группе таких большинство, причем треть семей имеют более одного аппарата[3]. Наличие нескольких одноименных предметов длительного пользования в одном домохозяйстве с уверенностью можно отнести к признакам высокого благосостояния. Например, тенденция иметь в доме несколько холодильников или телевизоров привела к существенной поляризации населения по возможностям реализовать такого рода потребности. По данным того же обследования, если в первой группе (с низкими доходами) в среднем на одно домохозяйство приходится по одному телевизору, то в десятой (высокодоходной) группе – 1,6. Только высокодоходные домохозяйства при необходимости могут позволить себе обеспечить каждого своего члена персональным телевизором: около 20% высокодоходных домохозяйств имеют три телевизора и более.

В табл. 4 представлено распределение домохозяйств по концентрации всех предметов длительного пользования и имущества в рамках обследования РМЭЗ, в том числе в разрезе доходных и расходных групп. Можно заметить очевидную тенденцию: чем выше доход или расход, тем больше в домашнем хозяйстве сконцентрировано предметов имущества и недвижимости.

Таблица 4

Концентрация предметов длительного пользования и недвижимости в домохозяйстве в зависимости от доходов и расходов домохозяйств, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)

Группа домохозяйств	Наличие предметов длительного пользования и недвижимости					
	Всего	В том числе по концентрации предметов				
		0	1–2	3–4	5–6	7 и больше
Всего	100,0	2,1	15,3	48,0	28,1	6,4
в том числе по доходным группам:						
1-й квинтиль	100,0	5,0	21,7	52,3	18,8	2,2
2-й квинтиль	100,0	2,0	19,7	52,5	21,7	4,1
3-й квинтиль	100,0	0,9	16,0	52,0	26,3	4,9
4-й квинтиль	100,0	1,8	10,5	46,7	32,9	8,1
5-й квинтиль	100,0	1,0	8,7	36,6	40,8	13,0
В том числе по расходным группам:						
1-й квинтиль	100,0	4,8	26,0	51,7	15,5	2,0
2-й квинтиль	100,0	2,1	16,3	54,0	23,7	4,0
3-й квинтиль	100,0	1,9	13,7	50,7	28,6	5,2
4-й квинтиль	100,0	0,9	11,2	45,4	34,3	8,3
5-й квинтиль	100,0	1,0	9,6	38,2	38,4	12,8

[3] Обследование было проведено летом 2001 г. в Санкт-Петербурге. Выборочная совокупность насчитывала 1000 наблюдений. Единицей наблюдения являлось домохозяйство.

Практически все обследованные домохозяйства имеют хотя бы один предмет из представленных в списке предметов длительного пользования или недвижимости. Наиболее высока обеспеченность населения холодильниками и телевизорами (93,2% домохозяйств имеют холодильник и 93,5% – телевизор). Несмотря на то, что эти товары давно и прочно вошли в обиход современного человека, среди беднейших существуют домохозяйства, которые не имеют ни того, ни другого. Также высока среди малообеспеченных доля тех, кто имеет только один из названных предметов, в то время как они оба являются стандартными для нашего общества и включены в ПМ.

Анализ обеспеченности домохозяйств предметами длительного пользования и недвижимостью в зависимости от социально-демографического типа домохозяйства (табл. 5) показывает, что одинокие граждане и супружеские пары с тремя и более детьми чаще не имеют ничего из анализируемого списка. Только для 5% домохозяйств одиноких пенсионеров характерна высокая концентрация предметов имущества и недвижимости (более пяти предметов длительного пользования или недвижимости), в то время как среди других типов домохозяйств таких существенно больше. Одинокие граждане непенсионного возраста, по сравнению с одиночками пенсионного возраста, находятся в более благоприятном положении: 19% домохозяйств имеют более пяти предметов длительного пользования или недвижимости.

Таблица 5

Концентрация предметов длительного пользования и недвижимости в зависимости от социально-демографического типа домохозяйства, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)

Тип домохозяйства	Концентрация предметов длительного пользования и недвижимости в домохозяйствах					
	0	1–2	3–4	5–6	7 и больше	Всего
Одинокие пенсионеры	5,3	40,1	49,8	4,3	0,5	100,0
Одинокие граждане непенсионного возраста	9,2	29,4	44,5	15,1	1,8	100,0
Супружеская пара пенсионного возраста	0,2	12,3	62,3	21,4	3,7	100,0
Супружеская пара пенсионного возраста с другими родственниками	0,9	12,3	52,8	29,2	4,7	100,0
Супружеская пара непенсионного возраста	1,9	13,9	48,1	29,7	6,4	100,0
Супружеская пара непенсионного возраста с другими родственниками	1,0	4,1	39,7	41,4	13,9	100,0
Супружеская пара с 1–2 детьми	0,6	6,2	42,4	41,5	9,3	100,0
Супружеская пара с 1–2 детьми и другими родственниками	0,5	6,4	38,0	42,0	13,0	100,0
Супружеская пара с 3 и более детьми	6,0	10,0	48,0	32,0	4,0	100,0
Супружеская пара с 3 и более детьми и другими родственниками	2,0	16,3	40,8	36,7	4,1	100,0
Неполная семья с детьми	2,7	16,4	61,6	17,8	1,4	100,0
Неполная семья с детьми и другими родственниками	–	13,9	60,6	20,6	4,8	100,0
Супружеская пара (один из них – пенсионер)	1,5	12,2	52,7	25,2	8,4	100,0
Супружеская пара (один из них – пенсионер) с взрослыми детьми (старше 18 лет)	2,6	2,6	37,2	43,6	14,1	100,0
Неполная семья с взрослыми детьми (старше 18 лет)	2,2	22,3	50,9	22,7	1,8	100,0
Сложносоставные домохозяйства	3,0	17,0	58,5	19,3	2,2	100,0
Всего	2,1	15,3	48,0	28,1	6,4	100,0

Поскольку структура потребления различных слоев населения сильно дифференцирована, более явно расслоение потребительского поведения населения проявляется на рынке непродовольственных товаров высокой стоимости, транспортных средств и недвижимости. Недостаток средств не позволяет бедным семьям покупать дорогие предметы быта, досуга, современные средства связи и транспортные средства, рынки которых практически полно-

стью ориентированы на высокодоходные группы населения (табл. 6). Среди малообеспеченных домохозяйств большинство, около 70%, не имеют ни одного такого предмета, а в пятой (высокодоходной) группе таких домохозяйств насчитывается лишь около 35%.

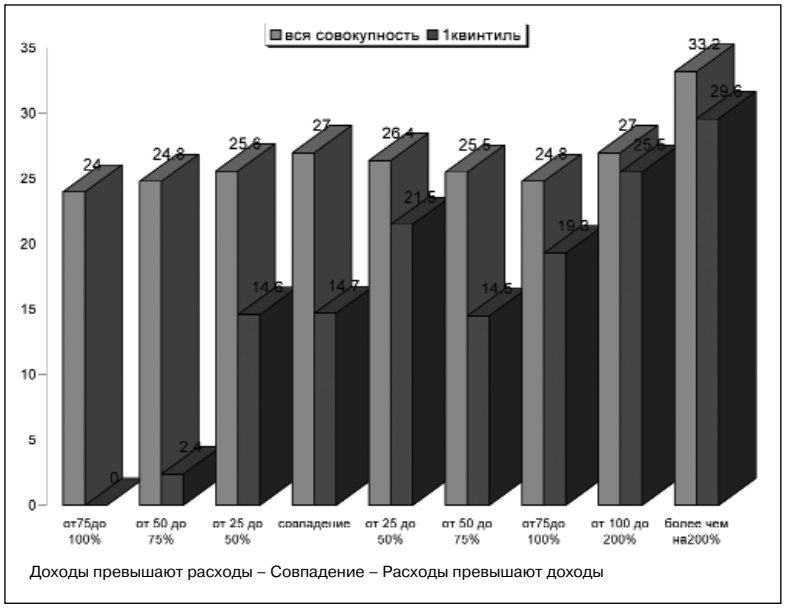
Таблица 6

Концентрация «престижных» предметов длительного пользования и недвижимости в домохозяйстве в зависимости от доходов и расходов домохозяйства, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)

Группа домохозяйств	Наличие предметов длительного пользования и недвижимости					
	Всего	В том числе по концентрации предметов				
		0	1	2	3	4 и больше
Всего	100,0	52,1	29,7	13,2	4,0	0,9
В том числе по доходным группам:						
1-й квинтиль	100,0	64,5	26,2	7,4	1,8	0,1
2-й квинтиль	100,0	61,6	26,5	9,4	2,1	0,4
3-й квинтиль	100,0	54,3	29,5	12,6	3,2	0,4
4-й квинтиль	100,0	45,8	31,5	16,5	5,0	1,2
5-й квинтиль	100,0	34,6	34,7	20,1	8,1	2,4
В том числе по расходным группам:						
1-й квинтиль	100,0	68,8	24,8	5,1	1,2	0,1
2-й квинтиль	100,0	57,0	29,0	11,5	1,9	0,5
3-й квинтиль	100,0	53,1	28,6	14,2	3,6	0,4
4-й квинтиль	100,0	44,5	32,4	16,5	5,7	0,9
5-й квинтиль	100,0	34,3	33,7	20,7	8,7	2,6

Таким образом, наличие дорогостоящих предметов длительного пользования и недвижимости при заявленном низком доходе может служить косвенным доказательством высокого уровня материальной обеспеченности. Подтверждением этого служит *рис. 6*, демонстрирующий, что среди домохозяйств 1-го квинтиля, у которых расходы существенно превышают доходы, велика доля имеющих машину, компьютер и недвижимость.

Рис. 6. Распределение домохозяйств с различными доходными характеристиками по наличию компьютера, транспортных средств и недвижимости в зависимости от соотношения доходов и расходов, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)



Неденежные материальные активы, к которым относятся имущество и собственность, могут служить важными индикаторами уровня жизни домохозяйств, поскольку отражают долговременную связь доходов семей с реальными возможностями потребления. И если принять за аксиому, что по российским потребительским стандартам домохозяйство, имеющее второе жилье или машину, не бедное, даже если имеет низкие текущие доходы, то исключение из бедных таких домохозяйств сокращает бедность на 36–37% для каждого из показателей благосостояния.

5. Заключение

Анализ показателей экономического благосостояния (доходов и расходов) для целей измерения бедности на базе данных РМЭЗ привел к следующим выводам.

Каждый из показателей экономического благосостояния имеет свои достоинства и недостатки. Доход является наиболее простым показателем с точки зрения сбора информации, однако надежность статистики доходов в настоящее время вызывает сомнение. Расходы лучше отражают реальное потребление домохозяйства, но для построения такого показателя требуется собрать значительно больший объем информации, а следовательно он более трудоемкий как для респондентов, так и для исследователей.

Сопоставление показателей доходов и расходов на уровне конкретных домохозяйств выявляет ошибки измерения обоих показателей: только около 59% обследованных домохозяйств имеют расходы на уровне заявленного дохода. Поскольку оба показателя имеют ошибки включения, то наиболее надежным может быть комбинированный критерий, который одновременно учитывает и доходы, и расходы домохозяйств. Сочетание двух методик имеет свои преимущества и позволяет выявить действительно бедные домохозяйства, так как в этом случае бедными будут считаться только те домохозяйства, которые бедны одновременно и по доходам, и по расходам. Домохозяйства, имеющие доход выше доходной черты бедности, но при этом характеризующиеся низким уровнем потребления, не будут рассматриваться как бедные, поскольку причина их относительно низкого потребления не связана с недостатком денежных средств. Домохозяйства, имеющие доход ниже доходной черты бедности, но поддерживающие относительно высокий уровень потребления, также не будут рассматриваться как бедные, так как имеют неучтенный источник доходов.

Необходимость принимать во внимание оба показателя благосостояния также связана с различными оценочными возможностями этих показателей: расходы определяют структуру потребления бедных семей и показывают, все ли базовые потребности домохозяйства удовлетворены. Доходы демонстрируют источники материальных средств, доступных бедному домохозяйству в конкретном обществе.

Поскольку показатели, рассчитываемые как на базе доходов, так и на базе расходов, дают высокую ошибку измерения бедности, то необходимо учитывать не только текущий уровень потребления, но и накопленный жилищный и имущественный потенциал домохозяйства. Особенно важно учитывать владение дорогостоящими, «престижными» предметами длительного пользования и недвижимостью. Эти элементы имущества могут использоваться в качестве корректирующих признаков для монетарных измерителей бедности. Метод позволяет выделить действительно бедные домохозяйства, у которых, во-первых, очень низкие доходы (ниже ПМ), во-вторых, потребление находится на довольно невысоком уровне, и, в-третьих, у них нет имущества и собственности свыше предусмотренного стандартами прожиточного минимума.

Такой подход представляется социально оправданным, поскольку в этом случае помощь будет оказываться, в первую очередь, действительно тем, кто в ней наиболее остро нуждается, и кто не имеет никаких возможностей улучшить свое материальное положение за счет внутренних ресурсов домохозяйства.

Литература

Дифференциация экономического благосостояния и возможные пути ее снижения. Научный отчет по проекту Программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире» / Колл. авт., руководитель темы Л.Н. Овчарова, 2003.

Мисихина С.Г. Социальные пособия, льготы и выплаты в Российской Федерации. Распределение по группам населения с различным уровнем дохода: проблемы и решения. – Москва: Проект ТАСИС «Социальные последствия экономических преобразований и приватизации в Российской Федерации» (EDRUS 9410), 1999.

Овчарова Л.Н. Концепция обследования благосостояния домохозяйств и их участия в программах социальной помощи // Проект содействия структурной перестройке системы социальной защиты населения, SPIL 3.2.1a/29. Москва, 2003.

Пономаренко А. Подходы к определению параметров теневой экономики // Вопросы статистики. 1997. № 1.

Российский статистический ежегодник: Сб. с. Госкомстат России, 1999.

Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России, научный доклад РПЭИ, № 2К/09, 2001.

Анастасия Александрова, Елена Гришина

АНАЛИЗ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ*

Комплексный характер бедности и возросшее внимание к проблеме борьбы с ней обусловили потребности в качественной информации и более детальных исследованиях. Важную роль при проведении и анализе социальных программ могут играть владение активами, демографический профиль, социальный статус населения, а также природные условия, обеспеченность общественными благами и их доступностью, структура экономики и рынка труда. В частности, сельская бедность может быть связана с менее качественным человеческим капиталом, неэффективностью политики социально-экономического развития села, особенностями географического положения территорий. Поэтому важно определить, в какой степени сельская бедность зависит от каждого из этих и других факторов, учитывая неоднородность сельских территорий России.

Проведенные исследования приводят к оценкам уровня бедности сельского населения в диапазоне от 28% до 92%. Однако большинство авторов сходятся в том, что средние располагаемые доходы сельского населения в России очень низки, что отсутствие прямого доступа к услугам здравоохранения и связи, а также территориальная удаленность сельских домохозяйств прямо и косвенно влияют на их доходы, увеличивая вероятность попадания данных домохозяйств в категорию бедных. Считается также, что отсутствие рынка труда на селе приводит к тому, что основная часть доходов сельского населения напрямую зависит от их личного подсобного хозяйства (ЛПХ), ведение которого сопряжено с различными рисками и сезонной непостоянностью.

Задача настоящей статьи состоит в проведении оценки сельской бедности в России и выявлении ключевых факторов, воздействующих на благосостояние населения в сельских районах. Исследование проведено на подвыборке сельского населения в Обследовании бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), проводимом Госкомстатом России. Проанализированы как имеющиеся в базе данных годовые показатели, так и данные всех кварталов 2000 и 2002 гг., с целью учесть сезонность расходов и колебания уровня бедности.

1. Методология

Показатели благосостояния. В настоящем исследовании представлены показатели бедности, рассчитанные как с использованием показателя Госкомстата «располагаемые ресурсы», так и на основе сконструированного нами индикатора благосостояния, а также с добавлением грубой оценки экономии на масштабах.

Построение индикатора благосостояния проводилось на основе принципов и рекомендаций, представленных в статье А. Дитона и С. Заиди (Deaton and Zaidi, 1999). Благосостояние рассматривается в узком монетарном смысле и не включает такие категории, как состояние здоровья, свобода, соблюдение прав человека и т.п. В окончательном виде индикатор благосостояния рассчитывался нами по следующей формуле:

Показатель потребления =

потребительские расходы

– предметы длительного пользования и разовые крупные расходы из категории потребление непродовольственных благ (товаров и услуг)

---

* Авторы выражают признательность сотрудникам Госкомстата РФ О. А. Мухановой, Т. Б. Великановой и И. В. Харламовой за содействие и консультации по работе с данными ОБДХ. Мы также благодарны директору Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) В. Н. Бобкову за ценные замечания и комментарии, высказанные при подготовке доклада. Представленные в тексте взгляды, включая возможные ошибки, отражают мнение авторов.

+ издержки использования предметов длительного пользования (см. ниже)

– суммарные затраты на лекарства, медицинские принадлежности, оборудование и медицинские услуги

+ затраты на ведение личного подсобного хозяйства

– суммарные затраты на сельскохозяйственную технику и электроинструменты для личного подсобного хозяйства и ИТД (а также затраты на их ремонт)

– суммарные затраты на покупку скота и оказание ветеринарных услуг

+ издержки использования сельскохозяйственной техники, электроинструментов для личного подсобного хозяйства и ИТД, скота

+ стоимость натуральных поступлений

– стоимость отданных домашним хозяйством продуктов питания.

Издержки использования предметов длительного пользования. В показатель потребления мы пытались включить оценку текущей потребительной стоимости предметов/товаров длительного пользования (ТДП): мебели, холодильников, стиральных машин, автомобилей, телевизоров и т.п. Включение полной стоимости товаров длительного пользования привело бы к завышению потребительских расходов домашнего хозяйства, однако настоящую попытку оценить текущую стоимость также нельзя признать полностью успешной, поскольку нам не удалось обнаружить достаточно надежной информации о сроках службы ТДП.

Черта бедности. В качестве черты бедности используется прожиточный минимум для каждого региона. В связи с изменением методики расчета и утверждением региональных потребительских корзин, в данных Госкомстата за 2000 г. показатель прожиточного минимума не содержится, поэтому мы произвели его оценку с помощью ИПЦ[1], посчитанного по следующей формуле:

$$ИПЦ_i = \left(\frac{1}{3} \sum_{j=1}^{3} \frac{p_{j2002}}{p_{j2000}} \right)_i ,$$

где

$i = 1, \ldots, 4$ — номер квартала;

p_{j2002} — потребительские цены и тарифы на товары и платные услуги, оказанные населению в j-м месяце 2002 г.;

p_{j2000} — потребительские цены и тарифы на товары и платные услуги, оказанные населению в j-м месяце 2000 г..

Поделив региональный прожиточный минимум 2002 г. на построенный индекс потребительских цен, мы получили оценку прожиточного минимума 2000 г. по регионам.

Определение главы домашнего хозяйства. К сожалению, данные ОБДХ в 2000 г. не позволяют сконструировать собственное определение главы домохозяйства с учетом экономических характеристик. Для данных 2002 г. мы включили в анализ характеристики члена домохозяйства, вносившего в течение последних трех месяцев наибольший вклад в общий бюджет.

Типология домашних хозяйств. Нами были сформулированы два критерия разделения на группы. Критерий I предназначен для выделения домашних хозяйств, возрастная структура которых может значительно влиять (положительно или отрицательно) на возможность получения трудовых доходов, в тогм числе в подсобном хозяйстве. Критерий II позволяет сосредоточить внимание на возможных социальных факторах (образование, здоровье, незанятость), потенциально связанных с предложением труда и способностью зарабатывать. Возможно и наложение критериев друг на друга. В конечном итоге, выделяемые нами группы домашних хозяйств таковы.

---

[1] Данные по индексам потребительских цен и региональным прожиточным минимумам были получены из сборника Госкомстата «Социально-экономическое положение России», 2002.

Критерий I	Домохозяйства пенсионеров Одиночки трудоспособного возраста Матери (отцы) с детьми моложе 18 лет Могодетные семьи с детьми моложе 18 лет с родственниками и без Прочие домохозяйства с детьми моложе 18 лет Прочие домохозяйства
Критерий II	Домохозяйства, имеющие в своем составе временно неработающих граждан Домохозяйства, имеющие в своем составе людей, получающих пособия по безработице Домохозяйства, имеющие в своем составе людей, получающих пенсии по инвалидности Домохозяйства, имеющие в своем составе не работающих по состоянию здоровья лиц Трудоспособного возраста (инвалидов) Домохозяйства, имеющие в своем составе людей с высшим образованием

Показатели бедности. В работе используются популярные среди исследователей показатели Фостера–Грира–Торбеке (Foster, Greer and Thorbecke, 1984): индекс уровня бедности или доля бедного населения, глубина бедности и острота бедности.

Климатические зоны. Разделение на пять температурно-климатических зон было проведено с целью учета в дальнейшем анализе влияния природных факторов на благосостояние. Оно осуществлялось посредством составления для каждого региона индекса, отражающего среднюю температуру июля и среднюю температуру января следующим образом:

$\text{Index}_k = (I_{1k} + I_{2k}) / 2,$

где I_{1k} s квинтильные группы по средней температуре июля, а I_{2k} s квинтильные группы по средней температуре января, k s k-й регион

Возможности интерпретации индекса ограничены тем, что он не учитывает разброс температурных значений

2. Описание характеристик благосостояния сельских домашних хозяйств

Уровень образования. Рассматривая образовательные характеристики сельского населения, отметим высокую долю лиц, имеющих начальное общее образование или не имеющих даже этого уровня – свыше 25% в 2000 г. и 21% в 2002 г. Еще примерно 33% в 2000 г. и 38% в 2002 г. имеют среднее (общее или полное) образование, а доля лиц с высшим образованием едва достигает 10% (7,7% в 2000 г. и 10,7% в 2002 г.). По-видимому, основной «костяк» жителей села, образовательно-квалификационный потенциал которых позволяет им относительно благополучно адаптироваться к трудностям жизни в районах с депрессивной доминирующей отраслью – это лица со средним профессиональным образованием, доля которых близка к четверти.

Показатели уровня образования дают возможность выдвинуть гипотезу, что в настоящее время в сельской местности сосредоточено население, конкурентоспособность образовательно-профессиональных характеристик которого в условиях экономики крупных городов невысока. Поэтому проживание в менее обеспеченных общественными благами сельских территориях, вероятно, является рациональной стратегией и может во многом объяснить замедление потоков миграции населения в города[2].

Показатели занятости. Отметим, что свыше трети работающих респондентов работают на предприятиях, в учреждениях, организациях, что может говорить о сохранении по крайней мере формальной занятости сельчан в бывших коллективных хозяйствах, ставших акционерными обществами. Другим объяснением, вероятно, является предполагаемое нами включение в выборку значительного числа промышленных сельских поселений и районов, в том числе леспромхозов, северных рабочих поселков и т.п.

В 2000 г. лишь незначительная доля респондентов, менее 1%, работали на индивидуальной основе или являлись зарегистрированными фермерами, и практически все респонденты (около 99% в 2000 г. и около 94% в 2002 г.) работали на предприятиях, в организациях или

[2] Данные и обсуждение урбанизации и миграции сельского населения можно почерпнуть в работах А.Г. Вишневского, в т.ч. в Шестом ежегодном демографическом докладе / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Книжный дом «Университет», 2000).

по найму у физических лиц. В то же время в 2002 г. около уже 2,5% респондентов работали на индивидуальной основе или являлись зарегистрированными фермерами. К сожалению, в базе данных ОБДХ 2000 г. отсутствует информация, отражающая потенциал или уровень трудовой мобильности членов домашнего хозяйства, а в базе данных 2002 г. эта информация представлена лишь частично, поскольку в ней игнорируется маятниковая миграция, о значимости которой говорят многие исследования (Pinto et al., 2001).

Жилищные условия и коммунальные удобства. Обеспеченность сельских жителей городскими коммунальными удобствами, на наш взгляд, иллюстрирует два важных момента, связанных с благосостоянием. С одной стороны, тот факт, что большинство семей (51,4% в 2000 г. и 72,7% в 2002 г.) не обеспечено центральным отоплением, может рассматриваться как наглядное свидетельство лишений сельского населения. С другой стороны, не подключенные к центральному отоплению сельчане имеют возможности для управления расходами на данный вид коммунальных услуг, отсутствующих, к примеру, у большинства горожан, для которых центральное отопление и существующие тарифы являются единственным вариантом обеспечения теплом. Жители села могут использовать различные виды обогревателей, начиная с печи, и приобретать источники тепла по различным ценам, а также с помощью собственного труда (заготовка дров).

По сравнению с городскими условиями обеспеченность водопроводом на уровне 56,2% в 2000 г. (58,3% в 2002-м) или канализацией на уровне 47% в 2000 г. (45% в 2002) тоже может выглядеть как лишение сельских жителей общепринятых в России удобств, однако в сравнении с уровнем обеспеченности села городской инфраструктурой в других странах СНГ такой охват свидетельствует скорее об относительно высокой доступности современных коммунальных удобств в селе. Исключением являются услуги связи, которыми охвачено лишь около трети выборки. Отметим также, что почти 37% сельских домохозяйств проживают в отдельных или коммунальных квартирах, т.е. в городских условиях. Крайние жилищные неудобства (проживание в полуподвальном помещении, вагончике, общежитии или коммунальной квартире) испытывают лишь около 1,1% домохозяйств, в то время как около 63% домохозяйств проживают в отдельном доме или части дома.

Наличие предметов длительного пользования. Практически все семьи, независимо от уровня доходов, имеют телевизор и холодильник. Отдельно мы рассчитали показатели наличия предметов длительного пользования, которые можно использовать для производства товарной продукции и услуг. Из перечня имеющихся в опросном листе ТДП к таким мы отнесли автомобили, мопеды, мотоциклы, швейные и вязальные машины. Оказалось, что более четверти сельского населения владеют средствами передвижения, а швейная или вязальная машина имелась у 63% домохозяйств в 2000 г. и у 50% в 2002 г. Таким образом, налицо контраст между имущественной обеспеченностью и декларируемыми низкими доходами, а также высоким расчетным уровнем бедности.

Расходы сельских домохозяйств. Данные о расходах домохозяйств свидетельствуют о том, что сельские жители тратят заметную часть своих средств на приобретение продуктов питания (около 40% в 2000 г. и около 35% в 2002 г.). Доля натуральных поступлений продуктов питания в располагаемых ресурсах домашних хозяйств составила около 25% в 2000 г. и около 23% в 2002 г. Более низкая доля поступлений от ЛПХ, чем денежных расходов на питание, может частично быть результатом включения в выборку сельских районов, образ жизни в которых близок городскому (об этом говорят и охват северных территорий, и статистика жилищных условий). Кроме того, это может быть свидетельством товарности большой доли продукции личных подворий, в пользу чего говорят и данные о продажах домохозяйствами своей продукции. Так, в 2002 г. почти 60% домохозяйств производили продукцию животноводства и 43,7% из них продавали ее. Птица и крупный рогатый скот имеются у значительного числа сельских домохозяйств и являются, по-видимому, основой товарности. Менее товарно растениеводство: лишь 16% занимающихся им домохозяйств продавали свою продукцию, что можно связать с низким уровнем обеспеченности сельчан техникой, необходимой для обработки значительных площадей сельскохозяйственных культур (4% домохозяйств, имеющих трактор, представляют самый высокий уровень обеспеченности различными видами тех-

ники). Наконец, еще одним фактором, объясняющим низкую (относительно денежных расходов на питание) долю поступлений от ЛПХ, может быть участие в формальных рынках труда (высокий уровень занятости по найму), говорить об отсутствии которых в сельской местности, таким образом, неверно. Так или иначе, представление о том, что на селе домохозяйства полностью питаются «с огорода», не вполне подтверждается.

Показатели бедности. В течение 2000 и 2002 гг. наблюдается постепенное устойчивое снижение уровня бедности и крайней бедности от 1-го к 4-му кварталу, вне зависимости от способа расчета индекса численности бедных. Уровень бедности, рассчитанный по располагаемым ресурсам, оказывается примерно на 10–11% ниже, чем расчет по сконструированному показателю благосостояния и настолько же выше, чем расчет на основе показателя благосостояния с учетом экономии на масштабе. Полученные различными способами значения индекса численности бедных и крайне бедных приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Показатели уровня бедности, 2000, 2002 гг., % (по данным ОБДХ)

Показатель	1-й квартал		2-й квартал		3-й квартал		4-й квартал	
	Бедные, % населения	Крайне бедные, % бедных	Бедные, % населения	Крайне бедные, % бедных	Бедные, % населения	Крайне бедные, % бедных	Бедные, % населения	Крайне бедные, % бедных
2000 г.								
По располагаемым ресурсам	68,8	42,5	67,7	42,5	63,3	39,9	59,8	38,8
По индикатору благосостояния	77,4	46,3	76,3	46,7	73,0	41,5	70,1	43,2
По индикатору благосостояния с учетом экономии на масштабе	58,8	29,9	58,5	30,3	53,1	27,9	50,6	27,6
2002 г.								
По располагаемым ресурсам	60,0	35,7	58,8	35,1	55,0	33,6	50,4	30,6
По индикатору благосостояния	69,3	37,7	68,5	37,1	65,4	33,8	61,2	32,8
По индикатору благосостояния с учетом экономии на масштабе	49,1	22,0	47,6	23,2	43,0	20,7	39,8	18,4

На основании описательных статистик невозможно заключить, насколько снижение уровня бедности обусловлено сезонным фактором, ростом экономики в течение 2000 г. или другими причинами, включая государственные закупочные интервенции. Однако в целом тенденции положительны: глубина и острота сельской бедности снижались на протяжении 2000 и 2002 гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Глубина и острота бедности

Показатели	1-й квартал		2-й квартал		3-й квартал		4-й квартал	
	Глубина бедности	Острота бедности	Глубина бедности	Острота бедности	Глубина бедности	Острота бедности	Глубина бедности	Острота бедности
2000 г.								
По располагаемым ресурсам	0,304	0,170	0,297	0,166	0,269	0,147	0,252	0,136
По индикатору благосостояния	0,358	0,205	0,355	0,204	0,321	0,178	0,307	0,171
2002 г.								
По располагаемым ресурсам	0,243	0,128	0,239	0,125	0,213	0,109	0,190	0,095
По индикатору благосостояния	0,291	0,155	0,287	0,152	0,258	0,133	0,240	0,121

Разбивка показателей уровня бедности по типам домашних хозяйств является косвенным индикатором влияния различных социально-демографических факторов, связанных с риском падения доходов. Наиболее благополучно в этом смысле выглядят домохозяйства пенсионеров, менее трети которых являлись бедными в 2000 и в 2002 гг.[3], однако и эта доля весьма велика.

Наибольшей частотой попадания в категорию бедных отличаются многодетные семьи (свыше 90% во всех кварталах 2000 и 2002 гг.), так называемые «прочие домохозяйства с детьми» (более 79% в течение 2000 г. и более 69% в 2002 г.) и домохозяйства, имеющие в составе получателей пособия по безработице, временно безработных граждан или инвалидов трудоспособного возраста (более 75% в 2000 г. и более 69% в 2002 г.). Иными словами, иждивенческая нагрузка и бедность тесно взаимосвязаны.

3. Модель и результаты анализа сельской бедности

Будем исходить из предположения, что высокий уровень сельской бедности может быть обусловлен, во-первых, особенностями человеческого капитала в сельских районах и, во-вторых, низкой эффективностью политики социально-экономического развития села, проводимой на региональном и местном уровнях. Соответственно, модель предполагает наличие устойчивых связей между благосостоянием домашнего хозяйства и его различными характеристиками (образовательно-квалификационными, социально-демографическими, пространственными).

Анализ факторов бедности проводится взвешенным методом наименьших квадратов, где логарифм выбранного показателя благосостояния используется в качестве зависимой переменной, а регрессоры отражают выбранные нами и доступные в базе данных характеристики домашних хозяйств. В качестве весовой функции использовались веса *kvzv*, взятые из квартальных файлов по семье бюджетного обследования домашних хозяйств Госкомстата.

Результаты расчетов приводятся в приложении (только значимые коэффициенты). Они показывают, что и в 2000-м, и в 2002 г. риск бедности в сельской местности возрастал при увеличении числа детей, в особенности малолетних, и появлении в составе домохозяйства безработных. Отрицательное влияние на благосостояние оказывает и низкий образовательный потенциал. Напротив, к числу факторов, способствующих повышению благосостояния и снижению социального риска, можно отнести высокий уровень образования членов домохозяйства и преобладание в нем мужчин трудоспособного возраста. Присутствие в семье фермера или предпринимателя также положительно сказывается на уровне благосостояния. Таким образом, получает подтверждение предположение о связи бедности с трудовым потенциалом домохозяйства, а тем самым становится очевидно и то, что на селе существуют рынки труда, вознаграждающие более высокие профессионально-квалификационные характеристики и более производительный труд. Мы не можем сделать вывод о том, в какой степени такое положение дел объясняется приложением сельскими жителями своего труда в городской экономике (посредством маятниковой миграции, вахтовой работы и т.п.); для этого необходимо более подробно изучить масштабы, формы и направления трудовой миграции.

Положительное влияние оказывает и присутствие в семье льготополучателей, которые, хотя во многом и относятся к социально уязвимым категориям, снижают уровень расходов своей семьи за счет использования льгот. Интересно, что размер домохозяйства устойчиво положительно связан с уровнем благосостояния; по-видимому, за счет возможной экономии на масштабах и разделении труда (в том числе обязанностей по оптимизации расходов, выполнении домашней работы и работы на участке) между членами домохозяйства. Последнее, однако, является лишь предположением.

Высшее образование главы домохозяйства, статус руководителя и занятость в добывающей отрасли повышают благосостояние домохозяйства, в то время как низкий уровень образования и наличие инвалидности у главы домашнего хозяйства снижают уровень благосостояния. В целом анализ детерминант благосостояния, связанных с характеристиками чело-

[3] Расчет на основе сконструированного показателя благосостояния.

веческого капитала, четко указывает на необходимость социального инвестирования в формирование высокого образовательно-квалификационного уровня, по крайней мере, сельской молодежи, а также на важность содействия трудоспособным лицам с низким образовательным уровням в повышении доходов за счет приобретения более производительных трудовых навыков. В то же время отметим возможную неустойчивость положительного влияния такого фактора, как занятость в добывающих отраслях, перспективы развития которых зависят от множества параметров мировой конъюнктуры, а следовательно, несут в себе скрытые в настоящее время социальные риски.

Среди характеристик территории проживания сельских домохозяйств наиболее значимыми и отрицательными оказались доля сельского хозяйства в экономике региона и уровень безработицы. Тот факт, что проживание сельской семьи в регионе, где доля сельского хозяйства высока, отрицательно сказывается на ее благосостоянии, не удивителен, так как данная отрасль является застойной. Отрицательная связь благосостояния и суммарного показателя температур в регионе проживания может быть отнесена на счет этого же фактора, так как в область наиболее высоких температур попали преимущественно сельскохозяйственные регионы (Кавказ, Кубань, отдельные области Черноземья). Принятый нами в качестве косвенной оценки уровня жизни показатель численности автомобилей на 1 000 населения оказался значимым лишь во 2-м и 4-м кварталах 2000 г., и его положительная связь с благосостоянием крайне невелика.

4. Заключение

Общий вывод из проведенного исследования состоит в том, что проблема сельской бедности, хотя и не является наиболее масштабной вследствие высокого уровня урбанизации в России, имеет весьма острый характер. Большинство сельского населения, в среднем около трех четвертей, может считаться бедным при использовании показателя прожиточного минимума. Как абсолютные значения, так и динамика показателей Фостера–Грира–Торбеке свидетельствуют о необходимости пересмотра целевой функции социальной политики по отношению к жителям села, то есть об отказе от ориентации на снижение численности/доли бедного населения и переходе к реализации практических задач, направленных на снижение глубины бедности. С учетом бюджетных ограничений и альтернативных издержек направления общественных ресурсов на социальную помощь жителям села, в качестве целевой группы при этом должна рассматриваться не вся совокупность бедного населения, а только крайне бедные.

Сказанное выше означает введение более жестких критериев в понятие «адресность» социальных программ, реализуемых в сельской местности. Одним из возможных путей повышения эффективности социальной поддержки может являться переход к относительной черте бедности, рассчитываемой на основании информации о потреблении сельского населения в каждом регионе, или введение в оценку нуждаемости элементов ранжирования домохозяйств по отношению друг к другу. К числу таких элементов можно отнести, например, введение имущественного ценза в сочетании с анализом информации о трудовом потенциале семьи.

Анализ факторов, способствующих снижению или, напротив, росту благосостояния сельских домохозяйств, показал как неоднородность сельской бедности, так и ее значительную связь с трудовым потенциалом, т.е. человеческим капиталом домохозяйств. Замедление и даже прекращение в ряде регионов миграции из села в город является косвенным подтверждением одной из гипотез настоящего исследования, которая состоит в том, что проживание в сельской местности для большинства является результатом осмысленного решения. Сравнивая ожидаемые издержки и выгоды сельской жизни в сравнении с проживанием в городе, где рынок труда является более конкурентным, а стоимость жизни выше, сельские жители все чаще предпочитают оставаться в родных местах.

Единственным ограничением справедливости данного тезиса может быть низкий уровень мобильности отдельных категорий граждан (например, одиноких пенсионеров) или жителей труднодоступных районов. Они не составляют большинство сельского населения,

но изучение мобильности сельского населения представляется необходимым для получения количественных оценок и прояснения той роли, которую экономика городов играет в обеспечении благосостояния жителей села посредством их занятости, предоставления рынков сбыта и общественных благ. База данных ОБДХ обладает всеми характеристиками для анализа трудовой мобильности, особенно важна возможность исследования ее сезонных колебаний. Таким образом, можно рекомендовать разработку и включение небольшого блока вопросов, посвященных опыту, намерениям, целям и препятствиям трудовой миграции, а также направлений и масштабов внутриотраслевой мобильности сельских занятых.

Мы уже отмечали, что основные факторы, способствующие попаданию сельских домохозяйств в категорию бедных, – это иждивенческая нагрузка на домохозяйство и его низкий образовательный потенциал. В этой связи вновь необходимо сказать о низкой вероятности успеха единообразной социальной программы поддержки сельского населения. Результаты расчетов указывают скорее на необходимость сочетания нескольких подходов к повышению благосостояния сельчан, а именно:

а) ориентации на развитие человеческого капитала, например, посредством целевых образовательных кредитов для сельской молодежи;

б) внедрения в программы социальной поддержки элементов развития, то есть вывода сельских семей на самообеспечение;

в) учета как социально-экономической специфики сельских районов (например, наиболее перспективных видов возможной несельскохозяйственной деятельности, необходимости развития инфраструктуры), так и всей совокупности потребностей нуждающихся в помощи домохозяйств.

Что касается углубления наших представлений о характере сельской бедности и протекающих на селе социальных процессах, исследование позволяет дать еще несколько рекомендаций, касающихся расширения информационной базы анализа. В частности, существенное улучшение предложенной модели может быть достигнуто, если она будет применяться к данным, содержащим информацию о занятости сельских жителей, ее характере и отраслевой принадлежности. Это позволит гораздо глубже проанализировать связь между уровнем благосостояния, производительностью труда и территориальными факторами.

Литература

Байков А.Е. Тенденции в формировании доходов сельского населения, Труды Независимого научного аграрно-экономического общества, Вып. 4, Российский агропромышленный комплекс и мировой продовольственный рынок. М.: Издательство МСХА, 2000.

Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // Мир России. 2000. № 3.

Пастухов А., Журиков О. Личные подворья основной источник доходов селян. Ростовская область, Тарасовский район // Аграрная реформа. Экономика и право. 2000. № 3.

Родионова Г.А. Доходы и занятость сельских жителей. Лодейнопольский район Ленинградской области // Аграрная реформа. Экономика и право. 2000. № 3.

Родионова Г. А. Сельская бедность в России // Мир России. 2000. № 3.

Deaton A. and Zaidi S. «Guidelines for Constructing Consumption Aggregates for Welfare Analysis», RPDS Working Paper 192, 1999.

Foster J. E., Greer J., and Thorbecke E. "A Class of Decomposable Poverty Indices" // Econometrica, 52(3), 1984.

International Fund for Agricultural Development, Rural Poverty Knowledgebase, Rural Poverty Report 2001, «The Challenge of Ending Rural Poverty». 2001.

Pinto B. et al. The Russian Federation After the 1998 Crisis: Towards "Win-win" Strategies for Growth and Social Protection. The World Bank, 2001.

Ravallion M. «Poverty Comparisons», Harwood Academic Publisher, 1994.

Satterthwaite D. «Rural and Urban Poverty: Understanding the Differences» // Economic Perspectives, Vol. 6, No. 3, 2001.

Seeth H. T., Chachnov S., Surinov A., Braun J. «Russian Poverty: Muddling Through Economic Transition with Garden Plots» // World Development Vol. 26, No. 9, pp. 1611–1623, 1998.

Spryskov D. «Persistent Poverty in Russia», NES, Best student papers, Working paper # BSP/2000/037 E, 2000.

Приложение. Результаты регрессионного анализа

Таблица П1

Наименования и значения зависимых переменных, используемых в регрессионном анализе, 2000, 2001 гг.

Название	Значение	2000	2002
trnsp	Бинарная переменная: «получение льгот на оплату транспортных расходов»	+	+
jile	Бинарная переменная: «получение льгот на оплату жилья»	+	+
stroi	Бинарная переменная: «получение льгот на строительство и ремонт жилья»		+
medobs	Бинарная переменная: «получение льгот на медицинское обслуживание»	+	+
gift	Бинарная переменная: «получение подарков от организаций»	+	
pitan	Бинарная переменная: «получение льгот на питание»		+
otdix	Бинарная переменная: «получение льгот на отдых»		+
obuch	Бинарная переменная: «получение льгот на обучение»		+
detsad	Бинарная переменная: «получение льгот на содержание детей в детсадах		+
other	Бинарная переменная: «другие льготы»	+	+
legk_00	Число автомобилей на 1000 человек населения в регионе	+	
ub_00	Уровень безработицы в регионе	+	
sh_sx	Доля сельского хозяйства в ВРП	+	
sh_high	Доля людей с высшим образованием	+	+
sh_low	Доля людей, имеющих образование ниже основного общего	+	+
sh_pens	Доля пенсионеров	+	+
sh_unem	Доля безработных	+	+
sh_disb	Доля инвалидов	+	+
pred	Бинарная переменная: «наличие членов семьи-предпринимателей»	+	+
ferm	Бинарная переменная: «наличие членов семьи-фермеров»	+	+
naim	Бинарная переменная: «наличие членов семьи, работающих по найму»	+	+
temper	Сумма средних температур января и июля в регионе	+	+
sh_male	Доля мужчин трудоспособного возраста	+	+
sh_sk	Доля детей в возрасте до 6 лет	+	
sh_kid	Доля детей в возрасте от 7 до 18 лет	+	
sh_child	Доля детей в возрасте до 18 лет		+
sngl_ma	Бинарная переменная: «главой домохозяйства является одинокая мать»	+	+
hh_size	Размер домохозяйства	+	+
h_high	Бинарная переменная: «глава д/х имеет высшее образование»		+
h_low	Бинарная переменная: «глава д/х имеет образование ниже основного общего»		+
h_unm	Бинарная переменная: «глава д/х является безработным»		+
h_dsb	Бинарная переменная: «глава д/х является инвалидом»		+
dobicha	Бинарная переменная: «глава д/х работает в добывающей отрасли»		+
h_rkovd	Бинарная переменная: «глава д/х работает руководителем»		+

Таблица П2

Результаты расчетов коэффициентов регрессии, 2000 г.
(зависимая переменная — логарифм показателя благосостояния)

Переменные	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
константа	7,3557***	7,3251***	7,4637***	7,5067***
sh_male	0,1153***	0,0937***	0,1680***	0,1504***
sh_sk	–0,5480***	–0,5680***	–0,5313***	–0,5440***
sh_kid	–0,2472***	–0,2083***	–0,1121***	–0,2045***
sh_high	0,1968***	0,2111***	0,2387***	0,2401***
sh_low	–0,1386***	–0,1393***	–0,1471***	–0,1421***
sh_pens	–0,2443***	–0,2589***	–0,1670***	–0,2814***
sh_unem	–0,4260***	–0,3811***	–0,3400***	–0,5353***
sh_disb	–0,2250***	–0,2187***	–0,1699***	–0,3544***
trnsp		0,1079***	0,1270***	0,1171***
jile	0,0837***	0,0926***	0,0648***	
medobs		0,2550***		
gift	0,2479***	0,1141***		
other		0,1072***	0,0827***	0,0756***
legk_00		0,0007***		0,0010***
ub_00	–0,0449***	–0,0430***	–0,0484***	–0,0263***
sh_sx	–0,1485***	–0,1195***	–0,2629***	–0,1424***
pred	0,1452***	0,3515***	0,1737***	
ferm		0,2244***		0,2485***
naim			0,0421**	
temper	–0,0048***	–0,0039***	–0,0050***	–0,0056***
sngl_ma		–0,0560**		–0,0499***
hh_size	0,1869***	0,1750***	0,1936***	0,1811***
R^2 adj.	0,260	0,257	0,267	0,297
F-statistics (Sign.)	380,229 (0,000)	267,725 (0,000)	348,928 (0,000)	375,327 (0,000)

Примечание. *** – уровень значимости 1%, ** – уровень значимости 5%.

Таблица П3

Результаты расчетов коэффициентов регрессии, 2002 г.
(зависимая переменная — логарифм показателя благосостояния)

Переменные	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
константа	7,6764***	7,6839***	7,8185***	7,9809***
sngl_ma			–0,0730***	–0,0977***
sh_child	–0,1852***	–0,1720***	–0,1344***	–0,2350***
sh_male	0,1543***	0,1481***	0,1692***	0,1222***
sh_pens	–0,1061***	–0,1086***	–0,0852***	–0,2068***
sh_unem	–0,4592***	–0,3739***	–0,4790***	–0,4179***
sh_disb	–0,1097***		–0,1455***	–0,1078**
sh_high	0,1431***	0,2324***	0,1486***	0,2042***
sh_low	–0,1407***	–0,1290***	–0,0642***	
trnsp	0,0833***	0,1071***	0,1172***	0,1171***
jile	0,0792***	0,0488***	0,0290***	0,0822***
stroi		0,4687***	1,1098***	1,2725***
pitan	0,1233***		0,1086***	0,0899***
otdix	0,3219***	0,2631***	0,1419**	0,3715***
detsad				0,2865***
obuch	0,2721***		0,2216***	
other	0,1871***		0,1187***	
hh_size	0,1548***	0,1530***	0,1602***	0,1536***
temper	–0,0029***	–0,0026***	–0,0058***	–0,0043***
pred	0,0863***	0,1659***	0,1607***	0,1365***
ferm	0,2700***	0,1824***	0,2827***	0,5189***
naim	0,2050***	0,2404***	0,2263***	0,1679***
h_dsb		–0,0991***		–0,0993***
h_high			0,0844***	0,0490**
h_low		–0,0548***	–0,0547***	–0,2081***
dobicha	0,1515***	0,1435***	0,3058***	0,2754***
h_rkovd	0,2555***	0,2052***	0,1169***	0,1314***
R^2 adj.	0,297	0,298	0,306	0,326
F-statistics (Sign.)	366,821	387,704	320,026	366,883
	(0,000)	(0,000)	(0,000)	(0,000)

Примечание. *** – уровень значимости 1%, ** – уровень значимости 5%.

Галина Родионова

ОЦЕНКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО РАЙОНА

Данные Обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), проводимого Госкомстатом, а также статистические обследования в других странах показывают, что для сельского населения риск оказаться ниже черты бедности значительно выше, чем для городского. На селе больше и глубина бедности. Российские ученые давно указывают на обострившуюся в последнее десятилетие проблему сельской бедности (см., например: Овчарова, Пишняк, 2003). Государственное управление на федеральном, региональном и районном уровнях ставит задачу разработки и осуществления социальных программ, направленных на снижение сельской бедности[1]. При реализации этих программ встает задача выявления наиболее неблагополучных районов и последующего мониторинга бедности сельского населения в этих районах. Для оценки эффективности разработанных мер необходимо сопоставлять показатели бедности как в отдельном районе в различные периоды времени, так и в различных районах в один и тот же период времени. Показатели бедности по отдельным сельским районам необходимы для осуществления адресной социальной политики. Эти требования выводят нас за традиционные рамки статистического наблюдения, которое не ставило задачу измерения бедности сельского населения в отдельном районе и даже регионе.

1. Альтернативные подходы к мониторингу бедности сельского населения на районном уровне

Основой мониторинга бедности сельского населения административного района может служить репрезентативный панельный выборочный опрос домохозяйств. Но данный вариант весьма дорог, требует средств, сопоставимых со стоимостью самой социальной программы, реализуемой в районе. Кроме того, инструментарий, используемый в ОБДХ, весьма сложен и недоступен для многих сельских жителей. Далеко не все селяне способны к аккуратному ведению дневниковых записей всех расходов домохозяйства в течение двух недель; следовательно, нарушается принцип равновероятного попадания любого домохозяйства в выборку. В депрессивных районах доля деградирующих сельских семей год от года может возрастать.

Автором предлагается другой подход, при котором основу мониторинга составляют данные похозяйственного учета и существующие данные государственной и административной статистики, а в качестве вспомогательных материалов используются данные одномоментных выборочных опросов домохозяйств и экспертные заключения. Он позволяет минимизировать затраты на мониторинг и получить при этом достаточно полную информацию о динамике бедности, доходов и занятости сельского населения.

Предлагаемая методика мониторинга опробована при реализации проекта «Обеспечение занятости и повышение доходов сельского населения», осуществленного с 01.09.99 г. по 31.08.03 г. Росагрофондом в Ленинградской области при финансовой поддержке Министерства международного развития Великобритании[2]. Главным источником информации о доходах сельских жителей служил похозяйственный учет. Этот документ ведется сельскими администрациями во всех областях России. В нем содержится ежегодно обновляемая информация о каждом домохозяйстве, расположенном на подведомственной территории, в ча-

---

[1] В частности, в соответствии с решением комиссии Правительства РФ по вопросам АПК от 26 июня 2003 г. разрабатывается концепция устойчивого развития сельских территорий, приоритетом которой является снижение бедности.

[2] Будучи сотрудником проекта, автор отвечал в нем за мониторинг уровня доходов и занятости сельского населения пилотного района.

стности: список проживающих лиц, год рождения каждого лица, сведения об образовании, занятости (место работы и должность), пенсиях; размеры землепользования, сведения о правах на землю, о посевных площадях под основными культурами, о численности различных животных, находящихся в собственности домохозяйства.

Согласно ныне действующему порядку, похозяйственный учет находится в двойном ведении: муниципальных образований (финансовое содержание) и Госкомстата (информация). Инструкции по ведению похозяйственного учета разрабатываются областными комитетами по статистике[3], ведение похозяйственных книг возложено на сельские администрации. Районные отделы статистики аккумулируют данные похозяйственного учета. Похозяйственные книги обновляются раз в пять лет, последняя замена произошла в 2002 г. В настоящее время на федеральном уровне разрабатывается новый порядок ведения похозяйственных книг.

Прямые данные о величине доходов (заработная плата, пенсии, пособия и др.) всех членов домохозяйств в похозяйственных книгах отсутствуют, поэтому для оценки доходов информацию из похозяйственных книг необходимо дополнить данными из других источников.

В качестве основного показателя благосостояния домохозяйств мы использовали оценку величины дохода. Выбор этого показателя объясняется несколькими причинами. Прежде всего, на наш взгляд, самым важным в стратегии снижения бедности является *обеспечение всем жителям доступа к легальным источникам дохода*, а не какого-то определенного стандарта потребления – что предполагает менее патерналистскую ориентацию государства и более активную позицию населения. Уровень дохода лучше отражает доступность различных благ для домохозяйства, чем уровень потребления: низкий уровень потребления может быть добровольным выбором богатых людей, а относительно высокий уровень потребления в бедных семьях в течение длительного периода может обеспечиваться, например, усилиями религиозной общины, что, на наш взгляд, не решает *государственную* проблему снижения бедности.

Вторым доводом в пользу оценки уровня доходов послужило то, что список их источников, полученный путем экспертного опроса, в сопоставлении с имеющейся на муниципальном уровне информацией о них, давал надежду получить достаточно точные оценки по каждому сельскому домохозяйству.

В течение года уровень доходов сельских жителей меняется более резко, чем уровень потребления, но на среднегодовых значениях эта разница не сказывается. Сыграли свою роль и ресурсные ограничения на проведение мониторинга, не позволившие осуществить репрезентативный выборочный панельный опрос домохозяйств.

Хотя в качестве основного показателя мы использовали уровень доходов, изменения в уровне потребления за период проекта также были оценены нами с помощью качественных исследований, проведенных на предварительной и завершающей стадиях проекта (фокус-группы с использованием техник PRA), что позволило дополнить картину, сложившуюся из динамики показателей доходов.

Экспертный опрос и PRA-исследование на предварительной стадии проекта позволили выявить перечень источников доходов сельского населения в пилотном районе (Лодейнопольский район Ленинградской области):

1) заработная плата;
2) пенсии;
3) социальные пособия (на детей и др.);
4) пособия по безработице;
5) производство продукции в личных подсобных хозяйствах (ЛПХ);
6) сбор и реализация дикорастущих ягод и плодов;
7) предпринимательский, в частности фермерский, доход;
8) доходы от собственности (плата за аренду земельной доли, дивиденды на акции).

По-видимому, этот перечень довольно типичен для сельской местности – в Орловской области, где также осуществлялся проект, он включал те же компоненты.

---

[3] Для анализируемого нами района см.: Указания..., 2001.

Охарактеризуем источники информации по каждому из указанных пунктов.

Общая оценка доходов сельских семей района была произведена путем выборочного обследования, для чего в двух из восьми волостей района для каждой семьи ежегодно рассчитывался валовой доход за каждый год начиная с 1999 г. Выбор волостей был обусловлен тем, что в них администрации наиболее аккуратно и полно вели похозяйственный учет, а условия жизни населения типичны для района в целом. Результаты можно считать представительными для сельского населения района, поскольку объем выборки достаточно велик (около полутора тысяч жителей) и составляет 13% от генеральной совокупности.

При оценке доходов от трудовой деятельности использовались данные районного отдела статистики о средних выплаченных зарплатах на предприятиях (с учетом сальдо задолженности по зарплате), в которых заняты сельские жители. Районный отдел статистики располагал данными о среднем размере и динамике заработной платы и о задолженности по заработной плате на конец и начало года по каждому крупному предприятию и целому ряду мелких, на которых были заняты сельские жители.

Полная информация по каждой сельской семье о пенсиях, пособиях по безработице и социальных пособиях была взята из баз данных соответствующих служб (районные отделения Пенсионного фонда, Центра занятости населения и муниципального отдела социальной защиты населения). Поскольку эти данные имеются в персонифицированном виде, это позволило распределить получателей пенсий и пособий по домохозяйствам.

Для оценки доходов от ЛПХ были использованы данные похозяйственного учета о посевных площадях под основными культурами, о количестве скота и птицы, а также данные районного отдела статистики о ценах на основные продукты, производимые в личных хозяйствах, и об урожайности картофеля и овощей в хозяйствах населения (см. приложение). Кроме того, использовались данные выборочного опроса 30–40 семей, а также данные ОБДХ.

Сложно было оценить доходы от сбора дикорастущих плодов, которые для отдельных семей могут превышать доходы от ведения ЛПХ и компенсировать потерю рабочих мест. Для расчетной оценки дохода из этого источника использовались экспертные заключения, ежегодные опросы выборки семей (30–40 домохозяйств) и данные похозяйственного учета. К сожалению, малый объем выборки и значительный разброс полученных данных делают соответствующую оценку весьма приближенной.

Фермерские доходы были оценены по методике, разработанной для ЛПХ, поскольку подавляющее большинство официально зарегистрированных фермеров по уровням производства и реализации продукции не отличались от ЛПХ.

Предпринимателей, проживающих в сельской местности, – буквально единицы (в 1999 г. в двух обследованных волостях проживали три предпринимателя). При расчете уровня бедности доходы их семей были оценены как превышающие прожиточный минимум (что полностью соответствовало их ответам на вопрос, превышает ли получаемый ими доход величину ПМ для семьи).

Ограничения, которые накладывает выбранный подход для оценки доходов, состоят в следующем: во-первых, данные о заработной плате являются средними по сельхозпредприятию или другой организации, в которых заняты члены домохозяйства; во-вторых, оценки доходов от личного подсобного хозяйства осуществляются путем нормативных расчетов исходя из размера посевных площадей и поголовья скота для конкретных домохозяйств. Таким образом, основная проблема данного подхода заключается в недостаточной персонификации учета доходов домохозяйств.

Перечисленные выше источники информации не позволяют также оценить внелегальную[4] экономическую деятельность, никак не отражающуюся в официальных документах: приработки у предпринимателей и дачников, производство несельскохозяйственной продукции и услуг на дому. Из экспертного опроса следовало, что народные промыслы в данной сельской местности не распространены. В районе проживают несколько пожилых мастеров,

[4] Термин внелегальная означает не регистрируемая в системе принятого права. Криминальная экономическая деятельность составляет только часть внелегальной.

которым даже некому передать свои навыки из-за отсутствия у молодежи интереса к такой трудоемкой и низкодоходной деятельности – плетение лозы, вязание крючком, домашнее ткачество. Несмотря на хорошую экологическую ситуацию и эстетическую привлекательность местности, сельский туризм практически отсутствовал, местные жители не имели никаких навыков обслуживания туристов.

В июле 2002 г. в рамках проекта в районе был проведен массовый опрос (более 400 домохозяйств), позволивший оценить такой источник доходов как приработки за 2001 г.: в валовом доходе семей он составил 4,1%, а народные промыслы и другая несельскохозяйственная деятельность в личном хозяйстве – 0,1%. Дополнительная занятость в организациях мала из-за ограниченности мест приложения труда.

Путем качественных исследований было установлено, что криминальная экономическая деятельность в сельской местности района в основном представлена распространением подпольно произведенного алкоголя. Одна семья, производящая алкоголь, приходится примерно на 20 домохозяйств, т.е. в этот бизнес втянуто около 5% сельских семей). Еще один источник теневых доходов – нелегальная вырубка и вывоз леса. Хотя оценить размеры этого источника дохода не представилось возможным, можно было заключить, что это не стихийно складывающийся мелкий бизнес, вроде самогоноварения на продажу, а вполне сложившийся крупный. Сельские жители выступают в нем не как предприниматели или менеджеры, а в роли наемных работников низшего звена; поэтому маловероятно, чтобы они получали значительные доходы из данного источника (хотя эти доходы и превышают государственные трансферты).

2. Оценки величины доходов в 1999–2001 гг.

В табл. 1 приводятся изменения показателей, полученные по нашей методике, в сопоставлении с данными ОБДХ по сельской местности Ленинградской области. Число сельских домохозяйств Ленинградской области, включенных в ОБДХ, весьма мало (примерно 150), чтобы делать какие-то обобщения по сельскому населению региона, поэтому Госкомстат никогда и не публиковал соответствующих оценок. Тем не менее это единственный источник информации такого рода о сельских домохозяйствах области, и было бы опрометчиво пренебречь им, анализируя данные, полученные по нашей методике.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели сельских домашних хозяйств, 1999–2001 гг.

Показатель	Ленинградская область*			Лодейнопольский район**		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Число наличных членов домохозяйств, в среднем на 100 домохозяйств, чел.	**261**	**261**	**X**			
Работающие по найму и занятые предпринимательской деятельностью	121	122	X	77	71	68
В том числе пенсионеры	9	8	X	3	2	2
Временно неработающие	9	7	X	44	38	27
В том числе получающие пособие по безработице	1	1	X	2	2	3
Пенсионеры неработающие	37	37	X	62	62	60
Дети до 14 лет	55	49	X	38	36	34
Прочие члены домохозяйства	39	46	X	30	34	24
Соотношение иждивенцев и работающих	0,9	0,8	X	2,1	2,1	2,1
Располагаемые ресурсы, в среднем на члена домохозяйства в месяц, руб.	**902**	**1319**	**1821**	**X**	**X**	**X**
валовой доход	900	1318	1808	669	954	1220
денежный доход	825	1222	1678	X	X	X
стоимость натуральных поступлений	75	96	130	81***	142***	194***
сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений	2	1	13	X	X	X

* По данным ОБДХ (150 домохозяйств).

** По данным базы, сформированной на основе похозяйственных книг (БДПК); данные о членах домохозяйств получены из похозяйственного учета по всем восьми волостям района; данные о доходах – в результате сплошного обследования двух волостей (600 домохозяйств).

*** Стоимость продукции, произведенной в ЛПХ, в среднем на члена домохозяйства.

Лодейнопольский район является периферийным (райцентр расположен в 240 км от Петербурга). Его показатели типичны для периферии: доля пенсионеров выше, а доля детей ниже, чем по области в целом; доля работающих по найму меньше, а доля не имеющих работы больше, что отразилось и в данных табл. 1. Не имея сведений о привлеченных средствах и израсходованных сбережениях, мы вынуждены были ограничиться валовым доходом. Качественные исследования показали, что доступ сельскому населению к кредитам был практически закрыт, а сбережений не оставалось, поэтому валовой доход очень близок к величине располагаемых ресурсов (о том же свидетельствуют и данные ОБДХ). Валовой доход семей в районе значительно ниже, чем по области. Это согласуется с другими показателями, предоставленными облкомстатом: доля убыточных предприятий в районе в 2001 г. вдвое превышала областной показатель (74% против 37%), а уровень заработной платы был ниже, чем в большинстве муниципальных образований области, в полтора раза меньше, чем по области в целом.

Рассмотрим подробнее структуру доходов в административном районе по БДПК (база данных, сформированная на основе похозяйственных книг). Основными источниками дохода сельских жителей района являлись заработные платы и пенсии. В сумме на них приходится около трех четвертей дохода. Большое значение имели также доходы от ведения ЛПХ и от сбора и реализации дикоросов, вместе они составляли около четверти дохода семей. Значение социальных пособий и пособий по безработице мало (табл. 2).

Таблица 2

Источники доходов сельских жителей Лодейнопольского района, 1999–2001 гг.

Источник дохода	На жителя, руб. в месяц			Структура, %		
	1999	2000	2001	1999	2000	2001
Всего	**669**	**954**	**1220**	**100**	**100**	**100**
Выплаченная заработная плата	343	425	555	51	45	45
Пенсии	145	221	306	22	23	25
Социальные пособия (на детей и др.)	9	14	10	1	1	1
Выплаченные пособия по безработице	6	2	3	1	0	0
Продукция ЛПХ	81	142	194	12	15	16
Сбор и реализация дикоросов	83	145	152	12	15	13
Фермерский доход	2	5	0	0	1	0

Источник: БДПК.

Как видно из табл. 2, в среднем основным источником доходов сельских жителей является заработная плата. Второй по важности источник доходов – пенсии. Каждый четвертый из проживающих в сельской местности – пенсионер. Улучшение общей экономической ситуации позволило несколько повысить размер пенсий, благодаря чему многие семьи пенсионеров оказались выше черты бедности.

Третий важный источник дохода – ведение ЛПХ. Производством продукции в личных хозяйствах заняты практически все семьи. За три года доходы от ЛПХ возросли как абсолютно, так и относительно, но в основном за счет роста цен на продукцию ЛПХ, а не увеличения ее объемов. При улучшении экономической ситуации в сельском хозяйстве сельские жители предпочитают наемный труд в сельскохозяйственных организациях самозанятости в ЛПХ.

Сбор дикорастущих ягод и плодов не только пополняет продовольственные корзины семей, но и приносит денежный доход, который иногда может превышать доходы от ведения ЛПХ и частично компенсировать потерю рабочего места. Размер дохода колеблется в зависимости от урожая и цен на ягоды.

Фермеров пока в районе крайне мало. Например, в двух обследованных волостях проживали два фермера, размеры их землепользования (1 гектар под картофелем) незначительны, хотя и превышают ЛПХ. По этим причинам доходы от фермерской деятельности в совокупной структуре доходов селян представлены маленькими цифрами.

Предприниматели (на селе это обычно мелкие торговцы или люди, занятые извозом) свои доходы стараются не показывать, а по мере расширения деятельности перебираются

в город. В 1999 г. в обследованных волостях проживали три предпринимателя, при расчете уровня бедности их доходы были оценены как превышающие прожиточный минимум.

В 1999 г. сельские жители не получали ни дивидендов, ни доходов от собственности на земельные доли, хотя многие из них являлись собственниками земельных долей. В дальнейшем договоры аренды земельных долей на ряде предприятий были оформлены, но первые выплаты по ним пришлись на 2002 г.

3. Профиль бедности

При мониторинге бедности главный интерес представляют следующие показатели:

1) среднедушевой доход сельского домохозяйства по району;

2) уровень бедности (доля сельского населения, проживающего в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума);

3) обеспеченность сельских семей продуктами питания;

4) товарность основных видов продукции ЛПХ.

Средний ПМ для района рассчитывался в областном Комитете по труду и социальной защите населения, исходя из половозрастной структуры населения и данных мониторинга районных цен (табл. 3).

Таблица 3

Месячный прожиточный минимум различных категорий жителей Лодейнопольского района, 2001 г., руб.

Статья расходов	В среднем на жителя	Социально-демографическая группа				
		Дети 0–6 лет	Дети 7–15 лет	Женщины 16–54 года	Мужчины 16–59 лет	Пенсионеры
Продукты питания	701	591	846	651	792	592
Непродовольственные товары	196	152	216	226	275	91
Услуги	274	65	256	320	322	209
Налоги	79	0	0	124	149	0
Итого прожиточный минимум	1250	808	1318	1321	1538	892

Главной особенностью периферийного района является то, что бедность там глубже, чем в целом по области (табл. 4). Уровень сельской бедности в районе в 2001 г. практически сравнялся с областным, но глубина ее значительно превосходила областной уровень. Первое можно отнести на счет усилий проекта, осуществленного в районе и направленного на снижение бедности, поскольку нет оснований предполагать, что улучшение общей экономической ситуации за два года на периферийном районе сказалось больше, чем на области в целом.

Таблица 4

Доли домашних хозяйств и населения с уровнем располагаемых ресурсов и среднедушевых доходов ниже величины прожиточного минимума в 2001 г., %

Показатель	Всего обследуемых	Из них имеющих доход ниже прожиточного минимума			
		в Ленинградской области (располагаемые ресурсы)*		в Лодейнопольском р-не (среднедушевые доходы)**	
		всего	из них в два и более раза	всего	из них меньше ПК
Домохозяйства, проживающие в сельской местности	**100,0**	**41,1**	**6,5**	**46,6**	**24,5**
Домохозяйства имеющие детей в возрасте до 16 лет:	100,0	69,5	13,7	62,1	28,9
Одного ребенка	100,0	64,8	9,8	60,6	22,8
двух детей	100,0	73,8	13,5	66,2	37,6
трех детей и более	100,0	100,0	61,5	68,5	50,0
Домохозяйства с получателями пособия по безработице	100,0	0,0	0,0	57,3	35,3
Одиночки трудоспособного возраста	100,0	29,8	3,6	32,4	28,6
Одиночки нетрудоспособного возраста	100,0	2,2	0,0	42,8	18,3

Таблица 4 (продолжение)

Показатель	Всего обследуемых	из них имеющих доход ниже прожиточного минимума			
		в Ленинградской области (располагаемые ресурсы)*		В Лодейнопольском р-не (среднедушевые доходы)**	
		всего	из них в 2 и более раза	всего	из них меньше ПК
Население, проживающее в сельской местности	**100,0**	**52,8**	**9,5**	**51,1**	**26,0**
Дети в возрасте до 16 лет	100,0	72,6	17,1	66,8	32,1
до 1 года	100,0	100,0	58,4	49,2	30,1
1–6 лет	100,0	84,3	26,4	66,9	28,9
7–15 лет	100,0	71,4	16,0	68,8	33,4
Мужчины	100,0	53,4	8,4	52,2	25,9
16–19 лет	100,0	59,1	13,7	71,7	33,3
20–59 лет	100,0	56,5	8,8	50,4	26,2
60–69 лет	100,0	25,0	0,0	53,9	22,6
70 лет и старше	100,0	0,0	0,0	38,6	16,6
Женщины	100,0	42,7	6,4	52,5	22,8
16–19 лет	100,0	64,7	8,6	59,8	27,4
20–54 лет	100,0	50,1	8,4	56,3	25,6
55–69 лет	100,0	15,7	0,6	46,1	18,6
70 лет и старше	100,0	9,5	0,0	44,8	16,8

* по ОБДХ
** по БДПК

Что касается того, какие группы имеют больший риск оказаться ниже черты бедности, то ситуация в районе принципиально не отличается от областной. Более уязвимы домохозяйства, имеющие малолетних детей, и особенно многодетные. Безработица также повышает риск бедности, даже если удается получить пособие по безработице. Повышение пенсий позволило выбраться из бедности многим пенсионерам, по крайней мере снизило их риски. А молодежь16–19 лет оказалась самой уязвимой группой среди взрослого населения (табл. 11). Многие из них, особенно на периферии, лишены возможности продолжить образование, получить рабочую квалификацию и работу, оплачиваемую хотя бы на уровне прожиточного минимума.

За рассматриваемый период, по нашим данным, средний номинальный доход сельского домохозяйства в районе вырос более чем в 1,7 раза и в 2001 г. составил 2985 руб. Среднедушевой доход увеличился за рассматриваемый период в 1,8 раза. Если на начало проекта среднедушевой доход составлял 69% от величины прожиточного минимума, то в 2001 г. он приблизился к ней вплотную, составив 98% от ПМ (табл. 5).

Таблица 5

Изменения показателей, характеризующих уровень дохода в Лодейнопольском районе, 1999–2001 гг., руб.

Показатель	1999	2000	2001
Средний доход на одно домохозяйство	1736	2576	2985
Среднедушевой доход	669	954	1220
Прожиточный минимум	969		1250
Соотношение среднедушевого дохода и величины ПМ, %	69	90	98

Источник. БДПК.

За рассматриваемый период увеличились поступления из четырех основных источников, а именно: зарплат, пенсий, ЛПХ, сбора и реализации дикоросов. По сельскохозяйственным предприятиям района за указанный период средняя зарплата выросла вдвое – с 667 руб. до 1318 руб. за месяц[5]. В расчете на одного жителя зарплата увеличилась в 1,6 раза в связи с сокращением числа занятых (см. табл. 1).

[5] Из отчета отдела сельского хозяйства муниципального образования.

Повышение доходов привело к снижению бедности в районе: доля населения, проживающего в домохозяйствах с доходом ниже прожиточного минимума, на 01.01.00 составляла 92%, на 01.01.02 – 51% (табл. 6). Уровень бедности определялся из сопоставления дохода каждой семьи с суммой ПМ ее членов. Бедность можно охарактеризовать также соотношением дохода домохозяйства и части прожиточного минимума, предназначенной для питания членов семьи, продовольственной корзины (ПК). Доля населения, проживавшего в домохозяйствах, не имевших необходимых средств для нормального питания, в 1999 г. составляла 53%, в 2000 г. – 41%, в 2001 г. – 26%.

Таблица 6

Снижение бедности в Ладейнопольском районе, 1999–2001 гг., %

Показатель	1999	2000	2001
Доля населения, проживающего в домохозяйствах с доходами ниже прожиточного минимума	92	74	51
Доля населения, проживающего в домохозяйствах с доходом ниже прожиточного минимума, но выше части ПМ, предназначенной на приобретение продуктов питания	39	33	25
Доля населения, проживающего в домохозяйствах с доходами ниже части ПМ, предназначенной на приобретение продуктов питания	53	41	26

Источник. БДПК.

Приведенные выше данные показывают, что измерение бедности по обеим методикам (ОБДХ и БДПК) дает сходные результаты. Теперь хотелось бы обратить внимание на то, что методика, основанная на похозяйственном учете, позволяет отслеживать мобильность различных групп домохозяйств по уровню доходов, выявлять их восприимчивость к воздействию проектов и программ, направленных на снижение бедности, и оценивать воздействие таких программ. Ниже приведены результаты по 532 домохозяйствам, о каждом из которых в БДПК содержатся данные за 1999, 2000 и 2001 гг. (другие домохозяйства в течение данного периода только образовались или, наоборот, прекратили свое существование).

Все домохозяйства были подразделены на три группы: 1) – с доходом ниже ПК, 2) – с доходом выше ПК, но ниже ПМ и 3) – с доходом выше ПМ. Если домохозяйство в 2001 г. понизило свой статус, оказавшись в другой группе, с более низкими доходами, для него отмечено *снижение доходов;* если повысило, оказавшись в группе с более высокими доходами, для него отмечен *рост доходов*; если же оно осталось в той же группе, что и в 1999 г., то его статус остался *без изменений*.

С точки зрения доходной мобильности наиболее уязвимыми в указанный период были одиночки пенсионного возраста (табл. 7). Они нуждаются в социальной помощи: по этой категории домохозяйств доля снизивших доходы выше, чем по другим категориям и всей совокупности домохозяйств: 41,0% против 18,6%. Чаще других улучшали свое положение семьи с детьми до 16 лет, как полные, так и неполные. Другие исследования, в том числе и выполненные в рамках проекта, также подтвердили, что наличие не вставших на ноги детей является самым мощным стимулом экономической активности родителей.

Таблица 7

Мобильность по уровню доходов различных категорий домохозяйств, 1999–2001гг., %

Категория домохозяйств	Снижение доходов	Без изменений	Рост доходов
Все домохозяйства	**18,6**	**42,9**	**38,5**
Одиночки трудоспособного возраста	14,8	29,6	55,6
Одиночки пенсионного возраста	41,0	44,8	14,3
Супруги без детей	29,3	43,9	26,8
Супруги с детьми до 16 лет	0,0	40,0	60,0
Неполные семьи с детьми до 16 лет	5,6	44,4	50,0

Источник. БДПК.

Несмотря на определенные проблемы учета, представленные показатели в целом свидетельствуют о расширении в рассматриваемый период доступа к доходам сельского населения административного района. Полученные результаты подтверждаются и качественными исследованиями, проведенными в районе на предварительной и завершающей стадиях проекта.

В табл. 8 приведены оценки, данные работниками различных предприятий в сельской местности (названия категорий, приведенные в левой графе, давали участники фокус-групп). Наряду с расширением возможностей потребления для основной массы семей, можно заметить и рост дифференциации, что вполне согласуется с данными Госкомстата и результатами других исследований. При этом, по мнению опрошенных, увеличение доли *нищих* в сельской местности района происходит не за счет обнищания коренных жителей, а за счет мигрантов из Петербурга («пьяницы из Питера, продавшие там свои квартиры; они не способны ни к какому регулярному труду – ни на предприятии, ни у себя на огородах»).

Таблица 8

Распределение сельских семей по уровню потребления, 1999,2003 гг., %
(по оценкам работников предприятий)

Группа	1999 г.	2003 г.	Возможности
Обеспеченные	3–5	1–10	Дети могут получить высшее образование. Доступны платные медицинские услуги. Могут купить новую технику (легковую машину)
Средний уровень (живут относительно нормально)	20–30	30–70	Потребности в питании, одежде, жилище в основном удовлетворены. Могут оплатить некоторые из необходимых медицинских услуг, из техники могут приобрести мопед, велосипед или подержанную машину. Детям доступно среднее специальное образование
Бедные	65–75	30–40	Жилище имеют. Питание скудное, но на него уходит основная часть дохода. Недоступны никакая техника, новая одежда, ремонт дома. Дети не могут продолжить образование после школы
Нищие	до 5	до 10	Постоянно испытывают недостаток в питании, одежде и жилье

4. Заключение

Похозяйственный учет – государственный документ, содержащий довольно подробные, ежегодно обновляемые сведения о каждом сельском домохозяйстве. Использование для мониторинга бедности в отдельном районе (или регионе) содержащейся в нем информации избавляет от необходимости проведения выборочного обследования в данном районе. В результате мы не имеем ошибок, связанных с выборкой, и экономим ресурсы. В большинстве сельских администраций похозяйственный учет ведется на бумажных носителях, а не на электронных, но, поскольку содержащаяся в нем информация востребована многими ведомствами и службами, постепенно, видимо, будет происходить оснащение сельских администраций компьютерами. В проекте SRL, осуществленном в Лодейнопольском районе, разработано программное обеспечение для ведения похозяйственных книг. Его использование значительно сокращает трудоемкость их ведения, даже с учетом нагрузки, вызванной сбором дополнительных данных.

Благодаря тому, что похозяйственный учет представляет собой сплошное обследование домохозяйств, мы имеем возможность четче отследить динамику уровня доходов в различных категориях домохозяйств и воздействие принимаемых мер на эти категории. Например, в проект, направленный на поддержу экономической активности населения и расширение занятости, охотнее и чаще других включались семьи, имеющие несовершеннолетних детей, и многим из них в результате удалось улучшить свое материальное положение. А молодежь,

только окончившая школу, но не получившая ни специальности, ни трудовых навыков и не обремененная ответственностью за собственных детей, сохранила очень высокий риск бедности. Видимо, эта группа нуждается в специфическом воздействии – возможности получить востребованную рабочую специальность (молодых людей не привлекают труд в ЛПХ и фермерские перспективы). При анализе полученных данных эти результаты выглядят вполне логичными, но, когда мы начинали осуществлять проект и мониторинг бедности, картина не представлялась столь ясной. Методика, основанная на похозяйственном учете, позволила отслеживать мобильность различных групп домохозяйств по уровню доходов, выявлять их восприимчивость к воздействию проекта и оценивать его воздействие.

Важно, что измерение бедности по обеим методикам (ОБДХ и БДПК) дало сходные результаты, – это подтверждает надежность полученных оценок. Очень ценна предоставленная Госкомстатом возможность сопоставления показателей по сельскому населению района и региона, она позволила проверить опробованные и определить новые ориентиры при разработке и осуществлении программ, направленных на сокращение бедности.

Литература

Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. Сельская бедность в России. Всемирный банк. Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России. Сб. М., 2003. С. 18–25.

Указания по ведению похозяйственного учета в местных администрациях Ленинградской области. Спб, 2001.

Приложение. Оценка доходов от ЛПХ

а) По данным похозяйственного учета

1. Оценка доходов, полученных от производства картофеля и овощей в личных подсобных хозяйствах рассчитывались по следующей формуле:

*Д = (П*У–О) * Ц,*

где Д – доходы;

П – площадь посадок картофеля;

У – средняя урожайность картофеля в районе;

О – объем посадочного материала;

Ц – средняя по району розничная цена.

2. Оценка доходов от производства молока:

*Д = Н * Ц – И,*

где Н – средний годовой надой;

Ц – средняя за год цена;

И – издержки, в которые входят затраты на ветеринарное обслуживание, комбикорм, топливо для прессования и доставки сена, масло и запчасти для техники, плата пастуху, опилки для подстила, стройматериалы для текущего ремонта двора.

3. Оценка доходов от производства мяса крупного рогатого скота в ЛПХ.

*Д = Г * В * Ц – И,*

где Г – число забитых голов;

В – средний убойный вес;

Ц – средняя розничная цена;

И – издержки, в которые входят затраты на ветеринарное обслуживание, комбикорм, топливо для доставки сена, масло и запчасти для техники, плата пастуху, плата за забой.

Доход от производства свинины и от производства баранины (козлятины) в ЛПХ оценивается аналогично.

4. Оценка дохода от сбора и реализации дикорастущих

Средний объем собранных в день плодов, по оценкам местных жителей, составляет 5 кг. Сезон сбора грибов и ягод длится четыре месяца.

Общий объем сбора ягод рассчитываем исходя из числа дней, затраченных на сбор и реализацию собранных плодов – по три дня в неделю в течение сезона для жителей трудоспособного возраста, не имевших работы, и по одному дню в неделю в течение сезона для тех, кто имел работу или держал скот в ЛПХ.

*Д = О * Ц ,*

где О – объем собранных ягод и грибов; Ц – средняя розничная цена.

б) Возможности усовершенствования методики оценки доходов от ЛПХ

Основной недостаток использованного нами подхода – недостаточную персонификацию учета доходов домохозяйств – можно исправить, модифицировав методику, разработанную в проекте «Обеспечение занятости и повышение доходов сельского населения». Это вызовет дополнительную нагрузку на специалистов сельских администраций, ведущих похозяйственный учет.

Информацию из похозяйственных книг надо дополнить информацией, добровольно предоставляемой членами домохозяйства:

1) величиной заработной платы по месту работы;

2) оценкой дохода от приработков членов домохозяйства в течение года;

3) данными о продукции, произведенной в ЛПХ;

4) оценкой дохода от сбора и реализации дикорастущих.

Получение информации по первым двум пунктам не является трудоемким и не должно вызывать протеста у жителей, поскольку семьи предоставляют сведения о доходах органам социальной защиты, обращаясь, например, за детским пособием. Бедные довольно охотно делятся информацией о своих доходах (если те не носят криминального характера), рассчитывая на поддержку со стороны государственных или общественных организаций. В сельской местности общая среда существования и относительная прозрачность процессов распределения и потребления предохраняют от значительных искажений информации.

Для более точной оценки доходов от ЛПХ и сбора дикоросов возможны различные варианты.

1. Рассчитывать доход исходя из имеющихся в похозяйственном учете сведений о посевных площадях и поголовье скота в домохозяйстве нормативным путем. Для этого надо использовать данные об урожайности и местных ценах на произведенную продукцию, которыми располагают органы статистики. Наиболее слабым звеном здесь является оценка затрат на производство в ЛПХ того или иного вида продукции. Эту оценку можно получить, обратившись непосредственно к членам домохозяйства, производящего соответствующую продукцию.

2. Предложить членам домохозяйства заполнить небольшой опросный лист и рассчитать доход на основе предоставленных ими данных (форма этого опросного листа приведена ниже).

Предложенная методика оценки доходов от ЛПХ и сбора дикорастущих была опробована при опросе сельских жителей в пилотном и контрольном районах, проведенном летом 2002 г. Было опрошено 603 семьи, отказались участвовать в опросе 35 (8% выборочной совокупности). Значительных затруднений у респондентов при ответах на вопросы не возникало. Оценки доходов от ЛПХ за 2001 г., полученные по результатам опроса, превышали оценки, основанные на данных похозяйственного учета, а оценки дохода от сбора дикорастущих, наоборот, оказались ниже расчетных. Вместе доходы от ЛПХ и сбора дикорастущих составили в совокупном доходе селян такую же долю (28%), что и по БДПК (29%), но совокупный доход семей, по результатам опроса, оказался выше рассчитанного по БДПК, так как при опросе были учтены такие источники доходов, как несельскохозяйственная деятельность в домашнем хозяйстве и приработки (4,2%), а также помощь родственников (1,5%), которые отсутствуют в БДПК. Расчетные затраты на ведение ЛПХ, сделанные нами на основании экспертных заключений, оказались несколько выше полученных при опросе. Большинство опрошенных (95%) выразили согласие участвовать в аналогичном опросе через год, но, к сожалению, повторных опросов не последовало, поэтому мы не имеем возможности сопоставить динамику доходов по БДПК и результатам опросов.

Дополнительную нагрузку, связанную с заполнением опросных листов, можно уменьшить, обратившись к расчетным показателям доходов от ЛПХ и сбора дикорастущих с использованием оценок затрат на основные виды производимой в ЛПХ продукции, полученных от местных жителей.

в) Опросный лист для расчета доходов сельской семьи от ведения ЛПХ и сбора дикорастущих

Что произведено в Вашем ЛПХ в 20.. году?

Производство картофеля в 20... г.

Площадь под картофелем (сотки)	Посадочный материал (кг)	Затраты на обработку участка (руб.)	Сколько собрано (кг)	Сколько пошло на питание семьи и родственников (кг)	Сколько – на корм скоту (кг)	Сколько продано (кг)	На какую сумму продано (руб.)	Пропало (кг)	Оставлено на посадку (кг)

Производство овощей в 20... г.

Овощи:	Затраты на посевной материал (руб.)	Сколько собрано (кг)	Сколько пошло на питание семьи и родственников (кг)	Сколько на корм скоту (кг)	Сколько продано (кг)	На какую сумму (руб.)	Пропало (кг)	Площадь под овощами (сотки)
Свекла								
Капуста								
Морковь								
Лук								
Другое:_____								

Оцените Ваши затраты, связанные с выращиванием овощей в 20... г.

1. Обработка участка _____
2. Удобрения _____
3. Покупка пленки _____
4. Теплицы _____
5. Покупка семян, рассады _____
6. Другое _____ _____

ИТОГО _____

Производство молока в 20... г.

Сколько надоено (кг)	Сколько пошло на питание семьи и родственников (кг)	Сколько пошло скоту (кг)	Сколько продано (кг)	На какую сумму (руб.)	Пропало (кг)

Производство мяса в 20... г.

Производство мяса в 2001 г.	Убойный вес (кг), общий по каждой категории	Сколько пошло на питание семьи и родных (кг)	Сколько продано (кг)	На какую сумму продано (руб.)	Пропало (кг)
Говядина, забито голов _____					
Свинина, забито голов _____					
Баранина, забито голов _____					
Птица, забито голов ____					
Кролики, забито голов _____					
Другое _____					
Другое _____					

Затраты на содержание скота в 20... г.

1. Приобретение коровы, нетели _____
2. Приобретение молодняка _____
3. Ветеринарное обслуживание _____
4. Покупка кормов _____
5. Заготовка и хранение сена _____
6. Оплата пастуха _____
7. Страхование _____
8. Другое _____

ИТОГО _____

Какая еще продукция была произведена в Вашем личном хозяйстве в 20... году?

Продукция	Произведено (кг)	Сколько продано (кг)	На какую сумму (руб.)	Потреблено семьей и родственниками (кг)	Доход (руб.)
Плоды и ягоды					
Сено				X	
Скот и птица в живом весе				X	
Яйца					
Мед					
Другая продукция _____					

Помогает ли Вашей семье выжить лес?

Плоды	Собрано (кг)	Сколько из этого продано (кг)	На какую сумму (руб.)	Потреблено семьей и родственниками (кг)	Доход (руб.)
Морошка					
Черника					
Брусника					
Клюква					
Грибы					
Другое _____					

Часть II

БЕДНОСТЬ И РЫНОК ТРУДА

Анна Лукьянова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ФЕНОМЕН РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ *

В переходный период основным источником стремительного увеличения экономического неравенства и распространения бедности в России стало возрастание различий в уровнях доходов населения. В результате приватизации часть населения получила выгоды, однако для некоторых категорий работающего населения рыночные реформы стали причиной ухудшения жизни. Повысилась степень нестабильности как в плане риска потери работы, так и в отношении размера заработной платы. В отличие от развитых стран Запада, где наличие работы в принципе гарантирует от бедности, в России получило распространение такое явление, как «работающие бедные».

Несмотря на то, что вопрос о взаимосвязи неравенства и экономического роста остается предметом активного обсуждения в экономической литературе, в особенности в контексте теорий эндогенного роста, очевидно, что для низкооплачиваемых категорий работающих неравенство оборачивается исключительно негативными последствиями. Неравенство может иметь деструктивные последствия для каждого отдельно взятого работника, такие как снижение мотивации, если работник не чувствует значимости своих усилий и не видит для себя реальных перспектив карьерного роста. На макроэкономическом уровне риски могут оказаться еще более значительными. Увеличение неравенства в уровнях оплаты труда может привести к росту политической нестабильности, расширению теневого сектора экономики, распространению насилия в обществе, росту люмпенизированной части населения и сокращению темпов долгосрочного роста в связи с недостаточным инвестированием в человеческий и физический капитал.

Перечисленные факторы стимулируют интерес к оценке уровня неравенства в оплате труда и сравнительному анализу положения низкооплачиваемых работников в общей картине распределения заработной платы. При этом оценка степени неравенства распределения заработной платы, т.е. оценка того, насколько велики различия в уровнях оплаты труда в каждый конкретный период времени, дает только частичное понимание картины. Второй важный аспект неравенства в оплате труда связан с мобильностью по заработной плате. Чтобы получить полную картину ситуации, необходимо проанализировать процесс перемещения работников из одной категории оплаты в другую.

Уровень мобильности по заработной плате и, в частности, распространенность низкой оплаты труда имеют значение для выработки экономической политики. Низкая зарплата может быть связана с тем, что работник только начинает свою трудовую деятельность и не имеет трудового опыта. В таких случаях меры регулирования не только бесполезны, но и нежелательны, поскольку сам рынок воздействует на уровень заработной платы конкретных работников на протяжении их трудовой жизни. Дополнительные государственные меры по повышению минимального уровня оплаты труда могут вызвать сокращение занятости и прекращение роста заработной платы на ее нижних уровнях. Если же заработная плата определенных категорий работников остается низкой на протяжении длительного времени и неравенство на рынке труда становится стабильным фактором, то в этом случае необходимо принятие политических мер, которые были бы направлены на сокращение бедности работающих.

---

* Автор благодарен Владимиру Гимпельсону, а также участникам семинара в ЦеТИ ГУ–ВШЭ в декабре 2004 г. за сделанные ими ценные замечания. Выражаю особую благодарность Кларе Сабирьяновой и Информационному центру Дэвидсона (Davidson Data Center and Network) Мичиганской школы бизнеса за предоставление информации по отраслевым кодам RLMS.

1. Обзор предыдущих исследований

Как и ожидалось, переход к рыночной экономике привел к увеличению неравенства в оплате труда. Освобождение заработной платы от административного контроля и увеличение различий в оплате труда способствовало перераспределению трудовых ресурсов из менее продуктивных секторов экономики в более производительные. Интенсивные экономические реформы требуют большей мобильности рабочей силы, что, в свою очередь, приводит к еще большему неравенству оплаты труда, которое и стимулирует эту мобильность. На первом этапе экономических реформ различия в уровне оплаты труда формировались на уровне компаний – более процветающие фирмы платили больше, чтобы привлечь более качественную рабочую силу. Со временем, однако, эти различия должны стираться, и первое место среди факторов, определяющих уровень заработной платы, должны занять качественные характеристики работника.

Теоретически рыночные реформы в странах Центральной и Восточной Европы и бывших республиках Советского Союза должны были привести к резкому росту неравенства в оплате труда и переоценке отдачи на образования. Однако имеющиеся эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в большинстве стран ЦВЕ (за исключением Словакии) переходный период не повлек за собой сколько-нибудь значительного роста неравенства в оплате труда[1]. Россия же даже с учетом более значительного, чем в других странах спада промышленного производства, демонстрирует необъяснимо резкое увеличение разброса трудовых доходов населения, намного превосходя по этому показателю все развитые европейские страны и страны Центральной и Восточной Европы, переживающие переходный период.

Тенденции роста неравенства по заработной плате, которые наблюдались в России на начальных этапах переходного периода, уже хорошо изучены и отражены в научных публикациях. Многие аналитики, используя различные источники (в первую очередь данные РМЭЗ, ВЦИОМ, ИСИТО и другие результаты обследований домохозяйств), отмечают резкое увеличение разброса уровней оплаты труда на первых этапах реформирования экономики. Основные изменения в динамике распределения заработной платы России в 1990–1996 гг. можно охарактеризовать следующим образом.

1. Неравенство заработной платы существенно росло в первой половине 1990-х годов среди как мужского, так и женского населения. Используя агрегированные официальные данные, Flemming and Micklewright (1999) отмечали резкий скачок всех показателей неравенства: коэффициент Джини, составлявший 0,22 в начале переходного периода, вырос к 1996 г. до 0,5, а децильное соотношение p90/p10[2] выросло с 3,3 в конце 1980-х годов до 10 к 1995 г. Данные РМЭЗ, полученные на микроуровне, также свидетельствуют о значительном всплеске неравенства по заработной плате. В работе Yemtsov and Lokshin (1999) отмечается, что по категории работников, занятых на полную ставку, коэффициент Джини вырос с 0,42 в 1992 г. до 0,51 в 1996 г., а децильное соотношение p90/p10 за тот же период увеличилось с 7 до 13. Эти изменения в структуре распределения оплаты труда сопровождались резким сокращением заработной платы в реальном выражении.

2. Несмотря на то, что неравенство увеличилось по обоим краям распределения, нижняя часть распределения расширилась больше, чем его верхняя половина (Brainerd, 1998). Иными словами, различия в уровне доходов среди низкооплачиваемых категорий работников увеличились в большей степени, чем среди высокооплачиваемых категорий.

3. Существенно выросло влияние на уровень зарплаты таких параметров рабочей силы, как образование, род занятий и т.д. В работе Brainerd (1998) показано, что в период с 1991 по 1994 г. рентабельность одного года образования выросла с 3,1% до 6,7% для мужчин

---

[1] Польша: Atkinson and Micklewright (1992), (1999); Rutkowski (1996), (1998); Keane and Prasad (2002); Newell (2001); ОЭСР (2001); Венгрия: Atkinson and Micklewright (1992), (1999); ОЭСР (2001); Чехия: Vecernik (1995); Rusnok and Fassmann (1998); ОЭСР (2001); Словакия: Garner and Terrell (2001).

[2] Децильное соотношение p90/p10 равно отношению величины заработной платы в 90-м перцентиле шкалы распределения заработной платы к ее величине в 10-м перцентиле.

и с 5,4% до 9,6% для женщин. В отличие от образовательных надбавок разброс различий, связанных с трудовым стажем, стал менее заметным, что дает основания для вывода о сравнительном сдвиге спроса в сторону более молодых категорий работников с более релевантным человеческим капиталом. Заработная плата женщин снизилась по отношению к доходам мужчин во всех перцентилях распределения.

4. В частном секторе средняя заработная плата росла быстрее, чем в государственном. В течение переходного периода еще больше увеличились различия по отраслям промышленности и регионам, однако структурно неравенство оставалось без существенных изменений по сравнению с периодом 1980-х годов (Clarke, 2000).

5. В работе Lehmann и Wadsworth (2001) используются данные РМЭЗ для анализа воздействия долгов по зарплате на дифференциацию денежных доходов населения в 1994–1998 гг. Результаты анализа свидетельствуют о том, что около 30% разброса объяснялись невыплатами. В частности, авторы отмечают, что коэффициент Джини применительно к реально выплаченной зарплате вырос с 0,532 в 1994 г. до 0,617 в 1996 г., а затем в 1998 г. несколько уменьшился до уровня 0.605. Применив несколько методов расчета для корректировки исходных показателей задолженности по заработной плате, авторы пришли к выводу, что значения коэффициента Джини в отсутствии этой задолженности равнялись бы примерно 0,42 в 1994 г., 0,41 в 1996 г. и 0,44 в 1998 г. В указанной работе делается также вывод о том, что, поскольку работники, которым зарплата выплачивалась несвоевременно, были равномерно распределены по всей основной шкале распределения заработной платы, для расчета показателей неравенства по заработной плате по этим категориям могут быть использованы показатели по подмножествам работников, не охваченных задолженностью.

Тенденции последних лет изучены гораздо меньше. Здесь можно выделить работу (Sabirianova Peter, 2003), в которой доказывается, что в первые годы переходного периода (1992–1998 гг.) дифференциация заработной платы объяснялась преимущественно институциональными факторами (юридическая и организационная структура предприятия, возможностью получения субсидий, формой собственности), которые определяют готовность руководства компании передавать часть прибыли работникам без учета соображений, связанных с производительностью труда. На более позднем этапе переходного периода (начиная с 1999 г.) различия в уровнях заработной платы все больше зависели от производительности труда работников, и оплата труда стала более чувствительной к технологическому прогрессу, требующему от работника определенных навыков. Рост неравенства в отсутствии интенсивных реформ объясняется главным образом институциональными факторами, в то время как увеличение неравенства оплаты труда на более позднем этапе переходного периода происходит за счет ускорения реформ и перераспределения трудовых ресурсов.

2. Показатели заработной платы

Данные

В настоящей работе использовались данные РМЭЗ (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения) за период 1994–2001 гг. (в 1997 и 1999 гг. обследования не проводились), основанные на национальной вероятностной выборке. Наша подвыборка включает граждан трудоспособного возраста (16–59 лет для мужчин и 16–54 года для женщин). При этом мы включили в рассмотрение только тех респондентов, которые отметили занятость по найму в качестве своего основного занятия. Таким образом, в выборку не включены самозанятые, работающие студенты и пенсионеры, женщины, находящиеся в декретном отпуске, безработные, имеющие случайные заработки и т.п. В качестве источника получения денежного дохода рассматривается только основное место работы; при этом случайные и побочные заработки не учитываются. В табл. П1 представлены основные параметры выборки[3].

[3] Таблицы даны в приложении.

Для корректировки данных с учетом стоимости жизни в конкретном регионе и инфляции мы применили следующую двухэтапную методику. На первом этапе мы разделили ставки заработной платы на коэффициент, равный соотношению регионального показателя стоимости жизни и аналогичного национального показателя. Корректировка рассчитана с учетом величины прожиточного минимума для 1994–1998 гг. (Госкомстат , 2000, табл. 7.23) и стоимости минимальной продуктовой корзины из 19 продуктов питания для 2000–2001 гг. (Госкомстат, 2002, табл. 22.3)[4]. На втором этапе мы скорректировали показатели заработной платы, рассчитанные с учетом региональных различий, используя месячные данные об общероссийском ИПЦ (октябрь 1994 г.=100%), взятые из публикаций Госкомстата (2003b, табл. 3.7).

Проблемы измерения

Данные РМЭЗ дают возможность использовать разные определения заработной платы. Эти определения можно сгруппировать следующим образом.

Средняя заработная плата. Средняя заработная плата представляет собой усредненный размер месячной заработной платы за вычетом налогов за последние 12 месяцев независимо от того, выплачивалась она своевременно или с задержкой. Этот вопрос был впервые включен в анкету РМЭЗ для взрослого населения в 1998 г., что ограничивает возможности применения этих данных при анализе. Данные о средней продолжительности рабочей недели позволяют рассчитать как месячные, так и недельные ставки заработной платы. С теоретической точки зрения средние показатели заработной платы представляются наиболее удобными индикаторами, которые можно использовать при анализе неравенства по заработной плате, поскольку они не подвержены влиянию сезонных изменений и менее волатильны, чем другие показатели оплаты труда (см. ниже). Показатели, основанные на других определениях заработной платы, имеют явно выраженные тенденции к завышению уровня неравенства. Динамика показателей, рассчитанных на основе почасовых и среднемесячных ставок, практически идентична, однако расчет на основе почасовых данных дает более низкие показатели неравенства.

Фактическая заработная плата – это фактическая сумма денег, полученная респондентами в счет оплаты их труда в течение 30 дней, предшествовавших опросу. Наличие задержек с выплатами приводит к тому, что ряды фактической зарплаты содержат много пропущенных значений, что затрудняет расчет стандартных показателей неравенства, основанных на логарифмических преобразованиях. Анализ фактических показателей оплаты труда имеет смысл главным образом по тем работникам, которым заработная плата выплачивалась своевременно. Однако и по этим категориям сложно выделить тарифную часть заработка, оклад, премии и возможные погашения прежних задолженностей по зарплате. Более того, подвыборка, состоящая из неимевших задолженности, вряд ли может считаться репрезентативной для всего населения, поскольку в нашей выборке доля тех, кому зарплата выплачивалась с задержкой, составляет 42% в 1994 и 1995 гг., 60% в 1996 г., 63% в 1998 г., 29% в 2000 г. и 23% в 2001 г. Таким образом, показатели фактической зарплаты вряд ли могут использоваться для целей данного анализа.

[4] Изменение методики корректировки было вынужденным шагом, связанным с изменением методологии Госкомстатом. До 1999 г. прожиточный минимум рассчитывался на основе Рекомендаций Министерства труда и социального обеспечения от 10 ноября 1992 г. Прожиточный минимум выражал стоимость потребительской корзины, содержащей минимальный набор продуктов и непродовольственных товаров и услуг, а также обязательных платежей. В середине 1990-х годов доля затрат на продукты питания составляла 68,3%, а затраты на непродуктовые товары и услуги (включая расходы на жилье) составляли соответственно 19,1 и 7,4% минимальной потребительской корзины. Оставшиеся 5,2% минимальных затрат составляли налоги и другие обязательные платежи (Овчарова, 2001). С 2000 г. структура и стоимость прожиточного минимума определяются на уровне субъекта Федерации в соответствии с региональным законодательством. Поэтому при расчете стоимости минимальной потребительской корзины в 2000–2001 гг., т.е. после изменения методологии расчета Госкомстата, мы использовали минимальный потребительский набор из 19 наименований, который включал только продукты питания, в том числе черный и белый хлеб, крупу, макароны, сахар, растительное масло, сливочное масло, говядину, колбасу, сосиски, молоко, сливки, сыр, яйца, картофель, капусту, лук, яблоки и сигареты.

Зарплата, установленная договором между работником и работодателем (контрактная зарплата). РМЭЗ не дает прямых данных о контрактной зарплате. В данной работе, вслед за Desai and Idson (2000), контрактная зарплата складывается из фактической заработной платы работника плюс (если она была выплачена) накопленный долг фирмы перед работником, поделенный на время задолженности (выраженное числом полных месяцев). Для работников, которым зарплата выплачивалась без задержек, контрактная зарплата равна фактически выплаченной.

Полная компенсация. Наряду с задержками зарплаты отрицательным фактором является оплата труда в неденежной форме, зачастую без согласия работника, в виде товаров, производимых компанией-работодателем. Тенденции распространения оплаты труда натурой аналогичны тенденциям распространения задолженности по зарплате, где пик также пришелся на 1998 г. Доля работников, которых затронуло это явление, составила 9,3% в 1994 г., 8,6% в 1995 г., 13,1% в 1996 г., 16,3% в 1998 г., 9,8% в 2000 г. и 7,7% в 2001 г. Для примерно 40–50% из них оплата труда натурой стала единственной формой получения зарплаты. Мы определили полную компенсацию труда как сумму месячной зарплаты по договору плюс денежный эквивалент стоимости полученных товаров. Кривая совокупной оплаты труда строго следует за кривой величины контрактной зарплаты в течение всего рассматриваемого периода, и лишь в период с 1998 по 2000 г. оказывает небольшое выравнивающее воздействие. Еще одним недостатком такого способа определения дохода является то, что он неприменим для международных сравнений, так как в большинстве исследований оценки неравенства делаются исключительно на основе учета денежных доходов.

Проанализировав сравнительные преимущества и недостатки различных способов определения заработной платы, мы приняли решение использовать данные по *контрактной заработной плате*, основываясь на том, что этот показатель лучше всего выражает потенциальные денежные ресурсы, которыми располагает работник. Другими словами, мы рассматривали задолженность по заработной плате не как постоянно удерживаемые выплаты, а как средства, которые будут в итоге выплачены работнику. Таким образом, теоретически работник может одолжить деньги под те заработанные и своевременно не выплаченные средства, которые ему будут компенсированы.

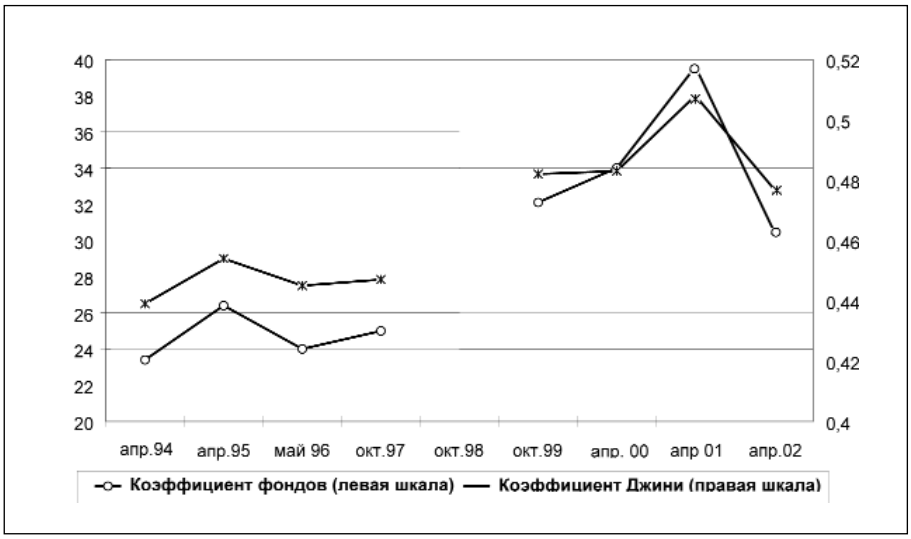
В то же время, используя этот показатель, мы неявно исходим из того, что своевременная и в полном объеме выплата всех заработанных средств не привела бы к потере части рабочих мест. Аналогичным образом можно было бы предположить, что работники обладают полнотой власти, позволяющей им отстаивать свои интересы, и способны перенести всю тяжесть бремени реформ на своих работодателей (Lehmann и Wadsworth, 2001). Такая гипотеза звучит неправдоподобно, поскольку профсоюзы в России слишком слабы и неопытны в переговорном процессе, а у работников фактически нет никаких других возможностей влиять на руководство.

Учитывая, что оценок эластичности занятости в зависимости от долгов по зарплате не существует, нам остается только делать спекулятивные предположения о возможном разрыве между «истинным» распределением заработной платы и распределением контрактной зарплаты. С одной стороны, использование данных по контрактным зарплатам не позволяет оценить степень неравенства по заработной плате в той мере, в какой это можно было сделать, используя данные о фактически выплаченной зарплате. Объясняется это тем, что мы приписываем всем работникам, которым зарплата не выплачивается своевременно, более высокий заработок. С другой стороны, если категории работников, которым зарплата выплачивалась с задержками, концентрируются в нижнем отрезке шкалы распределения, и если они подвергаются риску потери работы в случае, если работодатель будет вынужден полностью рассчитаться с ними по прежним долгам, то использование контрактных зарплат расширяет шкалу распределения, которая была бы более сжатой в отсутствии долгов по зарплате. Эти два фактора частично нейтрализуют друг друга, что дает возможность получить оценки, близкие к «истинным» параметрам.

3. Оценки неравенства по зарплате

На *рис. 1* представлены данные Госкомстата относительно неравенства по заработной плате в России в период 1994–2002 гг. (в 1998 г. анализ распределения заработной платы не проводился). Оценки Госкомстата базируются на бухгалтерской отчетности по заработной плате, независимо о того, была ли она реально выплачена. Показатели коэффициента Джини и коэффициента фондов[5] демонстрируют сходные тенденции.

Рис. 1. Показатели дифференциации заработной платы работников крупных и средних предприятий (по данным выборочных обследований Госкомстата)



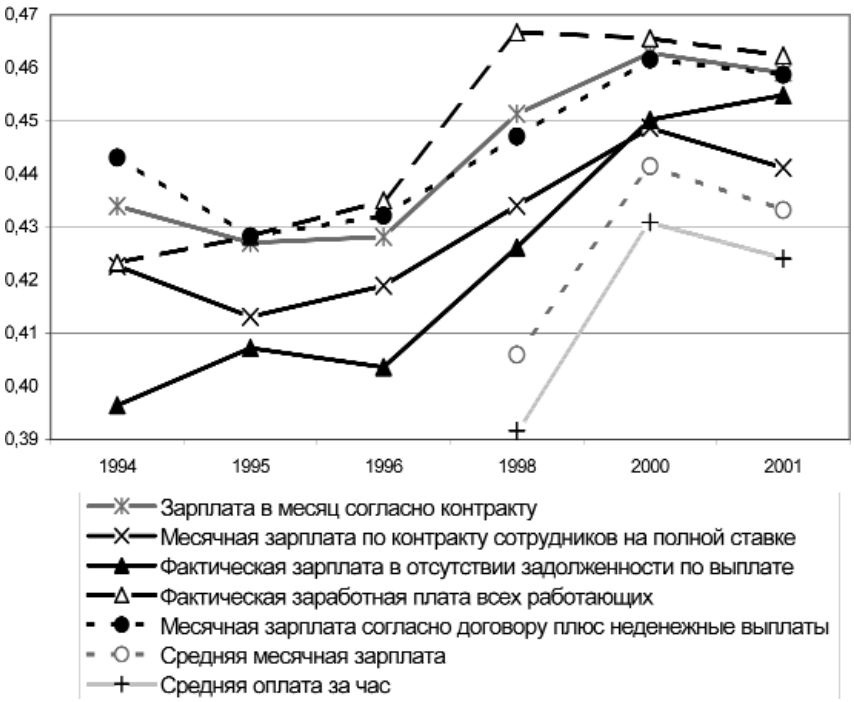
Согласно этим оценкам, неравенство оставалось стабильным в 1994–1997 гг.; при этом коэффициент Джини оставался на уровне приблизительно 0,44–0,45. В период между 1997 и 1999 г. коэффициент фондов вырос на 28% по сравнению с уровнем 1997 г. За тот же период коэффициент Джини вырос на 8%. В 2000–2001 гг. неравенство продолжало увеличиваться, и в 2001 г. показатели достигли максимальных значений (Джини=0,508, КФ=39,6). Однако оценки Госкомстата не являются строго сопоставимыми на всем периоде из-за значительных изменений в построении выборки, начиная с 2001 г. (Госкомстат, 2003а. С. 59). Таким образом, эти оценки следует использовать с большой осторожностью, поскольку изменения в структуре обследования могут привести к искаженной картине показателей неравенства.

Показатели неравенства по заработной плате, полученные на основе используемого нами обследования РМЭЗ, сильно зависят от подвыборки (работающие на полной ставке в сопоставлении со всеми работающими), от принципа оплаты труда (почасовая или месячная), от выбранного дефлятора (национальный или региональный), от использования данных по задолженности по заработной плате и неденежных выплат и т.д. На *рис. 2* представлена динамика коэффициента Джини при различных определениях заработной платы.

---

[5] Коэффициент фондов –отношение средней зарплаты в верхнем дециле (работники, принадлежащие к самой высокооплачиваемой категории) к средней зарплате в нижнем дециле (работники, относящиеся к самой низкооплачиваемой категории). Коэффициент фондов по определению больше, чем соотношение p90/p10.

Рис. 2. Динамика изменения коэффициента Джини в зависимости от определения заработной платы (по данным РМЭЗ)



Изменение неравенства по заработной плате

С помощью различных показателей в табл. П2 представлена картина изменения неравенства по зарплате в 1994–2001 гг. по населению в целом, а также по отдельным подгруппам, выделенным по гендерному, возрастному, образовательному, территориальному признакам, по форме собственности работодателя и по условиям найма (частичная или полная занятость). Несмотря на значительную нестабильность средних показателей реальной заработной платы, в целом в 1995 г. наблюдалось некоторое снижение неравенства в оплате труда, в 1995–1996 гг. показатели стабилизировались. В результате финансового кризиса 1998 г. неравенство существенно выросло и в последующие годы оставалось высоким. В 2001 г. появились некоторые признаки сокращения различий в уровнях оплаты труда, однако не настолько значительные, чтобы говорить об изменении тенденции. При этом наши оценки показывают, что отношение p50/p10 больше, чем p90/p50, т.е. разрыв между наиболее низкой и медианным уровнями зарплаты больше, чем разрыв между наиболее высоким и медианным уровнями оплаты труда.

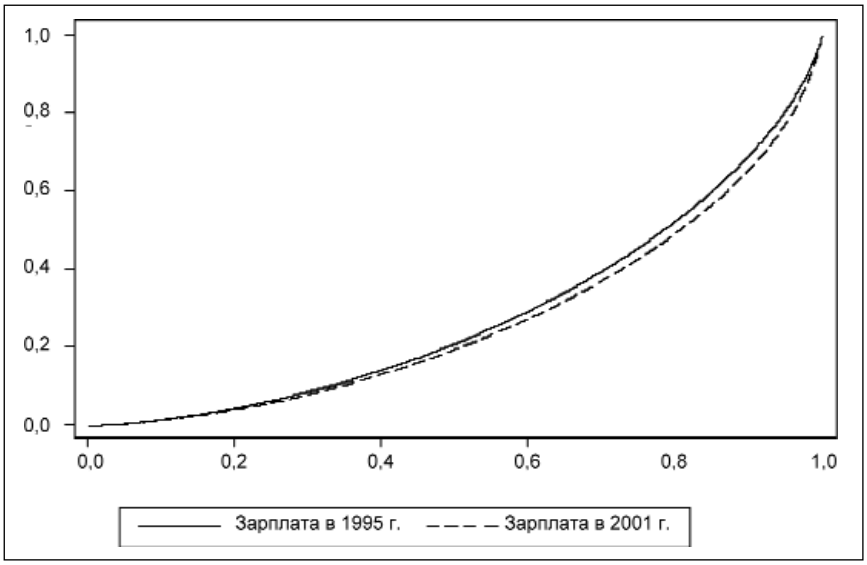
Изменение общего неравенства по заработной плате было обусловлено главным образом изменениями на концах шкалы распределения. Это становится очевидным при анализе показателя GE(2), который наиболее чувствителен к изменениям в верхней части шкалы. Показатель GE(2) вырос на 27% – с 0,457 в 1994 г. до 0,581 в 2001 г. Для сравнения индикатор GE(0), отражающий изменения доходов наиболее низкооплачиваемых категорий, вырос за тот же период всего на 11%. Волатильность соотношения p90/p10 была более интенсивной, чем изменения соотношений p90/p50, p75/p25 и p50/p10. Коэффициент Джини, чувствительный к изменениям в оплате труда на среднем отрезке шкалы распределения, вырос лишь на 6% – с 0,434 в 1994 г. до 0,459 в 2001 г. Изменения в относительном уровне оплаты труда вокруг ее средних значений были небольшими по сравнению с изменениями заработной платы низкооплачиваемых и высокооплачиваемых категорий работников. Таким обра-

зом, если использовать только коэффициент Джини, не учитывая других показателей неравенства по заработной плате, мы можем прийти к ошибочному выводу о стабильности распределения заработной платы среди населения.

Анализ изменений неравенства по заработной плате по отдельным периодам показывает, что изменение распределения произошло главным образом за счет высокооплачиваемых категорий работающих. За период с 1994 по 1996 г. показатель GE(2) снизился на 14%, в то время как показатель GE(0) – всего на 3%, а коэффициент Джини – на 1%. Это означает, что структура относительной заработной платы, оставаясь практически неизменной в нижнем отрезке распределения, стала более компактной в верхней части. Анализ изменений за период с 1996 по 1998 г. позволяет оценить воздействие финансового кризиса августа 1998 г. на распределение заработной платы. В частности, показатели GE(2), GE(0) и коэффициент Джини выросли на 43%, 10% и 5% соответственно. Иными словами, последствия финансового кризиса 1998 г. оказались наиболее серьезными для большого числа высокооплачиваемых работников, что выразилось в расширении верхней части распределения доходов. На нижних уровнях доходов бремя кризиса распределилось более равномерно. Наконец, за период с 1998 по 2001 г. в структуре распределения доходов практически не было изменений, за исключением самой низкооплачиваемой категории работников. Показатель GE(–1) вырос на 11% , в то время как изменение других показателей GE и коэффициента Джини не превысило 5%.

На *рис. 3* представлены кривые Лоренца, построенные на основе данных за 1995 г. (когда разрыв между уровнями заработной платы был наименьшим) и 2001 г. Представленные графики наглядно показывают увеличение неравенства. Кривая Лоренца, построенная по данным за 2001 г., лежит строго под графиком для 1995 г., и наибольшее расстояние между графиками наблюдается в верхней части кривой распределения.

Рис. 3. Кривая Лоренца для заработной платы, 1995 и 2001 гг. (по данным РМЭЗ)



В рассматриваемый период неравенство заработной платы было выше среди мужчин, молодежи и работников с низким уровнем образования, сельских жителей и людей, работающих на условиях частичной занятости[6].

Различия между отдельными секторами экономики обнаруживаются при анализе средней заработной платы по государственному и частному сектору, однако внутри секторов по-

[6] Работник считается работающим на условиях частичной занятости, если в предшествующие обследованию 30 дней он был занят менее 140 часов.

казатели неравенства оказываются аналогичными. Вопреки теоретическим прогнозам, некоторые наши оценки свидетельствуют о том, что неравенство в государственном секторе оказывается более выраженным, особенно по высокооплачиваемым категориям. Ни в одной группе не наблюдается устойчивой тенденции к снижению неравенства. В то же время была выявлена тенденция более быстрого роста внутригруппового неравенства среди работников самого трудоспособного возраста, сельских жителей и занятых в частном секторе.

Декомпозиция неравенства по заработной плате

Декомпозиционный анализ неравенства является достаточно распространенным методом анализа структуры распределения доходов. С его помощью экономисты часто пытаются оценить влияние неравенства в оплате труда внутри отдельных подгрупп населения и между этими подгруппами на общее неравенство. Декомпозиция неравенства распределения заработной платы может способствовать выявлению влияния отдельных факторов и формированию государственной политики в этой области. Декомпозиционный анализ может сыграть важную роль в ситуации стабильности неравенства, ведь даже при стабильном уровне неравенства могут происходить внутренние изменения структуры распределения доходов. Так, например, увеличение неравенства по заработной плате внутри подгрупп населения нейтрализуется сокращением разрыва между группами.

К сожалению, не все вышеперечисленные меры неравенства можно использовать для декомпозиции. Некоторые показатели, например, показатели дисперсии и обобщенного класса мер энтропии, легко поддаются декомпозиции и могут применяться как при разделении совокупности на группы, так и для исследования межгрупповых различий: $I_{совокупный} = I_{внутригрупповой} + I_{межгрупповой}$. Коэффициент Джини можно разложить только в том случае, если подгруппы не пересекаются по уровням доходов. Однако, учитывая популярность коэффициента Джини как меры неравенства, мы включили его декомпозицию в наш эмпирический анализ. Метод декомпозиции коэффициента Джини был представлен в работе (Pyatt, 1976). Для мер класса GE используется следующий метод разложения, предложенный Cowell and Jenkins (1995):

$$I_w = \sum_{j=1}^{k} w_j GE(\alpha)_j$$

$$w_j = v_j^{\alpha} f_j^{1-\alpha} \qquad 1)$$

где f_j – это доля населения каждой подгруппы j (j=1,2,..k), v_j – доля дохода каждой подгруппы j в общей совокупности. Сначала мы рассчитали неравенство распределения заработной платы внутри каждой подгруппы, а затем суммировали их как произведение удельных весов доли населения и доли их доходов во всей совокупности. Межгрупповое неравенство рассчитывается путем определения средней заработной платы для работника каждой группы j ($\bar{y}_j$), затем производятся следующие вычисления:

$$I_\delta = \frac{1}{\alpha^2 - \alpha}\left[\sum_{j=1}^{k} f_j \left(\frac{\bar{y}_j}{\bar{y}}\right)^{\alpha} - 1\right] \qquad 2)$$

В табл. П3 представлены результаты анализа по отдельным группам населения за 1994, 1998 и 2001 гг. Группы населения были выделены по признаку пола, образования, вида деятельности, возраста, места жительства, отрасли и типа занятости. Структура неравенства не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений за рассматриваемый период. В группах, выделенных по каждому из этих признаков, внутригрупповое неравенство в оплате труда, измеренное мерой GE, значительно превышает межгрупповое неравенство. Влияние внутригруппового неравенства особенно ощутимо при разложении класса мер GE: более 90% общего неравенства объясняется внутригрупповым неравенством в оплате труда. Результаты разложения коэффициента Джини свидетельствуют о том, что в наибольшей степени внутригрупповое неравенство наблюдается в группах, выделенных по следующим признакам: сельское/го-

родское население, занятые в государственном или частном секторе экономики, а также полностью или частично занятые. Различия между группами, сформированными с учетом образовательного уровня, рода деятельности, места жительства и по гендерному признаку, гораздо менее существенны. В обоих случаях остаточный компонент довольно велик.

В работе Lambert и Aronson (1993) показано, что перекрывание групп (наличие остатка) при декомпозиции коэффициента Джини объясняется пересечением кривых Лоренца. Чем выше зона перекрытия, тем ближе друг к другу средние значения по каждой подгруппе и тем больше значения коэффициентов вариации в полученных распределениях. Пересечения кривых Лоренца, построенных по данным отдельных подгрупп, затрудняют анализ межгруппового неравенства: неравенство может быть выше в одной области распределения, но ниже – в другой. Единственное существенное изменение в структуре неравенства за период с 1994 по 2001 г. – это увеличение различий между группами, выделенными по форме собственности.

Полученные результаты нельзя назвать неожиданными. Незначительное влияние индивидуальных характеристик работников на неравенство в оплате труда – это вывод, к которому, как правило, приходят авторы исследований, использующие данный метод декомпозиции (Cowell and Jenkins, 1995). Отчасти это связано с невозможностью строгого разделения населения на группы так, чтобы проанализировать влияние каждого фактора в «чистом виде» в определенный момент времени.

Иной подход был предложен в работе (Fields, 2002). Он основывается на модели, которая рассматривает воздействие одновременно нескольких факторов на распределение доходов. Таким образом, этот подход позволяет оценивать значимость каждого фактора при объяснении неравенства. В качестве исходной точки используется обычное уравнение заработной платы минсеровского типа. С помощью расчетных коэффициентов предполагается оценить значимость каждого фактора в неравенстве оплаты труда. Дисперсия величин заработной платы может быть выражена через вариации и ковариации объясняющих переменных. Влияние каждого фактора при разложении дисперсии может быть представлено следующим образом:

$$S_k = \frac{Cov(\beta_k X_k, Y)}{\sigma^2(Y)} = \frac{\beta_k \sigma(X_k) Corr(X_k, Y)}{\sigma(Y)} \quad , \qquad (3)$$

где S_k – доля влияния k-й переменной на общее неравенство; b_k – рассчитанный коэффициент k-й объясняющей переменной.

В регрессионное уравнение были включены следующие переменные: уровень образования (измерялся по наиболее высокому уровню полученного человеком образования), возраст, пол, полная/неполная занятость, проживание в городе/в сельской местности, форма собственности работодателя (определение см. выше) и набор региональных моделей. Результаты декомпозиционного анализа представлены в табл. П4. Они согласуются с результатами предыдущих декомпозиций. Поскольку полученное уравнение объясняет лишь 25–30% вариаций уровня оплаты труда, можно полагать, что наибольшее влияние на совокупное неравенство оказывает внутригрупповое неравенство.

Среди объясняющих переменных относительно небольшое воздействие на разброс уровней заработной платы (примерно 4–5%) оказывают демографические переменные (пол и возраст). Наиболее существенно влияние географических факторов (проживание в городе или в сельской местности и региональная принадлежность), которое оценивается нами в 10–12%. Правда, следует отметить, что увеличение значения региональной переменной в 2000–2001 гг., возможно, не является истинным и может быть связано с изменением методологии корректировки с учетом стоимости жизни в отдельных регионах. Но это воздействие крайне незначительно.

Характеристики человеческого капитала (такие, как образование, род деятельности) объясняют примерно 8% вариации уровня оплаты труда. До кризиса влияние этих факторов росло, однако в посткризисные годы воздействие данной переменной стало уменьшаться. Рост значения фактора образования целиком обусловлено изменениями размера доплаты за наличие высшего образования. Характеристики занятости (форма собственности работодателя,

вид занятости) не играют существенной роли, однако их воздействие в рассматриваемый период неуклонно росло. Этот рост следует полностью отнести за счет увеличения неравенства в распределении заработной платы между частным и государственным секторами.

4. Работающие бедные

В предыдущих исследованиях по низкооплачиваемым работникам было введено ***несколько определений понятия «низкая оплата труда»***. Эти определения обычно разделяют на две категории: абсолютные и относительные. Первая категория включает пороговые уровни, соответствующие неким законодательно установленным нормам, например минимальному размеру оплаты труда или официальному уровню бедности либо другому произвольно взятому денежному показателю, принятому в качестве минимального уровня жизни (например, 1 долл. в день). Используя абсолютные определения бедности среди работающих, следует обязательно учитывать региональные различия в стоимости жизни. Определения из второй категории устанавливают пороги с учетом определенных перцентилей распределения заработной платы. Превалирует мнение, что относительные определения представляют собой более основательный фундамент для временны**х** сравнений. Кроме того, довольно часто используются определения, в которых совмещаются оба подхода, такие как фиксированная доля средней величины оплаты труда. Поскольку точного определения бедности на рынке труда не существует, мы использовали оба этих подхода одновременно. Вслед за ведущими исследователями рынка труда низкооплачиваемых работников (см., например: Bazen et al., 1998), мы принимаем за точку отсчета низкой заработной платы уровень, составляющий две трети от медианы заработной платы. Альтернативное определение низкой заработной платы – уровень нижнего квинтиля распределения.

Для того чтобы учесть региональные различия в стоимости жизни, мы рассчитали пороги бедности отдельно для каждого из восьми регионов, обследованных в РМЭЗ (Северный и Северо-Западный регионы, Центральный и Центрально-Черноземный регионы, Волго-вятский район и Поволжье, Северный Кавказ, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток). Агрегатные показатели для нижнего квинтиля распределения оказываются чуть выше 20%, поскольку мы включили в него работников, зарплата которых находится точно на уровне 20%. Доля работников, уровень оплаты труда которых ниже 2/3 медианы, на агрегатном уровне равнялась 31% в период с 1994 по 1998 г., затем к 2000 г. выросла до 33%, а в 2001 г. снизилась до 30%.

На следующем этапе нашего описательного анализа мы ставим задачу проанализировать ***детерминанты низкой оплаты труда*** с помощью бинарной пробит модели. Вероятность получения низкой заработной платы может быть выражена следующим образом:

$$Prob\{LP_{it}=1\}=Prob\{w_{it}<\mu_t\}=\mathrm{F}(X_{it}\mathrm{b}), \qquad (4)$$

где w_i – это заработная плата индивида i $(i=1,2,...N)$; μ – это условный порог низкой оплаты труда; F – это стандартная нормальная совокупная функция распределения; X – это вектор объясняющих переменных; b – вектор рассчитываемых коэффициентов. Вектор объясняющих переменных включает как индивидуальные характеристики работника, так и характеристики работодателя, в том числе образование (определяется по наиболее высокому уровню полученного человеком образования), потенциальный опыт на рынке труда[7], стаж работы, вид деятельности (в соответствии с классификацией, введенной Международной организацией стандартизации видов деятельности в 1988 г., ISCO-88), регион, отрасль (данные

[7] Потенциальный опыт нахождения на рынке труда рассчитывался следующим образом: возраст – количество лет обучения – 7. Количество лет обучения было определено следующим образом: начальное образование – 6 лет; неполное среднее – 8 лет; полное среднее – 10 лет; полное среднее плюс начальное профессиональное (ПТУ) – 11 лет; среднее специальное – 12 лет; незаконченное высшее – 13 лет; высшее – 15 лет.

имеются только за 1994–2000 гг.), пол, семейное положение (1 – когда-либо состоял в браке, 0 – иное), дамми-переменные для полной занятости, для не ответивших на вопрос об отработанном времени, для вторичной занятости (работа по совместительству), для проживания в городе или в сельской местности, для формы собственности работодателя (определяется, как описано выше), для тех, кому не выплачены задолженности по заработной плате. Для того чтобы учесть влияние гендерного фактора, мы включили обозначение половой принадлежности в большинство объясняющих переменных уравнения.

Поскольку интерпретация чистых коэффициентов пробит-анализа не имеет особой ценности, мы рассчитали предельные эффекты, которые и показаны в табл. П5. Результаты представлены по всей выборке за 1994–2001 гг., а также отдельно по годам. Описание ниже по тексту основано на данных для всей выборки. Если мы определяем низкооплачиваемого работника как работника, чья зарплата не превышает нижнего квинтиля распределения, то годичные дамми теряют смысл. В уравнении, где предел низкой оплаты труда определяется как 2/3 медианы, годичные дамми за 1998 и 2000 гг. имеют статистически значимые коэффициенты, что означает повышение для всех групп населения риска оказаться в категории низкооплачиваемых в годы, последовавшие за финансовым кризисом.

Уровень квалификации обратно пропорционален вероятности попадания в категорию низкооплачиваемых работников. Наибольшая вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых у имеющих начальное или неполное среднее образование. Для имеющих среднее специальное образование вероятность попадания в нижний квинтиль (ниже 2/3 медианы) снижается на 7,6% (11,9%)[8] по сравнению с теми, кто получил только начальное образование. Для работников с высшим образованием вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых снижается на 12,5% (20,3%).

Анализ влияния профессиональной структуры занятости на уровень оплаты труда показывает, что низкооплачиваемые работники наиболее широко представлены в таких профессиях, как квалифицированные работники сельского хозяйства и подсобные рабочие. Вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых работников также высока для клерков, работников сферы обслуживания и младших специалистов. Больше всего шансов избежать низкой оплаты труда у военных специалистов, менеджеров, специалистов, квалифицированных рабочих и операторов машин. Следует отметить, что единственная профессия, представители которой имеют меньше шансов попасть в категорию низкооплачиваемых, чем менеджеры, – это военные специалисты. Несмотря на проблемы с бюджетом, государство платит военным довольно приличные (по российским меркам) зарплаты. Однако важно отметить, что выборка РМЭЗ не включает проживающих в военных городках, работающих в тюрьмах и другие институциональные категории населения.

Другая профессиональная группа, заслуживающая особого внимания, – это операторы и сборщики, для которых, несмотря на очевидные различия в образовании, риск попадания в категорию низкооплачиваемых такой же, как у менеджеров. В соответствии с ISCO-88 данная профессиональная категория включает различные типы машинных операторов в разных сферах промышленности, сборщиков и водителей. Относительные преимущества данных профессий можно объяснить двумя причинами. Во-первых, представители этих профессий обычно работают в плохих условиях, их работа связана с большими рисками, посменной работой и т.д. Таким образом, они чаще всего получают компенсацию за работу в неблагоприятных условиях. Во-вторых, во многих регионах на рынке труда сложилась выгодная для таких работников ситуация, поскольку большинство вакансий на местных биржах труда обращено к ним, что указывает на дефицит работников физического труда на рынке.

Данные подтверждают гипотезу о том, что бедность работающих – это переходное явление, свойственное работникам на первых этапах их трудовой деятельности. Опыт работы оказывает обратное, хотя и незначительное, воздействие на вероятность попадания в катего-

[8] Здесь и далее при анализе данных табл. П5 первая оценка относится к нижнему квинтилю, вторая оценка (в скобках) относится к пороговому значению низкой оплаты труда, которое определяется как 2/3 медианы.

рию низкооплачиваемых работников. Опыт работы до одного года снижает вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых на 0,5% (0,7%) для мужчин и на 0,7% (1,0%) для женщин. Это воздействие не выражено нелинейной зависимостью, оно гораздо выше для молодых работников и постепенно снижается для следующих возрастных групп.

У мужчин вероятность оказаться на нижних уровнях оплаты труда значительно ниже. Женщины, при прочих равных условиях, с большей вероятностью попадут в нижний квинтиль (ниже 2/3 медианы) – у них шансов на 8,2% (12,3%) больше. Семейное положение имеет значение только для мужчин. Зависимость зарплаты от семейного положения для мужчин отрицательна (как обычно показывают уравнения заработной платы), что указывает на большую ответственность и/или более высокие способности семейных людей.

Как и ожидалось, для работников с неполной занятостью риск оказаться в категории низкооплачиваемых выше. Неполная занятость имеет более сильное отрицательное воздействие на женщин, чем на мужчин. Несмотря на то, что знак коэффициента полной занятости рассчитан правильно, его точное значение необъективно, поскольку решения, связанные с предложением рабочей силы, можно считать эндогенными по отношению к зарплате. Можно также предположить, что доходы тех, кто работает на условиях неполной занятости, являются дополнительными в домохозяйствах с несколькими работающими. В этом случае низкая заработная плата необязательно свидетельствует о низких доходах семьи.

Проживание в сельской местности значительно увеличивает вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых работников. В среднем для сельских жителей вероятность попадания в категорию работающих бедных на 23% (26%) выше, чем для городских работников с аналогичными характеристиками. У занятых в государственном секторе вероятность оказаться в категории низкооплачиваемых на 6,2% (9,1%) выше, чем у работающих в частном секторе.

5. Мобильность по заработной плате для «работающих бедных»

Проведенные ранее исследования мобильности по заработной плате в странах ОЭСР свидетельствуют о том, что закономерности мобильности по заработной плате не всегда аналогичны тенденциям и изменениям показателей неравенства в кросс-секционном разрезе. Рост или снижение мобильности по заработной плате может соответствовать повышению, сохранению или снижению уровня неравенства. В работе, посвященной распределению расходов в России в 1994–1998 гг. (Jovanovic, 2000), отмечается, что, несмотря на стабильность общего неравенства, многие домохозяйства испытывали значительные колебания в уровне своих расходов. По оценке Джовановича, расходы более 60% населения страны либо удвоились, либо сократились до менее половины от прежнего уровня. Учитывая, что трудовые доходы составляют существенную часть доходов домохозяйств, можно ожидать, что показатели мобильности по заработной плате окажутся примерно такими же.

Методологические и эконометрические проблемы

Оценка мобильности по заработной плате связана с решением ряда методологических проблем. Во-первых, это проблемы, возникающие во всех лонгитюдных обследованиях и связанные с истощением выборки. Размер панели со временем уменьшается, что может привести к системным смещениям, если выбывание из панели происходит в соответствии с какой-то закономерностью. Для низкооплачиваемых работников риск выбывания из панели выше, поскольку они менее тесно привязаны к рынку труда, и для них особенно велика вероятность стать безработными или выбыть из категории рабочей силы. Таким образом, в отношении них повышается вероятность неполучения ответа на вопрос о заработной плате в одном из следующих раундов, и повышается риск их выбытия из распределения заработной платы или из панели вообще. Пренебрежение данными о переходе работников из категории безработных в категорию неработающих приводит к переоценке степени изменения заработной платы в сторону ее повышения.

Во-вторых, существует несколько эконометрических проблем, имеющих особое значение в контексте моделирования вероятности перехода из категории низкооплачиваемых

в другие категории. Самый важный вопрос связан с проблемой исходных условий. Прямолинейная оценка вероятности перехода из одной категории в другую строится на неявной предпосылке, что исходные условия являются экзогенными (внесистемными), т.е. что вероятность нахождения в каком-то состоянии во время (t–1) не влияет на вероятность остаться в том же состоянии в момент времени t (Sloane and Theodossiou, 1998). С эконометрической точки зрения эта проблема возникает тогда, когда исследователь не имеет возможности наблюдать начало процесса определения заработной платы, а ненаблюдаемые переменные этого процесса коррелированы между собой. Корреляция ненаблюдаемых факторов внутри ряда предполагает, что исходные условия определения уровня заработной платы будут присущи ненаблюдаемым переменным на каждом отрезке времени, и поэтому состояние заработной платы на каждом следующем отрезке будет эндогенно заработной плате на данном отрезке времени (Heckman, 1981).

В предшествующих исследованиях было предложено несколько путей решения проблемы исходных условий. Самый простой подход заключается в том, чтобы разделить выборку на две подгруппы с учетом уровня навыков, например работники физического или умственного труда (Contini et al., 1998). Смысл такого подхода заключается в том, что большинство факторов, существенно повышающих для работника вероятность остаться в категории низкооплачиваемых (пол, возраст, размер компании, сектор занятости), в большинстве своем экзогенны. Единственный фактор, с которым возникает проблема, – это образование, поскольку это вопрос индивидуального выбора. Таким образом, разделение работников на группы в зависимости от образования и анализ отдельных моделей для каждой группы могут быть хорошей аппроксимацией расслоения по исходным условиям.

Более сложный метод был предложен Sloane и Theodossiou (1996), которые использовали упорядоченную полиномиальную логит-модель, включающую три возможных состояния: низкая заработная плата, высокая заработная плата и состояние вне занятости, т.е. безработные + неработающие. Однако лежащая в основе этой модели мобильность не удовлетворяет ограничениям, налагаемым свойством независимости несвязанных альтернатив, которое требуется для оценки упорядоченной полиномиальной логит-модели. Для решения этой проблемы Sloane и Theodossiou (1998) в своей более поздней публикации предлагают использовать двумерную вложенную пробит-модель, которая (в отличие от полиномиальной логит-модели) не накладывает свойства независимости альтернатив. Такой подход позволяет вначале смоделировать вероятность получения работы для данного индивида, а затем рассчитать вероятность получения этим работником заработной платы ниже или выше порогового уровня.

Stewart and Swaffield (1999) привлекли внимание еще к одной проблеме, которая связана с эконометрическим анализом перехода в категорию низкооплачиваемых и выбытия из нее. Причина возникновения этой проблемы заключается в так называемой «истинной» зависимости от сложившегося положения (условий), т.е. ситуации, когда вероятность получения низкой зарплаты в большей степени определяется тем, что работник в прошлом получал низкую зарплату, а не его личными характеристиками (индивидуальной гетерогенностью). Другими словами, при описании зависимости от исходных условий (совокупная зависимость от положения) важно различать воздействие двух факторов: 1) индивидуальной гетерогенности и 2) предшествующего опыта (true state dependence).

Выделение этих двух факторов важно с точки зрения экономической политики. Если долговременное пребывание в низкооплачиваемой категории объясняется только причинами индивидуальной гетерогенности, то в этом случае государственные меры должны быть направлены на изменение тех качеств работников, которые определяют их попадание в категорию низкооплачиваемых (например, предоставление им возможности пройти обучение). Истинная зависимость от сложившегося положения (условий) означает, что сам факт пребывания в категории низкооплачиваемых увеличивает для индивида вероятность остаться в этой категории и на следующем отрезке времени, независимо от его индивидуальных характеристик. В результате работники с идентичными характеристиками могут иметь разные шансы получения низкой заработной платы, которые будут определяться их принадлежностью к категории низкооплачиваемых в предшествующий период.

Работодатели иногда используют дискриминационные методы, нанимая на работу нового сотрудника, который до этого получал низкую зарплату. Считается, что получение низкой заработной платы на предыдущем месте работы свидетельствует о низкой производительности работника и может быть основанием для занижения заработной платы при его найме. Опыт получения низкой зарплаты может также повлиять на представление самого работника о своей собственной рыночной стоимости и стать препятствием для попытки получения хорошооплачиваемой работы. Может сложиться ситуация, при которой низкая оплата труда систематически снижает норму накопления человеческого капитала или приводит к ускоренной амортизации существующего человеческого капитала, что снижает вероятность выхода работника из категории низкооплачиваемых на следующих этапах его трудовой деятельности. Каковы бы ни были причины зависимости уровня оплаты труда от положения работника, формирование мер государственной политики, направленных на искоренение бедности работающих, в случае истинной зависимости от сложившихся условий – задача гораздо более сложная, поскольку эти меры должны быть направлены не на конкретные группы населения, а на само явление бедности среди работающих.

Эмпирические результаты

Чтобы избежать дополнительных сложностей, связанных с различными временными интервалами между последовательными раундами, мы исключили из анализа опросы 1995 и 2001 гг. Оставшиеся опросы (1994, 1996, 1998 и 2000 гг.) имеют одинаковые разрывы длиной в два года между соседними обследованиями. Мы использовали несбалансированную панель, которая была составлена из паросочетающихся индивидов из двух смежных волн. Дополнительное ограничение заключалось в том, что по крайнем мере в одной из двух волн обследования индивид должен был иметь работу и получать зарплату[9]. В случае, если респондент не отвечал на вопрос о зарплате, он считался неработающим.

В табл. П6 представлены краткие статистические данные об основных переменных панели[10]. Расхождение в данных табл. П6 и табл. П1 объясняются двумя причинами. Первая причина – это истощение выборки. В работе Heeringa (1997) представлено подробное исследование эффекта истощения панели в первых раундах РМЭЗ. Heeringa отмечает, что частотность отказа от ответа выше среди городского населения, в особенности, в самых крупных городах, а также среди несемейных, безработных и домохозяйств с высоким уровнем доходов. Вторая причина расхождения данных в табл. П6 по сравнению с табл. П1 в том, что во втором случае мы сняли некоторые ограничения по включению в выборку для того, чтобы облегчить переход из одной категории в другую. В выборку, которую мы ранее использовали для перекрестного анализа, были включены также и неработающие индивиды.

Наиболее распространенный подход к исследованию мобильности по заработной плате заключается в классификации доходов по определенным дискретным диапазонам и оценке вероятности перемещения из одного диапазона в другой. В табл. П7 представлена матрица перехода из одного состояния в другое. Эти состояния определяются принадлежностью к тому или иному квинтилю распределения заработной платы или к категории неработающих.

---

[9] Поскольку мы используем понятие контрактной зарплаты, то «указать свою зарплату» означает указать либо фактическую зарплату, либо сумму и длительность задолженности по зарплате, либо и то, и другое. Таким образом, работающие на момент опроса, но не представившие данных по зарплате или находившиеся на момент проведения опроса в отпуске были зарегистрированы как случайно отсутствовавшие и исключены. Данные об индивидах, перешедших в категорию самозанятых или в категорию работающих, но не считающих работу своим основным занятием (например, работающие студенты), не учитывались.

[10] Для целей сравнения в табл. П6 приведены также характеристики сбалансированной панели, в которую были включены индивиды, которые участвовали во всех четырех опросах и, по крайней мере, в одном опросе ответили, что получают заработную плату. Из-за проблемы истощения выборки и введенных нами ограничений выборка оказалась малочисленной (1520 индивидов). По сравнению с несбалансированной панелью данная панель включает больше женщин и неработающих индивидов, что объясняется иным подходом к определению неработающих в сбалансированной панели.

Переход между квинтилями были собраны по всем годам рассматриваемого периода, но границы квинтилей рассчитаны для каждого года отдельно. Каждая клетка в матрице переходов представляет вероятность p_{ij} перехода из категории i в категорию j в период между двумя опросами. Таким образом, сумма по каждой строке равна единице.

На самом деле, заработная плата в России довольно подвижна, о чем свидетельствуют большие цифры за пределами основной диагонали. Данные, представленные в табл. П7, доказывают важность включения состояния незанятости как одного из конечных состояний. Вероятность оказаться неработающим вдвое выше в нижнем квинтиле распределения (13%) по сравнению с верхним квинтилем (6%). Вероятность изменения положения ниже по краям распределения, чем в его средних децилях. Доля работников из нижнего квинтиля, оставшихся в этом состоянии спустя два года, составляет 41%. Тот же показатель для верхнего квинтиля еще выше – 47% высокооплачиваемых работников остались в этой категории и через два года. Те, кто принадлежал ранее к 1-му квинтилю, имеют высокие шансы оказаться во 2-м (22%) или в 3-м квинтилях (13%). И только 11% из них могут перейти в 4-й квинтиль и выше. Для тех, кто первоначально был во 2-м квинтиле, шансы занять более высокое место в распределении ниже, чем вероятность остаться в том же положении или ухудшить его. Переходы в соседние квинтили довольно распространены, их доля составляет примерно 20% для всех квинтилей.

Более половины из тех, кто переходит из категории незанятых в положение работающих, оказываются в 1-м или во 2-м квинтилях. В то же время более четверти вновь поступивших на рынок труда начинают трудовую деятельность с высокооплачиваемой работы, сразу попадая в 4-й или 5-й квинтили. Иными словами, впервые входящие на рынок труда имеют больше шансов получить высокооплачиваемую работу, чем те, кто ранее оказался в нижнем квинтиле. Этот вывод можно интерпретировать как доказательство зависимости от сложившегося положения: опыт низкой оплаты труда затрудняет получение высокооплачиваемой работы в будущем. Из попавших в 1-й квинтиль большинство составляют бывшие неработающие или представители 2-го квинтиля. Мобильность в сторону ухудшения тоже значительна. Около 8% низкооплачиваемых из числа опрошенных двумя годами ранее принадлежали к 4-му или 5-му квантилю.

Для анализа различий между низкооплачиваемыми и высокооплачиваемыми работниками в отношении их перспектив мы разделили выборку на две подгруппы в зависимости от того, принадлежал ли индивид к категории низкооплачиваемых в предшествующий период. Затем мы рассчитали отдельно вероятностную модель принадлежности к категории низкооплачиваемых для тех, кто находился в этой категории в период (t–1), и для тех, кто в период (t–1) получал высокую зарплату:

$$Prob\{LP_{it}=1 \mid LP_{i,t-1}=1\} = F(X_{it}'U_L), \qquad (5.1)$$

$$Prob\{LP_{it}=1 \mid LP_{i,t-1}=0\} = F(X_{it}'U_H), \qquad (5.2)$$

В табл. П8 представлены предельные эффекты воздействия объясняющих переменных на условную вероятность оказаться низкооплачиваемым для обоих пороговых значений (нижний квинтиль и ниже 2/3 медианы). В выборку были включены работники, которые в течение двух смежных периодов имели работу. Полученный результат позволяет сделать вывод, что доля тех, кто остается в категории низкооплачиваемых, довольно велика. Вероятность оказаться в этой категории существенно выше для тех, кто начинает перемещение, двигаясь от нижнего порогового уровня. Тест Вальда (Wald-test) на равенство коэффициентов в обеих моделях отрицает нулевую гипотезу при всех привычных уровнях вероятности для обоих определений бедности. Это означает наличие различных детерминант в зависимости от наличия у работника предыдущего опыта принадлежности к категории низкооплачиваемых. Такой вывод может означать существенную зависимость значений вероятности перехода работника из одной категории в другую от сложившегося положения.

Проанализированные переходы являются агрегированными и рассматривают исходные условия как экзогенные. Поэтому мы провели дополнительные расчеты, основанные на под-

ходе Stewart and Swaffield (1999). Используя информацию об индивидуальных характеристиках, мы оценили модель двойного отбора, применяя на каждом этапе методику отбора по Хекману (Heckman selection procedure). В частности, сначала мы оценили пробит-модель вероятности низкой оплаты в момент времени (t–1) (исходное уравнение). Обратное соотношение Милля (IMR) из этой модели включено в качестве объясняющей переменной во второе пробит-уравнение, которое описывает вероятность занятости на момент t (уравнение истощения). Соответствующее соотношение IMR из уравнения истощения выборки включено в два завершающих пробит-уравнения (уравнения мобильности). Для оценки этих двух уравнений мы разделили выборку на две подгруппы: низкооплачиваемые и высокооплачиваемые на момент времени (t–1) (см. табл. П9).

В исходном уравнении и уравнении мобильности используется один и тот же набор переменных. Мы исходили из того, что одни и те же переменные могут оказывать разное воздействие на вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых и на вероятность выхода из этой категории. В уравнении истощения выборки независимыми переменными являются образование, возраст, квадрат возраста, потенциальный опыт на рынке труда, квадрат возраста, пол, дамми-переменные для семейного положения (равное 1 в случае когда-либо состоявшего/ей в браке и равное 0 в ином случае), для проживания в сельской местности, IMR и члены, характеризующие взаимодействие дамми-переменной пола с опытом работы и семейным положением.

Сравнение коэффициентов из модели двойного отбора (табл. П9) с коэффициентами простой пробит-модели (табл. П8), рассчитанными на основе подгрупп, позволяет выявить ошибку, вызванную неслучайностью отбора. В нашем случае эта ошибка незначительно. Большинство рассчитанных коэффициентов в обеих моделях имеют одинаковые знаки и близкие значения, соотношения IMR также незначимы.

В модели, построенной по методу двойного отбора, фактор занятости на условиях полного рабочего дня имеет сильное отрицательное воздействие на вероятность сохранения положения низкооплачиваемого работника. Фактор проживания в сельской местности повышает шансы оставаться на низких уровнях оплаты труда. Учитывая воздействие ненаблюдаемых характеристик, мы можем сделать вывод, что опыт пребывания на рынке труда практически не влияет на снижение условной вероятности попадания в категорию низкооплачиваемых. Тот же вывод применим к фактору образования. Таким образом, ни фактор трудового стажа, ни дополнительное обучение не становятся лестницей, помогающей выбраться из категории низкооплачиваемых. Нисходящая профессиональная мобильность повышает риск высокооплачиваемых работников перейти в разряд низкооплачиваемых. Однако единственным значимым коэффициентом является коэффициент, относящийся к неквалифицированным рабочим. Для низкооплачиваемых работников нисходящая подвижность оплаты труда может способствовать улучшению их положения, особенно в случае их перехода в разряд операторов машин и сборщиков. Переход в частный сектор увеличивает для низкооплачиваемых работников шансы избежать бедности, однако такой переход не меняет ситуации в случае высокооплачиваемых рабочих.

Тест Вальда (Wald-test) отрицает гипотезу о равенстве коэффициента в моделях для низко- и высокооплачиваемых работников при обоих определениях порога низкой оплаты труда. Это означает, что воздействие различий между наблюдаемыми характеристиками низко- и высокооплачиваемых работников довольно значительно.

В то же время в уравнении истощения выборки (не приводится в настоящей статье) соотношение IMR из исходного уравнения является очень значимым. Такой результат позволяет предположить, что низкооплачиваемые работники более склонны отказаться от попыток найти высокооплачиваемую работу и добровольно уходят с рынка труда, либо что низкооплачиваемые работники более подвержены риску потерять работу по другим причинам и перейти в категорию безработных. Мы не можем различить эти два варианта, поскольку наше определение незанятости включает как безработицу, так и неучастие в рабочей силе.

Последний вопрос, рассматриваемый в данном разделе, касается проблемы зависимости показателей условной вероятности попадания в категорию низкооплачиваемых от сложив-

шихся условий. В табл. П10 представлены некоторые данные, позволяющие ответить на этот вопрос. Строки 1 и 2 представляют необработанные агрегированные данные о вероятности получения низкой зарплаты на момент времени t при данном уровне оплаты на момент $(t-1)$. Наша задача заключается в том, чтобы объяснить разницу между этими двумя показателями. Для обеих моделей (простой пробит-модели и модели двойного отбора) эффект зависимости от сложившихся условий был рассчитан следующим образом. Сначала мы рассчитали прогнозную условную вероятность низкой оплаты труда на момент t, используя модель низкооплачиваемых работников. Затем мы рассчитали среднее значение спрогнозированных условных вероятностей отдельно по низкооплачиваемым и высокооплачиваемым на момент $(t-1)$. Разница между двумя величинами и представляет собой воздействие различий в наблюдаемых характеристиках между группами высокооплачиваемых и низкооплачиваемых. Эффект зависимости от условий есть доля совокупных различий, не объясненных с помощью наблюдаемых характеристик (табл. П10, строки 7 и 11). Прогнозы на основании простой пробит-модели и модели двойного отбора очень близки по значениям, поскольку мы не имели возможности учитывать фактор эндогенности, т.е. ненаблюдаемой гетерогенности, которая может воздействовать на исходные условия. Для этого нам необходимо инструментировать лаговое значение низкой оплаты труда. Однако данные РМЭЗ не включают переменных, которые можно было бы использовать для этой цели. Фактически мы учли только наблюдаемые характеристики, которые скорее всего влияют на латентную переменную низкой оплаты труда. Небольшие различия в оценках указывают на то, что наблюдаемая гетерогенность несущественна для определения исходной низкой оплаты и что действительно значима лишь ненаблюдаемая гетерогенность.

Полученные оценки показывают, что эффект зависимости от условий значителен. Около 60–70% различий совокупных вероятностей объясняется фактом получения низкой заработной платы на момент (t–1) при неизменных прочих факторах. Сам факт принадлежности в какой-то период времени к категории низкооплачиваемых определяет в дальнейшем положение работника в шкале распределения заработной платы. Некоторые потенциальные источники зависимости от положения были проанализированы выше в данном разделе. Полученные нами результаты свидетельствуют о необходимости мер, направленных на устранение лимитирующего воздействия фактора принадлежности к категории низкооплачиваемых на перспективы получения более высокой заработной платы в будущем.

5. Заключение

Наши оценки показывают, во-первых, что неравенство по заработной плате в период с 1994 по 2001 г. продолжало увеличиваться и что финансовый кризис августа 1998 г. дал толчок новой волне роста неравенства. Во-вторых, перераспределение доходов происходило главным образом за счет высокооплачиваемых категорий работников. Наши наблюдения совпадают с выводами, которые были сделаны в недавних исследованиях, посвященных структуре распределения заработной платы в России (Sabirianova Peter, 2003).

Поскольку основные изменения происходят по краям распределения, коэффициент Джини имеет тенденцию недооценивать изменения неравенства. Таким образом, если принимать во внимание только коэффициент Джини, игнорируя другие меры неравенства, можно прийти к неправильным выводам относительно стабильности уровня неравенства доходов.

Декомпозиция мер неравенства свидетельствует о том, что структура неравенства не претерпела значительных изменений в период с 1994 по 2001 г. Внутригрупповое неравенство сильно доминирует над межгрупповым неравенством. Большая часть объясненных различий по уровню оплаты труда (10–12% полной дисперсии) определяется географическими переменными (проживание в городе или сельской местности и региональная принадлежность). Демографические переменные (пол и возраст) объясняют 4–5% полной дисперсии. На характеристики человеческого капитала (образование, род занятий) приходится около 8% полной дисперсии. В период до кризиса воздействие этих факторов росло, однако после кризиса начало снижаться. Характеристики, связанные с занятостью (форма собственности

работодателя и вид занятости по рабочему времени), имеют несущественное значение, однако их воздействие постепенно растет с увеличением разрыва между частным и государственным секторами.

В данной работе анализ бедности на рынке труда основан на сравнительных определениях низкой оплаты труда. При прочих равных условиях вероятность попадания в категорию низкооплачиваемых существенно выше для сельских жителей, женщин, работников, работающих на условиях частичной занятости, и занятых в государственном секторе. Высокий образовательный уровень (специальное среднее и высшее образование) имеют отрицательное влияние на вероятность оказаться в категории низкооплачиваемых. В некоторых видах деятельности доля низкооплачиваемых работников очень велика, в том числе среди квалифицированных сельских работников и неквалифицированных рабочих, а также мелких служащих и работников сферы обслуживания.

Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что распространенность низкой оплаты труда довольно велика. Вероятность попасть в «ловушку бедности» значительна и составляет около 50–60% в зависимости от выбранного определения низкой оплаты труда. Агрегированные показатели вероятности оказаться в категории низкооплачиваемых работников гораздо выше (в четыре–шесть раз) у тех, кто ранее находился в этой категории, чем у тех, кто в предшествующий период получал высокую зарплату.

В проведенном эконометрическом анализе проблема исходных условий рассматривалась как проблема неслучайного отбора. Наши расчеты показывают, что опыт работы и уровень образования не оказывают влияния на вероятность выхода из категории низкооплачиваемых. Вместе с тем некоторое воздействие на вероятность перехода из одной категории оплаты в другую имеют пол, место и регион проживания, вид собственности работодателя и продолжительность рабочего времени. Поскольку при «начальном отборе» в категорию низкооплачиваемых важную роль играют ненаблюдаемые индивидуальные характеристики работников, то государственная политика снижения бедности работающего населения может быть эффективной только при условии, что принимаемые меры направлены на всю популяцию работающих бедных.

Кроме того, работники из числа низкооплачиваемых имеют больше шансов перейти в разряд незанятых, чем те, кто находятся на более высоких уровнях распределения. Если такой вариант не принимается в расчет, то вероятность того, что низкооплачиваемые могут перейти на более высокие уровни распределения заработной платы переоценивается. У тех, кто только входит на рынок труда, больше шансов попасть в категорию низкооплачиваемых. В то же время вероятность того, что «новички» переместятся на более высокий уровень оплаты труда, выше, чем для тех, кто в настоящее время принадлежит к категории низкооплачиваемых (возможно, однако, что это происходит за счет выпускников высших учебных заведений, которые часто начинают свою трудовую деятельность с высокооплачиваемой работы).

Литература

Госкомстат (1999, 2001, 2003). Труд и занятость в России. М.: Госкомстат.

Госкомстат (2000). Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат.

Госкомстат (2002). Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Госкомстат.

Госкомстат (2003a). Методологические положения по статистике. Раздел. 3.3. М.: Госкомстат.

Госкомстат (2003b) Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. М.: Госкомстат.

Овчарова Л. (2001). Бедность в России // Demoscope Weekly, № 11–12. http://www.demoscope.ru/weekly/011/s_map.php.

Atkinson A. and Micklewright J. (1992) Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income, Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Bazen S., Gregory M. and Salverda W. (1998) "Low–Paid Employment in France, Great Britain and the Netherlands" in Bazen S., Gregory M. and Salverda W. (Eds.) Low-Wage Employment in Europe, Edward Elgar Publishing (Cheltenham, UK).

Brainerd E. (1998) "Winners and Losers in Russia's Economic Transition", Amer. Econ. Review, Vol.88: 1094–1116.

Clarke S. (2000) "The Economics and Sociology of Wage Differentiation: the Russian Case", Centre for Comparative Labour Studies, University of Warwick, mimeo.
Contini B., Filippi M. and Villosio C. (1998) "Eranings Mobility in the Italian Economy" in Asplund, R., Sloane, P. and I.Theodossiou (Eds.) Low Pay and Earnings Mobility in Europe, Edward Elgar Publishing (Cheltenham, UK).
Cowell F. and Jenkins S. (1995) "How Much Inequality Can we Explain? A Methodology and an Application to the United States", Economic Journal, Vol.105: 421–430.
Flemming J. and Micklewright J. (1999) "Income Distribution, Economic Systems and Transition", Ch.14 of A.B.Atkinson and F.Bourguignon (Eds.) Handbook of Income Distribution, Elsevier Science BV.
Garner T. and Terrell K. (2001) "Some Explanations for Changes in the Distribution of Household Income in Slovakia: 1988 and 1996", WDI WP No.377.
Fields G. (2002) "Accounting for Income Inequality and Its Change: A New Method, with Application to the Distribution of Earnings in the United States", Cornell University, mimeo, October. Available at: http://www.ilr.cornell.edu/extension/files/20021024104432-pub785.pdf
Heckman J. (1981) "Heterogeneity and State Dependence", in Rosen, S. (Ed.) Studies in Labor Markets, Chicago University Press.
Heeringa S. (1997) "Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS): Sample Attrition, Replenishment, and Weighting in Rounds V–VII", text of the paper available at http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms/project/samprep.pdf
Jovanovic B. (2000) "Russian Roulette – Expenditure Inequality and Instability in Russia, 1994–1998", WDI WP No.358, September.
Katz L. and Autor D. (1999) "Changes in the Wage Structure and Earnings Inequality", Ch.26 of Ashenfelter,O. and D.Card (Eds.) Handbook of Labor Economics, Vol.3A, Elsevier Science BV.
Keane M. and Prasad E. (2002) "Changes in the Structure of Earnings During the Polish Transition", IZA DP No.496, May.
Lambert P. and Aronson R. (1993) "Inequality Decomposition Analysis and the Gini Coefficient Revisited", The Economic Journal, Vol.103: 1221–1227.
Lehmann H. and Wadsworth J. (2001) "Wage Arrears and the Distribution of Earnings in Russia", WDI WP No.421, December.
Milanovic B. (1999) "Explaining the Increase in Inequality During Transition", Econ. of Transition, Vol.7(2): 299–341
Newell A. (2001) "The Distribution of Wages in Transition Countries", IZA DP No.267, March.
OECD (2001) CD-Rom on Labour Market Statistics, Paris, 2001.
Pyatt G. (1976) "On the Interpretation and Disaggregation of Gini Coefficients", The Economic Journal, Vol.86: 243–255.
Rusnok J. and Fassmann M. (1998) "The True Effects of Wage Regulation in the Czech Republic" in Vaughan-Whitehead, D. (Ed..) Paying the Price: The Wage Crisis in Central and Eastern Europe, ILO Studies.
Rutkowski J. (1996a) "High Skills Pay Off: The Changing Wage Structure During the Economic Transition in Poland", Economics of Transition, Vol.4: 89–112.
Rutkowski J. (1998) "Welfare and the Labor Market in Poland", World Bank Technical Paper No. 417.
Sabirianova Peter K. (2003) "Skill-biased Transition: The Role of Markets, Institutions, and Technological Change", IZA DP No.893.
Sloane P. and Theodossiou I. (1996) "Earnings Mobility, Family Income and Low Pay", The Economic Journal, Vol.106: 657–66.
Sloane P. and Theodossiou I. (1998) "An Econometric Analysis of Low Pay and Earnings Mobility in Britain" in Apslund, R., Sloane, P. and I.Theodossiou (Eds.) Low Pay and Earnings Mobility in Europe, Edward Elgar Publishing (Cheltenham, UK).
Stewart M. and Swaffield J. (1999) "Low Pay Dynamics and Transition Probabilities", Economica, Vol.66: 23–42.
Vecernik J. (1995) "Changing Earnings distribution in the Czech Republic: Survey Evidence from 1988–1994", Economics of Transition, Vol.3: 355–371
Yemtsov R. and Lokshin M. (1999) "Earnings in Russia: Why wage inequality is so high?", The World Bank, mimeo.

Приложение

Таблица П1

Итоговые данные по всем волнам РМЭЗ, 1994–2001 гг.

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Средний возраст	37.9	37.8	37.8	37.9	37.6	37.5
Пол (% женщин)	49.2	49.0	50.4	51.9	51.5	52.4
Место проживания (% сельского населения)	21.5	20.0	20.0	20.0	22.4	20.6
Доля задолженности по выплатам заработной платы (%)	41.6	42.3	60.0	63.1	28.6	23.1
Средняя контрактная зарплата (руб.)	244.2	231.4	283.2	199.7	184.8	233.5
Средняя фактическая заработная плата (руб.)	221.5	210.5	247.9	161.6	175.7	222.0
Среднее количество часов работы	160.3	167.7	168.1	163.9	171.5	169.2
Образование						
Начальное	1.5	0.9	0.8	0.6	0.4	0.3
Неполное среднее	13.4	10.0	9.6	8.6	8.7	7.1
Полное среднее	38.2	41.8	41.1	42.8	43.2	44.7
Среднее специальное	25.0	26.4	27.0	26.4	26.2	24.8
Высшее	21.9	20.9	21.4	21.5	21.5	23.1
Регион						
Москва и Санкт-Петербург	11.2	10.1	9.9	7.8	5.3	13.5
Северный и Северо-Западный регион	7.6	8.1	7.9	8.2	7.8	7.3
Центральный и Центрально-черноземный регион	18.1	18.3	18.6	19.7	20.2	18.6
Волга	17.6	17.4	17.1	18.4	18.3	17.0
Урал	11.3	11.2	11.5	10.2	10.6	9.7
Северный Кавказ	15.7	16.4	16.4	17.3	17.7	15.9
Западная Сибирь	9.4	9.0	9.5	8.9	9.4	8.1
Восточная Сибирь и Дальний Восток	9.2	9.5	9.2	9.6	10.6	9.9
Число опрошенных	**3659**	**3319**	**3121**	**3101**	**3394**	**3782**

Таблица П2

Распределение заработной платы в выборке, 1994–2001 гг.

Группа	Средняя заработная плата	90/10	90/50	50/10	75/25	GE(–1)	GE(0)	GE(1)	GE(2)	Джини
Мужчины и женщины										
1994	244,2	9,2	2,8	3,3	3,1	0,575	0,348	0,329	0,457	0,434
1995	231,4	8,4	2,7	3,1	3,0	0,556	0,334	0,316	0,421	0,427
1996	283,2	9,0	2,7	3,3	3,1	0,578	0,339	0,311	0,393	0,428
1998	199,7	9,3	2,7	3,4	3,2	0,589	0,373	0,366	0,561	0,451
2000	184,8	10,0	2,9	3,5	3,4	0,655	0,395	0,379	0,548	0,463
2001	233,5	9,0	2,8	3,2	3,1	0,652	0,386	0,382	0,581	0,459
Мужчины										
1994	295,5	9,9	2,5	3,9	3,3	0,664	0,364	0,330	0,448	0,434
1996	340,3	9,0	2,6	3,4	3,1	0,666	0,345	0,303	0,366	0,424
1998	242,0	10,0	2,7	3,7	3,1	0,649	0,379	0,359	0,534	0,448
2001	290,8	9,5	2,7	3,5	2,9	0,685	0,385	0,374	0,552	0,454
Женщины										
1994	191,2	7,1	2,5	2,9	2,7	0,434	0,285	0,268	0,336	0,397
1996	227,0	7,2	2,6	2,8	2,8	0,449	0,293	0,274	0,343	0,403
1998	160,5	8,3	2,7	3,1	2,9	0,480	0,327	0,326	0,487	0,427
2001	181,4	7,6	2,7	2,8	2,9	0,536	0,334	0,328	0,462	0,430
Образование: начальное и неполное среднее										
1994	195,7	11,1	3,1	3,6	3,3	0,684	0,415	0,409	0,629	0,475
1996	226,3	11,5	3,0	3,9	3,8	0,615	0,382	0,351	0,455	0,454
1998	172,7	11,4	3,0	3,9	3,4	0,718	0,460	0,477	0,826	0,502
2001	168,5	10,6	3,0	3,6	4,2	0,748	0,416	0,382	0,529	0,468
Образование: среднее										
1994	230,0	9,0	2,7	3,3	3,2	0,575	0,350	0,329	0,454	0,435
1996	254,7	8,8	2,7	3,2	3,1	0,617	0,348	0,322	0,419	0,433
1998	172,8	9,7	2,8	3,5	3,3	0,580	0,364	0,336	0,439	0,444
2001	222,5	9,4	2,8	3,4	3,2	0,670	0,406	0,410	0,664	0,471
Образование: среднее специальное										
1994	234,0	7,7	2,7	2,9	3,0	0,492	0,315	0,308	0,460	0,416
1996	291,2	7,8	2,8	2,8	3,0	0,496	0,317	0,295	0,364	0,420
1998	191,9	7,8	2,7	2,9	2,9	0,493	0,327	0,332	0,522	0,427
2001	207,0	7,3	2,6	2,8	2,8	0,538	0,324	0,307	0,404	0,422
Образование: высшее										
1994	313,3	6,5	2,4	2,7	2,8	0,443	0,285	0,269	0,346	0,396
1996	355,4	6,9	2,4	2,8	2,6	0,438	0,278	0,259	0,321	0,391
1998	274,2	7,6	2,8	2,7	2,8	0,466	0,329	0,340	0,532	0,432
2001	304,2	7,4	2,8	2,6	2,8	0,536	0,342	0,348	0,502	0,440
Возраст: 16–30										
1994	232,1	9,7	2,9	3,3	3,3	0,638	0,369	0,344	0,466	0,446
1996	275,9	8,8	2,8	3,1	3,2	0,609	0,361	0,341	0,458	0,444
1998	180,3	8,7	2,8	3,1	2,9	0,515	0,334	0,318	0,425	0,428
2001	221,3	9,6	2,9	3,3	3,1	0,665	0,394	0,394	0,600	0,465
Возраст: 30–45										
1994	255,5	9,0	2,7	3,4	3,1	0,558	0,347	0,335	0,486	0,434
1996	283,5	9,2	2,7	3,4	3,0	0,582	0,329	0,294	0,354	0,419
1998	207,2	9,6	2,7	3,5	3,4	0,619	0,391	0,391	0,642	0,462
2001	244,3	8,8	2,8	3,2	3,2	0,661	0,395	0,388	0,587	0,463

Таблица П2 (продолжение)

Группа	Средняя заработная плата	90/10	90/50	50/10	75/25	GE(–1)	GE(0)	GE(1)	GE(2)	Джини
Возраст: 45+										
1994	233,1	8,9	2,7	3,3	3,0	0,533	0,325	0,297	0,369	0,419
1996	290,2	8,5	2,8	3,1	3,0	0,532	0,337	0,315	0,407	0,429
1998	205,9	10,0	2,8	3,6	3,2	0,604	0,372	0,356	0,502	0,449
2001	229,2	8,2	2,7	3,1	2,8	0,613	0,359	0,355	0,540	0,441
Население: городское										
1994	269,7	7,5	2,5	3,0	2,8	0,475	0,308	0,297	0,412	0,412
1996	309,2	7,4	2,6	2,9	2,8	0,450	0,295	0,280	0,353	0,406
1998	221,0	7,9	2,6	3,1	2,9	0,510	0,338	0,338	0,515	0,432
2001	257,5	7,6	2,7	2,8	2,8	0,547	0,344	0,347	0,518	0,438
Население: сельское										
1994	150,8	9,7	2,9	3,3	3,2	0,599	0,379	0,369	0,524	0,457
1996	179,0	11,2	3,3	3,4	3,6	0,708	0,410	0,379	0,496	0,471
1998	114,5	8,7	2,8	3,2	3,3	0,528	0,363	0,360	0,511	0,452
2001	140,7	9,6	3,1	3,1	3,2	0,664	0,421	0,444	0,802	0,483
Форма собственности работодателя: государственный сектор										
1994	230,1	8,9	2,8	3,2	3,1	0,568	0,351	0,339	0,490	0,437
1996	255,5	8,6	2,7	3,1	3,2	0,578	0,337	0,308	0,387	0,427
1998	183,2	9,8	2,9	3,4	3,2	0,578	0,368	0,359	0,539	0,449
2001	197,0	8,4	2,6	3,2	3,0	0,635	0,377	0,377	0,592	0,452
Форма собственности работодателя: частный сектор										
1994	302,4	7,9	2,3	3,4	3,1	0,531	0,307	0,272	0,335	0,399
1996	347,8	7,5	2,6	2,9	2,8	0,488	0,309	0,287	0,358	0,411
1998	236,9	8,7	2,6	3,3	3,1	0,560	0,359	0,359	0,554	0,444
2001	291,0	8,5	2,7	3,1	3,0	0,555	0,354	0,350	0,504	0,443
Занятость: полная										
1994	260,2	8,2	2,6	3,2	3,0	0,510	0,326	0,314	0,440	0,423
1996	296,1	8,4	2,7	3,1	3,0	0,532	0,324	0,296	0,369	0,419
1998	209,9	8,6	2,6	3,3	3,0	0,530	0,344	0,341	0,525	0,434
2001	242,3	8,1	2,6	3,1	2,9	0,554	0,352	0,354	0,540	0,441
Занятость: частичная										
1994	196,8	9,7	2,9	3,4	3,0	0,612	0,355	0,323	0,411	0,436
1996	230,2	8,2	2,7	3,0	3,1	0,538	0,338	0,318	0,423	0,430
1998	154,7	11,0	3,1	3,6	3,4	0,620	0,397	0,386	0,557	0,468
2001	180,1	10,0	3,0	3,3	3,2	0,770	0,457	0,472	0,789	0,500

Таблица П3

Декомпозиция неравенства, 1994,1998,2001 гг.

Показатель		1994				1998				2001			
		GE(0)	GE(1)	GE(2)	Джини	GE(0)	GE(1)	GE(2)	Джини	GE(0)	GE(1)	GE(2)	Джини
Пол	Внутргруп.	0,325	0,306	0,434	0,211	0,352	0,345	0,541	0,218	0,359	0,355	0,554	0,220
	Межгруп.	0,023	0,023	0,023	0,107	0,021	0,021	0,021	0,102	0,028	0,027	0,027	0,117
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,116	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,131	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,122
Расположение (город./сельск.)	Внутргруп.	0,323	0,307	0,437	0,294	0,343	0,340	0,539	0,316	0,360	0,359	0,560	0,317
	Межгруп.	0,025	0,022	0,020	0,082	0,030	0,026	0,023	0,085	0,026	0,023	0,020	0,082
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,058	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,049	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,060
Возраст	Внутргруп.	0,347	0,328	0,456	0,167	0,371	0,364	0,560	0,168	0,385	0,382	0,580	0,163
	Межгруп.	0,001	0,001	0,001	0,024	0,002	0,002	0,002	0,027	0,001	0,001	0,001	0,023
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,244	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,256	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,273
Форма собственности (гос./частн.)	Внутргруп.	0,342	0,322	0,450	0,286	0,366	0,359	0,554	0,248	0,368	0,364	0,562	0,226
	Межгруп.	0,006	0,007	0,007	0,046	0,007	0,007	0,008	0,057	0,018	0,019	0,019	0,096
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,102	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,146	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,137
Форма занятости (полная/ частичная)	Внутргруп.	0,342	0,323	0,452	0,264	0,369	0,363	0,558	0,268	0,384	0,380	0,579	0,292
	Межгруп.	0,006	0,006	0,006	0,047	0,004	0,003	0,003	0,037	0,002	0,002	0,002	0,029
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,123	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,147	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,138
Образование	Внутргруп.	0,336	0,317	0,445	0,116	0,355	0,347	0,541	0,130	0,372	0,367	0,565	0,145
	Межгруп.	0,012	0,012	0,013	0,078	0,018	0,019	0,020	0,095	0,015	0,015	0,016	0,088
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,240	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,226	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,226
Регион	Внутргруп.	0,337	0,318	0,446	0,057	0,361	0,355	0,550	0,062	0,361	0,356	0,552	0,058
	Межгруп.	0,012	0,011	0,011	0,083	0,012	0,011	0,011	0,084	0,025	0,027	0,029	0,122
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,294	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,305	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0,279
Род занятий	Внутргруп.	0,316	0,298	0,428	0,069	0,338	0,332	0,527	0,065	0,353	0,350	0,550	0,062
	Межгруп.	0,033	0,031	0,030	0,120	0,039	0,034	0,034	0,132	0,034	0,032	0,032	0,136
	Остаток	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0.245	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0.254	Н/Д	Н/Д	Н/Д	0.261

Таблица П4

Декомпозиция неравенства по методу Филдса, 1994–2001 гг., %

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Демографические характеристики	**3,7**	**4,8**	**4,4**	**4,4**	**4,5**	**5,1**
Пол	3,6	4,5	4,3	4,2	4,2	4,9
Возраст	0,1	0,3	0,1	0,2	0,3	0,2
Географические характеристики	**9,3**	**7,6**	**10,2**	**10,4**	**12,5**	**11,7**
Расположение (город/сельская местность)	7,3	5,6	8,1	8,3	8,9	7,4
Регион	2,0	2,0	2,1	2,1	3,6	4,3
Характеристики человеческого капитала	**9,0**	**8,0**	**7,1**	**9,4**	**9,4**	**7,8**
Образование	3,7	3,3	3,2	4,1	4,3	3,5
Род занятий	5,2	4,7	3,9	5,3	5,2	4,2
Факторы занятости	**3,0**	**2,8**	**3,4**	**3,0**	**4,3**	**4,9**
Форма собственности работодателя	0,9	1,5	2,1	1,2	3,0	3,4
Занятость (частичная/полная)	2,0	1,4	1,3	1,8	1,3	1,6
Остаток	**75,1**	**76,8**	**75,1**	**72,9**	**69,3**	**70,6**

Таблица П5

Вероятность низкой оплаты труда, предельные эффекты, 1994–2001 гг.
(оценка по методу пробитов)

Показатель	1994				1998				2000			
	Нижний квинтиль		Ниже 2/3 медианы		Нижний квинтиль		Ниже 2/3 медианы		Нижний квинтиль		Ниже 2/3 медианы	
Пол (1=мужск.)	–0,037	*–0,77*	–0,009	*–0,15*	–0,018	*–0,38*	–0,060	*–0,93*	–0,010	*–4,06*	–0,017	*–4,78*
Опыт работы	–0,006	*–2,34*	–0,009	*–2,60*	–0,001	*–0,30*	–0,003	*–0,90*	0,000	*0,21*	0,002	*0,86*
Пол*Опыт работы	0,001	*0,56*	0,002	*1,00*	0,001	*0,91*	0,003	*1,61*	0,026	*4,11*	0,038	*4,29*
Опыт работы^2/100	0,012	*1,92*	0,014	*1,73*	0,002	*0,23*	0,006	*0,71*	–0,133	*–5,97*	–0,168	*–5,75*
Полная занятость (1=да)	–0,101	*–4,52*	–0,110	*–3,97*	–0,112	*–5,34*	–0,127	*–4,60*	0,026	*0,86*	–0,015	*–0,37*
Пол*Занятость	0,005	*0,15*	–0,009	*–0,24*	–0,001	*–0,04*	–0,032	*–0,82*	–0,056	*–2,53*	–0,101	*–3,17*
Рабочее время не указано (1=да)	–0,015	*–0,50*	0,014	*0,35*	–0,047	*–2,02*	–0,048	*–1,39*	0,045	*2,83*	0,049	*2,30*
Госсобственность (1=да)	0,001	*0,05*	0,027	*1,09*	0,007	*0,40*	0,050	*2,26*	–0,037	*–0,84*	–0,051	*–0,83*
Состоит в браке (1=когда-либо состоял в браке)	–0,011	*–0,33*	0,023	*0,56*	0,008	*0,28*	–0,017	*–0,42*	–0,017	*–0,61*	0,027	*0,71*
Пол*В браке	–0,017	*–0,37*	–0,094	*–1,57*	–0,055	*–1,22*	–0,102	*–1,68*	–0,035	*–0,84*	–0,122	*–2,14*
Прожив. в сельской местности (1=да)	0,107	*4,53*	0,117	*4,08*	0,135	*6,09*	0,151	*5,35*	0,143	*7,03*	0,193	*7,32*
Вторая работа (1=да)	0,027	*1,79*	0,041	*2,16*	–0,007	*–0,53*	–0,004	*–0,22*	–0,002	*–0,18*	–0,002	*–0,09*
Задолженности по зарплате (1=да)	0,010	*0,68*	–0,004	*–0,23*	–0,050	*–3,19*	–0,038	*–1,87*	–0,013	*–0,86*	–0,021	*–1,04*
Образование (без учета начального)												
Неполное среднее	0,004	*0,07*	–0,054	*–0,79*	0,053	*0,58*	0,073	*0,61*	–0,074	*–0,86*	–0,070	*–0,48*
Полное среднее	0,005	*0,09*	–0,084	*–1,19*	0,061	*0,72*	0,060	*0,52*	–0,084	*–0,83*	–0,127	*–0,85*
Среднее специальное	–0,039	*–0,72*	–0,154	*–2,23*	–0,010	*–0,12*	–0,031	*–0,27*	–0,128	*–1,44*	–0,171	*–1,21*
Высшее	–0,083	*–1,51*	–0,208	*–3,01*	–0,087	*–1,17*	–0,160	*–1,49*	–0,158	*–1,98*	–0,270	*–2,13*
Род занятий (без учета менеджеров)												
Военные специалисты	0,090	*0,51*	–0,013	*–0,07*	0,082	*0,52*	–0,076	*–0,43*	0,014	*0,12*	–0,006	*–0,04*
Специалисты высшей квалификации	0,056	*0,61*	0,044	*0,43*	–0,032	*–0,79*	–0,052	*–0,97*	–0,041	*–1,21*	–0,029	*–0,58*
Специалисты средней квалификации	0,139	*1,35*	0,196	*1,76*	0,018	*0,41*	–0,003	*–0,05*	0,050	*1,28*	0,110	*2,09*
Служащие	0,228	*1,95*	0,279	*2,34*	0,087	*1,58*	0,117	*1,75*	0,149	*2,87*	0,222	*3,47*
Занятые в сфере обслуживания	0,175	*1,53*	0,233	*1,94*	0,116	*2,09*	0,111	*1,69*	0,142	*2,87*	0,203	*3,31*
Квалифицированные работники сельского хозяйства	0,397	*2,20*	0,246	*1,35*	не учит.		не учит.		0,070	*0,76*	0,164	*1,29*
Квалифицированные рабочие	0,146	*1,43*	0,165	*1,51*	0,034	*0,71*	0,035	*0,57*	0,058	*1,38*	0,155	*2,76*
Операторы машин и сборщики	0,129	*1,27*	0,152	*1,38*	0,027	*0,58*	0,015	*0,26*	0,010	*0,26*	0,103	*1,95*
Разнорабочие	0,397	*3,22*	0,435	*3,70*	0,216	*3,80*	0,228	*3,54*	0,206	*4,34*	0,360	*6,13*
Дамми-перменные												
Годовые	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет
Региональные	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Отраслевые	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Псевдо-R2	0,1782		0,1842		0,2046		0,1817		0,2370		0,2380	
Число опрошенных	3000				3036				3334			

Примечание. Курсивом выделены асимптотические t-соотношения.

Таблица П6

Обзор статистических данных по выборке, использованной для анализа мобильности по заработной плате, 1994–2000 гг.

Показатель	Несбалансированная панель				Сбалансированная панель			
	1994	1996	1998	2000	1994	1996	1998	2000
Средний возраст	37,1	36,8	36,8	38,8	35,6	37,5	39,6	41,6
Пол (% женщин)	51,7	53,8	53,8	53,8	56,6			
Расположение (% сельского)	22,6	20,5	22,0	22,0	24,1			
Незанятость (%)	9,7	10,9	14,4	9,0	15,3	17,7	20,1	18,6
Реальная заработная плата по контракту (руб.)	240,3	279,9	198,0	187,9	232,2	271,9	197,0	187,7
Доля задолженности по заработной плате (% от занятых)	43,4	59,8	62,8	27,4	44,2	62,2	64,7	27,9
Занятость в госсекторе (% занятых)	80,1	70,7	70,0	66,8	82,3	72,7	70,0	67,8
Полная занятость (% занятых)	72,4	71,5	71,2	74,5	71,8	69,7	70,4	75,3
Образование								
Начальное	1,2	0,5	0,4	0,3	0,5	0,3	0,6	0,4
Неполное среднее	13,0	9,5	9,0	8,9	11,8	7,9	8,2	8,0
Полное среднее	39,9	43,4	45,1	43,0	42,8	44,7	45,0	43,4
Среднее специальное	25,6	28,0	25,5	26,8	25,7	29,2	26,2	27,1
Высшее	20,3	18,7	20,0	21,0	19,3	17,9	20,0	21,1
Регион								
Москва и Санкт-Петербург	8,4	8,3	5,4	5,4	5,3			
Северный и Северо-Западный регион	7,9	8,2	7,9	7,9	7,6			
Центральный и Центрально-черноземный	18,9	20,3	21,5	21,5	21,1			
Волга	18,4	18,2	18,8	18,8	19,9			
Урал	11,9	11,4	10,7	10,7	12,4			
Северный Кавказ	17,3	17,1	18,2	18,2	18,1			
Западная Сибирь	9,4	8,8	8,8	8,8	8,7			
Восточная Сибирь и Дальний Восток	7,9	7,8	8,8	8,8	6,9			

Таблица П7

Матрицы перемещения

Исходное состояние	Конечное состояние						
	Незанятость	1-й квинтиль	2-й квинтиль	3-й квинтиль	4-й квинтиль	5-й квинтиль	Всего
Несбалансированная панель							
Незанятость	0,000	0,307	0,227	0,186	0,184	0,097	1,00
1-й квинтиль	0,132	0,412	0,217	0,126	0,072	0,041	1,00
2-й квинтиль	0,081	0,196	0,288	0,214	0,153	0,068	1,00
3-й квинтиль	0,073	0,134	0,207	0,275	0,201	0,110	1,00
4-й квинтиль	0,074	0,054	0,124	0,213	0,289	0,247	1,00
5-й квинтиль	0,060	0,028	0,057	0,138	0,251	0,466	1,00
Всего	0,074	0,182	0,186	0,194	0,192	0,173	1,00
Сбалансированная панель							
Незанятость	0,000	0,303	0,212	0,163	0,202	0,119	1,00
1-й квинтиль	0,177	0,391	0,203	0,121	0,069	0,039	1,00
2-й квинтиль	0,129	0,184	0,262	0,217	0,135	0,073	1,00
3-й квинтиль	0,101	0,138	0,207	0,271	0,177	0,107	1,00
4-й квинтиль	0,097	0,056	0,121	0,214	0,278	0,234	1,00
5-й квинтиль	0,074	0,030	0,066	0,140	0,260	0,431	1,00
Всего	0,105	0,175	0,178	0,192	0,185	0,166	1,00

Таблица П8

Оценка на основе моделей условной вероятности низкой оплаты труда, предельные эффекты

Показатель	Вер, {LP(t)|LP(t–1)}		Вер,{LP(t)|LP(t–1)}		Вер,{LP(t)|HP(t–1)}		Вер,{LP(t)|HP(t–1)}	
	В нижнем квинтиле		Ниже 2/3 медианы		В нижнем квинтиле		Ниже 2/3 медианы	
Пол (1=муж,)	–0,133	*–0,96*	–0,177	*–1,76*	–0,001	*–0,25*	–0,084	*–1,68*
Опыт работы	0,008	*1,02*	–0,005	*–0,79*	0,000	*–0,24*	–0,002	*–0,72*
Пол*Опыт	0,005	*1,27*	0,004	*1,39*	0,004	*0,81*	0,001	*1,08*
Опыт^2	–0,015	*–0,77*	0,013	*0,90*	–0,070	*–1,96*	0,004	*0,62*
Занятость (1=полная занятость)	–0,134	*–2,94*	–0,132	*–3,74*	–0,086	*–5,90*	–0,104	*–5,41*
Пол*Опыт	–0,013	*–0,17*	–0,021	*–0,36*	0,015	*0,77*	0,011	*0,43*
Форма собственности работодателя (1=госсектор)	0,153	*3,72*	0,135	*4,46*	0,014	*1,45*	0,028	*2,26*
Состоит в браке (1=когда-либо состоял в браке)	–0,045	*–0,57*	0,018	*0,32*	–0,028	*–1,26*	0,015	*0,51*
Пол*Состоит в браке	–0,073	*–0,56*	–0,062	*–0,66*	0,011	*0,33*	–0,053	*–1,14*
Сельский житель (1=сельск)	0,300	*7,59*	0,251	*8,39*	0,162	*10,91*	0,171	*9,00*
Задолженность по зарплате (1=да)	–0,041	*–1,04*	–0,030	*–1,05*	0,002	*0,20*	0,003	*0,23*
Неучтенное время работы (1=да)	–0,174	*–2,88*	–0,125	*–2,51*	–0,021	*–1,32*	–0,005	*–0,22*
Вторая работа (1=да)	–0,113	*–3,31*	–0,045	*–1,75*	0,002	*0,26*	0,015	*1,25*
Образование (без учета начального)								
Неполное среднее	0,106	*0,67*	0,085	*0,66*	–0,018	*–0,37*	–0,006	*–0,09*
Полное среднее	0,107	*0,67*	0,035	*0,26*	–0,021	*–0,42*	–0,016	*–0,23*
Среднетехнич,	–0,047	*–0,29*	–0,089	*–0,65*	–0,046	*–0,98*	–0,061	*–0,90*
Высшее	–0,183	*–1,11*	–0,142	*–1,00*	–0,057	*–1,21*	–0,099	*–1,51*
Род занятий (не включ. менеджеров)								
Военные специалисты	не учит,		0,469	*12,94*	не учит.		0,900	*7,15*
Специалисты	–0,213	*–1,70*	0,734	*14,33*	0,031	*0,97*	0,984	*7,33*
Специалисты младшего звена	–0,189	*–1,52*	0,788	*14,84*	0,075	*2,14*	0,969	*7,47*
Служащие	–0,199	*–1,57*	0,616	*14,62*	0,115	*2,68*	0,911	*7,56*
Занятые в сфере обслуживания	–0,189	*–1,47*	0,645	*14,66*	0,138	*3,19*	0,920	*7,73*
Квалифицированные работники сельского хозяйства	–0,039	*–0,18*	0,427	*10,54*	не учит.		0,852	*???*
Квалифицированные рабочие	–0,282	*–2,28*	0,686	*14,26*	0,092	*2,46*	0,973	*7,60*
Операторы машин и сборщики	–0,324	*–2,68*	0,760	*14,04*	0,071	*2,03*	0,983	*7,47*
Разнорабочие	–0,123	*–0,97*	0,795	*15,25*	0,226	*4,73*	0,918	*8,15*
Регион (за исключ. Москвы и Санкт-Петербурга)								
Северный и Северо-Западный	–0,216	*–2,52*	–0,118	*–1,77*	–0,038	*–2,10*	–0,050	*–1,95*
Центральный и Центрально-черноземный	0,058	*0,80*	0,033	*0,61*	–0,039	*–2,41*	–0,043	*–1,87*
Волга	0,000	*0,00*	–0,006	*–0,11*	–0,030	*–1,77*	–0,026	*–1,11*
Урал	–0,113	*–1,30*	–0,058	*–0,88*	–0,064	*–3,89*	–0,054	*–2,12*
Северный Кавказ	0,003	*0,04*	0,021	*0,38*	–0,045	*–2,76*	–0,039	*–1,70*
Западная Сибирь	0,023	*0,27*	0,066	*1,07*	–0,049	*–2,72*	–0,067	*–2,63*
Восточная Сибирь и Дальний Восток	–0,129	*–1,45*	–0,082	*–1,26*	–0,042	*–2,29*	–0,011	*–0,40*
Годовые дамми								
1998	0,040	*0,95*	–0,012	*–0,38*	–0,016	*–1,56*	0,012	*0,86*
2000	0,066	*1,50*	0,055	*1,71*	–0,020	*–1,87*	–0,004	*–0,28*
Псевдо R2	0,147		0,108		0,105		0,096	
Число обслед.	1054		1733		4702		4057	
Наблюдаемое значение p	0,481		0,580		0,116		0,178	
Теоретическое значение p (при)	0,480		0,591		0,094		0,149	

Примечание. Курсивом выделены асимптотические t-соотношения.

Таблица П9

Оценка на основе моделей условной вероятности низкой оплаты труда, модель двойного отбора

Показатель	Вер.{LP(t)|LP(t–1)}		Вер.{LP(t)|LP(t–1)}		Вер.{LP(t)|HP(t–1)}		Вер.{LP(t)|HP(t–1)}	
	Нижний квинтиль		Ниже 2/3 медианы		Нижний квинтиль		Ниже 2/3 медианы	
Пол (1=муж.)	–0,117	*–0,75*	–0,285	*–2,46*	–0,084	*–2,14*	–0,002	*–0,79*
Опыт работы	0,008	*1,00*	0,000	*–0,02*	0,000	*–0,12*	0,001	*0,50*
Пол*Опыт	0,006	*1,47*	0,004	*1,38*	0,000	*–0,36*	0,006	*0,90*
Опыт^2	–0,014	*–0,69*	0,003	*0,17*	0,004	*0,77*	–0,073	*–1,26*
Занятость (1=полная занятость)	–0,170	*–3,56*	–0,131	*–3,56*	–0,088	*–5,90*	–0,114	*–5,54*
Пол*Опыт	0,006	*0,07*	–0,016	*–0,27*	0,028	*1,38*	0,018	*0,65*
Форма собственности работодателя (1=госсектор)	0,164	*3,84*	0,131	*4,14*	0,007	*0,74*	0,020	*1,49*
Состоит в браке (1=когда-либо состоял в браке)	–0,061	*–0,77*	0,004	*0,07*	–0,026	*–1,16*	0,022	*0,72*
Пол*В браке	–0,120	*–0,80*	0,027	*0,24*	0,016	*0,43*	–0,059	*–1,07*
Сельский житель (1=сельск)	0,288	*6,75*	0,249	*7,72*	0,154	*10,00*	0,169	*8,34*
Задолженность по зарплате (1=да)	–0,033	*–0,81*	–0,041	*–1,39*	0,004	*0,36*	0,008	*0,61*
Время работы не указано (1=да)	–0,175	*–2,81*	–0,126	*–2,42*	–0,024	*–1,53*	–0,015	*–0,64*
Вторая работа (1=да)	–0,126	*–3,52*	–0,043	*–1,59*	0,001	*0,14*	0,012	*0,96*
Образование (без учета начального)								
Неполное среднее	0,117	*0,67*	–0,039	*–0,26*	–0,036	*–0,77*	–0,024	*–0,32*
Полное среднее	0,135	*0,80*	–0,076	*–0,53*	–0,027	*–0,53*	–0,017	*–0,22*
Среднеспециальное	–0,022	*–0,13*	–0,156	*–1,12*	–0,048	*–1,01*	–0,061	*–0,85*
Высшее	–0,180	*–1,08*	–0,170	*–1,19*	–0,053	*–1,12*	–0,099	*–1,43*
Род занятий (не включ. менеджеров)								
Специалисты высшей квалификации	–0,204	*–1,62*	–0,036	*–0,40*	0,028	*0,90*	0,014	*0,41*
Специалисты средней квалификации	–0,194	*–1,56*	–0,001	*–0,02*	0,072	*2,06*	0,038	*1,01*
Служащие	–0,171	*–1,33*	0,008	*0,09*	0,107	*2,50*	0,064	*1,41*
Занятые в сфере обслуживания	–0,165	*–1,26*	–0,010	*–0,10*	0,140	*3,21*	0,101	*2,23*
Квалифицированные работники сельского хозяйства	–0,078	*–0,35*	–0,040	*–0,22*				
Квалифицированные рабочие	–0,297	*–2,42*	–0,066	*–0,69*	0,088	*2,35*	0,061	*1,53*
Операторы машин и сборщики	–0,331	*–2,75*	–0,109	*–1,16*	0,071	*2,00*	0,033	*0,89*
Разнорабочие	–0,130	*–0,99*	0,026	*0,28*	0,205	*4,19*	0,182	*3,57*
Регион (за исключ. Москвы и Санкт-Петербурга)								
Северный и Северо-Западный	–0,218	*–2,51*	–0,106	*–1,55*	–0,036	*–1,90*	–0,052	*–1,85*
Центральный и Центрально-черноземный	0,058	*0,76*	0,004	*0,07*	–0,042	*–2,53*	–0,039	*–1,53*
Волга	0,024	*0,31*	–0,010	*–0,18*	–0,030	*–1,73*	–0,019	*–0,75*
Урал	–0,106	*–1,06*	–0,126	*–1,59*	–0,065	*–3,56*	–0,050	*–1,63*
Северный Кавказ	0,027	*0,34*	0,042	*0,74*	–0,043	*–2,53*	–0,031	*–1,21*
Западная Сибирь	0,033	*0,36*	0,048	*0,73*	–0,051	*–2,75*	–0,064	*–2,22*
Восточная Сибирь и Дальний Восток	–0,143	*–1,57*	–0,090	*–1,35*	–0,041	*–2,17*	0,002	*0,05*
Годовые дамми								
1998	0,048	*1,07*	–0,011	*–0,33*	–0,019	*–1,80*	0,006	*0,41*
2000	0,071	*1,44*	0,084	*2,33*	–0,018	*–1,56*	–0,006	*–0,38*
IMR2	–0,024	*–0,06*	0,706	*2,00*	0,118	*1,11*	0,073	*0,43*
R2	0,155		0,104		0,101		0,090	
Число опрошенных	977		1612		4400		3766	
Наблюдаемое значение p	0,473		0,575		0,114		0,178	
Теоретическое значение p (при)	0,471		0,586		0,093		0,157	

Примечание. Курсивом выделены асимптотические t-соотношения

Таблица П10

Эффект зависимости от условий

Показатель	Вероятность{LP(t)|LP(t–1)}	
	Нижний квинтиль	Ниже 2/3 медианы
Необработанные совокупные показатели вероятности низкой оплаты труда в год t при заданных параметрах		
Низкая оплата труда в момент времени (t–1)	0,473	0,575
Высокая оплата труда в момент времени (t–1)	0,114	0,178
Разрыв	0,359	0,397
Вероятности, рассчитанные по модели: оценка {LP(t)|LP(t–1)}		
Простая пробит-модель		
Низкая оплата труда в момент времени(t–1)	0,476	0,577
Высокая оплата труда в момент времени (t–1)	0,342	0,453
Разница	0,135	0,125
Воздействие зависимости от условий	0,224 62,5%	0,272 68,6%
Модель двойного отбора		
Низкая оплата труда в момент времени (t–1)	0,474	0,576
Высокая оплата труда в момент времени (t–1)	0,339	0,445
Разница	0,135	0,130
Воздействие зависимости от условий	0,224 62,3%	0,267 67,1%

Татьяна Карабчук (Бандюкова)

СЛУЧАЙНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И БЕДНОСТЬ *

Подавляющая часть населения России живет на средства, заработанные на рынке труда. Благосостояние людей, таким образом, напрямую зависит от качества и стабильности занимаемых ими рабочих мест. С этой точки зрения занятость делится на две основные формы: постоянную и непостоянную. В первом случае трудовое соглашение между работником и работодателем заключается на неопределенный срок. Это не означает, что человек занят пожизненно и что работодатель не может уволить работника в любое время. Однако работодатель несет значительные издержки в том случае, если увольняет работника по своей инициативе. Это позволяет постоянным работникам чувствовать себя относительно защищенными. В случае непостоянной занятости речь идет о таких трудовых отношениях, продолжительность которых ограничена во времени. И работодатель, и работник заранее знают дату прекращения контракта. Данные Госкомстата России свидетельствуют о росте доли непостоянной занятости с 2,5% (от общей численности занятых) в 1992 г. до 7,3% в 2001 г.

Непостоянная занятость неоднородна, здесь можно выделить временную занятость, занятость, связанную с выполнением определенного объема работ, и случайную занятость. К временной занятости относятся трудовые отношения, рассчитанные на заранее определенный – достаточно длительный – период времени, они могут быть продлены в дальнейшем. Непостоянная занятость может осуществляться вне трудовых отношений и регулироваться лишь гражданским правом. В этом случае мы говорим о занятости, связанной с выполнением определенного объема работ.

Наименее стабильной – случайной форме занятости – посвящена данная работа. Под случайной занятостью подразумевается выполнение отдельных, разовых работ при отсутствии постоянного места работы. Набор видов деятельности, осуществляемых таким образом, весьма широк: сюда могут относиться и случайный извоз на автомобиле, и разовые ремонтные услуги, и нерегулярные услуги по уборке квартир, и услуги нянь и сиделок, и переводы с иностранных языков, и многое-многое другое. Этот вид занятости существовал всегда, но в последнее время доля людей, зарабатывающих себе на жизнь таким способом, становится все больше. Однозначных оценок количества случайных работников в России нет. По данным РМЭЗ, например, доля случайно занятых в общей численности занятых в 2001 г. составляла примерно 10%.

Люди, занимающиеся такого рода подработками, не имеют постоянного, регулярного заработка, их занятость нестабильна, и, как правило, такая занятость не предполагает профессионального и карьерного роста – все это делает их наиболее уязвимыми работниками на рынке труда. В связи с этим возникает ряд важных вопросов, а именно: какова доля случайной занятости в России? Кто такие случайные работники? Что детерминирует наличие случайной работы? Насколько различаются заработки постоянных и случайных работников? Как доходы случайно занятых влияют на дифференциацию доходов в обществе? Если случайные работники имеют нестабильные и низкие доходы, то не увеличивает ли эта форма занятости риск попадания в бедность? К сожалению, в российской научной литературе этой проблеме уделяется недостаточное внимание, что и послужило решающим аргументом при выборе данной темы.

---

* Автор выражает большую благодарность С.Г. Мисихиной за комментарии на разных этапах работы. Большое спасибо за полезные советы В.Е. Гимпельсону, Р.И. Капелюшникову, Т.А. Ратниковой, Н.Т. Вишневской и А.Ю. Ощепкову.

1. Данные и методология

Источник данных

Информационной основой этой работы является Российский мониторинг экономики и здоровья – РМЭЗ[1] за 1994–2001 гг.[2] Это единственный источник первичных данных, который позволяет анализировать доходы и субъективные характеристики индивидов, занятых случайным образом. Обследование РМЭЗ позволяет не только выделить случайно занятых среди всех занятых в экономике, но и проследить их мобильность на рынке труда. К сожалению, Обследование населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимое Госкомстатом, не является панельным и не содержит информации о заработной плате и доходах граждан. В свою очередь Обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), также проводимое Госкомстатом РФ, не позволяет выделить категорию случайных работников.

Идентификация постоянных и случайных работников

К постоянным работникам в данном исследовании относятся те, кто дал положительный ответ на вопрос о наличии основной постоянной работы (есть работа или находится в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске)[3]. Заметим, что постоянные работники могут иметь и вторую занятость.

Для идентификации случайно занятых были использованы ответы на вопрос о наличии приработков и оказании временных услуг[4] (вопрос задавался в индивидуальной анкете РМЭЗ). Положительный ответ на этот вопрос означает, что респондент имеет случайную работу. При этом он может иметь и основную постоянную работу, в этом случае приработки являются второй (дополнительной) занятостью. В данной работе рассматривались лишь те случайно занятые, кто отрицательно ответил на вопрос о наличии основной постоянной работы, но дал положительный ответ о наличии приработков и оказании временных услуг (табл. 1).

Таблица 1

Распределение выборки населения России в возрасте 15–72 года в зависимости от статусной группы на рынке труда, 1994–2001 гг., чел. (по данным РМЭЗ)

Показатели	1994	1995	1996	1998	2000	2001	Всего
Все население	**7487**	**7157**	**6940**	**7174**	**7487**	**8329**	**44574**
Неактивные	1902	1866	1827	2048	2070	2245	11958
Безработные	430	406	469	543	443	458	2749
Занятые	5155	4885	4644	4583	4974	5626	29867
Постоянно	4884	4567	4375	4241	4500	5083	27650
Случайно	271	318	269	342	474	543	2217

Анализ дифференциации заработков и доходов

Для анализа степени неравенства в обществе использовались показатели заработков и доходов респондентов. При обсуждении дифференциации заработков постоянных и случай-

---

[1] Подробно проектирование и реализацию выборки домашних хозяйств и содержание вопросников описаны в: Сваффорд и др., 1999.

[2] Российский мониторинг экономики и здоровья представляет общенациональное репрезентативное обследование семей. В 1994 г. было опрошено 3975 домохозяйств, в 1995 г. – 3783, в 1996 г. – 3750, в 1998 г. – 3830, в 2000 г. – 4718, в 2001 г. – 4528 домохозяйств. Анкета РМЭЗ заполняется всеми членами семьи (взрослыми и детьми). В ходе опроса организаторы получают ответы на вопросы по следующим разделам: миграция, работа, медицинское обслуживание, оценка здоровья и т.д.

[3] *«Скажите, пожалуйста, у вас есть сейчас работа. Вы находитесь в оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске или у Вас нет работы?».*

[4] *«В течение последних 30 дней вы занимались (еще) какой-нибудь работой? Может быть, Вы сшили кому-то платье, подвезли кого-нибудь на машине, занимались репетиторством, помогли кому-то с ремонтом или делали что-то другое?».*

ных работников учитывались трудовые доходы только от основного места работы, т.е. зарплата от постоянной работы или заработок от случайной занятости. Заработки от вторичной занятости в этом случае не рассматривались, так как задача состоит в сравнении заработков именно от постоянной работы как основной или случайной работы как единственной. Однако при определении доли бедных через соотношение заработков и величины прожиточного минимума в расчет принимались все заработки от всех имеющихся у респондента работ.

В мировой научной практике широко используются два метода расчета денежных ресурсов семьи/индивида: основанный на доходах и основанный на потреблении (Маколи и др., 1998). И тот и другой имеют свои недостатки и преимущества. В данной работе для анализа был выбран метод расчета бедности по доходам.

Семейный денежный месячный доход рассчитывался путем суммирования следующих составляющих:

- доход от занятости; денежные дотации и пособия; безвозмездные дары в денежном выражении; пенсии; стипендии; пособия по безработице; доходы от продажи личного имущества; доходы от сдачи в аренду имущества; доходы от вложения капитала в виде процентов, дивидендов и т.п.; выплаты по страховкам; алименты; деньги от возврата долгов; полученные в денежном выражении субсидии и льготы по оплате квартиры; деньги, взятые в долг; деньги, полученные от продажи ценных бумаг и драгоценностей, снятые сбережения;
- за вычетом денег, отданных в долг, сделанных сбережений и денег, отданных в помощь родственникам и знакомым.

В данном исследовании не учитывались неденежные виды доходов членов семей и не производилась денежная оценка продукции, производимой в домашнем хозяйстве. Автор осознает важность и значимость натуральных доходов для российского населения, но по определенным причинам эти компоненты семейного дохода не включались в анализ. Приведем здесь следующие доводы в пользу выбора денежных доходов и отказа от учета натуральных поступлений. Во-первых, доходы в денежной форме составляют основную часть всех доходов семьи, поэтому они «вносят определяющий вклад в неравенство по совокупным доходам, получаемым в различных формах и из различных источников. Во-вторых, переход к рыночной экономике значительно повысил роль дохода в денежной форме как фактора, определяющего место человека в системе неравенства и его социальные перспективы. В-третьих, в сложившихся условиях рубль дохода, получаемый в неденежной форме, существенно дешевле рубля, полученного в денежной форме» (Богомолова, Тапилина, 1999). Работники, получающие зарплату в виде продукции, выпускаемой предприятием, часто сталкиваются с большими трудностями при попытке ее сбыта. И, наконец, в-четвертых, оценка продукции, производимой в домашнем хозяйстве, является технически сложной, и трудоемкой работой, которая может быть предметом для самостоятельного исследования.

Для того чтобы измерить благосостояние в обществе и отдельных статусных группах на рынке труда, оценивались и анализировались показатели степени неравенства. Одним из таких показателей является коэффициент Джини[5]. Кроме коэффициента Джини использовались индексы, отражающие соотношения среднемесячных зарплат и душевых доходов с величиной прожиточного минимума для каждого года, а также индексы отношений среднемесячных заработков и душевых доходов по социально-демографическим группам отдельно для постоянно и случайно занятых.

Для эконометрического анализа все денежные показатели были скорректированы на региональные различия и приведены к ценам 2001 г. с помощью региональных дефляторов. Корректировка на региональные различия проводилась с помощью коэффициента различия, полученного для каждого региона путем сравнения величины прожиточного минимума в данном регионе с величиной прожиточного минимума в целом по стране для каждого ана-

[5] При расчете этого коэффициента использовались среднедушевые месячные доходы респондентов (семейный денежный доход, деленный на количество человек в семье).

лизируемого года (т.е. $k_{\text{различия}} = \text{ВПМ}_{\text{региональная}} / \text{ВПМ}_{\text{в целом по стране}}$). В качестве региональных дефляторов использовались годовые индексы потребительских цен по субъектам Российской Федерации[6].

Идентификация категорий бедного населения

Существует три основных подхода к определению и измерению бедности: абсолютный, относительный и субъективный. «Абсолютная концепция бедности базируется на установлении минимума средств существования. Минимальный уровень жизни обычно считается стабильным и не зависящим от времени. Минимальные потребности человека в питательных веществах считаются в основном одинаковыми во всех странах и требуют лишь незначительных поправок на природно-климатические условия» (Корчагина и др., 1998).

В соответствии с относительной концепцией бедности, «бедным признается тот, чей доход не позволяет жить в рамках признанного и преобладающего в данном обществе стандарта потребления. Поскольку дифференциация благосостояния характерна для любого общества, постольку согласно данной концепции бедность будет существовать всегда» (Корчагина и др., 1998).

В настоящее время государственные органы социальной поддержки в России ориентируются на абсолютную концепцию бедности, используя при этом некоторые элементы относительного подхода. Устанавливается минимальная сумма средств существования, величина прожиточного минимума[7] (ВПМ), для каждого региона, которая с течением времени корректируется на изменение цен.

В данной работе категории бедного населения также выделялись в соответствии с концепцией абсолютной бедности с помощью величины прожиточного минимума. Для этого использовались вопросы, касающиеся заработков индивида и денежных доходов семьи, и региональные величины прожиточных минимумов для трех возрастных групп (детей, трудоспособного населения, пенсионеров). За основу были взяты региональные величины прожиточных минимумов 2001 г.[8] С помощью региональных годовых индексов потребительских цен, опубликованных Госкомстатом РФ (Регионы России, 2002. Т. 2), были посчитаны региональные величины прожиточных минимумов (для каждой возрастной группы) для остальных годов. Вследствие чего методика расчета прожиточного минимума для всех рассматриваемых годов соответствует методике исчисления ВПМ, которая применялась Госкомстатом в 2001 г.[9]

Для оценки масштабов и динамики бедности в стране были выделены следующие типы бедного населения:

1) занятые, заработки которых ниже минимального размера оплаты труда;

2) занятые, оплата труда которых ниже величины прожиточного минимума для трудоспособного населения;

3) занятые, заработки которых ниже $^1/_2$ величины прожиточного минимума для трудоспособного населения;

---

[6] Использовались среднегодовые индексы потребительских цен, поскольку величины прожиточных минимумов оценивались в среднем за год.

[7] «Величина прожиточного минимума в соответствии с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины (устанавливается Федеральным Законом – в целом по РФ, законодательными органами субъектов Федерации – в субъектах РФ), а также обязательные платежи и сборы. Потребительская корзина включает минимальные наборы продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» (Социальное положение..., 2002. С. 129).

[8] Месячные данные по региональному прожиточному минимуму за 2001 г. отсутствуют, вследствие этого мы были вынуждены использовать среднегодовые данные о региональных прожиточных минимумах.

[9] С 1-го кв. 2000 г. расчеты величины прожиточного минимума производятся в соответствии с Методикой исчисления величины прожиточного минимума, утвержденной постановлением Минтруда России и Госкомстата России от 28 апреля 2000 г. (Социальное положение..., 2002. С. 129).

4) индивиды, имеющие семейный доход ниже суммарного семейного прожиточного минимума;

5) индивиды, семейный доход которых ниже $^1/_2$ суммарного семейного прожиточного минимума.

С одной стороны, при исследовании бедности среди занятого населения целесообразно изучить ту категорию людей, чьи заработки не превышают соответствующей величины прожиточного минимума. Как неоднократно показывалось в исследованиях, низкий уровень оплаты труда является главной причиной бедности для многих работников. Кроме того, трудовые доходы во многом определяют материальное положение семей, так как заработная плата взрослых членов семьи является основным источником их благосостояния (Working out of Poverty, 2003). Использование этого подхода к выделению бедных, поможет понять, какова доля тех, чей размер оплаты труда не превышает величину прожиточного минимума, и что влияет на формирование такой бедности.

С другой стороны, заработная плата не всегда отражает реальный доход индивида. Широко распространен пример больших заработков одного из супругов и маленьких заработков второго. Поэтому в анализе используется еще одна категория бедности – индивиды, чьи семейные доходы ниже суммарной семейной величины прожиточного минимума. Этот критерий отбора бедного населения позволяет определить размеры действительной бедности, т.е. долю людей, чьих доходов не хватает на удовлетворение минимально уровня потребления всех членов семьи.

2. Феномен случайной занятости

2.1. Социально-экономическая природа случайной занятости

Случайная занятость сопряжена со многими рисками как для работника, так и для заказчика. Непривлекательность случайной работы для того, кто ее выполняет, может выражаться в нестабильных и низких заработках, отсутствии социальных гарантий, нулевом карьерном росте и т.п. Заказчик не застрахован от некачественной работы, издержек обучения, трудностей с правоохранительными органами и т.д. Но, несмотря на описанную выше непривлекательность случайной занятости для обеих сторон, приработки такого рода существуют. Более того, доля случайно занятых растет. Вопрос: почему?

Случайную занятость можно анализировать с трех точек зрения: как непостоянную занятость, неформальную занятость и как самозанятость. Теоретические предпосылки всех трех концепций помогают лучше разобраться в причинах роста изучаемой формы занятости.

Непостоянная занятость. Впервые термин «непостоянная занятость» (contingent employment) был предложен А. Фридманом в 1985 г. Под непостоянной занятостью он понимал временные, нестабильные трудовые отношения, возникающие вследствие роста спроса на труд, который, в свою очередь, обусловлен ростом спроса на продукцию (Hipple, 2001. P. 3). В 1989 г. Американское Бюро статистики труда предложило следующее определение непостоянной занятости: это «любая работа, при устройстве на которую индивид не заключает ни формального, ни неформального контракта на длительный период времени» (Hipple, 2001. P. 4). (Здесь имеется в виду в основном временная занятость по найму.)

И работники, и работодатели находят свои преимущества от непостоянной занятости. Нанимая людей на временную работу, можно легко подстраиваться под изменения спроса на рынке, заменять постоянный персонал в случае необходимости, сократить издержки найма и увольнения рабочей силы и т.д. У работников тоже есть существенные причины для того, чтобы стать непостоянно занятыми: во-первых, некоторые предпочитают иметь больше свободного времени, чем это возможно при постоянной занятости; во-вторых, непостоянная работа часто позволяет совмещать несколько работ сразу; в-третьих, это единственный выход для тех, кто не может найти постоянную работу; в-четвертых, нанимаясь на работу такого рода, человек может легко отказаться от нее, если его что-то не устраивает, или договариваться об определенной оплате труда (Valenzuela, 2003).

Случайная занятость, как уже было сказано во введении, – это часть непостоянной занятости. Она обладает главной характеристикой непостоянной занятости – она ограничена во времени, т.е. «работник и работодатель (заказчик) не заключают между собой ни письменного, ни устного договора о предоставлении услуг или выполнении работы на длительный промежуток времени» (Polivka and Nardone, 1989). Поэтому приведенные выше доводы полезности непостоянной занятости для агентов рынка труда можно использовать в качестве объясняющих причин существования и случайной занятости. С точки зрения этого подхода под случайной занятостью имеется в виду временная занятость по найму.

Неформальная занятость. Неформальная занятость – это часть скрытой, теневой экономики (Williams and Windebank, 1998). К теневой экономике относится любая нерегистрируемая экономическая деятельность, включая криминальную. Неформальная работа – это оплачиваемая работа, которая включает в себя все нелегальные и легальные виды деятельности, при которых заработная плата не декларируется.

Главная характеристика неформальной занятости – это то, что она не регулируется легальными институтами общества (Castells and Portes, 1989). В результате отсутствия государственного институционального контроля многие формальные нормы и правила игнорируются и не выполняются. Например, формальные трудовые договора могут не заключаться, размер оплаты труда может быть меньше принятой минимальной ставки заработной платы, условия труда могут не отвечать требуемым стандартам и т. д.

Неформальная занятость может быть выгодна как для работодателя/заказчика, так и для работника. Работодатель в данном случае освобождает себя от уплаты налогов, снижая тем самым свои издержки, работник же получает, как правило, более высокую зарплату, чем ему бы заплатили при официальном найме.

Случайная занятость может обладать всеми характеристиками неформальной занятости. Трудовые отношения при такой форме занятости часто формально не регистрируются, оплата труда не декларируется, размер заработка носит договорной характер, законодательно случайная занятость практически не регулируется, какой-либо контроль со стороны государственных органов отсутствует.

Самозанятость. Ситуация самозанятости подразумевает совмещение работника и работодателя в одном лице. Располагая некоторыми ресурсами (например, временем, знаниями, автомобилем) человек предоставляет свои услуги непосредственно потребителю, самостоятельно назначая себе оплату труда.

Для самозанятого можно перечислить следующие плюсы от его деятельности. Во-первых, такого рода работа является выходом из ситуации, когда нет возможности работать на постоянной основе. Во-вторых, при самозанятости человек получает определенную самостоятельность как в принятии решений, так и в способах их реализации. В-третьих, самозанятость дает человеку возможность самореализации. В свою очередь для тех, кто покупает услуги самозанятых, это может быть выгодно в силу их дешевизны, доступности и т.д.

Самозанятость пересекается с неформальной занятостью. Широко распространены случаи, когда индивидуальная деятельность нигде не регистрируется, никакие налоги с доходов от такой деятельности не платятся. Случайная занятость в данном контексте – это по большей части самозанятость.

2.2. Масштаб и динамика случайной занятости в России в 1994–2001 гг.

Случайные работники составляют довольно значимую долю занятых в России. В 1994 г. общая доля людей, которые занимались разовыми подработками или оказывали временные услуги, составляла 12,7%, а в 2001 г. она достигла 15,2%. Однако часть случайно занятых имели постоянную работу: в 1994 г. таких работников было 7,4%, в 2001 г. – 5,5%. Доля занятых, для которых случайная работа была единственной, в 1994 г. равнялась 5,3%, в 2001 г. – 9,7% (табл. 2). Именно эту категорию занятых мы будем рассматривать в дальнейшем анализе.

Таблица 2

Занятое население в возрасте 15–72 года, 1994–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

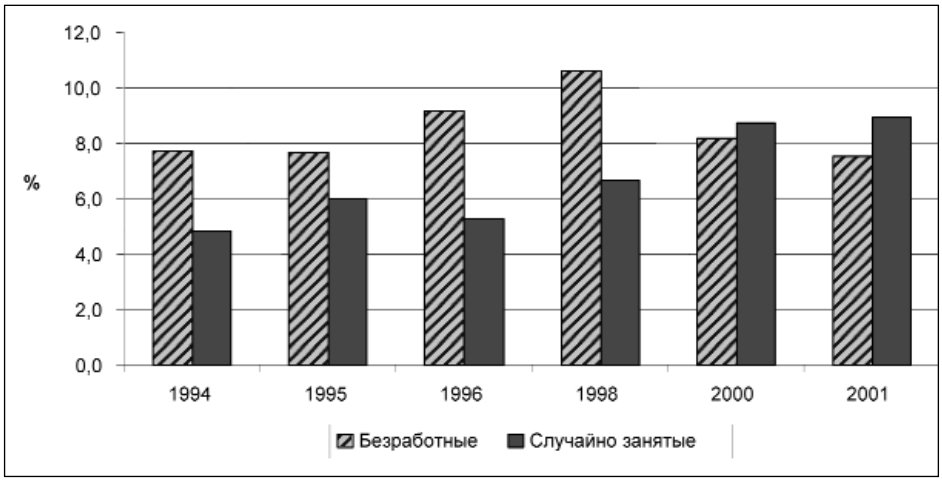
Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Все занятое население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Постоянно занятые	94,7	93,5	94,2	92,5	90,5	90,3
Из них:						
Имеют только одну постоянную работу	83,5	84,0	84,8	83,3	80,8	80,3
Имеют дополнительную работу	11,0	9,1	9,0	8,9	9,4	9,8
в т. ч. случайную	*7,2*	*5,5*	*5,4*	*5,2*	*5,4*	*5,5*
Случайно занятые	*5,3*	*6,5*	*5,8*	*7,5*	*9,5*	*9,7*
Случайно занятые	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Регулярно	29,8	*27,1*	20,2	26,3	32,2	31,8
Нерегулярно	*70,2*	*72,9*	*79,8*	*73,7*	67,8	68,2

Если говорить о распространенности непостоянной занятости в мире, то в среднем по странам – членам ОЭСР доля непостоянной занятости составляет 13%. При этом в Испании, например, каждый третий работник имеет непостоянную форму занятости, тогда как в Словакии – только каждый двадцатый (Employment Outlook, 2002. P. 133). По оценке С. Хаусман, в США каждый день 4% работников являются непостоянно занятыми, гораздо большее количество людей работает на временной основе в течение года (Houseman, 2001).

В России в 1990-е годы доля случайно занятых постепенно росла, причем это происходило на фоне экономического подъема в посткризисный период. Казалось бы, наоборот, улучшение экономического положения должно было бы способствовать росту постоянной занятости, а не случайной. Уровень постоянной занятости до 1998 г. сокращался, в то время как доля случайно занятых постепенно росла. После 1998 г. постоянная занятость начала увеличиваться, но рост случайной занятости не остановился.

Интересно проследить динамику доли случайной занятости и безработицы (процент от числа экономически активного населения), которая отражена на *рис. 1*. Видно, что до 1998 г. оба показателя росли, после чего уровень безработицы начал сокращаться, а доля случайных работников продолжала увеличиваться и к 2001 году превосходила долю безработных почти на два процентных пункта. Чем объяснить такой непрерывный рост случайной занятости на фоне сокращения постоянной занятости и безработицы? Здесь можно сделать, по крайней мере, четыре предположения.

Рис. 1. Доля безработных и случайно занятых в % от экономически активного населения, 1994–2001 гг. (по данным РЭМЗ)



Во-первых, во время рыночных реформ спад промышленного производства и закрытие множества предприятий повлекли за собой сокращение рабочих мест, численность занятых сократилась на 13 млн. человек.[10] В условиях недостатка постоянных рабочих мест случайные подработки явились выходом из сложившегося положения для многих людей. Во-вторых, в связи с кризисом российской экономики в переходный период заработные платы на многих предприятиях и организациях были низкими и выплачивались с большими задержками. Это способствовало тому, что люди чаще делали выбор в пользу случайной занятости. В-третьих, переход к рынку обусловил появление и закрепления новых норм поведения на рынке труда, которые способствовали развитию случайной занятости. Практика разовых подработок существовала всегда, но в пореформенный период государство перестало строго контролировать трудовую жизнь своих граждан, и у людей появилось больше свободы в выборе форм занятости. И, наконец, в-четвертых, случайная занятость может носить вынужденный характер. У людей, которые в силу тех или иных причин не могут устроиться на постоянную работу, нет другого выхода, как начать заниматься разовыми подработками. Случайная занятость все же лучше, чем безработица.

В табл. 3 приведены оценки доли случайно занятых в соответствии с различными социально-демографическими характеристиками. Согласно этим данным, случайная занятость распространена среди мужчин больше, чем среди женщин. Наибольшее распространение случайной занятости характерно для лиц в младших (15–19 лет) и старших (60–72 года) возрастах. Среди сельских жителей случайная занятость распространена больше, чем среди горожан. Степень распространения случайной занятости уменьшается в повышением уровня образования – наибольшая доля случайно занятых характерна для лиц с самым низким уровнем образования (отчасти это может быть связано с различиями в уровень образования городского и сельского населения). С точки зрения семейных характеристик случайная занятость распространена, с одной стороны, среди лиц не состоящих в браке, с другой – среди членов больших и особенно многодетных семей.

Таблица 3

Доля случайно занятых в общей численности занятых по группам населения, 1994–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Характеристика	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Пол						
Женщины	5,0	5,7	4,5	6,5	8,5	8,7
Мужчины	5,6	7,2	7,1	8,4	10,6	10,7
Возраст						
От 15 до 19 лет	29,5	21,2	29,5	36,2	40,6	34,6
От 20 до 29 лет	5,7	7,3	6,3	8,6	7,6	9,6
От 30 до 39 лет	3,7	5,3	5,3	6,1	8,5	7,2
От 40 до 49 лет	3,3	5,2	3,8	5,3	8,0	7,6
От 50 до 59 лет	5,2	5,5	4,4	5,5	7,0	8,7
От 60 до 72 лет	8,9	11,9	9,8	13,4	18,8	18,7
Тип поселения						
Село	4,3	6,4	8,8	13,2	14,8	15,0
Город	5,6	6,5	4,9	5,7	7,1	7,5
Образование						
Ниже среднего	6,4	8,7	7,6	11,9	18,6	21,6
Среднее общее	8,4	9,3	8,5	10,7	13,8	13,3
Среднее специальное	4,1	5,2	4,8	6,3	6,8	7,2
Высшее	3,2	3,9	2,8	3,2	4,4	4,5
Состояние в браке						
Не состоит в браке	10,7	10,7	6,3	8,4	15,4	15,0
Состоит в браке	3,3	5,2	5,6	7,1	7,6	7,7

[10] Оценки автора по данным ОНПЗ.

Таблица 3 (продолжение)

Характеристика	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Размер семьи						
Один человек	9,2	12,5	4,9	13,2	16,0	11,6
Два человека	7,6	6,4	5,8	7,9	9,2	9,7
Три–четыре человека	4,3	6,1	5,6	6,5	7,8	7,7
Больше пяти человек	5,0	6,2	6,4	8,6	14,1	15,6
Количество детей в семье						
Нет детей	6,7	7,3	6,3	9,4	10,5	9,8
Один ребенок	5,0	6,6	5,9	5,7	6,9	8,2
Два ребенка	3,0	5,3	4,7	6,3	10,5	9,7
Три и больше детей	6,0	6,0	5,0	11,9	24,1	25,7

2.3. Статусная мобильность случайных работников

Насколько устойчива во времени случайная занятость? И какова вероятность смены статуса случайного работника на другие статусы рынка труда?

Следует заметить, что под статусом в данной работе понимается позиция, которую занимает тот или иной человек на рынке труда. Было выделено четыре основных статуса, а именно: статус постоянно занятого, статус случайно занятого, статус безработного и статус неактивного. К мобильности относится любого рода и направления переход из одного статуса в другой.

Рассмотрим результаты, полученные из матриц перехода в 2000–2001 гг. (табл. 4). Согласно данным табл. 4а, в 2001 г. состав случайно занятых на 25% формировался за счет лиц, которые были случайно занятыми в предшествующем году, на 24% – за счет бывших постоянно занятых, на 18% – за счет бывших безработных и на 33% – за счет ранее экономически неактивных лиц. Из табл. 4б видно, что в 2001 г. из числа работников, имевших случайную работу в 2000 г., 27%сохранили свой статус, 22% перешли на постоянную работу, 11% перешли в категорию безработных и 40% стали экономически неактивными.

Таблица 4

Статусная мобильность на рынке труда, 2000–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

а) Из кого формируются случайно занятые

Статус на рынке труда в 2001 г.	Статус на рынке труда в 2000 г.				
	Случайно занятые	Постоянно занятые	Безработные	Неактивные	Всего
Случайно занятые	25,0	24,0	17,6	33,4	100,0
Постоянно занятые	1,5	88,2	4,6	5,7	100,0
Безработные	7,2	30,9	32,3	29,6	100,0
Неактивные	4,7	9,8	5,0	80,5	100,0

б) Куда переходят случайно занятые

Статус на рынке труда в 2000 г.	Статус на рынке труда в 2001 г.				
	Случайно занятые	Постоянно занятые	Безработные	Неактивные	Всего
Случайно занятые	27,2	22,4	10,7	39,7	100,0
Постоянно занятые	1,8	89,3	3,2	5,7	100,0
Безработные	10,9	38,2	27,3	23,6	100,0
Неактивные	4,3	9,9	5,3	80,4	100,0

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что статусная мобильность на российском рынке труда в изучаемый период времени было довольно сильной. Случайная занятость сама по себе не является закрытым резервуаром. В 2001 г. каждый второй работник, занятый приработками и оказанием временных услуг, поменял свой статус на рынке труда.

Большая часть из них стала постоянными работниками. Остальные перешли в категории неактивных и безработных.

Возможно, сильная мобильность из случайной занятости связана с тем, что больше 70% респондентов, занятых разовыми подработками и оказанием временных услуг, хотели бы найти другую работу. Почему большинство случайно занятых хотели бы поменять работу? Только лишь нестабильность и отсутствие социальных гарантий тому причины? Может быть, основной причиной являются низкие и нерегулярные заработки? Действительно ли доходы от случайной занятости ниже доходов от постоянной занятости? Влияют ли доходы случайных работников на дифференциацию всех занятых? Ведет ли случайная занятость к бедности?

Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, перейдем ко второй части работы, где обсуждаются проблемы заработков и доходов случайных работников, а также влияние случайной занятости на бедность.

3. Случайная занятость как фактор бедности

3.1. Случайная занятость и благосостояние

Как известно, положение индивида в обществе в значительной степени определяется его доходом, а основным источником дохода, как правило, является оплата труда. Таким образом, заработная плата влияет на дифференциацию доходов людей, что, в свою очередь, определяет степень неравенства в обществе. Если заработки существенно ниже стоимости жизни при отсутствии других источников дохода, то человек становится бедным.

В развитых странах многие исследования свидетельствуют о том, что непостоянно занятые, как правило, получают меньшую зарплату, чем постоянные работники, они также с меньшей вероятностью имеют социальное обеспечение (Hipple and Stewart, 1996).

Экономическая теория не дает однозначного и полного объяснения, какой должна быть оплата труда непостоянных работников. В соответствии с неоклассической теорией, временный/случайный работник должен получать большую оплату труда, чем постоянный, так как она должна включать в себя компенсацию за непривлекательность «плохих» рабочих мест (Hipple and Stewart, 1996). Это означает, что работники в основном предпочитают более стабильную занятость, поэтому непостоянным работникам нужно платить дополнительно, чтобы привлечь на такие рабочие места.

Другой подход предлагает двухсекторная модель рынка труда. Согласно этой теории рынок труда делится на два принципиально различных сектора – первичный и вторичный. Рабочие места в первичном секторе характеризуются высокой зарплатой, стабильной занятостью, хорошими условиями труда и наличием перспектив продвижения. Напротив, работа во вторичном секторе связана с низким уровнем оплаты труда, нестабильной занятостью, отсутствием перспектив служебного роста, плохими условиями труда. Те, кто работают во вторичном секторе рынке труда, а сюда как раз и относятся временные и случайные работники, имеют меньшую заработную плату, чем работники первичного сектора рынка труда (Employment Outlook, 2002. P. 141).Таким образом, различия в оплате труда постоянных и непостоянных работников объясняются меньшей привлекательностью второго сектора на рынке труда, т.к. там сосредоточены рабочие места для низкоквалифицированных кадров.

На практике только в некоторых странах ОЭСР (Бельгия, Франция) оплата труда непостоянных работников законодательно определена как равная зарплате постоянных работников. В других же развитых странах (Нидерланды, Германия, Великобритания) временные работники часто страдают от значительной разницы в оплате труда. Занятые на временной основе получают намного меньше, чем те, кто имеет стабильную занятость. В разных странах разрыв в оплате труда постоянных и непостоянных работников различен. Так, в Германии он составляет 17%, в Нидерландах – 27%, а в Испании – 47% (Employment Outlook, 2002. P. 141).

С. Хиппл и Дж. Стюарт предлагают следующие объяснения такой разницы в оплате труда (Hipple and Stewart, 1996). Во-первых, большинство непостоянно занятых часто работают

неполный рабочий день, поэтому и получают меньше, чем занятые полный рабочий день на постоянной основе. Во-вторых, временные и случайные работники – это в основном молодежь. А молодые работники, как правило, не имеют опыта работы, что является объективной причиной для более низкого уровня оплаты труда. В-третьих, непостоянно занятые в массе своей не имеют высокого образования. Они занимают рабочие места, не требующие высокой квалификации или хорошего образования, что объясняет более низкие заработки.

Такая же картина складывается в отношении льгот, привилегий и социального обеспечения. Непостоянные работники лишены многих социальных услуг, предоставляемых организацией, которыми пользуются постоянные работники. Например, сюда относится оплачиваемый отпуск, оплачиваемый больничный лист, гарантия пособия по безработице, оплачиваемый декретный отпуск, пенсионные выплаты и т.д. Однако это касается только тех работников, которые заняты по краткосрочным контрактам (до одного месяца). Случайные работники, как никто иной, попадают в эту категорию лишенных пакета социальных услуг. Отсутствие социального пакета может стать источником нестабильности и вызвать кризис со всевозможными негативными последствиями для благосостояния индивидов и их семей (Employment Outlook, 2002. P. 151).

В статье М. Фербера и Дж. Вольдфогеля на базе данных Национального лонгитюдного исследования молодежи анализировались последствия влияния фактора непостоянной занятости на заработки и социальное обеспечение временных и случайных работников (Ferber and Waldfogel, 1998). Наряду с контрольными переменными авторы изучали взаимосвязь непостоянной занятости и натурального логарифма почасовой ставки заработной платы. Кроме того, они пытались определить эффект от вовлеченности во временную и случайную занятости на рост уровня заработной платы и наличие социального обеспечения. Результаты показали, что размер и изменения в оплате труда зависят от вида непостоянной занятости (временная, самозанятость, неполная занятость), а также от пола. Наличие временной занятости в настоящем и в прошлом по-разному влияет на уровень оплаты труда. Индивиды, которые когда-либо были заняты на непостоянной работе, с меньшей вероятностью будут иметь социальное обеспечение. М. Фербер и Дж. Волдфогель выяснили, что временная занятость оказывает негативное влияние на рост заработной платы.

В работе Д. Роштейн (Rothstein, 1996) также обсуждаются последствия непостоянной занятости, в частности влияние непостоянной занятости на рост почасовой ставки оплаты труда. Она использует ту же базу данных, что и М. Фербер и Дж. Волдфогель. Автор делает следующие выводы: почасовая ставка оплаты труда непостоянно занятых ниже почасовой ставки оплаты труда постоянных работников; непостоянная занятость не способствует росту заработной платы. Эти выводы схожи с результатами других исследователей, описанных выше.

Очень интересна работа К. Амуедо-Дорантес и С. Бансак (Amuedo-Dorantes and Bansak, 2003), в которой авторы попытались представить непостоянную занятость как следствие бедности. Используя базу данных Национального лонгитюдного исследования молодежи, они выяснили, что: 1) сама по себе непостоянная занятость не увеличивает риск бедности; вероятность стать бедным в ближайшие годы определяется низкими заработками, количеством недель пребывания в безработице, отсутствием социального пакета и слабым продвижением по карьерной лестнице; 2) люди, находящиеся на государственном социальном обеспечении, (т.е. бедные), с большей вероятностью будут устраиваться на непостоянную работу; 3) бедность увеличивает вероятность того, что индивид будет иметь непостоянную работу в ближайшем будущем, а непостоянная занятость, в свою очередь, ухудшает материальное положение работника и не способствует выходу из бедности.

Исходя из рассмотренных нами результатов предшествующих работ, мы можем сформулировать основную гипотезу нашего исследования: случайная занятость – это фактор бедности. Случайная занятость не способствует выходу из бедности.

Посмотрим, насколько отличны заработки случайных работников от заработков постоянных работников в России, а также проанализируем, влияют ли доходы случайно занятых на дифференциацию доходов занятых в экономике всего.

3.2. Заработки случайно занятых и дифференциация доходов

Различия в заработках и доходах случайных и постоянных работников в 2001 г. показаны в табл. 5. Месячная заработная плата постоянных работников превышала месячный заработок случайных работников почти в два раза. Но и среднее количество отработанных часов случайно занятыми вполовину меньше среднего количества отработанного времени постоянными работниками. Особенное внимание стоит обратить на колонку, демонстрирующую почасовую оплату труда. Здесь мы получили довольно неожиданный результат – случайные работники за час получают почти столько же, сколько занятые на постоянной основе. Неформальные отношения, характерные для случайной занятости, ведут к снижению размера выплачиваемых налогов и соответственно повышают реальный размер платы за труд/услуги, которая выдается на руки.

Таблица 5

Заработная плата и доля зарплаты в доходах занятых в возрасте 15–72 лет, 2001 г. (по данным РМЭЗ)

Показатель	Среднее количество отработанных часов в месяц	Заработок в среднем в месяц (руб.)	Почасовая оплата труда (руб.)	Среднемесячный семейный доход (руб.)	Доля заработка в семейном доходе, %
Все занятые	160,7	3428	21,3	8409	65,5
Постоянно	168,8	3605	21,4	8548	66,1
Случайно	81,9	1649	20,1	7053	59,5
Случайно занятые в % к постоянно занятым	48,5	45,7	94,3	82,5	

В 2001 г. семейные среднемесячные доходы случайно занятых примерно на 20% меньше семейных среднемесячных доходов постоянных работников. Доля заработков от случайной занятости в семейных доходах была примерно на 7 процентных пунктов меньше доли заработков от постоянной занятости.

В табл. 6. мы приводим оценки заработной платы и доходов разных категорий населения относительно величины прожиточного минимума. Самые низкие доходы имеют безработные и неактивные. Такое положение вещей понятно и объясняемо. Эти две категории населения не имеют регулярного трудового дохода, и, как правило, они находятся на иждивении у других работающих членов семьи. В свою очередь случайно занятые получают в среднем в месяц намного меньше, чем постоянные работники. Соответственно и семейные доходы работников, занимающихся разовыми подработками, существенно ниже, чем доходы постоянно занятых. Такой вывод говорит о том, что при прочих равных случайные работники имеют больший риск принадлежать к бедным слоям населения.

Таблица 6

Относительный уровень заработной платы и денежных доходов населения, 1994–2001гг., % (по данным РМЭЗ)*

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Заработная плата						
Соотношение среднемесячной зарплаты работников в целом с ВМП	297	213	248	186	173	222
Соотношение среднемесячной зарплаты постоянных работников с ВМП	299	218	257	196	179	232
Соотношение среднемесячного заработка случайных работников с ВМП	259	141	131	78	112	119
Денежные доходы населения						
Соотношение среднедушевых доходов всего населения с ВМП	210	150	160	132	133	164
Соотношение среднедушевых доходов занятого населения с ВМП	242	158	155	139	134	162
Соотношение среднедушевых доходов постоянно занятого населения с ВМП	229	164	182	143	149	181
Соотношение среднедушевых доходов случайно занятого населения с ВМП	255	152	127	134	120	143
Соотношение среднедушевых доходов безработного населения с ВМП	153	128	127	114	124	131
Соотношение среднедушевых доходов неактивного населения с ВМП	170	119	118	111	105	136

* Здесь была использована величина прожиточного минимума (ВПМ), общая для всего населения в России. Рассчитывалась средняя ВПМ за последние пять месяцев каждого года, так как РМЭЗ проводился в эти месяцы.

Коэффициент Джини для всего населения достиг своего пика на отметке 0,537 в 1996 г., а затем он начал уменьшаться и в 2001 г. составил 0,499. Коэффициент Джини для занятого населения имеет схожую динамику, с коэффициентом Джини для всего населения. Наиболее высоким (0,547) он был в 1996 г., а затем начал постепенно снижаться и в конце периода составил 0,500 (табл. 7). Коэффициент Джини для постоянно занятого населения намного ниже, чем для случайно занятых (исключение составляет 1996 г.). Видно, что при включении доходов случайных работников в расчет коэффициента Джини для занятого населения показатель неравенства увеличивается.

Таблица 7

Коэффициенты Джини для населения в возрасте 15–72 лет, 1994–2001гг., (по данным РМЭЗ)

Показатель	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Все население	0,511	0,513	0,537	0,511	0,512	0,499
Занятые, всего	0,520	0,526	0,547	0,520	0,524	0,500
Постоянно занятые	0,514	0,524	0,549	0,515	0,521	0,495
Случайно занятые	0,613	0,547	0,503	0,584	0,551	0,531

Случайная занятость повышает степень неравенства в обществе через увеличение дифференциации доходов среди занятых в целом. С одной стороны, доходы и заработки случайно занятых ниже доходов и заработков постоянных работников, что увеличивает риск занятых случайным образом оказаться в категории бедного населения. С другой стороны, доходы случайных работников заметно превышают доходы безработных и неактивных на рынке труда, что свидетельствует о лучшем положении случайно занятых по сравнению с безработными и неактивными.

Прежде чем приступить к непосредственной проверке основной гипотезы исследования о том, что случайная занятость является фактором бедности, определим ситуацию с бедностью среди занятого населения в целом (табл. 8).

Таблица 8

Уровни бедности по статусным групп на рынке труда, 1994–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Показатель бедности	Статус	1994	1995	1996	1998	2000	2001
Зарплата							
Доля занятых, у которых заработок меньше МРОТ	Занятые	3,4	4,5	4,4	4,8	3,1	4,4
	Постоянно	2,5	3,5	3,4	3,3	1,6	2,7
	Случайно	18,3	16,9	16,0	21,8	15,7	19,8
Доля занятых, у которых заработок меньше $^1/_2$ ВПМ	Занятые	18,8	22,4	18,8	36,7	27,7	20,1
	Постоянно	17,4	20,8	16,8	33,7	25,0	17,1
	Случайно	42,5	46,7	42,5	66,7	55,9	48,6
Доля занятых, у которых заработок меньше ВПМ	Занятые	42,2	49,4	42,7	65,4	54,0	44,7
	Постоянно	40,5	47,5	40,2	63,2	52,2	42,1
	Случайно	68,3	73,5	71,7	84,3	74,7	69,5
Доход							
Доля людей, у которых семейный доход меньше $^1/_2$ суммарной семейной ВПМ	Занятые	20,3	23,9	25,2	37,9	26,0	17,9
	Постоянно	20,7	23,3	24,9	37,2	24,2	16,0
	Случайно	25,4	28,8	31,9	43,8	37,7	31,3
	Безработные	27,3	33,4	31,1	50,6	37,2	27,8
	Неактивные	17,1	22,7	23,6	34,9	25,1	17,3
Доля людей, у которых семейный доход меньше суммарной семейной ВПМ	Занятые	45,3	53,8	50,4	73,0	59,1	46,5
	Постоянно	43,6	50,3	48,3	69,0	54,5	43,1
	Случайно	51,3	54,1	53,7	73,4	66,1	58,8
	Безработные	56,7	63,7	58,8	78,4	67,7	61,9
	Неактивные	46,3	60,2	52,9	79,8	66,0	48,4

По разным показателям доля бедных среди случайно занятых почти в два раза превышает долю бедных среди постоянно занятых. Более того, доля бедных среди случайно занятых превышает долю бедных среди экономически неактивного населения и примерно соответствует уровню бедности среди безработных.

3.3. Случайная занятость: фактор бедности?

Перейдем теперь к непосредственной проверке нашей основной гипотезы с помощью эконометрических моделей (описание моделей и результаты оценок см. в приложении). В качестве зависимых переменных были взяты две дихотомические переменные, отражающие вероятность попадания в бедность: 1) заработки ниже величины прожиточного минимума для данной возрастной группы в данном регионе[11] и 2) семейный доход ниже семейной суммарной величины прожиточного минимума.

Сначала охарактеризуем выявившиеся взаимосвязи с контрольными переменными, затем перейдем к анализу зависимостей от интересующих нас параметров. Женщины с большей вероятностью попадают в категорию бедных, чьи заработки не превышают величины прожиточного минимума. Фактор пола оказался незначим для бедности по семейным доходам.

Работники самых младших возрастов с большей вероятностью будут иметь зарплату меньше их прожиточного минимума по сравнению с работниками старших возрастов (см. табл. П1). Работники средних возрастов с меньшей вероятностью попадут в категории бедного населения, нежели самые старшие по возрасту работники (табл. П2).

В силу отсутствия опыта и навыков работы уровень зарплаты новичков на рынке труда значительно ниже уровня зарплаты опытных профессионалов. Это говорит о том, что представители малообразованных групп имеют больший риск попадания в категорию бедного населения (табл. П1–П2). Чем выше образование, тем меньше вероятность того, что человек станет бедным.

Примечательно, что наличие супруга/супруги, так же как и проживание в городе, уменьшает риск бедности (табл. П1–П2). Если индивид состоит в браке, то вероятность попадания в категорию бедного населения (как по заработкам, так и по семейным доходам) уменьшается. Городские жители имеют меньший риск принадлежать к числу бедного населения, чем те, кто проживает в сельской местности, в то время как количество человек в семье увеличивает вероятность бедности. Это означает, что чем больше семья, тем выше риск попадания в бедные слои населения.

Видно, что выявленные зависимости вероятности бедности от социально-демографических характеристик при оценке эконометрических уравнений совпадают с полученными результатами расчета риска бедности по социально-демографическим группам для занятого населения.

Хотелось бы обратить особое внимание на фактор «1998 год». Как мы помним, это кризисный год. По сравнению с 2001 г. вероятность попадания в бедность в этом году была значительно больше. Эта зависимость четко прослеживается в полученных результатах, что позволяет говорить об определенной достоверности моделей.

Заметим, что проживание в Южном, Приволжском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах повышает риск бедности как по зарплате, так и по доходам.

Из анализа видно, что многие факторы, влияющие на вероятность быть бедным, являются детерминантами и для случайной занятости. Это косвенно подтверждает гипотезу о сопряженности случайной занятости и бедности.

Теперь проанализируем влияние уровня безработицы, случайной занятости, случайной занятости в прошлом раунде и принадлежности к бедному населению в прошлом раунде на вероятность попадания в категорию бедного населения.

---

[11] Величины прожиточных минимумов для всех годов были рассчитаны из данных по 2001 г.; все денежные переменные скорректированы на региональные различия и приведены к ценам 2001 г. с помощью региональных дефляторов.

Данные табл. П1 свидетельствуют о том, что уровень безработицы оказывает положительное влияние на вероятность иметь заработок ниже ВПМ: чем больше безработица в данном регионе, тем больше вероятность, что респондент будет иметь зарплату меньше ВПМ. Здесь можно предложить следующие объяснения. Большое количество безработных в регионе создает жесткую конкуренцию за рабочие места, что позволяет работодателям занижать уровень оплаты труда. Высокий уровень безработицы способствует развитию случайной занятости, а мы выявили, что уровень заработков случайных работников значительно ниже уровня заработков постоянных работников (см. главу «Заработки случайно занятых и дифференциация доходов»). Фактор безработицы для второй зависимой переменной оказался незначим (табл. П1).

Результаты оценки обеих моделей показывают, что бедность в прошлом раунде повышает риск бедности в данном раунде. Индивид, имеющий зарплату/семейный доход ниже ВПМ/семейной ВПМ в прошлом периоде опроса, обладает большей вероятностью быть бедным и в этом раунде. Здесь вступает в силу такое свойство бедности, как самовоспроизводство, о котором говорилось выше. Бедным людям, обладающим низким человеческим и социальным капиталом, очень сложно повысить свои доходы и выйти из бедности.

И, наконец, интересующий нас больше всего фактор – случайная занятость. Попадание в обе рассматриваемые категории бедности сильно детерминируется фактором случайной занятости. Если человек имеет случайную работу, то риск стать бедным для него увеличивается. Постоянный работник с меньшей вероятностью будет бедным, чем случайно занятый. Такая же зависимость прослеживается и от случайной занятости в прошлом раунде опроса. Если респондент в прошлом периоде опроса был случайным работником, то он с большей вероятностью попадет в категорию бедного населения (по соотношению как зарплаты с ВПМ, так и семейного дохода с семейной ВПМ) в данном раунде, чем в том случае, если он был постоянным работником. Примечательно, что коэффициент детерминации (Pseudo R^2) этих регрессионных моделей довольно высок (табл. П1–П2). Занимаясь разовыми подработками и оказанием временных услуг, человек довольствуется нерегулярными заработками, уровень которых значительно ниже, чем уровень зарплаты постоянного работника. Отсутствие профессионального роста также негативно сказывается на дальнейшем карьерном росте, а, следовательно, и на росте трудовых доходов. Все это обусловливает более высокую вероятность принадлежать к бедным слоям населения.

Понятно, что вероятность попадания в категорию бедного населения зависит от размера доходов: чем больше доходы, тем меньше риск стать бедным. Проверить влияние фактора случайной занятости на вероятность бедности можно, если в качестве зависимых переменных взять заработную плату и семейный душевой доход[12]. Результаты оценки другого типа эконометрических уравнений послужат хорошим способом перепроверки полученных ранее результатов при пробит-анализе. Выявленные обратные связи, с помощью метода наименьших квадратов, подтверждают полученные ранее результаты (табл. П3–П4).

Сразу оговоримся, что ключевое внимание в дальнейшем анализе будет сосредоточено на проверяемых параметрах, которые поочередно подставлялись в уравнения. Уровень безработицы в регионе, рассматриваемый здесь как макроэкономический фактор стабильно и значимо определяет заработки и доходы населения в регионе. Чем выше безработица, тем меньше зарплаты и доходы населения. Причины такой зависимости уже обсуждались выше.

Недостаток денежных доходов для удовлетворения минимальных потребностей семьи в прошлом раунде значительно снижает вероятность того, что душевые доходы индивида будут высокими в данном раунде. Таким образом, шансы увеличить доходы для бывшего в прошлом раунде бедного человека намного ниже, чем у того, кто бедным не был. Получается своего рода замкнутый круг: нельзя выйти из бедности, без роста доходов, а рост доходов слабо вероятен, если ты был бедным.

---

[12] Все денежные переменные скорректированы на региональные различия и приведены к ценам 2001 г. с помощью региональных дефляторов.

Случайная занятость является фактором понижения заработков и душевых доходов. Случайный работник будет иметь меньший душевой доход, чем постоянный, что в итоге увеличивает его риск попадания в категорию бедного населения. Если респондент был занят на случайной основе в прошлом периоде, денежные поступления также будут сокращаться. Нерегулярные низкие заработки при отсутствии постоянной работы во многом объясняют рост вероятности принадлежать к бедным слоям населения.

Таким образом, из результатов четырех рассмотренных эконометрических моделей и описанных ранее структур занятости и бедности мы можем сделать вывод, что *случайная занятость действительно является фактором бедности*.

Определив, что влияет на попадание в бедность, посмотрим, какие факторы способствуют выходу из бедности (табл. П5). Из ряда контрольных переменных стабильное положительное воздействие на улучшение положения индивида в обществе оказывают пол (для оценки бедности по заработкам) и проживание в городе. В1998 г. вероятность выхода из бедности была гораздо меньше, чем в 2001 г. Россиянам, чьи заработки ниже ВПМ, проживающим в Южном и Приволжских федеральных округах, намного труднее выйти из бедности, чем москвичам и петербуржцам.

Обратимся теперь к включаемым поочередно в модель параметрам. Проверим вначале, способствует ли наличие случайной работы в прошлом раунде выходу из бедности. Для категории бедного населения по заработкам этот фактор оказался незначим. Зато для бедного населения по соотношению семейного дохода с семейной величиной прожиточного минимума включение этой переменной в анализ дало значимый и любопытный результат, еще раз подтверждающий нашу основную гипотезу. Бедные, занятые случайным образом в прошлом раунде опроса, с большей вероятностью так и останутся бедными, чем те, кто был занят на постоянной основе, т.е. случайная занятость в прошлом раунде не способствует выходу из бедности, а наоборот увеличивает вероятность в ней остаться. Отсутствие профессионального роста и социальных связей, которые бы могли способствовать получению рабочего места лучшего качества, обусловливают низкие шансы на выход из бедности.

Следующие интересующие нас факторы – это переход из случайной занятости в постоянную занятость и переход из постоянной занятости в случайную. Мы хотим проверить, как смена статуса занятости на рынке труда влияет на положение бедных, помогает ли им статусная мобильность выйти из бедности или нет. Для выхода из категории бедного населения по соотношению семенного дохода с семейной ВПМ факторы мобильности оказались незначимыми.

Позитивная мобильность – улучшение качества рабочего места, оказывает значимое положительное воздействие на выход из бедности (по соотношению заработков с ВПМ). Если бедный россиянин сменил случайную работу на постоянную, то вероятность того, что его заработная плата станет больше величины прожиточного минимума, увеличивается. Устроившись на постоянную работу, человек начинает регулярно получать зарплату, размер которой больше тех заработков, которые он имел при случайной занятости. Он также получает социальный пакет услуг, которых был лишен, выполняя разовую работу. Кроме того, происходит накопление человеческого и социального капитала, который в дальнейшем может способствовать росту доходов индивида, что в свою очередь положительно влияет на вероятность выхода из бедности.

Переход из постоянной занятости в случайную (ухудшение качества рабочего места) уменьшает вероятность выхода из бедности (по заработной плате). Потеря постоянной работы означает лишение не только регулярного заработка и пакета социальных услуг, но также и потерю социального капитала, который во многом может определять доход индивида. Все социальные связи, которыми располагал человек на постоянной работе, постепенно начинают рушиться, когда он перестает каждый день ходить на работу и таким образом их поддерживать. Низкие нерегулярные заработки от оказания временных услуг, отсутствие социальных гарантий и потеря социального капитала предопределяют трудности для выхода из бедности.

Проследить влияние смены статусов на рынке труда на улучшение положения населения, а также оценить последствия случайной занятости на рост заработков и доходов, можно, если в качестве зависимых переменных использовать переменные роста заработков и душевых доходов. Результаты регрессионных пробит-моделей, представленные в табл. П6, подтверждают результаты описанных выше эконометрических уравнений для выхода из бедности. Случайная занятость в прошлом раунде снижает вероятность роста заработной платы, что в свою очередь приводит к риску сохранения статуса бедного. Здесь также прослеживается четкая зависимость вероятности роста заработков и душевых доходов от перехода с постоянной работы на случайную: она отрицательна. Мобильность из постоянной в случайную занятость уменьшает вероятность роста заработков и доходов, а значит, не способствует улучшению материального положения респондента. Заметим, что аналогичные результаты получили в своем исследовании М. Фербер и Дж. Волдфогель (Ferber and Waldfogel, 1998).

Итак, проанализировав взаимосвязь между случайной занятость и бедностью в России, можно сделать следующий вывод. Случайная занятость является фактором бедности. Наличие случайной работы в прошлом, а также переход из постоянной занятости в случайную не способствуют выходу из бедности.

4. Заключение

Доля случайной занятости в период 1994–2001 гг. непрерывно увеличивалась. К 2001 г. уровень случайной занятости среди экономически активного населения стал сопоставимым с уровнем безработицы. По имеющимся последним данным, доля случайно занятых составляет примерно 10% от общей занятости. Случайные работники – это в основном молодые, малообразованные люди, проживающие в городах. Вероятность заниматься разовыми подработками и оказанием временных услуг выше у тех, кто не состоит в браке, или для тех, кто имеет большие семьи с большим количеством детей. Чем выше уровень безработицы в регионе, тем больше вероятность того, что человек будет случайным работником. Наличие опыта случайной работы в прошлом периоде опроса также увеличивает вероятность случайной занятости.

Результаты зарубежных исследований доказывают, что непостоянные работники при прочих равных получают меньшую заработную плату, имеют меньше возможностей в продвижении по карьерной лестнице и часто лишены социальных гарантий. Все это способствует росту риска попадания в категории бедного населения. Исходя из теоретических предпосылок и результатов исследований, проведенных за рубежом, была сформулирована основная гипотеза данного исследования: случайная занятость – это фактор бедности. Рост случайной занятости способствует росту бедности.

Результаты эмпирического анализа второй части работы таковы. Случайно занятые получают в среднем в месяц намного меньше, чем постоянные работники. Соответственно и семейные доходы работников, занимающихся разовыми подработками и оказанием временных услуг, существенно ниже, чем доходы постоянно занятых.

Случайная занятость увеличивает неравенство в обществе по сравнению с постоянной занятостью. С другой стороны, доходы случайных работников превышают доходы безработных и неактивных, что позволяет предполагать, что случайная занятость сглаживает неравенство по сравнению с этими двумя статусными группами населения. Поэтому однозначно сказать о том, случайная занятость – это хорошо или плохо, нельзя.

Анализ уровней бедности по статусным группам помог выявить, что риск попадания в бедные слои населения больше для случайных работников, чем для постоянных работников. При сравнении структур случайной занятости и бедности среди занятого населения, были обнаружены следующие пересечения, которые также говорят в пользу подтверждения основной гипотезы. И среди случайно занятых, и среди занятых бедных преобладают люди средних возрастов со средним общим образованием, проживающие в городах. Однако риск случайной занятости, так же как и бедности, выше для малообразованных, молодых

работников, не состоящих в браке, проживающих в сельской местности, семьи которых состоят из пяти человек и больше и которые имеют троих и больше детей.

Основной вывод данной работы, сделанный из оценок эконометрических моделей, состоит в следующем. Случайная занятость является фактором бедности. Наличие опыта случайной работы в прошлом, так же как и переход из постоянной занятости в случайную занятость, не способствует выходу из бедности.

Случайная занятость не однородна, поэтому однозначной оценки этого явления быть не может. Для разных групп населения она играет свою определенную роль. Для пенсионеров, например, это дополнительный заработок. На получаемую в среднем пенсию прожить очень трудно, поэтому случайная занятость для пожилого поколения носит вынужденный характер. Если размер пенсии увеличился бы, то, возможно, количество случайных работников несколько уменьшилось. Пенсионеры могут заниматься разовыми подработками и просто для того, чтобы быть чем-то занятыми.

Для студентов случайная занятость – это удобное сочетание работы и учебы. Размер стипендий сейчас невелик, поэтому подработки от случая к случаю позволяют иметь некоторый доход, тем более что учеба от такой работы не страдает. Кроме того, для молодых людей случайная занятость – это возможность получить опыт работы.

Для трудоспособного же населения случайная занятость носит негативный характер: заработки нестабильны, отсутствуют социальные гарантии, нет профессионального и карьерного роста. Увеличение рабочих мест плохого качества способствует росту бедного населения. Поэтому для трудоспособного населения преодоление бедности означает сдерживание распространения случайной и «плохой» занятости. Для этого необходимо снять барьеры и ограничения для создания новых постоянных рабочих мест. Один из способов улучшения условий для роста постоянного найма – это либерализация трудового законодательства. Если бы трудовые издержки были существенно снижены, то у работодателей появилось бы больше стимулов создавать рабочие места на постоянной основе. Другие меры, которые бы способствовали этому процессу, лежат вне политики рынка труда. Например, улучшение инвестиционного климата в стране и установление более прозрачных правил игры на рынке.

Литература

Богомолова Т., Тапилина В. Мобильность населения России по доходам в 90-х гг. Научный доклад № 99/11. Российская программа экономических исследований. М., 1999.

Корчагина И., Овчарова Л., Турунцев Е. Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России. Научный доклад № 98/04. Российская программа экономических исследований. М., 1998.

Маколи А., Можина М. А., Овчарова Л. Н. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Московский центр Карнеги, 1998.

Регионы России: Сб. в 2 т. М.: Госкомстат России, 2002. Т. 2.

Сваффорд М. С., Косолапов М. С., Козырева П. М., Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения: Измерение благосостояния России в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С. 153–172.

Социальное положение и уровень жизни населения России. М., 2002.

Amuedo-Dorantes C. and Bansak C. The Role of Contingent Work in the War Against Poverty. Discussion paper 03-01, Center for Public Economics, San Diego State University, January 2003.

Castells M. and Portes A. “World Underneath: The origins, Dynamics and effects of Informal economy” in A. Portes , M. Castells, and L. A. Benton (ed.), The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Maryland, Baltimore: the Johns Hopkins University Press, 1989.

Employment Outlook / OECD. Paris: OECD, 2002.

Ferber M. and Waldfogel J. The long-term consequences of nontraditional employment // Monthly Labor Review, May 1998.

Ferber M. and Waldfogel J. The long-term consequences of nontraditional employment // Monthly Labor Review, May 1998.

Hipple S. and Stewart J. Earnings and benefits of contingent and noncontingent workers. Monthly Labor Review, October 1996.

Hipple S. Contingent Work in the Late-1990s // Monthly Labor Review. March 2001.

Houseman S. Why Employers Use Flexible Staffing Arrangements: Evidence from an Establishment Survey // Industrial and Labour Relations Review. October 2001, Vol. 55, No. 1, pp. 149–170.

Polivka A. and Nardone T. On the Definition of "Contingent Work" // Monthly Labour Review, December 1989.

Rothstein D. Entry into consequences of nonstandard work arrangements // Monthly Labor Review, October 1996.

Valenzuela A. "Working Day Labour: Informal and Contingent Employment". Cesar E. Chavez Center and Department of Urban Planning, University of California, Los Angeles, 2003.

Williams C. and Windebank J. Informal Employment in the Advanced Economies: Implications for Work and Welfare. New York: Routledge, 1998.

Working out of Poverty. Report of the Director-general. International Labour Conference, 91st Session. ILO, Geneva. 2003.

Приложение. Влияние случайной занятости на бедность

Для анализа взаимосвязи случайной занятости и бедности были оценены несколько эконометрических уравнений. Одно из уравнений, оценки которых производились с помощью пробит-анализа, выглядит следующим образом:

$$\Pr(Y_i = 1) = F(a_0 + a_1 * sex + a_2 * age + a_3 * educ + a_4 * marriage + a_5 * nfm + \\ + a_6 * nchildren + a_7 * location + a_8 * year + a_9 * region + a_{10} * parameter), \quad (2)$$

где

F – функция стандартного нормального распределения вероятностей;

Y – пребывание респондента в категории бедного (заработки меньше ВПМ/семейный доход меньше семейной ВПМ). Выбор этой переменной в качестве зависимой позволяет непосредственно выявить наличие связи между бедностью и случайной занятостью, т.е. проверить, влияет ли случайная занятость на риск бедности;

a_0 – константа регрессионного уравнения;

$a_1 - a_{10}$ – регрессионные коэффициенты определяющих переменных.

В качестве *контрольных переменных* был взят тот же самый набор переменных, что и в описанной выше модели определения факторов случайной занятости.

Основная проверяемая переменная – parameter. В уравнение поочередно[13] подставлялись те или иные детерминанты в соответствии с поставленными задачами. Они включают в себя:

- уровень безработицы в регионе;
- пребывание в бедности в прошлом раунде;
- случайная занятость в данном раунде;
- случайная занятость в прошлом раунде;

Какие есть основания для поочередного включения в уравнение основных проверяемых переменных? Бедность связана с уровнем безработицы в регионе. Безработные, как правило, не имеют постоянного дохода и находятся на иждивении у работающих членов семьи, что увеличивает риск стать бедными для них. Чем больше безработных, тем больше людей, находящихся около черты бедности; чем выше уровень безработицы в регионе, тем выше уровень бедности.

Пребывание в бедности в прошлом раунде увеличивает вероятность быть бедным и в данном раунде опроса. Бедность имеет тенденцию к самовоспроизводству: в условиях задержек заработных плат индивидам, находящимся за чертой бедности, очень трудно улучшить свое положение. Работа во многом определяет доход человека, хорошая работа является гарантом безбедного существования. Однако для того чтобы получить хорошую работу, как правило, необходимо иметь хорошее образование, ценный опыт или социальные связи, которые помогли бы в трудоустройстве. А люди, относящиеся к категории бедного населения, лишены доступа к хорошему образованию, у них, как правило, нет нужных связей. В результате бедность приобретает застойный характер. Включив в уравнение переменную «бедность в прошлом раунде», можно проверить выдвинутую гипотезу.

Не имея регулярного заработка и социальных гарантий, при отсутствии профессионального и карьерного роста случайные работники намного чаще становятся бедными, чем постоянно занятые, имеющие регулярную оплату труда, социальные гарантии и возможности продвижения по карьерной лестнице. Действительно, случайно занятые – это в основном молодые и пожилые люди с низким образованием. Это уменьшает их шансы получить хорошее место работы с высокой оплатой труда, что в свою очередь увеличивает риск попадания в бедность.

---

[13] По очередность включения факторов в модель объясняется возможной зависимостью проверяемых параметров друг от друга.

Как уже говорилось выше, человек, который в прошлом раунде опроса жил только на доходы от разовых подработок, скорее всего и в данном раунде тоже будет заниматься случайной работой, что повышает риск бедности по вышеперечисленным причинам.

Бедность напрямую связана с доходами и заработками индивидов: чем выше заработки и доходы, тем меньше вероятность оказаться за чертой бедности. Как случайная занятость влияет на заработки и доходы людей?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, были оценены два уравнения, где в качестве зависимых переменных были взяты натуральный логарифм заработков и натуральный логарифм душевого дохода. Эти уравнения, оценки которых производились с помощью обычного метода наименьших квадратов (множественный регрессионный анализ) имеют следующий вид:

$$Y = a_0 + a_1 * sex + a_2 * age + a_3 * educ + a_4 * marriage + a_5 * nfm + a_6 * nchildren + \\ + a_7 * location + a_8 * year + a_9 * region + a_{10} * uneployment + a_{11} * parameter, \quad (3)$$

где

Y – количественная переменная, в зависимости от поставленной задачи:

- натуральный логарифм заработков;
- натуральный логарифм душевого дохода.

Идея использования в качестве зависимых переменных натуральных логарифмов заработков и доходов была заимствована из работы Фербер и Волдфогель (Ferber and Waldfogel, 1998), в которой авторы сделали попытку проанализировать влияние формы занятости на почасовую ставку оплаты труда, доходы занятых, а также на рост зарплаты и доходов.

a_0 – константа регрессионного уравнения;

a_1 – a_{11} – регрессионные коэффициенты определяющих переменных.

В качестве *контрольных* переменных взяты те же самые, что и в других моделях (пол, возраст, образование, состояние в браке, размер семьи, количество детей в семье, тип поселения, год опроса и регион). Дополнительно здесь появляется новая макроэкономическая переменная, характеризующая ситуацию в регионе (раньше она была использована в качестве основного проверяемого параметра). Это unemployment – уровень безработицы в регионе.

В качестве *основных*, поочередно проверяемых переменных были выбраны:

- пребывание в бедности в прошлом раунде;
- случайная занятость в данном раунде;
- случайная занятость в прошлом раунде.

Логика включения в модель выделенных проверяемых переменных проста и повторяется с предыдущими моделями. Индивидам, чьи заработки и доходы были ниже величины прожиточного минимума в прошлом раунде, намного труднее увеличить свои заработки и доходы в силу уже упоминавшихся выше причин. Поэтому пребывание в бедности в прошлом раунде будет отрицательно влиять на размер заработков и доходов.

Заработки и доходы от нерегулярных разовых подработок существенно ниже, чем от постоянной занятости с регулярной оплатой труда. Случайная занятость поэтому негативно связана с заработками и доходами граждан.

Индивид, который был занят случайным образом в прошлом раунде, а значит, практически не имел профессионального роста, будет иметь меньший заработок, чем индивид, который работал на постоянной основе и накапливал специфический человеческий капитал.

Для того чтобы узнать, что влияет на выход из бедности, был оценен ряд уравнений пробит регрессий. Эти уравнения имеют вид:

$$\Pr(Y_i = 1) = F(a_0 + a_1 * sex + a_2 * age + a_3 * educ + a_4 * marriage + a_5 * nfm + \\ + a_6 * nchildren + a_7 * location + a_8 * year + a_9 * region + a_{10} * parameter), \quad (4)$$

где
F – функция стандартного нормального распределения вероятностей;
Y – определяемая дамми переменная, в зависимости от поставленной задачи:

- выход из бедности (по заработку/по семейному доходу);
- рост заработков/семейного душевого дохода

Первое из этих уравнений позволяет непосредственно определить те факторы, которые оказывают какое-либо влияние на выход из бедности. Второе уравнение, где в качестве зависимой переменной взят рост заработков/доходов, построено по примеру работы (Ferber and Waldfogel, 1998), чтобы определить последствия случайной занятости и смены статуса в занятости для заработков и доходов. Логично предположить, что с ростом заработков/семейного душевого дохода вероятность выйти из бедности растет. Поэтому результаты оценки этого уравнения могут служить косвенным подтверждением результатов первого.

a_0 – константа регрессионного уравнения;

$a_1 – a_{10}$ – регрессионные коэффициенты определяющих переменных.

Набор *контрольных переменных* остается таким же, как и в предыдущих моделях.

Основная проверяемая переменная – parameter. Как и в предыдущих уравнениях, здесь поочередно[14] подставлялись те или иные детерминанты. Они включают в себя:

- случайная занятость в прошлом раунде;
- переход из случайной занятости в постоянную занятость;
- переход из постоянной занятости в случайную занятость.

Индивид с заработками/доходами ниже прожиточного минимума скорее выйдет из бедности в том случае, если в прошлом раунде он был занят на постоянной основе, чем если он был занят разовыми подработками. Постоянная занятость с регулярной оплатой труда и накоплением социального капитала служит определенным гарантом стабильности положения индивида. Наличие опыта случайного работника в прошлом раунде может негативно сказаться на росте заработков и доходах, что в свою очередь может препятствовать выходу из бедности.

Если человек, принадлежащий к бедным слоям населения, меняет статус случайно занятого на постоянного работника, то шансы его на выход из бедности повышаются. Переход с менее качественного рабочего места на более хорошее улучшает положение работника. Так ли это на самом деле можно проверить, включив в уравнение с зависимой переменной «выход из бедности» независимый параметр «переход из случайной занятости в постоянную».

[14] Поочередность включения факторов в модель объясняется возможной зависимостью проверяемых параметров друг от друга.

Таблица П1

Детерминанты бедности по зарплате

Определяющая переменные	Зарплата меньше ВПМ				
	1	2	3	4	5
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	–0,615**	–0,606**	–0,474**	–0,633**	–0,639**
От 15 до 19 лет	0,349**	0,337**	–0,193	0,270**	0,001
От 20 до 29 лет	–0,168**	–0,202**	–0,190**	–0,140**	–0,132**
От 30 до 39 лет	–0,285**	–0,285**	–0,228**	–0,253**	–0,240**
От 40 до 49 лет	–0,336**	–0,359**	–0,273**	–0,305**	–0,294**
От 50 до 59 лет	–0,228**	–0,242**	–0,177**	–0,195**	–0,183**
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	0,718**	0,718**	0,492**	0,690**	0,673**
Образование среднее общее	0,503**	0,490**	0,384**	0,467**	0,465**
Образование среднее специальное	0,387**	0,395**	0,288**	0,377**	0,367**
Образование высшее	...	...	...	...	...
Состояние в браке	–0,117**	–0,127**	–0,052	–0,092**	–0,083**
Проживание в городе	–0,579**	–0,572**	–0,455**	–0,567**	–0,590**
Количество детей в семье	–0,021	–0,040*	–0,017	–0,022	–0,033*
Количество членов в семье	0,024**	0,032**	0,028**	0,023**	0,040**
1994	–0,065**	–	–	–0,046	–
1995	0,145	0,197**	0,363**	0,157**	0,207**
1996	–0,019	0,030	0,061	–0,010	–0,023
1998	0,600**	0,590**	0,769**	0,611**	0,636**
2000	0,249**	0,284**	0,174**	0,254**	0,273**
2001	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...
Центральный ФО	0,053	0,048	0,038	0,063*	0,072
Северо-Западный ФО	0,006	–0,016	–0,025	0,028	0,036
Южный ФО	0,215**	0,128**	0,215**	0,187**	0,249**
Приволжский ФО	0,219**	0,178**	0,157**	0,232**	0,238**
Уральский ФО	0,010	–0,030	–0,049	0,023	–0,012
Сибирский ФО	0,165**	0,120**	0,076	0,158**	0,202**
Дальневосточный ФО	0,322**	0,248**	0,228**	0,337**	0,381**
Уровень безработицы в регионе	–	0,014**	–	–	–
Зарплата/заработок меньше ВПМ в прошлом раунде	–	–	0,996**	–	–
Случайная занятость в данном раунде	–	–	–	0,568**	–
Случайная занятость в прошлом раунде	–	–	–	–	0,249**
Pseudo R2	0,1198	0,1202	0,2018	0,1288	0,1164
Количество наблюдений	22296	17676	10441	22287	12994

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Таблица П2

Детерминанты бедности по семейным доходам

Определяющая переменные	Семейный доход меньше семейной ВПМ				
	1	2	3	4	5
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	0,004	0,002	–0,007	–0,010	–0,012
От 15 до 19 лет	0,092**	0,076*	0,056	0,241**	0,031
От 20 до 29 лет	0,095**	0,054**	0,072**	0,372**	0,215**
От 30 до 39 лет	0,126**	0,108**	0,063**	0,391**	0,246**
От 40 до 49 лет	0,210**	0,171**	0,164**	0,468**	0,316**
От 50 до 59 лет	0,179**	0,141**	0,120**	0,388**	0,248**
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	0,571**	0,590**	0,475**	0,591**	0,566**
Образование среднее общее	0,460**	0,458**	0,367**	0,432**	0,449**
Образование среднее специальное	0,354**	0,357**	0,256**	0,342**	0,323**
Образование высшее	...	...	...	...	...
Состояние в браке	–0,167**	–0,165**	–0,150**	–0,107**	–0,118**
Проживание в городе	–0,560**	–0,528**	–0,469**	–0,608**	–0,598**
Количество детей в семье	–0,121**	–0,135**	–0,137**	–0,112**	–0,114**
Количество членов в семье	0,166**	0,168**	0,148**	0,168**	0,167**
1994	–0,029	–	–	–0,008	–
1995	0,222**	0,251**	0,374**	0,186**	0,224**
1996	0,150**	0,179**	0,190**	0,140**	0,165**
1998	0,766**	0,794**	0,872**	0,709**	0,756**
2000	0,323**	0,350**	0,280**	0,272**	0,292**
2001	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...
Центральный ФО	0,043*	0,075**	0,066*	0,026	0,072*
Северо-Западный ФО	0,131**	0,141**	0,087**	0,141**	0,027**
Южный ФО	0,069**	0,133**	0,122**	0,053	0,114**
Приволжский ФО	0,229**	0,291**	0,220**	0,216**	0,280**
Уральский ФО	0,048*	0,109**	0,074*	0,008	0,075
Сибирский ФО	0,207**	0,284**	0,230**	0,216**	0,301**
Дальневосточный ФО	0,635**	0,696**	0,624**	0,590**	0,671**
Уровень безработицы в регионе	–	–0,003	–	–	–
Семейный доход меньше семейной ВПМ в прошлом раунде	–	–	0,624**	–	–
Случайная занятость в данном раунде	–	–	–	0,170**	–
Случайная занятость в прошлом раунде	–	–	–	–	0,191**
Pseudo R^2	0,1093	0,1051	0,1367	0,1081	0,1080
Количество наблюдений	46110	37248	28665	28257	18677

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Таблица П3

Зависимость заработков от случайной занятости

Определяющая переменныя	Натуральный логарифм зарплаты/заработков				
	1	2	3	4	5
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	0,470**	0,462**	0,312**	0,474**	0,458**
От 15 до 19 лет	–0,172**	–0,141**	0,216	–0,004	0,248**
От 20 до 29 лет	0,421**	0,439**	0,409**	0,399**	0,396**
От 30 до 39 лет	0,539**	0,522**	0,454**	0,479**	0,466**
От 40 до 49 лет	0,570**	0,569**	0,468**	0,520**	0,506**
От 50 до 59 лет	0,411**	0,409**	0,320**	0,364**	0,362**
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	–0,596**	–0,587**	–0,323**	–0,548**	–0,532**
Образование среднее общее	–0,391**	–0,391**	–0,262**	–0,346**	–0,359**
Образование среднее специальное	–0,277**	–0,273**	–0,172**	–0,261**	–0,271**
Образование высшее	...	...	...	...	...
Состояние в браке	0,098**	0,108**	0,044*	0,077**	0,067**
Проживание в городе	0,477**	0,460**	0,291**	0,450**	0,462**
Количество детей в семье	–0,008	0,008	0,012	0,008	0,023
Количество членов в семье	–0,014**	–0,022**	–0,029**	–0,021**	–0,035**
1994	0,081**	0,382**	–	0,400**	–
1995	0,052**	0,280**	–0,206**	0,302**	–0,174**
1996	0,064**	0,397**	–	0,421**	–
1998	–0,463**	–	–0,416**	–	–0,431**
2000	–0,198**	0,165**	–0,116**	0,189**	–0,244**
2001	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...
Центральный ФО	–0,823**	–0,797**	–0,775**	–0,814**	–0,802**
Северо-Западный ФО	–0,159**	–0,067*	–0,028	–0,118**	–0,063
Южный ФО	–0,931**	–0,809**	–0,765**	–0,805**	–0,769**
Приволжский ФО	–0,953**	–0,881**	–0,810**	–0,911**	–0,874**
Уральский ФО	–0,443**	–0,368**	–0,348**	–0,395**	–0,355**
Сибирский ФО	–0,855**	–0,746**	–0,712**	–0,756**	–0,792**
Дальневосточный ФО	–0,155**	0,003	–0,004	–0,036	–0,107**
Уровень безработицы в регионе	–	–0,031**	–0,025**	–0,024**	–0,028**
Зарплата/заработок меньше ВПМ в прошлом раунде	–	–	–0,673**	–	–
Случайная занятость в данном раунде	–	–	–	–0,699**	–
Случайная занятость в прошлом раунде	–	–	–	–	–0,268**
R^2	0,2733	0,2758	0,3343	0,3013	0,2582
Количество наблюдений	21800	17254	7541	17254	9592

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Таблица П4

Зависимость семейных доходов от случайной занятости

Определяющая переменныя	Натуральный логарифм семейного душевого дохода				
	1	2	3	4	5
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	0,010**	0,010**	0,009**	0,012*	0,010*
От 15 до 19 лет	0,175**	0,173**	0,171**	0,119**	0,174**
От 20 до 29 лет	0,086**	0,087**	0,084**	0,033**	0,060**
От 30 до 39 лет	0,070**	0,067**	0,071**	0,027**	0,052**
От 40 до 49 лет	0,064**	0,062**	0,067**	0,015	0,042**
От 50 до 59 лет	0,041**	0,038**	0,048**	0,003	0,032*
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	–0,192**	–0,203**	–0,213**	–0,202**	–0,190**
Образование среднее общее	–0,150**	–0,155**	–0,145**	–0,174**	–0,138**
Образование среднее специальное	–0,113**	–0,122**	–0,132**	–0,107**	–0,097**
Образование высшее	...	...	...	...	...
Состояние в браке	0,083**	0,078**	0,074**	0,067**	0,078**
Проживание в городе	0,231**	0,220**	0,230**	0,244**	0,241**
Количество детей в семье	–0,073**	–0,071**	–0,072**	–0,076**	–0,075**
Количество членов в семье	0,085**	0,085**	0,086**	0,082**	–0,082**
1994	–0,008	–0,157**	–0,152**	0,013**	–
1995	–0,063**	–0,113**	–0,123**	–0,054**	–0,065**
1996	–0,063**	–0,113**	–0,118**	0,058**	–0,062**
1998	–0,221**	–	–	–0,222**	–0,228**
2000	–0,097**	–0,018	0,093**	0,089**	0,092*
2001	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...
Центральный ФО	–0,341**	–0,343**	–0,377**	–0,382**	–0,347**
Северо-Западный ФО	–0,047**	–0,001**	–0,031**	–0,038**	0,046**
Южный ФО	–0,360**	–0,384**	–0,342**	–0,345**	–0,356**
Приволжский ФО	–0,414**	–0,469**	–0,407**	–0,401**	–0,407**
Уральский ФО	–0,198**	–0,173**	–0,190**	–0,178**	–0,193**
Сибирский ФО	–0,376**	–0,375**	–0,363**	–0,363**	–0,403**
Дальневосточный ФО	–0,140**	–0,111**	–0,107**	–0,128**	–0,162**
Уровень безработицы в регионе	–	–0,009**	–0,030**	–0,018**	–0,016**
Семейный доход меньше семейной ВПМ в прошлом раунде	–	–	–0,302**	–	–
Случайная занятость в данном раунде	–	–	–	–0,069**	–
Случайная занятость в прошлом раунде	–	–	–	–	–0,078**
R^2	0,2330	0,2620	0,2411	0,2323	0,2206
Количество наблюдений	46110	37248	22029	22806	14452

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Таблица П5

Влияние случайной занятости на выход из бедности

Определяющая переменная	Объясняемые переменные					
	Выход из бедности (зарплата/заработок < ВПМ)			Выход из бедности (семейный доход < семейной ВПМ)		
	1	2	3	1	2	3
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	0,540**	0,612**	0,543**	0,021	0,262*	0,016
От 15 до 19 лет	0,111	0,130	0,239	–0,228	–0,589	–0,671**
От 20 до 29 лет	0,172*	0,342	0,136	–0,460**	–10,270**	–0,647**
От 30 до 39 лет	0,204**	0,278	0,180*	–0,587**	–10,102**	–0,791**
От 40 до 49 лет	0,259**	0,185	0,244**	–0,479**	–10,216**	–0,666**
От 50 до 59 лет	0,129	0,143	0,118	–0,365**	–10,171**	–0,559**
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	–0,518**	–0,361	–0,525**	–534**	–0,239	–0,541**
Образование среднее общее	–0,430**	–0,384	–0,416**	–0,374**	0,127	–0,396**
Образование среднее специальное	–0,343**	–0,273	–0,335**	–0,211**	0,008	–0,222**
Образование высшее	...	...	...	...	...	...
Состояние в браке	0,025	0,146	–0,016	0,151**	0,028	0,168**
Проживание в городе	0,451**	0,575**	0,468**	0,512**	0,773**	0,502**
Количество детей в семье	0,002	0,011	–0,001	–0,155**	0,034	–0,175**
Количество членов в семье	–0,018	–0,041	–0,015	–0,110**	–0,177**	–0,111**
1995	–0,295**	–0,350	–0,286**	–0,223**	–0,243	–0,222**
1996	0,101*	0,058	0,106**	–0,126**	–0,258	–0,131**
1998	–0,762**	–10,024**	–0,759**	–0,686**	–0,443**	–0,688**
2000	–0,089*	–0,169**	–0,094*	–0,174**	–0,188	–0,170**
2001	...	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...	...
Центральный ФО	–0,152*	–0,691**	–0,112	–0,148**	–0,180	–0,125*
Северо-Западный ФО	0,085	–0,372	0,141	0,054	–0,010	0,058
Южный ФО	–0,233**	–0,683**	–0,181*	–0,005	0,167	–0,012
Приволжский ФО	–0,201**	–0,614**	–0,162*	–0,271**	–0,308	–0,267**
Уральский ФО	0,041	–0,587*	0,093	–0,129**	–0,120	–0,119*
Сибирский ФО	–0,012	–0,568*	0,054	–0,218**	–0,288	–0,213**
Дальневосточный ФО	–0,167	–10,391**	–0,099	–0,548**	–0,509	–0,518**
Случайная занятость прошлом раунде	–0,090	–	–	–0,223**	–	–
Переход из случайной занятости в постоянную занятость	–	0,741**	–	–	0,190	–
Переход из постоянной занятости случайную занятость	–	–	–0,425**	–	–	–0,139
Pseudo R^2	0,0917	0,1914	0,0884	0,1367	0,1271	0,1075
Количество наблюдений	5075	376	4697	28665	463	9486

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Таблица П6

Влияние случайной занятости на рост заработков и доходов

Определяющая переменная	Объясняемые переменные					
	Рост ЗП			Рост душевого семейного дохода		
	1	2	3	1	2	3
Пол (1 – муж., 0 – жен.)	–0,025	–0,096	–0,013	–0,005	0,021	–0,003
От 15 до 19 лет	0,564**	0,827**	0,602**	0,210**	0,311	0,085
От 20 до 29 лет	0,190**	0,357	0,178**	0,113**	0,058	0,067
От 30 до 39 лет	0,124*	0,117	0,114*	0,123**	0,406*	0,065
От 40 до 49 лет	0,089	0,142	0,074	0,080**	0,106	0,035
От 50 до 59 лет	0,078	0,234	0,068	0,064	0,041	0,028
От 60 до 72 лет	...	...	...	...	...	...
Образование ниже среднего	–0,037	–0,075	–0,029	0,023	0,380*	0,007
Образование среднее общее	–0,043	0,077	–0,036	–0,014	0,106	–0,009
Образование среднее специальное	–0,020	0,350*	–0,028	0,016	–0,001	0,019
Образование высшее	...	...	...	...	...	...
Состояние в браке	–0,036	0,021	–0,045	0,005	0,052	–0,014
Проживание в городе	0,039	0,116	0,025	0,036	0,160	0,040
Количество детей в семье	–0,031	0,096	–0,035	–0,023	–0,119	–0,016
Количество членов в семье	0,018	–0,122**	0,027**	0,011	–0,039	–0,003
1995	–0,709**	–0,180	–0,734**	–0,567**	–0,548**	–0,581**
1996	–0,251**	–0,119	–0,260**	–0,328**	–0,398**	–347**
1998	–10,051**	–0,605**	–10,08**	–0,787**	–0,862**	–0,807**
2000	–0,051	0,135	–0,063	0,075**	–0,010	0,075**
2001	...	...	...	...	...	...
Москва, Санкт-Петербург	...	...	...	...	...	...
Центральный ФО	0,003	0,244	–0,012	–0,160**	–0,424**	–0,139**
Северо-Западный ФО	0,066	–0,124	0,062	–0,033	–0,457*	–0,001
Южный ФО	–0,045	0,071	–0,043	–0,094**	–0,495**	–0,055
Приволжский ФО	0,015	–0,018	0,011	–0,075*	–0,436**	–0,052
Уральский ФО	0,095*	0,376	0,081	–0,120**	–0,346	–0,105
Сибирский ФО	–0,027	0,270	–0,041	–0,142**	–0,558**	–0,123**
Дальневосточный ФО	0,041	0,459	0,015	–0,190**	–0,466	–0,190**
Случайная занятость в прошлом раунде	–0,134**	–	–	–0,063	–	–
Переход из случайной занятости в постоянную занятость	–	0,123	–	–	–0,042	–
Переход из постоянной занятости в случайную занятость	–	–	–0,497**	–	–	–0,231**
Pseudo R^2	0,0697	0,0708	0,0741	0,0477	0,0675	0,0500
Количество наблюдений	10091	482	9609	17828	685	15142

... – нет значений, так как переменная является базовой категорией для сравнения.
* – коэффициент значим при вероятности, равной 0,1%.
** – коэффициент значим при вероятности, равной 0,05%.

Александр Разумов

РЫНОК ТРУДА И БЕДНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ*

Борьба с бедностью является одним из главных приоритетов ряда международных организаций – ООН, Всемирного банка, МОТ и др. Широко известна такая значительная инициатива ООН, как провозглашение начиная с 1997 г. Первого десятилетия ООН, посвященного борьбе с бедностью. В качестве первой из восьми «Целей тысячелетия» ООН, принятых на «Саммите тысячелетия» (Нью-Йорк, 6–8 сентября 2000 г.), определена «Ликвидация нищеты и голода», которая, в частности, предусматривает «сократить вдвое к 2015 г. долю населения земного шара, имеющего доход менее одного доллара в день...».

Во многих странах мира в интересах более устойчивого социального, экономического и политического развития разработаны и осуществляются национальные планы борьбы с бедностью, направленные в конечном счете на искоренение крайних форм бедности и существенное сокращение ее масштабов. К сожалению, аналогичный, четко сфокусированный план (или соответствующая программа) в России до сих пор не принят.

Повышение уровня жизни населения в конечном счете является основной целью социальной политики и главным критерием ее эффективности в любой цивилизованной стране. Сокращение масштабов бедности выступает в качестве одной из важнейших составляющих достижения этой цели. Идущий в стране в течение нескольких лет экономический подъем в целом позитивно сказался на динамике данного показателя: с 2000 по 2003 г. уровень бедности снизился с 29,1 до 20,4%.

До настоящего времени в исследованиях проблематики бедности в России в основном преобладали подходы, связанные с определением и измерением бедности как недостатка «традиционных» ресурсов домохозяйств (ресурсы доходов, ресурсы потребления и др.) и тем, как эти ресурсы считать. В то же время специфической особенностью российской бедности является то, что, согласно данным официальной статистики, в настоящее время более 58% российских бедных – это лица, занятые в экономике. Это говорит о явном несоответствии статуса индивида как работника на рынке труда и его статуса как бедняка с позиции уровня его благосостояния.

Такой беспрецедентно высокий удельный вес работающих (или могущих работать) бедных свидетельствует о вполне «трудоспособном лице» российской бедности. Из этого факта следует, что на российском рынке труда далеко не все «благополучно», если сложившиеся отношения на рынке труда и современные схемы занятости и оплаты труда приводят к такому высокому уровню бедности среди работающих.

Несмотря на большое число публикаций, посвященных, с одной стороны, изучению собственно бедности (с позиций дохода, потребления и др.) и, с другой – исследованию занятости и рынка труда, отметим, что цельного комплексного исследования феномена бедности в системе трудовых отношений во всей его сложности и многообразии до настоящего времени не проводилось. В этой связи изучение бедности с более широких, воспроизводственных позиций с позиций занятости и отношений на рынке труда, выявления комплекса факторов, определяющих «вхождение» трудоспособного населения в категорию бедных и в группу риска стать бедным, относится к числу наименее разработанных в России и мало освещенных в специальной экономической литературе.

1. Бедность как результат экономического неравенства на рынке труда

Бедность – это многомерное явление, которое является результатом действия нескольких групп факторов – демографических (возраст, пол, состав и размер семьи), уровня доходов

* Я искренне благодарен коллегам из научных организаций и экспертного сообщества за помощь, оказанную мне при подготовке данной работы.

и/или потребления, состояния здоровья и др. Результаты наших исследований показывают, что демографические факторы в формировании российской модели бедности постепенно утрачивают свое доминирующее значение, становятся относительно менее значимыми по сравнению с «трудовым» фактором – возможностями работы членов семьи и их соответствующими доходами. Вместе с тем кумулятивный эффект бедности значительно усиливается, когда к «рыночной бедности», связанной с механизмами рынка труда, в ряде семей добавляются демографический и медицинский факторы: многодетность, инвалидность, слабое здоровье. В этом смысле можно говорить о феномене кумулятивной или, другими словами, множественной бедности – наиболее тяжелой для населения форме бедности, так как она является результатом одновременного действия нескольких неблагоприятных факторов, каждый из которых по отдельности ведет к определенному типу бедности.

В этой связи одним из наиболее важных является вопрос определения факторов рынка труда, формирующих бедность различных категорий трудоспособного населения, и исследования того, до какой степени структура рынка труда определяет уровень бедности и в каких именно сегментах рынка труда происходит ее концентрация.

Важным фактором бедности является *уровень предложения труда бедным трудоспособным населением*. В таких случаях бедность – это частичный результат низкой способности предложения труда вследствие неких объективных (более низких по сравнению с другими претендентами на включение в трудовую деятельность) физических, психических, умственных характеристик индивида.

К числу *объективных различий в основных характеристиках рабочих мест, определяющих, в свою очередь, уровень заработной платы и размах компенсационных различий в заработной плате*, относятся: продолжительность рабочего дня, интенсивность и гибкость рабочего графика, степень тяжести и привлекательности («приятности») работы, степень физического и умственного напряжения, постоянство занятости, степень безопасности работы (риск травматизма или даже смерти на рабочем месте) и вредности для здоровья условий труда, информированность и возможность самостоятельного выбора при принятии производственных решений, престижность и «почетность» выполняемой работы, вероятность добиться успеха, повторяемость трудовых операций, вероятность применения насилия и унижения достоинства на работе и др. С точки зрения уровня оплаты труда, который является неотъемлемым элементом социально-трудовых отношений, складывающихся на рынке труда, бедность определяется его развитием, включающим в данном контексте отраслевые, профессиональные, квалификационные, дискриминационные и другие различия в заработной плате.

Экономическое неравенство трудоспособного населения на рынке труда в доступе к продуктивной (приносящей доход) занятости может проявляться, во-первых, в отсутствии рабочих мест и, во-вторых, в несоответствии профессионально-квалификационных характеристик человека имеющимся в наличии рабочим местам. Отсутствие рабочих мест часто ведет, в свою очередь, к безработице. Все более сильное влияние на формирование бедности работников имеет такой фактор, как *возрастание роли неопределенности экономической среды и степени риска* для экономических субъектов–участников рынка труда. Формами проявления и последствиями экономической неопределенности и риска в социально-трудовой сфере являются: невыплата заработной платы, банкротство предприятий, трудовые конфликты и социальная напряженность между работниками и администрацией предприятия и др., ведущие, в свою очередь, к расширению зоны бедности работников или повышающие их риск попасть в эту зону. Конкретными рисками для работника могут являться неопределенность их статуса в системе занятости, слабость или отсутствие механизмов их социальной защиты, несовершенство трудового законодательства, слабость институтов социального партнерства, прямое беззаконие работодателей и др.

Значение информационной асимметрии, сложившейся на рынке труда, как фактора бедности заключается, во-первых, в том, что у работника может отсутствовать надежная и точная информация о действительном финансовом состоянии предприятия, отношении, требованиях и намерениях к нему со стороны работодателя, критериях и перспективах его профессионального роста, возможностях и «графике» повышения его заработной платы, степени «честности» работодателя в отношении его же собственных обещаний и др.

Роль трудовой миграции в контексте ее влияния на бедность определяется дешевизной рабочей силы из стран СНГ и некоторых стран дальнего зарубежья.

Можно выделить и другие факторы, связанные с повышением для трудоспособного населения риска стать бедным: низкий уровень образования и квалификации, недостаточный опыт работы, низкая производительность труда, ненадлежащее выполнение должностных обязанностей.

Бедность во многом концентрируется среди работников с низким уровнем образования и квалификации. Но она также ассоциируется с сокращенным рабочим временем, неадекватным или нерегулярным доступом к занятости. Вместе с тем бедность может формироваться у работников, работающих на условиях полного рабочего времени, отражая при этом низкую производительность труда и, следовательно, низкий уровень дохода от занятости.

Перечисленные выше объективно присущие рынку труда качества предопределяют формирование специфических форм бедности, а также характер и степень уязвимости экономически активного населения на рынке труда.

В то же время многие формы бедности – такие, которые ассоциируются с плохим здоровьем или старостью, – связаны с механизмами рынка труда опосредованно, и они в большей степени реагируют на формальные или неформальные системы социальной поддержки, чем на доходы от занятости.

К наиболее *уязвимым, проблемным группам по отношению к занятости и, следовательно, к бедности* относятся: семьи с одним родителем (родители – одиночки), главным образом одинокие матери, не получающие никакой (или необходимой) материальной поддержки от отцов своих детей и которые не работают или работают неполное рабочее время; молодежь, не имеющая возможности найти работу после окончания учебного заведения; безработные, которые или совсем не получают никаких пособий, или получают неадекватные установленной черте бедности пособия от соответствующих систем социальной защиты (в особенно неблагоприятном положении находятся лица, не имеющие работы на протяжении длительного времени, – так называемые долговременные, или хронические, безработные); работающие граждане, получающие заработную плату ниже установленной черты бедности (для России это ниже официально установленного прожиточного минимума трудоспособного населения в данном регионе); работающие граждане, которым длительное время задерживают выплату заработной платы; работники старших возрастов; работники, работающие на ненадежных работах, и низкоквалифицированные работники; определенные категории женщин; инвалиды; бывшие преступники; мигранты.

Особую проблемную группу на рынке труда в современной ситуации представляют те, кто имеет низкую профессиональную квалификацию или чья квалификация более не соответствует требованиям рынка труда.

Важной составной частью методологии анализа взаимосвязи бедности и рынка труда является *определение требований рынка труда к качеству рабочей силы* – уровню образования и квалификации работников, их возможности работать в конкурентной среде, быстро реагировать на происходящие на производстве изменения, способности к повышению квалификации и даже переобучению на другую специальность в соответствии со складывающейся конъюнктурой и др.

Существует и *обратное влияние бедности на рынок труда*, когда бедность работает как катализатор вторичного рынка труда. Критическая масса трудоспособных бедных на любой территории ведет к созданию неоправданно большого числа маргинальных малопроизводительных рабочих мест в ущерб созданию высокоэффективных и конкурентоспособных рабочих мест, адекватных рыночной экономике в условиях глобализации. Наиболее важными аспектами этой проблемы являются следующие.

1. Бедные работники, занимая малопроизводительные сегменты вторичного рынка труда, получают низкую заработную плату. Как следствие, они не могут выделить достаточной суммы денег для образования, профессиональной подготовки и переподготовки ни для себя, ни для своих детей. На рынке труда под воздействием бедности происходит консервация значительного количества малопроизводительных, низкодоходных рабочих мест вторичного рынка труда, не обеспечивающих прожиточный минимум занятых на этих рабочих местах. В итоге формируется замкнутый круг застойного, неэффективного рынка труда с кри-

тической массой неконкурентоспособных рабочих мест, создаются анклавы маргинальной занятости, в которые есть вход, но нет выхода.

2. Бедность, причиной которой являются низкие заработки основного работника в семье, приводит к давлению на рынок труда так называемых дополнительных работников (вторых и даже третьих, включая пенсионеров и подростков), которые, в свою очередь, часто претендуют на рабочие места, не требующие высокой квалификации. Другими словами, вместо одного высококвалифицированного и высокооплачиваемого работника, работающего на высокоэффективном и конкурентоспособном рабочем месте, на рынок труда выходят и получают низкий статус в занятости несколько низкоквалифицированных и низкоооплачиваемых работников, что, в свою очередь, расширяет масштабы бедности и приводит к консервации низкоквалифицированного труда и малооплачиваемой занятости из поколения в поколение. Другими словами, маргинальная занятость неизбежно формирует самовоспроизводящуюся трудовую бедность.

Таким образом, если исходить из описанных выше методологических взаимосвязей между рынком труда и бедностью, то можно гипотетически предположить, что неравенство трудоспособных граждан на рынке труда первичным образом обуславливает дифференциацию в их (а также членов их семей) уровне жизни и одновременно выступает как регулятор уровня и профиля бедности.

Проверим эту гипотезу эмпирически на основе анализа:

1) данных обследований, проводимых Госкомстатом России;

2) результатов социологического обследования экономического поведения населения в Республике Северная Осетия – Алания.

2. Анализ взаимосвязи уровня бедности населения и его статуса на рынке труда по данным Госкомстата

2.1. Профиль бедности и сравнительный анализ показателей бедности различных категорий работающего и неработающего населения

Чтобы проанализировать взаимосвязи между профилем бедности и статусом в занятости, приведем данные Госкомстата о распределении по основным социальным категориям численности бедного или, используя формулировку Федерального Закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», малоимущего населения, и в том числе крайне бедного населения, с располагаемыми ресурсами менее ? прожиточного минимума (табл. 1). При этом отметим, что в данном случае бедность Госкомстатом России определяется не по доходам, а по располагаемым ресурсам домашних хозяйств. Согласно этим данным, в 2003 г. занятые в экономике составили самую большую долю в общей численности бедных – 58,2%.

Таблица 1

Распределение численности малоимущего (бедного) населения по основным социальным категориям, 2002–2003, % (по данным ОБДХ)

Группа населения	Малоимущее (бедное) население		Крайне бедное население	
	2002	2003	2002	2003
По месту проживания				
Проживающие в городах	66,2	64,3	56,8	52,9
Проживающие в сельских поселениях	33,8	35,7	43,2	47,1
По возрастным группам				
Население моложе трудоспособного возраста	23,0	22,7	28,2	28,2
Население трудоспособного возраста	64,9	65,2	63,8	63,9
Население старше трудоспособного возраста	12,1	12,1	8,0	7,9
По отношению к экономической активности (для лиц в возрасте 15 и более лет)				
Занятые в экономике	58,8	58,2	55,6	54,5
Из них работающие пенсионеры	2,9	3,0	1,9	2,1
Безработные	2,4	2,3	4,2	4,1
Экономически неактивное население	38,8	39,5	40,2	41,4
Из него неработающие пенсионеры	16,2	16,2	12,9	13,1

Источник. Социальное положение..., 2004, табл. 5.19.

Анализ данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проводимого Госкомстатом России, позволяет описать эволюцию типичного для России профиля бедности с точки зрения социально-демографических характеристик и взаимосвязей с занятостью различных типов домашних хозяйств и населения. Если на начальном этапе радикальных экономических преобразований в России (1992–1995 гг.) ядро бедных традиционно составляли так называемые социально уязвимые слои населения (пенсионеры, инвалиды, многодетные и неполные семьи с детьми), то к концу 1990-х годов центр тяжести все более отчетливо стал перемещаться в другую группу риска – «работающих» бедных – тех трудоспособных членов общества, которые в силу ряда причин и прежде всего характера занятости (или незанятости) получали низкие доходы и не могли прокормить себя и свою семью. Основными причинами такого положения явились низкий уровень заработных плат, не обеспечивающий прожиточный минимум их получателей, задержки с их выплатой, безработица, неполная занятость, вынужденные административные отпуска без предоставления денежной компенсации и др.

По такому показателю бедности, как доля населения с уровнем дохода ниже величины прожиточного минимума, в наиболее неблагоприятном положении оказались временно неработающие лица (табл. 2)[1]. В то же время для населения, имевшего на момент обследования связи с занятостью, – работающих по найму, занятых предпринимательской деятельностью, работающих пенсионеров – показатели бедности, определяемые соотношением прожиточного минимума и среднедушевых денежных доходов, выглядят, несомненно, относительно более благоприятно. Например, в 2000 г. 29,2% занятых предпринимательской деятельностью располагали среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, из них 12,3% – ниже ? величины прожиточного минимума. Аналогичные показатели в 2000 г. для работающих по найму составили 44,4% и 15,3%, работающих пенсионеров – 24,9% и 6,0%.

Таблица 2

Доля населения с уровнем среднедушевых денежных доходов и располагаемых ресурсов ниже величины прожиточного минимума, 2000 г., % (по данным ОБДХ)

Группа населения	Всего обследуемых	Из них имеющих ниже прожиточного минимума			
		среднедушевые денежные доходы		среднедушевые располагаемые ресурсы	
		всего	из них в два и более раза	всего	из них в два и более раза
Все обследуемое население	**100,0**	**49,3**	**18,7**	**40,0**	**10,3**
Работающие по найму	100,0	44,4	15,3	36,2	8,3
Занятые предпринимательской деятельностью	100,0	29,2	12,3	23,5	6,0
Временно неработающие	100,0	65,4	33,9	56,5	20,4
Работающие пенсионеры	100,0	24,9	6,0	18,2	3,1
Неработающие пенсионеры	100,0	43,0	12,6	30,1	5,9

Источник. Госкомстат России.

В качестве хорошей иллюстрации количественной взаимосвязи между бедностью и занятостью обратим особое внимание на тот факт, что показатели бедности по доходам для работающих пенсионеров, особенно показатели крайней бедности, являются одними из наиболее низких среди всех категорий обследованного населения. Для сравнения, в этом же году по-

[1] Несмотря на то, что мы располагаем данными ОБДХ Госкомстата России за 2001 и 2002 гг., 2000 г. был взят нами специально для сопоставимости данных по как можно большему количеству получающих доход от занятости, так как, например, для 2001 и 2002 гг. аналогичная разработка по работающим пенсионерам не проводилась.

казатели бедности по доходам для неработающих пенсионеров составили, соответственно, 43,0% и 12,6%, т.е. почти в два раза выше, чем по работающим пенсионерам.

Применительно к объекту нашего исследования это означает, что наличие занятости и доходов от нее позволяют сократить уровень бедности по доходам среди работающих пенсионеров по сравнению с неработающими пенсионерами примерно в два раза.

Согласно данным обследований, существует четко выраженная связь между уровнем образования и уровнем бедности населения, имеющего это образование: чем выше образование, тем меньше удельный вес лиц, которые относятся к категории бедных. Согласно последним имеющимся у нас данным ОБДХ (4-й кв. 2002 г.), в общей численности обследованных граждан трудоспособного возраста были бедными: с высшим образованием – 22,3%, средним профессиональным – 36,7%, средним общим – 46,0%, основным средним образованием – 52,9% (табл. 3)[2].

Таблица 3

Распределение населения трудоспособного возраста по уровню образования и благосостояния, 4-й кв. 2002 г., % (по данным ОБДХ)

Уровень образования	Все обследованное население трудоспособного возраста	В том числе:		
		с располагаемыми ресурсами выше прожиточного минимума	малоимущее (бедное) население	в том числе: крайне бедное
Высшее	100,0	77,7	22,3	3,5
Неполное высшее	100,0	67,1	32,9	6,2
Среднее профессиональное	100,0	63,3	36,7	7,4
Начальное профессиональное	100,0	54,2	45,8	11,4
Среднее общее	100,0	54,0	46,0	11,7
Основное среднее	100,0	47,1	52,9	16,3
Начальное общее	100,0	47,9	52,1	15,7

Источник. Социальное положение..., 2003. С. 145.

Если в качестве черты бедности взять не прожиточный минимум, а ? ПМ (что соответствует состоянию крайней бедности, или нищеты), то данная зависимость оказалась еще более резко выраженной: доля лиц с высшим образованием среди крайне бедных снизилась в наибольшей степени – в 6,4 раза (с 22,3% до 3,5%), со средним профессиональным – в меньшей степени – в пять раз (с 36,7% до 7,4%), средним общим – в 3,9 раза (с 46,0% до 11,7%), основным средним образованием – в еще меньшей степени – в 3,2 раза (с 52,9% до 16,3%).

Более высокие уровни образования и квалификации, профессиональные характеристики и более высокий социально-экономический статус защищают от бедности, а в случае же входа по каким-то причинам в состояние бедности являются сильными предпосылками для выхода из этого состояния. По существующим оценкам, отсутствие, например, доступа к третичному образованию сильно коррелирует с бедностью. Рынок труда «реагирует» на более высокие уровни квалификации работников путем снижения, при прочих равных условиях, уровня бедности ее носителей.

2.2. Заработная плата и прожиточный минимум трудоспособного населения

Сравнительный анализ уровня заработной платы в различных отраслях экономики и величины прожиточного минимума трудоспособного населения выявил следующее (табл. 4).

[2] Напомним, что Госкомстат России определяет бедность не по доходам, а по располагаемым ресурсам домашних хозяйств. Подробнее о методиках определения бедности см.: Разумов, 2002.

Таблица 4

Удельный вес численности работников организаций с начисленной заработной платой на уровне и ниже величины прожиточного минимума по отраслям экономики, 2000–2003 гг.

(по данным выборочных обследований организаций за апрель;
в % от общей численности работников соответствующей отрасли экономики)

Отрасль	2000	2001	2002	2003
Промышленность	25,7	23,9	18,9	16,6
Электроэнергетика	7,5	8,1	5,6	5,0
Топливная промышленность	4,9	4,8	3,9	3,8
Черная и цветная металлургия	12,3	8,9	7,5	5,6
Химическая и нефтехимическая промышленность	22,3	17,8	13,6	11,9
Машиностроение и металлообработка	36,1	28,1	22,6	19,1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	34,9	33,4	28,6	24,9
Промышленность строительных материалов	33,3	29,3	18,1	17,5
Легкая промышленность	58,8	51,7	43,4	39,8
Пищевая промышленность	34,0	31,9	26,6	25,2
Сельское хозяйство	84,6	81,3	75,0	74,0
Строительство	29,0	24,5	18,7	17,1
Транспорт	20,6	16,2	11,5	10,9
Связь	37,1	29,1	24,2	21,1
Жилищно-коммунальное хозяйство; непроизводственные виды бытового обслуживания населения	39,2	36,2	29,3	26,6
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	65,7	61,0	38,8	45,5
Образование	67,5	61,3	41,4	49,0
Культура и искусство	70,7	68,4	51,2	57,6
Наука и научное обслуживание	39,6	29,1	21,6	20,1
Банковская деятельность	20,8	12,3	8,9	н. д.

Источник. Социальное положение..., 2004, табл. 5.15; Труд и занятость..., 2003, табл. 8.29.

К высокооплачиваемым секторам экономики, в которых наблюдается наименьший удельный вес работников предприятий и организаций с начисленной заработной платой на уровне и ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения в общей численности работников этих отраслей, относятся: топливный сектор и производство электроэнергии, финансовые институты и страхование, цветная металлургия и, до некоторой степени, транспорт и связь. Эти сектора в основном включают или производства, ориентированные на экспорт, или предприятия и организации, связанные с возникновением и быстрым развитием новых рыночных институтов.

На другом полюсе находятся низкооплачиваемые сектора экономики, которые можно сгруппировать в две основные группы. Первая группа охватывает организации и учреждения общественного (или так называемого бюджетного) сектора экономики: здравоохранение, физическую культуру и социальное обеспечение, образование, культуру и искусство. Ко второй группе относятся отрасли с относительно низким уровнем конкурентоспособности продукции: машиностроение, деревообрабатывающая и легкая отрасли промышленности, сельское хозяйство. В апреле 2002 г. 75% работников сельского хозяйства получали заработную плату на уровне и ниже величины ПМ трудоспособного населения. Данный показатель для работников культуры и искусства составил 51%, образования – 41%, здравоохранения, физической культуры и социального обеспечения – 39%, легкой промышленности – 43%. Занятость в бюджетной сфере, не являясь маргинальной в классическом смысле, вносит тем не менее значительный вклад в уровень бедности работающего населения.

Из сказанного следует следующий вывод. Большое количество занятых и низкий уровень оплаты труда в бюджетной сфере и сельском хозяйстве являются двумя основными составляющими бедности работающего населения в России. Следовательно, для этих секторов экономики (отраслевых рынков труда) должны быть разработаны свои схемы занятости и политики оплаты труда.

Низкий уровень оплаты труда на уже существующих рабочих местах, не обеспечивающий прожиточный минимум работника, – это очень важный, но не единственный аспект исследования формирования бедности трудоспособного населения. Другим аспектом (и на это следует обратить особое внимание) является то, что значительное количество рабочих мест – как созданных в 1990-е годы, так и создаваемых в текущем десятилетии на гребне продолжающегося уже почти пять лет экономического подъема, – априори являются периферийными, маргинализированными, характеризующимися невысоким качеством и ненадежностью, низкой заработной платой и недостаточной социальной защитой. Часто по предлагаемым работодателями вакансиям зарплата или ниже ПМ, или ненамного его превышает, что, с учетом иждивенческой нагрузки, не обеспечивает даже простое воспроизводство населения. Другими словами, рынок труда генерирует рабочие места, которые дают низкую отдачу в виде недостаточного для удовлетворения потребностей работника и его семьи уровня заработной платы. Следовательно, получение работы уже не является необходимым условием для того, чтобы «выбраться» из бедности.

Отдельными важными аспектами взаимосвязи между бедностью и занятостью являются концентрация неконкурентоспособных производств на определенной территории и феномен градообразующих несостоятельных предприятий. Это, в свою очередь, ведет к появлению зон застойной бедности.

Важным вопросом в изучении проблематики бедности являются ее гендерные характеристики. Проблемы женской бедности в России, в том числе обусловленные статусом женщин на рынке труда и уровнем их доходов от занятости, получили подробное освещение в ряде работ Всемирного банка, МОТ и других публикациях[3]. Однако, несмотря на данное обстоятельство, факторы позиционирования и статусы мужчин и женщин на рынке труда, так же как и степень обоснованности (или необоснованности) различий в уровне оплаты их труда, до сих пор являются предметом научных споров.

Согласно данным Госкомстата России, с 1998 по 2002 г. разрыв в уровне средней заработной платы мужчин и женщин по стране в целом вырос на 3 процентных пункта, что свидетельствует о дальнейшем усилении гендерного неравенства в области оплаты труда. В 2002 г. заработная плата женщин по сравнению с заработной платой мужчин в среднем по экономике России была на 33% ниже (табл. 5).

Таблица 5

Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы женщин к заработной плате мужчин по отраслям экономики, 1998, 2002, %*

Отрасль экономики	1998	2002
Всего в экономике	**70**	**67**
Промышленность	69	63
Сельское хозяйство	91	92
Строительство	79	80
Транспорт	77	74
Связь	70	60
Оптовая и розничная торговля, общественное питание	73	56
Информационно-вычислительное обслуживание	70	61
Жилищно-коммунальное хозяйство, непроизводственные виды бытового обслуживания	78	79
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	79	74
Образование	83	79
Культура и искусство	81	69
Наука и научное обслуживание	74	65
Финансы, кредит, страхование	77	68
Управление (без охраны общественной безопасности)	84	79

* Без субъектов малого предпринимательства.
Источник. Мужчины и женщины..., 1999. С. 71–73; Труд и занятость..., 2003. С. 384.

[3] Феминизация бедности, 2000; Гендерные проблемы, 2004; Проблемы гендерного..., 2001; Гендерное равенство, 2003; Рощин, 1996; Ржаницина, 2002.

Колебания данного показателя по отраслям экономики в целом не очень значительны. Существенно меньший разрыв в уровне средней заработной платы мужчин и женщин наблюдается в сельском хозяйстве (8%), образовании и управлении (21%) и некоторых других секторах, что вполне объяснимо профессионально-квалификационными характеристиками большинства рабочих мест в данных сферах экономики, когда «женская» и «мужская» квалификация и способности к труду применительно к данным рабочим местам относительно нивелируются.

3. Бедность и экономическое поведение населения (по результатам социологического обследования в Республике Северная Осетия – Алания)

Официальные статистические данные не всегда в полной мере позволяют выявить определенные характеристики и формы проявления бедности, что определяет важность проведения выборочных социологических обследований населения, особенно относящегося к группам риска. Эти социологические обследования, проводимые в России как российскими, так и зарубежными исследовательскими организациями, в настоящее время являются важными дополнительными источниками информации о бедности, позволяющими обнаружить такие характеристики бедности, которые не может предоставить официальная статистика.

Одно из наиболее известных такого рода обследований – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), проводимый Университетом Северной Каролины (США) совместно с рядом российских участников. Данное обследование часто служит источником данных, используемых многими неофициальными аналитиками. Другим широко известным социологическим обследованием населения является обследование, проводившееся специалистами ИСЭПН РАН на протяжении более 30 лет (с конца 1960-х до конца 1990-х годов) в г. Таганрог[4]. ВЦИОМ в своем журнале «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» регулярно публикует данные, связанные с субъективным восприятием бедности населением.

Для более полного раскрытия взаимосвязей между бедностью и занятостью приведем результаты социологического обследования населения по его экономическому поведению с целью выхода из трудной жизненной ситуации, проведенного Всероссийским центром уровня жизни (ВЦУЖ) в Республике Северная Осетия – Алания (далее – РСО–А) в апреле–мае 2004 г. под методическим руководством и непосредственном участии автора[5].

В табл. 6 приведены данные о распределении ответов респондентов по их самооценке уровня материального положения своей семьи. К категории богатых себя отнесли чуть более 1% семей, к обеспеченным – около 6%, со средним достатком – 35%, к бедным – 47%, очень бедным – 11%. Таким образом, к категории бедных и очень бедных себя отнесли 58% населения республики, что, впрочем, неудивительно, так как населению (и это относится и к раз-

---

[4] Обобщенные итоги этого долговременного исследования народного благосостояния опубликованы в: Женщина..., 2001.

[5] Проведение данного обследования было выполнено ВЦУЖ по заказу Правительства Республики Северная Осетия – Алания (РСО–А) в апреле–мае 2004 г. совместно с Министерством труда и социального развития РСО–А, а также местными органами власти на основе разработанного автором настоящей публикации вопросника (с учетом пожеланий заинтересованных министерств и ведомств республики) и под его методическим руководством. Результаты обследования легли в основу разработки «Республиканской комплексной программы на 2004–2006 гг. по государственной поддержке групп населения с повышенным риском бедности и устранению причин низкого уровня жизни среди трудоспособного населения». Объем выборки – 5168 домохозяйств, что позволяет отнести это обследование к числу наиболее крупных, проведенных не специализированным учреждением официальной статистики России (Для сравнения, объем выборки Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) колеблется в пределах 3500–4000 домохозяйств). Высокое качество заполнения анкет позволило создать репрезентативную базу данных по многим индикаторам уровня жизни населения РСО–А. Мы благодарим Министерство труда и социального развития РСО–А за сотрудничество при проведении обследования.

витым странам) свойственно *субъективно* себя ощущать более бедным, чем исходя из объективных оценок бедности, используя национальную черту бедности.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов в РСО–А по их самооценке уровня материального положения своей семьи по полу, %

Группа	Уровень материального положения семьи					
	всего	богатые	обеспеченные	со средним достатком	бедные	очень бедные
Все респонденты	100,0	1,1	5,7	35,1	47,1	11,0
Мужчины	100,0	2,6	10,7	37,5	40,1	9,1
Женщины	100,0	0,7	4,3	34,4	49,2	11,4

Заслуживающим внимания представляется и тот факт, что *ответы мужчин по поводу самооценки уровня материального положения своей семьи оказались заметно более оптимистическими*, чем ответы женщин: к богатым отнесли свои семьи 2,6% мужчин и только 0,7% женщин, соответственно к обеспеченным – 10,7 и 4,3%, со средним достатком – 37,5 и 34,4%, к бедным – 40,1 и 49,2% и к очень бедным – 9,1% мужчин и 11,4% женщин.

Табл. 7 характеризует распределение численности работников по величине их заработной платы относительно прожиточного минимума (ПМ) трудоспособного населения по районам республики. Согласно результатам обследования, если в г. Владикавказ 26% работников получали заработную плату ниже ПМ, то в ряде сельских районов республики – более 50% (например, в Алагирском – 53,2%, Дигорском – 51,3%). Это говорит о *феномене сельской бедности как специальном объекте научного анализа*. В целом же по республике, как показало обследование, 34,4% работников получали заработную плату ниже ПМ трудоспособного населения.

Таблица 7

Распределение численности работников по величине их заработной платы относительно величины ПМ трудоспособного населения по районам РСО–А, %

Район	Всего	До 1 ПМ	1–2 ПМ	Более 2 ПМ
РСО–А, всего	**100,0**	**34,4**	**47,2**	**18,4**
г. Владикавказ	100,0	26,0	54,8	19,2
Алагирский	100,0	53,2	39,7	7,1
Ардонский	100,0	42,1	45,6	12,3
Дигорский	100,0	51,3	39,1	9,6
Ирафский	100,0	40,8	50,7	8,5
Кировский	100,0	31,6	39,5	28,9
Моздокский	100,0	53,3	26,7	20,0
Правобережный	100,0	34,1	43,8	22,1
Пригородный	100,0	38,4	42,3	19,4

Асимметрия городской и сельской бедности трудоспособного населения, получает свою конкретизацию в уровне задолженности по заработной плате по районам республики. В г. Владикавказ и Правобережном районе отмечена наименьшая доля работников, у которых есть задолженность по заработной плате (соответственно 5,0% и 2,9%), тогда как в большинстве сельских районов республики данный показатель в несколько раз выше (в Алагирском районе – 26,2%, Ирафском – 18,8%, Ардонском – 15,2%). Из этого следует вывод, что *более высокие показатели задолженности по заработной плате на селе* (и это при том, что заработные платы на селе

в среднем значительно ниже, чем в городе) *являются существенным «вкладом» в уровень сельской бедности.*

В табл. 8 представлены данные о распределении работников по уровню образования и величине заработной платы, взятой в ПМ трудоспособного населения. Это распределение имеет классический характер: *чем выше уровень образования, тем, при прочих равных условиях, больше размер заработной платы.* Так, заработную плату на уровне и ниже ПМ трудоспособного населения получали 71,4% работников с начальным образованием, 56,0% – с начальным профессиональным образованием, 71,8% – неполным средним образованием, 58,6% – средним образованием, 39,3% – средним специальным образованием и 21,7% – с высшим и незаконченным высшим образованием.

Таблица 8

Распределение респондентов в РСО–А по уровню образования и величине заработной платы относительно ПМ трудоспособного населения, %

Образование	Всего	До 1 ПМ	1–2 ПМ	Более 2 ПМ
Высшее, незаконченное высшее	100,0	21,7	52,8	25,5
Среднее специальное	100,0	39,3	47,6	13,1
Начальное профессиональное	100,0	56,0	33,5	10,5
Среднее	100,0	58,6	34,2	7,2
Неполное среднее	100,0	71,8	24,0	4,2
Начальное	100,0	71,4	28,6	0,0

Известно, что одним из показателей экономической активности населения является развитие малого бизнеса. Распределение ответов респондентов *по поводу открытия собственного дела таково*: открыли собственное дело 7,9% опрошенных, намерены открыть в ближайшее время – 2,6%, хотят, но пока не могут – 35,6%, в то время как не изъявили желания заниматься малым (семейным) бизнесом более половины опрошенных – 53,9% респондентов.

Распределение работников по наличию второй (дополнительной) работы в зависимости от уровня образования также демонстрирует классическое распределение: *чем выше образование работников, тем, при прочих равных условиях, большая их доля имеет вторую работу*. Например, если вторичную занятость имели 1,5% работников с начальным образованием, 5,4% – средним специальным образованием, то среди работников с высшим и незаконченным высшим образованием вторую работу имели 8,5% таких работников при среднем по республике показателе вторичной занятости 6,4%, что в несколько раз меньше, чем по России в целом.

Вторую работу имели 9,0% занятых мужчин и 5,7% – женщин. Анализ распределения респондентов по наличию второй работы по возрасту показывает, что дополнительная занятость в наибольшей степени характерна для двух возрастных когорт работников – 20–29 лет (7,3%) и 50–55 лет (8,2%), что можно объяснить следующими причинами. Первая группа работников – молодые, здоровые люди, с высокой трудовой мотивацией, профессионально амбициозные, образованные по последним стандартам, часто не «обремененные» семейными заботами. Для второй группы работников характерны, как правило, высокая квалификация, знания, как «делать» работу, опыт и устойчивые профессиональные связи.

Анализ стратегий населения по улучшению своего экономического положения показывает следующее (табл. 9). Большинство респондентов (55,5%) намерены повысить уровень своих доходов, используя возможности в занятости: либо путем поиска высокооплачиваемой работы на условиях полной занятости (34,9%), либо путем поиска второй работы (20,6%). Почти 15% опрошенных предпочитают повысить уровень своих доходов за счет получения пособий и других видов социальной помощи от государства.

Таблица 9

Распределение ответов респондентов в РСО–А относительно их действий по повышению уровня доходов и выходу из трудной экономической ситуации, %

Действие по повышению уровня доходов	Доля респондентов, отметивших соответствующий ответ
Поиск более высокооплачиваемой работы на условиях полной занятости	34,9
Поиск второй (дополнительной) работы	20,6
Обращение за пособиями и другими видами социальной помощи	14,1
Использование потребительского кредита	7,1
Больше работать в приусадебном (личном подсобном) хозяйстве	6,2
Закупка товаров оптом	3,7
Получать помощь в качестве милосердия, пожертвований	3,6
Задержка оплаты счетов	2,4
Трата накоплений, сбережений	2,2
Продажа недвижимости и другого существенного для вас имущества (дом, квартира, машина и т.п.)	1,7
Продажа личного имущества (одежда, посуда, бытовая техника, и т.п.)	1,0
Закладывание ценностей	0,8
Идти на преступления	0,6
Просить подаяние, милостыню	0,5
Другое	0,6
Всего	**100,0**

Весьма интересной для формирования политики на рынке труда представляется ранжирование ответов респондентов относительно видов содействия занятости, в которых нуждаются трудоспособные члены семьи респондента (табл. 10). Наибольшие ранги получили такие ответы, как «помощь в поиске работы, трудоустройстве на условиях полного рабочего времени» (отметили 27,5% респондентов) и «помощь в организации своего дела, создании малого (семейного) предприятия» (23,5%) (последнее вполне соответствует ответу на вопрос, что, как показано выше, 35,6% респондентов хотят, но пока не могут открыть свое дело). Для 19,8% респондентов актуальным оказалось получение помощи в обучении и профессиональной подготовке, в том числе 12,4% отметили необходимость обучения для получения новой специальности, профессии и 7,4% – в профессиональной переподготовке и повышении квалификации по основной работе. На необходимость помощи в получении гибкой занятости указали 11,4% опрошенных.

Таблица 10

Распределение ответов респондентов в РСО–А относительно того, в каких видах содействия занятости нуждается семья респондента, %

Мера содействия занятости	Доля нуждающихся в данной мере
Помощь в поиске работы, трудоустройстве на условиях полного рабочего времени	27,5
Помощь в организации своего дела, создания малого (семейного) предприятия	23,5
Обучение для получения новой специальности, профессии	12,4
Помощь в получении гибкой (нестандартной) занятости	11,4
Регистрация в службе занятости в качестве безработного	8,4
Профессиональная переподготовка и повышение квалификации по основной (существующей) работе (деятельности)	7,4
Регистрация в службе занятости в качестве ищущего работу	7,2
Направление службой занятости на общественные работы	1,9
Другие виды помощи	0,5
Всего	**100,0**

4. Государство и население: активная политика борьбы с бедностью или пассивное выживание?

4.1. Идеология преодоления бедности

Исходя из проведенного выше анализа причин бедности трудоспособного населения, сформулируем основные положения стратегии по ее преодолению. Идеология преодоления бедности состоит в том, что эту проблему следует разделить на две части. Первая – активная часть, или меры в области макроэкономического регулирования, когда в основе решения этого вопроса лежит политика занятости, трудовой мотивации, совершенствования оплаты труда, роста его производительности, что должно обеспечить приемлемый уровень жизни большинству работников и их семей. Вторая – пассивная – часть нацелена на население (как правило, экономически неактивное), которое самостоятельно не в состоянии жить выше черты бедности. Это в основном получатели различных видов пенсий и пособий.

Вместе с тем социальная помощь не должна играть роль антистимула по отношению к трудовой деятельности. Когда главный упор делается на социальную помощь и поддержку (в той или иной форме, через те или иные каналы) все большему числу нуждающихся в ней, государство неизбежно превращается во всеобщий «собес», происходит процесс дестимулирования труда, что, в свою очередь, провоцирует рост потенциала и масштабов бедности. Именно это происходило в России вплоть до конца прошлого десятилетия.

На наш взгляд, идеология существенного снижения бедности в России наиболее эффективно может быть реализована в рамках разработки президентской «Программы борьбы с бедностью в Российской Федерации» как с явлением, без существенного ограничения которого проводимые экономические преобразования реализовать будет намного сложнее. В этой связи подчеркнем, что во многих странах мира в интересах более устойчивого социального, экономического и политического развития разработаны и осуществляются (или осуществлялись) «Национальные планы борьбы с бедностью», направленные в конечном счете на искоренение крайних форм бедности и существенное сокращение ее масштабов. Вспомним, например, «Программу борьбы с бедностью», разработанную в США еще в 1960-е годы.

К сожалению, аналогичный, четко сфокусированный план (или соответствующая программа) в России до сих пор не принят, хотя в последнее десятилетие Минтрудом России, а также представителями экспертного сообщества и научной общественности неоднократно инициировались попытки добиться официального правительственного решения о разработке такого рода программы. В связи со сказанным отметим, что некоторые страны СНГ в этом плане продвинулись намного дальше. Например, в Казахстане первой программой в данной области стала «Программа по борьбе с бедностью и безработицей на 2000–2002 годы», изначально придавшая задаче снижения бедности программно-целевой характер. В 2002 г. в этой стране была подготовлена и одобрена «Программа по снижению бедности в Республике Казахстан на 2003–2005 годы» (см.: Бедность в Казахстане, 2003).

Весьма примечательно, что ряд российских регионов, не дожидаясь «указаний» из федерального центра, исходя из особенностей и приоритетов своего социально-экономического развития, разрабатывает свои собственные региональные социальные программы, направленные на преодоление бедности. Одним из примеров такой инициативной социальной политики является, как уже было сказано выше, разработка в Республике Северная Осетия – Алания (РСО–А) «Республиканской комплексной программы на 2004–2006 гг. по государственной поддержке групп населения с повышенным риском бедности и устранению причин низкого уровня жизни среди трудоспособного населения».

Первым шагом политики в области преодоления бедности является профилирование бедности – построение (уточнение) типологии бедных семей и определение их целевых групп (полные низкодоходные семьи с малооплачиваемыми работниками; неполные семьи; многодетные семьи; семьи с инвалидами; семьи с безработными; семьи, работающим членам которых длительное время не выплачивается заработная плата, и др.), тщательный анализ причин бедности в разрезе этих групп, осуществление дифференцированного подхода

к этим группам, имея в виду разработку соответствующих мероприятий социальной политики и политики на рынке труда. Второй шаг – это детальное исследование тех механизмов рынка труда, которые «способствуют» возникновению бедности и риска для трудоспособного населения попасть в категорию бедных.

4.2. Государство и некоторые основные стратегии занятости

В России сегодня нельзя эффективно решить проблему бедности вне совершенствования политики на рынке труда и политики оплаты труда. Признавая безусловную необходимость разработки программ адресной социальной помощи населению, отметим тем не менее что в современных условиях данные программы – в значительной мере борьба со следствием, т.е. высоким уровнем бедности значительной части трудоспособного населения. Это обусловливает необходимость детального исследования тех механизмов рынка труда, которые «способствуют» возникновению бедности и риска для трудоспособного населения попасть в категорию бедных.

Реализация государственной стратегии борьбы с бедностью предполагает решение двух групп задач. *Первая группа задач связана с триадой «государство – занятость – предприятия»*. В связи с появлением новой категории бедных – работающих бедных, роль государства здесь заключается в создании рамочных условий для обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, осуществлении промышленной политики и активной политики занятости, направленных на повышение производительности труда, уровня конкурентоспособности российских предприятий и поддержку отечественного производства как основы экономического роста. Создание таких условий явится важнейшей предпосылкой для обеспечения возможностей для трудоактивной части населения достаточно зарабатывать и тем самым содержать себя и свою семью, главным фактором роста доходов населения и его уровня жизни.

Главным направлением существенного сокращения масштабов российской бедности являются разработка и реализация комплекса мер по переходу от политики социального обеспечения к политике трудовой деятельности, проводимой в интересах уязвимых на рынке труда групп населения. Перечислим те из них, которые непосредственно связаны с трудоспособными бедными:

- сокращение низкооплачиваемой занятости и маргинальных рабочих мест и увеличение числа высокооплачиваемых и защищенных рабочих мест[6]. В этом случае размер получаемой заработной платы будет выступать как главная гарантия от бедности. Иначе Россия может очутиться в «ловушке новой бедности», когда вследствие дешевизны значительной части рабочей силы будет невыгодно осуществлять замещение живого труда овеществленным и переходить на новый технико-технологический уровень производства;
- территориальным органам государственной службы занятости необходимо установить специальную квоту трудоспособных бедных для участия в программах занятости, в том числе подквоту трудоспособных бедных из числа молодежи. Данные индикаторы следует устанавливать дифференцированно по регионам страны, исходя из региональных уровней бедности;
- участие безработных в различных программах занятости необходимо тесно увязывать с периодами их безработицы и уровнем квалификации. При этом при разработке мероприятий по интеграции безработных в программы занятости необходимо учитывать факт наличия конкуренции между целевыми группами населения, претендующими на включение в эти программы;

---

[6] В более широком контексте любая страна всегда стоит перед выбором модели развития экономики и модели занятости: или обеспечение высокого уровня занятости населения с сохранением значительной доли маргинальных рабочих мест и невысокого уровня безработицы, или снижение уровня занятости населения за счет прежде всего ликвидации маргинальных рабочих мест, что будет сопровождаться увеличением безработицы.

- социальная защита молодежи от безработицы является одним из важнейших приоритетов государственной политики занятости и социальной политики в целом. В период неблагоприятной экономической конъюнктуры продолжение образования для молодежи следует рассматривать в качестве своего рода буфера от безработицы, и в данных условиях оно должно иметь в значительной степени социальную составляющую. Для снижения молодежной безработицы целесообразно применять такую меру, как ограничение входа заканчивающей обучение молодежи (школьников и студентов) на рынок труда в период прохождения нижней точки экономического спада путем проведения политики по продлению срока обучения в учебных заведениях для тех, кто их заканчивает, но по тем или иным причинам не может продолжить обучение дальше или найти работу. В рамках политики по продолжению образования необходима организация целевой (под спрос на определенные специальности) профессиональной подготовки;
- особого внимания заслуживают мероприятия, направленные на реализацию превентивных мер против безработицы, особенно в отношении групп наибольшего риска стать безработными, например, работников предприятий – банкротов, низкоквалифицированных работников, женщин, имеющих несовершеннолетних детей, и др.

Перечисленные мероприятия в области политики занятости должны быть согласованы с уже действующими, а вместе они должны выступать как взаимоувязанная система мер по содействию занятости населения.

4.3. Политика оплаты труда

В связи с тем, что показатели бедности работников бюджетной сферы, как показано выше, являются одними из наиболее высоких по сравнению с показателями бедности занятых в большинстве других секторов экономики, стратегии снижения уровня бедности этой категории работающих необходимо уделить особое внимание. Именно работники данного сектора, оказывая населению социально значимые услуги образования, здравоохранения и др., в решающей степени формируют его образовательный и трудовой потенциал и тем самым вносят значительный вклад в обеспечение необходимого уровня конкурентоспособности страны.

К числу основных мероприятий политики оплаты труда и социальной политики, которые могут в значительной степени решить проблему низкооплачиваемого труда работников социальной сферы, следует отнести:

- более быстрое, чем это сейчас предусмотрено, приближение минимального размера оплаты труда (МРОТ) и тарифной ставки (оклада) 1-го разряда Единой тарифной сетки (ЕТС) по оплате труда работников федеральных государственных учреждений к ПМ трудоспособного населения, применение иных систем оплаты труда врачей, учителей, работников культуры и социального обеспечения и других работников организаций, учреждений, предприятий бюджетной сферы, переведенных в ведение субъектов Российской Федерации в соответствии с недавно принятым законодательным актом о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации[7] таким образом, чтобы обеспечить их соответствующую привязку к ПМ трудоспособного населения. В этой связи отметим, что в 4-м квартале 2003 г. МРОТ и тарифная ставка (оклад) 1-го разря-

[7] Федеральный Закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 5 августа 2004 г.

да ЕТС, равные 600 руб. в месяц (или примерно 17 евро), составили лишь 25,6% ПМ трудоспособного населения, причем в последние годы данное соотношение, если и улучшается, то незначительно. Для сравнения, в 2001г. в ряде стран Западной Европы величина МРОТ составила (в евро): Бельгии – 1131, Великобритании – 979, Греции – 469, Испании – 506, Нидерландах – 1167, Португалии – 390, Франции – 1083 (Россия и страны..., 2003. С. 91);

- сокращение периода пересмотра 1-го разряда ЕТС по оплате труда работников федеральных государственных учреждений, а также установленных нормативов оплаты труда работников бюджетной сферы организаций, учреждений, предприятий, находящихся в ведении субъектов Российской Федерации с целью обеспечения общего роста заработной платы в бюджетной сфере;
- установление фиксированной доли бюджетного сектора в ВВП и, по возможности, ее увеличение. Для сравнения, государственные расходы на образование и здравоохранение в России в 2001 г. составили 5,1% ВВП, в то время как в странах-членах ЕС эти расходы в среднем составили 10% и более.

Решить проблему повышения заработной платы работников социального сектора можно также путем расширения перечня соответствующих услуг, оказываемых за плату, а также на принципах страхования. Но здесь должны быть свои разумные пределы, так как увеличение доли платных услуг образования, здравоохранения и др. сильно ударит по малообеспеченным слоям населения, которые будут не в состоянии «покупать» эти услуги.

В реальном секторе экономики необходимо более действенно использовать механизмы социального партнерства, предполагающие как усиление роли профсоюзов в защите достойного уровня оплаты труда наемных работников, так и повышение социальной ответственности бизнеса, работодателей в учете жизненных интересов работающих.

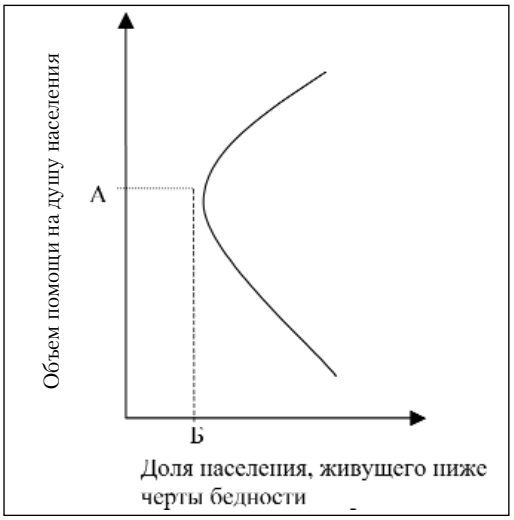
4.4. Государство и социальная защита: когда возможны и необходимы пассивные стратегии

Вторая группа задач государственной стратегии борьбы с бедностью связана с триадой «государство – бедность – социальная защита» и государственным регулированием в сфере распределения. Действующая система выявления и социальной поддержки бедных семей и населения, находящегося в зоне риска, в виде многочисленных пособий, льгот, других видов помощи, их предоставление в небольших объемах, но значительному количеству семей, является неоправданной и нуждается в ее адаптации к условиям рыночной экономики. В настоящее время средства, выделяемые для социальной поддержки бедных, распределяются неэффективно, часто идут не в те семьи, которые являются действительно бедными. В результате действительно беднейшая часть населения оказывается все в более трудном положении.

В условиях ограниченных финансовых ресурсов рационализация социальной поддержки неимущих, обеспечение большей избирательности при оказании социальной помощи, преимущественно заявительный ее характер, а также адресный характер социальных выплат являются наиболее эффективными способами борьбы с бедностью. Здесь важно расставить приоритеты: какие и какое количество ресурсов распределять в виде социальной помощи, кому отдать эти ресурсы (бедным детям, бедным пенсионерам, бедным безработным и др.), в какой пропорции их делить, выработать критерии их «дележа».

Как показывает опыт промышленно развитых стран, наиболее актуальным здесь является вопрос об эффективности мер по оказанию социальной помощи бедным слоям населения. Согласно исследованиям ученых США, существует тесная взаимосвязь различных уровней бедности и объемов оказания социальной помощи. При этом установлено, что существует порог предоставления социальной помощи, после достижения которого дальнейшее увеличение социальной помощи не снижает, а наоборот – увеличивает уровень бедности (Poverty..., 1986. P. 33–34). Соотношение указанных показателей графически имеет вид следующей кривой (*рис. 1*).

Рис. 1. Доля населения, живущего ниже черты бедности, в зависимости от объема помощи на душу населения



Как видно из графика, при увеличении объема помощи на душу населения удельный вес населения, живущего ниже черты бедности, сокращается до определенного предела (точка Б на графике). Этому значению соответствует определенный объем помощи на душу населения (точка А на графике). Данный объем помощи на душу населения следует рассматривать в качестве некоего оптимума, так как ему соответствует наименьшая доля населения, живущего ниже черты бедности. При увеличении объема помощи свыше данного оптимума удельный вес бедного населения возрастает.

Такого рода парадоксальная, на первый взгляд, зависимость между долей населения, живущего ниже черты бедности, и объемом помощи на душу населения объясняется рядом причин, одна из которых – отсутствие адекватного распределения помощи в зависимости от степени нуждаемости семьи. Другой причиной является психологический фактор «социального иждивенчества», когда трудоспособные члены семьи ориентированы не на активную экономическую деятельность, связанную с получением доходов от занятости, а предпочитают не работать, получать социальную помощь и жить на пособия, если они достаточно высоки.

При определении претендентов на получение социальной помощи предлагается проводить проверку нуждаемости соответствующих семей, исходя из одновременного соблюдения двух критериев:

1) совокупные доходы семьи находятся ниже официально установленной региональной черты бедности;

2) стоимость личного имущества находится ниже некоторого официально установленного регионального минимального стандарта. Для ранжирования социально уязвимых групп населения по уровню бедности необходимо сопоставлять официально установленную региональную черту (стандарт) бедности с доходами соответствующих семей, официально установленный региональный минимальный стандарт имущества с их имуществом. В России с точки зрения критерия «прожиточный минимум – душевой доход» в наихудшем положении, как отмечалось выше, оказались семьи с детьми, семьи безработных и малооплачиваемых работников (по сравнению, например, с семьями пенсионеров по старости и особенно работающими пенсионерами).

Если задача определения совокупных доходов семьи в значительной степени уже решена как на федеральном, так и на региональном уровнях (созданы соответствующие методики, и данный показатель рассчитывается на практике), то введение критерия имущества в качестве одного из показателей бедности является для России технически сложным и в то же время деликатным вопросом. Однако в ряде развитых стран (например, в Германии, Шве-

ции, США) бедные семьи (семьи, претендующие на получение социальных пособий, социальной помощи) проходят специальные «унизительные» тесты на нуждаемость, включающие проверку как уровня их доходов, так и их материального положения.

Для условий России в качестве одного из критериев предоставления права на получение социальной помощи нами предлагается следующее: официально установить региональные минимальные стандарты стоимости имущества домохозяйства по конкретному перечню этого имущества. Усредненно в этот перечень могут быть включены: жилище (основное и так называемое второе, для жителей городов это загородное), гараж, автомобиль, земля, крупный рогатый скот.

4.5. Концепция многоуровневой бедности – применима ли она в России?

С целью более успешной реализации политики по социальной защите бедного населения необходимо опираться на концепцию многоуровневой бедности, т.е. на одновременное использование и комбинирование при проведении защитных адресных мероприятий нескольких линий (порогов) бедности. Это может быть как предоставление различных видов социальной помощи (социальные пособия, субсидии, социальные услуги, жизненно необходимые товары) в привязке к такой линии бедности, как официально установленный прожиточный минимум региона (или обеспеченная ресурсами часть этого прожиточного минимума), так и к линии бедности, исчисленной другим методом, используя, например, концепцию относительной или субъективной бедности. Необходимо, комбинируя и накладывая друг на друга разные линии бедности, осуществлять постоянный мониторинг параметров бедности в целях повышения эффективности реализации региональной социальной политики.

Целесообразность применения данного подхода связана с тем, что для формирования адекватной системы социальной зашиты бедных на региональном уровне такой социальный норматив – измеритель бедности, как ПМ, построенный, как известно, на основе концепции абсолютной бедности, объективно занимает все более ограниченную нишу. Поэтому не следует, по нашему мнению, придавать ему гипертрофированную форму и возлагать на него надежд больше, чем позволяет реальная экономическая ситуация. В рамках реализации функций этого норматива необходимо, конечно, на региональном уровне предоставлять нуждающимся специальное социальное пособие, величина которого должна быть равна разнице между фактически получаемым среднедушевым доходом семьи (отдельно проживающего гражданина) и региональным ПМ. Наряду с этим представляется целесообразным использовать линии бедности, соответствующие специфике регионов России, для осуществления эксклюзивных мер социальной защиты отдельных, наиболее социально уязвимых групп населения и «привязывать» разные программы социальной помощи к разным линиям бедности.

В рамках практической отработки положений концепции многоуровневой бедности необходимо параллельное использование международно признанных стандартных показателей (пороговые значения) бедности – обычно применяемые ООН и Всемирным банком для развивающихся стран стандартные показатели черты бедности по доходам в размерах 1 и 2 долл. США в день по доходам, для стран Центральной и Восточной Европы, стран Балтии и СНГ – 4 долл. США в день по доходам (или, по последним пересчетам, соответственно 1,075, 2,15 и 4,3 долл. США в день) (Доклад о развитии..., 2000. С. 148–150; Обратить реформы..., 2001. С. 31–32). Данный шаг откроет возможность для международных сравнений феномена российской бедности, так как предполагает использование единого ее измерителя. Сравнивать же показатели бедности, исчисленные для России на базе черты бедности в виде ПМ, и показатели бедности для, скажем, большинства стран Западной Европы, исчисленные на базе черты бедности в виде 40 или 50% среднего или медианного дохода по стране, представляется не вполне корректным.

К сказанному добавим, что официальная величина прожиточного минимума, установленная в 4-м кв. 2002 г. в целом по России в расчете на душу населения, составила 1893 руб. в месяц, что примерно соответствовало 2 долл. США в день по доходам. В 4-м кв. 2003 г. аналогичные показатели соответственно составили 2143 руб., или примерно 2,5 долл. США

в день по доходам.

Мы также поддерживаем точку зрения, что для России было бы полезно иметь «стандартный» и «чрезвычайный» варианты черты бедности. Такая практика широко применяется в мире. Это способствует определению приоритетов государственной политики по отношению к разным целевым группам населения (Кхан, 1999. С. 7–8).

Для повышения эффективности мер социальной защиты населения также необходимо составление карт региональных экономик и бедности населения. В них должны получить отражение вопросы взаимосвязи экономического роста, состояния рынка труда, динамики и уровня бедности, распределения доходов, распределения социальных трансфертов с целью преодоления бедности.

Важной задачей в области исследования региональных особенностей бедности является изучение и систематизация опыта работы по преодолению бедности и адресной поддержке бедных семей (включая совершенствование методов этой поддержки), проводимой в субъектах Российской Федерации. В связи с тем, что в разных регионах страны формы проявления бедности существенно различаются, данный вопрос требует проведения специальных исследований на региональном уровне.

Одним из главных результатов практической отработки концепции многоуровневой бедности могла бы стать разработка «Модельной региональной программы борьбы с бедностью», которая может играть роль мультипликатора и которую можно адаптировать к условиям любого региона страны, включив в систему мер по управлению социальным развитием данного региона.

В качестве главного индикатора эффективности федеральной и региональной социальной политики в России предлагается официально установить индикатор динамики абсолютной бедности, а в качестве главного индикатора качества социально-трудовых отношений – индикатор динамики работающих бедных – тех, чьи доходы не превышают прожиточный минимум трудоспособного населения.

5. Заключение

В основе традиционного и наиболее распространенного подхода к преодолению бедности в России до сих пор лежит довольно устойчивое представление, что бедность концентрируется вне отношений занятости. В настоящей работе сделана попытка поставить «пирамиду бедности» с острия на основание и аргументируется новый подход, состоящий в том, что корни российской бедности необходимо искать прежде всего в занятости.

В стране в настоящее время нельзя эффективно решить проблему бедности вне занятости, т.е. нельзя решить проблему бедности нетрудоспособной, экономически неактивной части населения – детей, пенсионеров, инвалидов и др., не решив проблему бедности в занятости, т.е. проблему бедности трудоспособной, экономически активной части населения. Признавая безусловную необходимость разработки программ адресной социальной помощи населению, отметим тем не менее что в современных условиях данные программы – в значительной мере борьба со следствием, тогда как первопричиной является бедность значительной части трудоспособного населения страны.

В современных условиях применительно к России факторы, связанные с занятостью, имеют возрастающую важность в дифференциации семей по уровню бедности. Сложившаяся в стране модель бедности – это прежде всего результат низкого уровня доходов от занятости и, как следствие, через их налогообложение низкого уровня социальных трансфертов. В этой связи феномен российской бедности можно определить прежде всего в терминах категории «рыночной» или «новой» бедности – бедности, связанной с местом экономически активного населения на рынке труда.

Новая бедность, типичная для трудоспособного населения, в значительной степени определяется развитием рынка труда, а также спецификой развития систем занятости: данный тип бедности отражает превалирование низкооплачиваемых работ на рынке труда, определяется низкой величиной заработной платы, низкодоходными рабочими местами, неполной

и нестабильной, часто граничащей с безработицей занятостью, которые «толкают» людей в безработицу и экономическую неактивность.

Значительное количество существующих рабочих мест, а также новых рабочих мест, которые создаются на гребне испытываемого в настоящее время страной экономического подъема, – это относящиеся ко вторичному рынку труда периферийные, маргинализированные рабочие места, характеризующиеся невысоким качеством и ненадежностью, низкой заработной платой, часто не обеспечивающей прожиточный минимум ее получателей, и недостаточной социальной защитой. Другими словами, рынок труда генерирует рабочие места, которые дают низкую отдачу в виде недостаточного для удовлетворения потребностей работника и его семьи уровня заработной платы.

В отношении исследования бедности работающих и «предрасположенности» к бедности рабочих мест, необходимо различать бюджетные рабочие места, рыночные рабочие места в крупном и среднем бизнесе, рыночные рабочие места в мелком бизнесе и рабочие места в неформальном секторе экономики. Бюджетная занятость не является маргинальной, но она вносит наибольший вклад в бедность работающего населения.

Основным направлением снижения уровня бедности среди работающего населения является «выдавливание» маргинальных рабочих мест, что в итоге приведет к сокращению общего числа рабочих мест, снижению уровня занятости населения и, следовательно, к росту безработицы. Зато оставшиеся рабочие места будут более защищенными и высокооплачиваемыми.

Одной из характерных черт российской занятости, которая имеет сильную корреляцию с показателями бедности и показателями материальной обеспеченности семьи в целом, является то, что значительная часть работников одновременно имеет два и более мест работы, т.е. наряду с основной работой – дополнительную работу. Это явление получило название вторичной занятости. Как основная, так и дополнительная работа могут выступать в форме так называемой нестандартной (нетипичной, нетрадиционной) занятости, хотя это наиболее характерно для дополнительной работы. Традиционно к нестандартным формам занятости относятся неполная (частичная) занятость, которая может иметь вынужденный характер, сезонная работа, случайные подработки, временная работа, трудоустройство по совместительству, надомничество, работа в теневой (неформальной) экономике без заключения трудового контракта, самозанятость.

Базируясь на результатах социологических обследований, мы пришли к выводу, что *наличие основной работы означает, при прочих равных условиях, более высокие заработки на дополнительной.* Другой вывод, вытекающий из результатов обследований, состоит в том, что в условиях изменения сегментации рынка труда и острейшей конкуренции между наемными работниками за рабочие места, *высококвалифицированные (высокообразованные) работники с большой степенью вероятности могут работать на двух и более работах*, в то время как низкоквалифицированные (малообразованные) работники часто не могут найти себе и одно (единственное) место работы. Вместе с тем мотивация работать на нескольких работах с целью ухода от бедности и повышения своего дохода также присуща и работникам низкой квалификации.

При анализе особенностей формирования российской бедности особое внимание следует обратить на существование неформального (не учитываемого официальной статистикой) сектора экономики, который сегодня составляет, по разным оценкам, от 10% до 40% от формального (официально учитываемого) и который обусловливает соответствующие по размерам неформальную занятость и теневые формы оплаты труда. Так, согласно данным официальной статистики, удельный вес скрытой оплаты труда наемных работников в ВВП в 2002 г. составил 11,5% (в 1995 г. – 7,7%, 1999 г. – 10,9%, 2000 г. – 11,1%) (Труд и занятость, 2003. С. 358). В августе 2004 г. в неформальном секторе экономики России было занято 13,1 млн. человек (для сравнения, в августе 2003 г. – 11,3 млн. августе 2002 г. – 10,5 млн. в августе 2001 г. – 10,0 млн. человек) (Обследование населения..., 2004. С. 360).

Гибкие и нестандартные формы занятости (вторичная занятость, неполное рабочее время, занятость в неформальном секторе экономики и др.) играют все возрастающую роль в регулировании и сегментации рынка труда и формировании общего уровня занятости, ста-

новятся существенными элементами современной системы трудоустройства. Вместе с тем гибкость занятости нередко означает ослабление ее гарантий и сокращение уровня вознаграждения. Это, в свою очередь, напрямую воздействует на конфигурацию рынков труда и коррелирует с бедностью на вторичном рынке труда. Работа в неформальном секторе экономики, означающая в том числе уход от налогообложения получаемых здесь доходов, так же как и вторичная (множественная) занятость, являются, на наш взгляд, вынужденными стратегиями адаптации населения на рынке труда, стратегиями выживания, способствующими выходу из состояния бедности.

С точки зрения занятости «крайним» определением бедности может быть, при прочих равных условиях, и такое: бедность – это невозможность, в силу неравного доступа на рынке труда к продуктивной занятости, получить работу с уровнем заработной платы, обеспечивающим прожиточный минимум работника. Более широким определением может быть следующее: бедность – это следствие неспособности к продуктивной, приносящей необходимый для достойного существования работника и его семьи уровень дохода занятости.

Литература

Бедность в Казахстане: причины и пути преодоления. Алматы, 2003.

Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. Международная организация труда, 2003.

Гендерные проблемы в России (по национальным публикациям 1993–2003 гг.). М.: Издательство «Алекс», 2004.

Доклад о развитии человека за 1999 год. ПРООН, 2000.

Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под. ред. Н. М. Римашевской. М.: ИСЭПН, 2001.

Кхан А. Мониторинг бедности в Российской Федерации. Отчет об итогах миссии в Россию. Ноябрь 1999.

Мужчины и женщины России. Госкомстат России. Сб. М., 1999.

Обратить реформы на благо всех и каждого. Бедность и неравенство в странах Европы и Центральной Азии. – Вашингтон: Всемирный банк, 2001.

Обследование населения по проблемам занятости, август 2004 г. М., 2004.

Проблемы гендерного равноправия в социально-трудовой сфере. Вып. 10. М.: Издание Бюро МОТ в Москве. 2001.

Разумов А. А. Классификация основных подходов к определению и измерению бедности. // Человек и труд. 2002. № 9.

Ржаницина Л. С. Гендерный бюджет. Первый опыт в России. М., 2002 и др.

Россия и страны –члены Европейского союза. 2003: Сб./Госкомстат России. М., 2003.

Рощин С. Ю. Занятость женщин в переходной экономике России. М., 1996.

Социальное положение и уровень жизни населения России, 2002. М.: Госкомстат, 2003.

Социальное положение и уровень жизни населения России, 2004. М.: Росстат, 2004.

Труд и занятость в России: Сб. / Госкомстат России. М., 2003.

Феминизация бедности в России. Макроэкономический анализ феминизации бедности в России. [Сб. докладов, подготовленных для Всемирного банка.] М.: Издательство «Весь Мир», 2000.

Poverty and Income Distribution. The Family and Public Policy. Wash. 1986.

Татьяна Четвернина, И. Соболева, Светлана Ломоносова

БЕДНОСТЬ БЕЗРАБОТНЫХ И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЮ

Снижение уровня жизни из-за утраты трудового дохода является одним из наиболее нежелательных социально-экономических последствий безработицы. Этот процесс обусловливает распространение бедности среди безработных и их семей, в результате чего безработные становятся дискриминируемой категорией населения не только из-за отсутствия постоянной работы, но и по характеристикам благосостояния. Данная форма дискриминации распространяется также на членов семей безработных, включая детей.

Анализ имеющихся данных показывает, что в России, если пособие по безработице является основным источником дохода человека, уровень его жизни не способен даже приблизиться к прожиточному минимуму. Учитывая, что этот доход в большинстве случаев должен быть разделен с другими членами семьи, приходится говорить уже о глубине и остроте бедности семей безработных и дискриминационной политике государства по отношению к ним.

Проблема уровня жизни безработных затрагивалась в рамках ряда исследований, нацеленных на анализ уровня жизни населения на основе социолого-экономических обследований домохозяйств[1]. Однако такого рода исследования, требующие сбора детальной информации о доходах и расходах, сопряжены с рядом организационных и финансовых проблем, затрудняющих совместное изучение характеристик занятости и благосостояния. Исследования, посвященные проблемам занятости, сталкиваются со сложностями получения достоверной информации об уровне жизни. В результате вопросы уровня жизни безработных являются весьма дискуссионными, существуют сомнения по поводу правомерности утверждений о дискриминационном положении безработных и необходимости оказания этой категории российских граждан социальной помощи, которая, по мнению критиков, способна только порождать иждивенческие установки у безработных.

1. Исследование материального положения безработных на основе данных ОБДХ

Основным официальным источником информации о материальном положении безработных в России являются обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), проводимые Госкомстатом России. Однако программа этого обследования не ставит целью получение подробной информации о размерах и источниках доходов домохозяйств. Ежеквартально в его рамках собираются лишь данные о социальных трансфертах. Остальные данные о доходах являются расчетными и направлены на реализацию основной задачи обследования – выявления и характеристики моделей потребления домашних хозяйств. Раз в год в рамках ОБДХ собираются сведения о денежных и натуральных доходах от производства продукции в личном подсобном хозяйстве и оказания услуг за плату. Однако соответствующие вопросы адресованы к домохозяйству в целом, не конкретизируется, кто именно из членов домохозяйства занимался соответствующей деятельностью и сколько времени было на нее потрачено.

В рамках ежеквартального опроса домашних хозяйств, являющегося составной частью ОБДХ, собирается базовая информация о демографических характеристиках и экономической активности респондентов, на основе которой выделяются 12 типов домохозяйств. Эта классификация лежит в основе представления собираемой информации для широкого кру-

---

[1] К их числу относятся исследование уровня жизни и бедности населения в Санкт-Петербурге и Вязниках Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН (1992–2001), а также работы Центра исследований рынка труда и социальных процессов Института экономики (ЦИРТ ИЭ) РАН: сплошное обследование безработных, обратившихся в службы занятости Владимирской и Нижегородской областей (1996); обследование по проблемам трудовых отношений (1999); исследование социальной защищенности населения России (2002).

га пользователей. Вместе с тем микроданные ОБДХ в принципе предоставляют определенные, хотя и ограниченные, возможности для анализа интересующей нас проблемы – исследования материального положения безработных и их семей и источников их существования.

Выделение интересующей нас категории домохозяйств, в которых имеются безработные, возможно на основе данных анкеты ежеквартального опроса 2002 г. (раздел 1Б. «Занятость», вопросы 11–18). К сожалению, ОБДХ не дает сведений о продолжительности безработицы респондентов. Так как методология проведения опроса на протяжении последних лет неоднократно менялась, данные за 2002 г. не сопоставимы с предыдущим периодом. Поэтому мы ограничиваем анализ статическим срезом 2002 г.

Категория безработных была нами выделена на основе вопроса 17-го раздела 1Б. «Занятость» ежеквартальной анкеты ОБДХ, предлагающего самоидентифицировать себя респондентам, не работавшим или работавшим шесть и менее недель на протяжении последних трех месяцев.

Исследование материального положения безработных и их семей на основе микроданных ОБДХ в целом подтверждает гипотезу о том, что в России попадание в ряды безработных существенно увеличивает риск бедности, однако этот эффект неодинаков для разных категорий семей безработных.

Для анализа была разработана следующая классификация домохозяйств, позволяющая выделить типы домохозяйств с безработными, в разной степени затронутые бедностью, и сопоставить их с домохозяйствами, где нет безработных (схема 1).

Схема 1. Классификация домохозяйств

<table>
<tr><td>1. Домохозяйства без безработных</td><td colspan="3">2. Домохозяйства с безработными, в том числе:</td></tr>
<tr><td></td><td>3. Домохозяйства, где есть занятые и безработные, из них</td><td colspan="2">4. Прочие домохозяйства, из них</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td>5. Одинокие безработные</td><td>6. Прочие домохозяйства</td></tr>
<tr><td></td><td>7. Безработный – глава семьи</td><td></td><td>8. Безработный – глава семьи</td></tr>
<tr><td></td><td>9. Домохозяйства, где больше одного безработного</td><td></td><td>10. Домохозяйства, где больше одного безработного</td></tr>
<tr><td></td><td>11. Домохозяйства с безработными, получающими пособие по безработице</td><td></td><td>12. Домохозяйства с безработными, получающими пособие по безработице</td></tr>
</table>

По данным за 2002 г., домохозяйства, затронутые безработицей, составляли 3,8% всех домохозяйств и в них проживало около 5% населения. Для домохозяйств, не имеющих в своем составе безработных, среднедушевой валовой доход составлял 33 557 руб. в год (2796 руб. в месяц), среднедушевой денежный доход – 30 538 руб. в год (2545 руб. в месяц). Для домохозяйств с безработными оба показателя существенно ниже: 19 859 руб. в год (1655 руб. в месяц) и 16 635 руб. в год (1386 руб. в месяц) соответственно. Иными словами среднедушевой валовой доход в семьях безработных в среднем составлял менее 90% прожиточного минимума (87,3%), а среднедушевой денежный доход – менее ? прожиточного минимума (73,1%). При этом лишь 22,1% домохозяйств с безработными имеют пособие по безработице в составе источников доходов.

Важным фактором, влияющим на величину среднедушевого дохода, является уровень иждивенческой, прежде всего детской, нагрузки. Нагрузка пенсионерами менее обременительна для семьи, так как средний размер пенсии сопоставим с прожиточным минимумом, в то время как детское пособие составляет лишь около 5% прожиточного минимума ребенка. По данным ОБДХ, в домохозяйствах с уровнем детской нагрузки выше средней (0,28) душевые доходы были существенно ниже, чем в домохозяйствах с уровнем детской нагрузки ниже среднего. Следует отметить, однако, что в домохозяйствах с безработными эта разница была значительно более ощутима. Так, если в домохозяйствах, не затронутых безработицей, валовой душевой доход в домохозяйствах с детской нагрузкой ниже средней был в среднем выше на 27,6%, а денежный – на 29,6%, то в домохозяйствах, имеющих в своем составе безработных, – на 35,3% и 41,1% соответственно. При этом средние показатели как валового,

так и денежного душевого дохода для семей с детской нагрузкой выше средней, не имеющих в составе безработных, были выше, чем для домохозяйств с низкой детской нагрузкой, затронутых безработицей (табл. 1). В последней категории среднедушевой валовой доход едва достигает уровня прожиточного минимума. Таким образом, влияние фактора безработицы представляется более весомым по сравнению с фактором нагрузки детьми.

Таблица 1

Среднедушевой доход домохозяйств в зависимости от наличия в их составе безработных и коэффициента детской нагрузки, 2002 г., руб. в год (по данным ОБДХ)

Тип домохозяйства	Душевой валовой доход	Душевой денежный доход
Без безработных	**33 557**	**30 539**
с коэффициентом детской нагрузки >0,28	29 980	27 278
с коэффициентом детской нагрузки ?0,28	38 259	35 339
С безработными	**19 859**	**16 635**
с коэффициентом детской нагрузки >0,28	16 799	13 723
с коэффициентом детской нагрузки ?0,28	22 723	19 365

Более детальный анализ доходов различных типов домохозяйств с безработными позволяет выявить факторы, способствующие углублению бедности домохозяйств, и факторы, смягчающие бедность. Как видно из табл. 2, важнейшим фактором смягчения бедности является наличие в домохозяйстве работающих. В домохозяйствах, где имеются как занятые, так и безработные, среднедушевые доходы составляют около 60% от доходов домохозяйств, не затронутых безработицей, в то время как в домохозяйствах, где работающих нет, валовой душевой доход составляет менее 40%, а денежный – менее трети, соответствующих показателей для семей, не затронутых безработицей. По-видимому, в семьях без работающих безработица в значительно большей степени затрагивает потенциально первых работников, в наибольшей мере ответственных за материальное обеспечение домохозяйства.

Таблица 2

Основные показатели доходов домохозяйств с безработными и без безработных, 2002 г., % (по данным ОБДХ)

Тип домохозяйства	Валовой душевой доход*	Доля расходов на питание в валовом доходе	Денежный душевой доход*	Доля социальных трансфертов в денежных доходах	Доля пособия по безработице в денежных доходах
Домохозяйства без безработных	100,0	32,9	100,0	13,3	0
Домохозяйства с безработными	59,2	35,3	54,5	16,5	3,2
Из них:					
Домохозяйства, где есть занятые и безработные	63,7	34,1	59,5	11,9	2,5
В том числе:					
Домохозяйства, где глава семьи – безработный	57,0	35,5	51,4	23,8	12,4
Домохозяйства, где больше одного безработного	42,7	43,1	37,7	16,7	4,7
Домохозяйства, где безработные получают пособия	62,2	34,0	57,3	22,1	13,1
Домохозяйства, где нет занятых и есть безработные	39,3	43,6	32,6	53,0	8,6
В том числе:					
Домохозяйства, где глава семьи – безработный	40,1	43,6	33,2	30,2	16,4
Домохозяйства, где больше одного безработного	29,2	42,9	22,4	43,6	13,2
Домохозяйства, где безработные получают пособия	43,1	44,9	36,4	58,5	28,7
Одинокие безработные	84,6	40,9	75,2	23,0	15,1

* В % от показателя для домохозяйств без безработных.

Любопытно, что, согласно данным ОБДХ, самую благополучную категорию составляют одинокие безработные, демонстрирующие наименьшее отставание от домохозяйств, не затронутых безработицей, как по валовому, так и по денежному доходу. Для таких домохозяйств характерна относительно невысокая доля социальных трансфертов в структуре доходов, значительную часть которых (65,7%) составляет пособие по безработице, и наибольший разрыв валового и денежного дохода. По-видимому, значительную часть этой категории составляют люди, живущие отдельно от семьи, но не утратившие связь с ней и получающие регулярную материальную поддержку, в том числе и натуральной форме.

Наличие в домохозяйстве более одного безработного существенно усугубляет его материальное положение. Наибольшую глубину бедности демонстрируют домохозяйства, в составе которых нет занятых и более одного безработного (около 95 тыс. домохозяйств в рамках ОБДХ). Валовой душевой доход в таких домохозяйствах составляет в среднем менее трети от дохода домохозяйств, не затронутых безработицей, а по уровню денежного дохода наблюдается почти пятикратное отставание. В абсолютном выражении валовой душевой доход в домохозяйствах этого типа составляет 9805 руб. в год (817 руб. в месяц), денежный – 6833 руб. в год (569 руб. в месяц), т.е. немногим более четверти величины прожиточного минимума, и незначительно различается в зависимости от уровня детской нагрузки.

Целесообразно специально рассмотреть материальное положение домохозяйств, где безработный является главой, т.е. скорее всего, потенциально первым работником. Среди домохозяйств, в составе которых нет работающих, положение домохозяйств, где глава – безработный, в целом незначительно лучше, чем в среднем по этой категории. Для домохозяйств, в составе которых есть занятые, положение этой категории несколько хуже, чем в среднем, но менее бедственно, чем в семьях, где безработных несколько. Возможно, здесь играет роль то обстоятельство, что для данного типа домохозяйств значимо пособие по безработице. Доля этого пособия в денежном доходе здесь существенно выше, чем по всей совокупности домохозяйств с безработными.

Данные ОБДХ свидетельствуют, что наличие пособия по безработице в составе доходов домохозяйства является достаточно весомым фактором противодействия бедности. Домохозяйства, где безработные получают пособия, являются относительно более благополучным сегментом рассматриваемого сектора, хотя фактор получения пособия не может перевесить фактор наличия членов домохозяйства, имеющих доход от занятости. В домохозяйствах, где безработные получают пособие, на него приходится около половины общего объема социальных трансфертов. Доля пособия в денежном доходе составляет от 13% в домохозяйствах, где есть работающие, до 28,7% в домохозяйствах, где нет доходов от занятости. Однако в 2002 г. безработные получали пособие лишь в 22% домохозяйств. Поэтому в целом по совокупности семей, имевших в своем составе безработных, доля пособия в денежном доходе составляет лишь 3,2%.

Более равномерно распределено действие другого фактора смягчения бедности домохозяйств с безработными – наличие натуральных поступлений в бюджеты домохозяйств. По данным ОБДХ, некоторую часть различий в денежном доходе (5–7%) домохозяйствам с безработными удается компенсировать прежде всего за счет внутрисемейного производства сельскохозяйственной продукции для личного потребления. Среди домохозяйств, не имеющих в своем составе занятых, этот компенсационный механизм получил несколько большее развитие. Тем не менее он не играет решающей роли ни для одного типа домохозяйств и не в состоянии внести значимые позитивные изменения в сложившуюся ситуацию.

Необходимо также отметить, что подсобное производство в домашнем хозяйстве имеет очень низкую результативность. Согласно данным ОНПЗ, в весенне-летний период на производство продукции, предназначенной для собственного внутрисемейного потребления, в подсобном сельском хозяйстве затрачивается около 20% совокупного рабочего времени по экономике в целом. Полученная же в результате продукция составляет лишь 7–8% конечного потребления домохозяйств.

Доля социальных трансфертов в денежных доходах домохозяйств с безработными составляет в среднем 16,5%, что лишь на 3,2 процентных пункта выше соответствующей доли

для домохозяйств, не затронутых безработицей. В домохозяйствах, где нет работающих, трансферты образуют более половины денежных доходов, прежде всего за счет высокой доли пенсионных выплат. Следует отметить, что ни для одного типа домохозяйств, в том числе не имеющих в своем составе работников, доля социальных трансфертов не превышает 60% совокупного денежного дохода. Для тех домохозяйств без занятых, где глава – безработный, эта доля составляет менее трети. По-видимому, остальная часть денежного дохода формируется из двух основных источников – материальной поддержки родственников и доходов от подработки.

2. Исследование материального положения безработных на основе данных обследования ЦИРТ ИЭ РАН

Данные обследования социальной защищенности населения, проведенного в 2002 г. Центром исследований рынка труда и социальных процессов Института экономики РАН в трех регионах России (Москва, Ивановская область, Самарская область), позволяют дополнить анализ материального положения семей безработных. Выборка составляла 2316 человек, из которых 493 проживали в домохозяйствах, имевших в своем составе безработных на протяжении 12 месяцев, предшествовавших обследованию. Среднедушевой месячный доход в домохозяйствах без безработных составил 2331 руб., в домохозяйствах с безработными – 1737 руб.

Почти половина респондентов оценила финансовое положение своих семей как среднее. Однако более половины семей, члены которых испытали безработицу, оценивали свое положение как плохое и очень плохое, в то время как среди домохозяйств, не затронутых безработицей, такую оценку дали лишь около трети (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами финансового положения домохозяйства, 2002 г., % опрошенных (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Оценка респондента	Домохозяйства без безработных	Домохозяйства с безработными	Все домохозяйства
Очень хорошее, хорошее	7,8	4,7	7,2
Среднее	56,7	44,6	54,1
Плохое	31,8	44,4	34,5
Очень плохое	3,7	6,3	4,3

Обращает на себя внимание тот факт, что доля социальных трансфертов в доходах домохозяйств, не затронутых безработицей, существенно выше. Однако возможно это связано с тем, что в их структуре велика доля домохозяйств пенсионеров, не участвующих в отношениях рынка труда. Любопытно также, что в структуре доходов практически отсутствует помощь со стороны родственников (табл. 4).

Таблица 4

Структура доходов домохозяйств, 2002 г., % (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Вид дохода	Домохозяйства без безработных	Домохозяйства с безработными	Все домохозяйства
Личные доходы респондента	40	45	41
Доходы членов семьи	34	40	35
Социальные пособия	24	14	22
Помощь родственников	1	1	1
Другие доходы	0,2	0,4	0,3

Данные табл. 5 позволяют ценить остроту бедности с точки зрения возможности удовлетворения базовых потребностей в оценке респондентов. В целом среди домохозяйств, затронутых безработицей, доля испытывающих недостаток средств для удовлетворения потребностей в нормальном питании, одежде, оплате жилья и медицинском обслуживании, превышает соответствующую долю среди домохозяйств, не имевших в своем составе безработных, на 5–10 процентных пунктов. Наибольший разрыв наблюдается при оценке удовлетворенности потребности в одежде, наименьший – в медицинском обслуживании.

Таблица 5

Удовлетворенность базовых потребностей в зависимости от типа домохозяйства, 2002 г., % опрошенных (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Оценка удовлетворенности потребности	В продуктах питания	В оплате жилья	В медицинском обслуживании	В одежде
Домохозяйства без безработных				
Достаточно	61,8	74,2	44,4	29,8
Недостаточно	37,5	24,7	50,7	67,9
Затрудняюсь ответить	0,7	1,1	4,9	2,3
Домохозяйства с безработными				
Достаточно	55,3	68,9	39,5	20,3
Недостаточно	44,3	30,2	55,2	77,3
Затрудняюсь ответить	0,4	0,8	5,3	2,4

При ответе на вопрос о доступных источниках финансовой помощи в случае возникновения серьезных затруднений мнения респондентов, проживающих в различных типах домохозяйств, не демонстрируют серьезных различий. Наиболее значимыми источниками выступают помощь родственников, а также заработки и подработки других членов семьи (табл. 6). Примерно 16–17% домохозяйств рассчитывают на социальные выплаты государства, около 13% указали, что им не на кого и не на что положиться. В домохозяйствах, не затронутых безработицей, вдвое более существенную роль играют сбережения, однако доля респондентов, назвавших этот источник, невелика (6%).

Таблица 6

Главный источник финансовой помощи в случае непредвиденных трудностей, 2002 г., % опрошенных (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Источник финансовой помощи	Домохозяйства без безработных	Домохозяйства с безработными
Социальные выплаты государства	17,3	16,6
Поддержка родственников	33,1	35,5
Поддержка друзей и соседей	5,2	6,9
Материальная помощь предприятия	1,5	1,8
Заработки других членов семьи	18,3	14,6
Подработки других членов семьи	1,6	2,2
Дети пойдут работать	1,2	1,8
Сбережения	6,1	3,2
Продажа имущества	1,5	2,2
Получение денег в кредит, в долг	0,8	1,0
Поддержка негосударственных учреждений	0,1	–
Не на что и не на кого полагаться	12,8	13,6
Сдача жилья в аренду	0,1	–
Пойду работать, буду подрабатывать	0,3	0,4
Подсобное хозяйство	0,1	–

Информативными индикаторами устойчивости материального положения домохозяйства являются, с одной стороны, возможность делать сбережения, с другой – наличие долгов, а также задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг. В целом по выборке полностью исключают для себя возможность делать сбережения около 60% домохозяйств. Среди домохозяйств, затронутых безработицей, этот показатель достигает 70%. Доля домохозяйств, имеющих сбережения, составляет 15% для домохозяйств без безработных и менее 10% для домохозяйств с безработными.

В целом домохозяйства, затронутые безработицей, чаще вынуждены прибегать к одалживанию денег как на регулярной основе, так и от случая к случаю (табл. 7). Среди таких домохозяйств доля имеющих долги на момент опроса в полтора раза, а доля имеющих задолженность по оплате жилья и коммунальным платежам вдвое выше, чем среди домохозяйств без безработных (табл. 8, 9). В то же время среди таких домохозяйств выше и доля тех, которым некуда обратиться в случае финансовых затруднений. Таким образом, эта категория домохозяйств находится в наиболее уязвимом положении.

Таблица 7

Практика одалживания денег, 2002 г., % опрошенных (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Берут в долг	Домохозяйства без безработных	Домохозяйства с безработными	Все домохозяйства
Регулярно	1,4	5,1	2,2
От случая к случаю	8,4	10,5	8,9
В исключительных случаях	16,9	14,2	16,3
Брал бы, да не у кого	4,5	7,1	5,1
Никогда	54,7	46,9	53,1
От зарплаты до зарплаты	12,9	15,6	13,5
Затрудняюсь ответить	1,2	0,6	1,0

Таблица 8

Наличие долгов на момент опроса, 2002 г., % опрошенных
(обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Наличие долгов	Домохозяйства без безработных	Домохозяйства с безработными	Все домохозяйства
Есть	28,5	45,8	32,6
Нет	66,5	48,0	62,2
Затрудняюсь ответить	5,0	6,2	5,3

Таблица 9

Наличие задолженности за жилье и по коммунальным платежам, 2002 г., % опрошенных (обследование ЦИРТ ИЭ РАН)

Наличие задолженности	Домохозяйства без безработных		Домохозяйства с безработными	
	За жилье	По коммунальным платежам	За жилье	По коммунальным платежам
Есть	8,1	7,5	17,8	16,0
Нет	89,5	90,4	79,3	81,9
Затрудняюсь ответить	1,8	1,9	2,2	2,0

Уязвимость материального положения домохозяйств заставляет безработных активно искать возможности для подработки, хотя бы на нерегулярной основе. По данным обследования, в течение месяца, предшествовавшего опросу, подрабатывали (в основном от случая к случаю) около трети безработных. Это почти вдвое выше, чем соответствующий показа-

тель для занятых. Более 60% безработных выразили желание подрабатывать (среди занятых около 40%), причем практически все изъявившие такое желание активно искали возможности подработки.

3. Социальная поддержка безработных

Бедственное положение большинства семей, затронутых безработицей, требует усиления внимания к этой проблеме со стороны государства. Действующая в России с начала 1990-х годов система материальной поддержки безработных была изначально неэффективна, а по мере роста уровня и увеличения продолжительности безработицы перестала выполнять свою основную задачу – поддержание уровня жизни безработных на социально приемлемом уровне, позволяющем им сосредоточиться на активном поиске работы. Подавляющая часть фактически безработных граждан не получает от государства ни материальной поддержки, ни реальной помощи в трудоустройстве.

По формальным критериям получить пособие по безработице имеют право все граждане, не имеющие работы и желающие работать. Для этого достаточно зарегистрироваться в службе занятости в качестве безработного. При расчете уровня охвата безработных пособиями Министерство труда России оперирует данными о регистрируемой безработице. В соответствии с этими данными, пособия назначаются более чем 90% безработных (в 1999 г. – 91,1%, в 2002 г. – 97,8%), обратившихся в службы занятости и получивших соответствующий статус (табл. 10). Фактически, однако, уровень охвата системой пособий по сравнению с развитыми странами и странами с переходной экономикой в России значительно ниже.

Таблица 10

Охват безработных пособиями, 1992–2002 гг., %

Уровень, рассчитанный на основе	1992	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2001	2002
регистрируемой безработицы	64,2	77,0	85,2	87,1	90,4	88,6	91,1	н.д.	97,8
общей безработицы	10,3	41,5	48,9	52,2	36,2	31,3	23,5	12,3	19,6

Источник. Рассчитано на основе данных обследования рабочей силы и данных Формы 2-Т «Трудоустройство» за соответствующие годы.

Дело в том, что в соответствии с международными стандартами (по методологии МОТ) при оценке охвата безработных пособиями должна учитываться общая численность безработных. В этом случае картина принципиально меняется: Россия оказывается в числе стран с низкими показателями охвата пособиями, в то время как такие страны, как Венгрия, Польша, Чехия и Эстония – на уровне развитых стран. Так, в России в 2001 г. показатель охвата безработных пособиями составил 12,3%, в 2002 г. – 19,6%, в отличие от 74,2% в Германии (1999), 71,4% в Венгрии (1997), 40,6% в Великобритании (1999), 41,2% в Польше (1997) (Standing , 2000. P. 33).

Низкий уровень охвата безработных пособиями связан, в частности, с несовершенством действующего российского законодательства о занятости и особенностями его применения на практике. Анализ данных административной статистики служб занятости позволяет сделать ряд важных наблюдений и выводов.

Во-первых, статус безработного получают не все граждане, обращающиеся в службы занятости с соответствующей целью. Если в 1994 г. доля граждан, не занятых трудовой деятельностью и обратившихся в службу занятости в поиске работы, которым удалось получить статус безработного, составляла 89,3%, то затем она довольно быстро снизилась – до 73,7% в 1997 г. и 60,3% в 2002 г.

Во-вторых, не все безработные, которым присвоен соответствующий статус, становятся получателями пособия по безработице. В отдельные годы по тем или иным причинам 10–20% зарегистрированным безработным пособия не назначались. Так, в 1995 г. пособие не было назначено13,8% лиц, имевших статус безработного, в 1999 – 11,2%, в 2000 г. – 14,4%.

В-третьих, не все безработные, имеющие официальный статус и право на пособие, получают пособие по безработице. Данные показывают, что от 5 до 10% безработных, имевших право на пособие, его не получали. Причины расхождения данных о численности регистрируемых безработных и численности безработных, которым назначено пособие, существующей статистикой не отражаются.

Реальные причины неназначения и невыплат пособий при наличии соответствующих прав удалось выяснить, в частности, в ходе обследований ЦИРТ ИЭ РАН. К их числу относятся следующие.

1) Приостановка выплат пособий в первые месяцы регистрации из-за увольнения по статьям КЗоТ. В соответствии с Законом, службы занятости имели право приостанавливать выплату пособия сроком до трех месяцев, но такое решение должно было приниматься в каждом конкретном случае индивидуально по каждому безработному. Несмотря на это, в период кризиса Фонда занятости практически всем «нарушителям» КЗоТа пособие не выплачивалось, даже если у безработного и его семьи не было иных источников доходов.

2) Опоздание безработного на перерегистрацию. Формально эта причина в Законе о занятости называется «нарушением сроков перерегистрации» и может караться не столько приостановкой, сколько сокращением размера выплачиваемых пособий. Тем не менее в кризисные годы службы занятости прибегали к крайним мерам и могли с первых же месяцев пособие не выплачивать.

3) Отсутствие подтверждения безработным своей активности в поиске работы. Здесь службы занятости максимально использовали определение безработного как человека, не только не имеющего, но и активно ищущего работу. Для подтверждения факта активного поиска во второй половине 1990-х годов большинство региональных служб занятости ввело так называемые планы поиска работы, в соответствии с которым безработный обязан ежедневно обращаться к работодателю и подтверждать обращение в плане. Дважды в месяц безработный, обращающийся в службы занятости за продлением статуса и права на пособие, должен был представить план поиска работы, а работник службы определял степень активности поиска работы и принимал решение о продолжении выплаты пособия по безработице. Следует отметить, что в Законе о занятости понятие «план поиска работы» отсутствует, и введение обязательного заполнения такого плана в качестве условия получения пособия можно расценивать как самодеятельность региональных служб.

К другим существенным принципам российской системы материальной поддержки безработных относятся отсутствие различий в уровне пособий безработных, имеющих различную продолжительность трудовой деятельности. Система по существу уравнивает безработных с длительным стажем работы и безработных, недавно вышедших на рынок труда. Различия установлены только для граждан, имеющих в настоящее время более чем двадцатилетний стаж работы или имеющих право на льготную пенсию. Но эти различия касаются не размера пособия, а продолжительности его выплаты. Таким образом, система игнорирует различия в продолжительности участия названных категорий безработных в формировании средств на выплату пособий, будь то страховой фонд или статьи государственного бюджета, формируемые за счет налоговых платежей работающих граждан. Система также не проводит различий между никогда не работавшими гражданами и низкооплачиваемыми категориями работников, расчетная величина пособия которых после первых трех месяцев безработицы составляет минимальную заработную плату. В этом случае также не принимается в расчет продолжительность участия в формировании средств.

При назначении пособия не учитывается степень напряженности на региональных рынках труда, измеряемой по таким показателям, как региональный уровень общей безработицы и продолжительность поиска работы. Период оплачиваемой занятости, необходимый для получения страхового пособия, установлен на едином уровне для всех регионов – 26 недель. Продолжительность выплаты пособия также едина для всех безработных, вне зависимости от региона проживания – 12 месяцев в суммарном исчислении в течение 18 календарных месяцев. Между тем известно, что возможности трудоустройства, в том числе и через службу занятости, в различных регионах страны неодинаковы. Так, в Мурманской области, где уро-

вень общей безработицы превышает 14%, средняя продолжительность поиска работы составляет более 11 месяцев; в Москве же и уровень безработицы, и продолжительность поиска работы втрое ниже (Обследование..., 2000. С. 288, 294).

Двойственность подходов к выплате пособий по безработице не вызывала бы возражений, если бы, во-первых, механизм действия каждой из систем (страховой и социального вспомоществования) нашли четкое законодательное оформление, а во-вторых, финансирование каждой из систем осуществлялось из различных источников. Отсутствие данных условий стало причинами того, что на практике размеры и страховых (расчетных), и социальных пособий, а также продолжительность их выплат для подавляющей доли безработных не обеспечивают простого воспроизводства рабочей силы и априори дезавуируют стимулирующую функцию страховых пособий

На протяжении последнего десятилетия примерно половина регистрируемых безработных устойчиво получает минимальное пособие по безработице (табл. 11). При этом во многих регионах данный показатель в полтора и более раз превосходит среднероссийский. Как отмечалось выше, группу безработных, получающих пособие в минимальном размере, могут пополнять категории работников с большим стажем работы, но низкой заработной платой. Так, безработный, заработная плата которого на последнем месте работы превышала минимальную не более чем в 1,3 раза, будет получать пособие в минимальном размере с первых дней, в 1,66 раза – по истечении трех месяцев, а в 2,22 раза – через полгода. Официальная статистика не позволяет даже примерно определить долю таких лиц среди зарегистрированных безработных.

Таблица 11

Соотношение минимального пособия по безработице и некоторых показателей уровня жизни населения, 1993–2002 гг.

Год	Доля безработных, получающих минимальное пособие среди зарегистрированных безработных*	Отношение минимального пособия по безработице к		
		Прожиточному минимуму человека в трудоспособном возрасте	Средней заработной плате	Средне душевым доходам
1993	–	26,9	10,4	13,5
1994	–	20,3	8,0	8,5
1995	49,2	16,1	9,0	8,2
1996	47,3	19,7	9,2	9,6
1997	47,0	20,3	8,8	9,0
1998	47,6	16,9	7,9	8,6
1999	48,1	8,3	5,3	3,5
2000	51,0	3,5	–	–
2001	48,2	20,0**	–	–
2002	52,2	20,0**	–	–

* До 1995 г. такой показатель не рассчитывался.

** Для регионов, где утвержден прожиточный минимум.

Источник. Рассчитано по данным, полученным в Госкомстате и Министерстве труда и социального развития РФ за 1993–2002 гг.; Социальное положение, 1999. С. 20–21.

Можно предположить, что дифференциация величины пособий по регионам достигает десятикратной величины. Согласно нашим расчетам, доля безработных, получавших страховое пособие, также сильно варьируется по регионам. Она выше в регионах с уровнем регистрируемой безработицы ниже среднероссийского показателя, и меньше в регионах с высоким уровнем безработицы. Существует статистически значимая обратная связь между уровнем безработицы и долей безработных, получающих расчетное пособие.

За исключением самых общих данных о средних выплатах на одного безработного, ни Министерством труда, ни Госкомстатом России не публикуются данные ни о размере пособий, ни о структуре получателей пособия, ни о продолжительности их выплат. До последнего времени официальная информация о численности безработных, получающих минимальные выплаты, не предоставлялась. Однако есть основание полагать, что доля последних была очень велика, особенно в бедных регионах.

До последнего времени отсутствовала и информация о соотношении пособий по безработице с величиной прожиточного минимума. По нашим оценкам, реальное соотношение минимального пособия с прожиточным минимумом до недавнего времени составляло не более 8%. Начиная с 2002 г. в результате введения официального прожиточного минимума в большинстве субъектов Российской Федерации ситуация с выплатой пособий по безработице несколько улучшилась, его минимальный размер существенно вырос (по оценкам специалистов Минтруда России – в два–четыре раза). В связи с этим Минтруд России провел обследование безработных граждан, получающих пособие по безработице по размерам назначаемых выплат. Согласно данным обследования, для 50% получателей минимального пособия его размер составлял 300–400 руб. в месяц, для 32% – 400–800 руб., для 17% – менее 300 руб. Что касается получателей расчетного пособия, для четверти из них его размер составлял 200–800 руб., еще 20% получали от 800 до 1200 руб. в месяц.

В итоге, несмотря на существенное увеличение размера пособий по сравнению с предшествующим периодом, у большей части охваченных пособиями безработных (89%) их размер был зафиксирован намного ниже среднероссийского прожиточного минимума. Таким образом, размер пособия по безработице для подавляющей части безработных не обеспечивает даже простого воспроизводства рабочей силы, что свидетельствует не только об отсутствии страхового возмещения потерянного заработка, но и об утрате основной социальной функции пособия. Кроме того, увеличение размеров минимальных пособий происходило за счет перераспределения фиксированного объема выделяемых ресурсов, а потому сопровождалось недофинансированием программ активной политики занятости.

В теоретических разработках о принципах определения пособий по безработице часто указывается на дестимулирующий характер высоких и продолжительных социальных выплат. При этом отмечается, что это не только лишает человека стимулов к поиску работы, но и увеличивает уровень его притязаний к зарплате на новом рабочем месте. Думается, что эта проблема менее всего относится к нашей стране, поскольку притязания российских безработных ниже уровня средней заработной платы по региону, а большинство из них готовы выполнять работу, законодательно признанную неподходящей.

Соотношение средних выплат на одного безработного со средней заработной платой свидетельствует о том, что практически любому работающему гражданину выгоднее работать, чем добиваться скудного пособия у государства. Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что «пик популярности» службы занятости пришелся на 1997 и 1998 гг., т.е. на период обострения проблемы невыплат пособий по безработице, а падение популярности – на 2000 г., когда проблема задолженности по пособиям была решена. Это является достаточно убедительным опровержением распространенного тезиса о том, что безработные обращаются в службу занятости исключительно в целях получения пособия.

Исследование сложившейся на сегодняшний день системы материальной поддержки безработных позволило выявить ее основные проблемы и направления реформирования. Сегодня признание гражданина безработным ставится в прямую зависимость от права на пособие по безработице. Это позволяет манипулировать, в том числе и с помощью Закона о занятости, порядком и процедурой присвоения статуса безработного, а также менять численность и состав регистрируемых безработных.

Преодоление указанных выше дефектов системы пособий по безработице возможно лишь на основе совершенствования законодательного регулирования данной системы и изменения принципов ее финансирования. На наш взгляд, необходимо внести изменения в Закон о занятости, разделив право на получение статуса безработного и право на полу-

чение страхового пособия в случае наступления риска потери работы. Разделение права на статус безработного и права на пособие существенно ослабит стимулы для искусственного регулирования официальной безработицы административными методами. За счет этого возрастет объективность статистических данных об уровне безработицы, собираемых через отчетность служб занятости, что позволит получать более полную и объективную информацию о реальных потоках на рынке труда и приблизить ее к международным стандартам.

Правом на получение статуса безработного должны, безусловно, обладать все граждане, не имеющие работы, ищущие работу и готовые к ней приступить. В то же время право на страховое пособие целесообразно предоставлять только тем из них, кто имел оплачиваемую занятость в период, предшествующий безработице, и участвовал в формировании средств соответствующего страхового фонда. Обе категории безработных (имеющие и не имеющие право на страховое пособие по безработице) должны иметь доступ к услугам, гарантированным Законом о занятости, и к активным программам, осуществляемым службами занятости. Такая концепция вытекает из нашего понимания защиты от безработицы как одного из базовых элементов не только социальной, но и экономической политики, способного при грамотном применении в немалой степени содействовать процессу реструктуризации занятости.

Предлагаемый нами подход к организации материальной поддержки безработных на последовательно страховой основе может быть подвергнут критике. В случае безусловной увязки предоставления права на пособие с предшествующей занятостью за пределами прямой материальной поддержки может оказаться значительная часть зарегистрированных безработных (по нашим оценкам, более 40%). Отметим, что этот тревожный прогноз разделяет большинство директоров региональных служб занятости, отмечающих, что лишение пособия этой достаточно значительной части населения будет означать резкое падение их уровня жизни.

С такой критикой, однако, трудно согласиться. Во-первых, применительно к данной категории безработных речь не идет об утрате дохода от занятости, а значит, не стоит и вопрос о компенсации потерянного дохода. Поэтому материальную поддержку этих безработных в случае необходимости следует осуществлять через механизм государственных программ социальной помощи, финансируемых из государственного бюджета. Во-вторых, эта категория безработных не выпадает полностью из национальной системы поддержки безработных, поскольку на нее в полной мере распространяется доступ к активным программам занятости. Иными словами, государственная политика поддержки безработных ориентирована как на граждан, имеющих право на страховое пособие, так и на не имеющих такого права.

Вопреки международной практике, закрепленной в правовых документах МОТ, в России на протяжении последних десяти лет наблюдался отход от системы страхования от безработицы и постепенный переход к гарантированному социальному минимуму, дифференцированному для различных категорий безработных по продолжительности выплаты.

Возможность такого отхода обусловлена двойственностью критериев предоставления различных по своему предназначению пособий по безработице – страховых и социальных при едином источнике их финансирования. На практике это привело к снижению охвата безработных всеми видами пособий, сокращению размера пособий, прежде всего страховых, изменению соотношения между страховыми и нестраховыми принципами предоставления пособий в пользу последних. В системе выплат пособий, заложенной в Законе, изначально содержатся дискриминационные механизмы в отношении безработных, имевших оплачиваемую занятость.

Законодательная практика регулирования системы выплат пособий была направлена на сужение круга лиц, охваченных страховой системой. Снижение размера страховых выплат по безработице обеспечивалось путем снижения максимальной величины пособия по безработице. Если на первых этапах его уровень определялся в соответствии с размером средней

заработной платы по России, то впоследствии таким ориентиром стал региональный прожиточный минимум. Был сокращен и период выплат пособия отдельным категориям безработных, охватываемых страховой системой. Резервным механизмом, использование которого позволяет дополнительно сокращать расходы на выплату пособий по безработице и фактически полностью отказаться от страховых принципов выплаты пособий, может стать лишение права на страховое пособие безработных, уволившихся по собственному желанию, или снижение размера их страховых выплат до уровня пособий тех безработных, которые не охватываются страховой системой.

Законодательные основы для отхода от страховых принципов выплаты пособий начали реализовываться в период финансового кризиса Фонда занятости, а заключительным этапом стал переход с 2001 г. на финансирование материальной поддержки безработных из федерального бюджета. Решения были направлены на постепенное сведение всех пособий по безработице к единому фиксированному социальному стандарту – прожиточному минимуму. В редакции Закона о занятости 1999 г. максимальный размер пособия зафиксирован на уровне прожиточного минимума, минимальные размеры также привязаны к прожиточному минимуму (пока в процентах от него, но с перспективой увеличения до его полного размера). Вместе с тем централизация средств на выплату пособий сыграла положительную роль, ликвидировав практику многолетних задержек пособий по безработице и обеспечив регулярность их выплат.

Основным способом апробации планируемых на федеральном уровне законодательных инициатив по ужесточению системы выплаты пособий оказываются региональные законодательные инициативы и конкретная политика регионов, противоречащие действующему федеральному законодательству. В период дефицита финансовых ресурсов государство использует в качестве «пробных шаров» реализацию противозаконных решений органов законодательной власти субъектов Федерации. Открытые нарушения Федерального Закона о занятости, практиковавшиеся региональными органами службы занятости с молчаливого согласия Министерства труда, ставшие предметом массовых судебных разбирательств и выигранных безработными судебных исков во второй половине 1990-х годов, впоследствии (в 1999 г.) были законодательно закреплены в Законе о занятости.

Следствием отхода от страховой системы выплат пособий по безработице стала утрата основной социальной функции государственной службы занятости – содействия в трудоустройстве безработных граждан. Ужесточение условий предоставления страхового пособия по безработице приводило к смещению акцента в работе государственной службы с безработных категорий населения (не имеющих работы граждан, ищущих работу через службы занятости) на категории, не претендующие на статус безработного и на пособия. На общем фоне снижения численности обращающихся в службы структура обратившихся менялась в пользу занятого населения (имеющих занятость, учащихся, подростков и т.п.). Принятие поправок к Закону о занятости в 1999 г. привело к сокращению регистрации в службах занятости прежде всего безработных, имевших оплачиваемую занятость до обращения в службы занятости, а также «неперспективных» с точки зрения трудоустройства безработных: выпускников школ и ПТУ. Многие из них без соответствующей подготовки и переподготовки легко могут перейти в категорию длительных безработных.

Механизмы социальной помощи безработным, содержащиеся в Законе о занятости, противоречивы. Они сочетают принципы страховой системы, социальной поддержки безработных (социальные пособия по безработице), адресной социальной помощи семьям безработных в зависимости от наличия иждивенцев и доходов семьи, а также разовой материальной помощи, которая зависит от наличия средств, имеющихся в распоряжении органов службы занятости (до 2001 г. – от размера средств Фонда занятости, а затем – от возможностей федерального бюджета). В условиях ограниченности ресурсов, экономия социальных выплат достигается за счет снижения претендентов на эти выплаты, прежде всего длительно безработных.

4. Заключение

Исследование показало, что безработица является мощнейшим фактором бедности. Среднедушевой валовой доход в домохозяйствах, имеющих в своем составе безработных, почти вдвое ниже, чем в домохозяйствах без безработных, и в среднем составляет менее 90% прожиточного минимума. Семьи с безработными отличаются более низким, чем все семьи, продовольственным потреблением и более высоким недопотреблением относительно норм, минимально необходимых для поддержания здоровой жизнедеятельности.

Попадание в ряды безработных существенно увеличивает риск бедности, однако эффект этот неодинаков для разных категорий семей безработных. Важнейшим фактором смягчения бедности является наличие в домохозяйстве работающих. В то же время наличие в домохозяйстве более одного безработного существенно усугубляет его материальное положение. Наибольшую глубину бедности демонстрируют домохозяйства, в составе которых нет занятых и более одного безработного.

Данные ОБДХ свидетельствуют, что наличие пособия по безработице в составе доходов домохозяйства является достаточно весомым фактором противодействия бедности. Домохозяйства, где безработные получают пособия, являются относительно более благополучным сегментом рассматриваемого сектора, хотя фактор получения пособия не может перевесить фактор наличия членов домохозяйства, имеющих доход от занятости. В домохозяйствах, где безработные получают пособие, на него приходится около половины общего объема социальных трансфертов. Однако в 2002 г. лишь 22% домохозяйств с безработными имели пособие по безработице в составе источников доходов. Это обстоятельство наглядно свидетельствует о неправомерности рассчитывать уровень охвата пособиями исходя из данных о регистрируемой безработице. Домохозяйства, в составе которых имеются «неофициальные» безработные, в среднем находятся в более уязвимом положении.

Факторами смягчения бедности домохозяйств с безработными являются натуральные поступления от внутрисемейного производства сельскохозяйственной продукции и неформальная занятость безработных (в основном это нерегулярные подработки). Однако ни один из этих факторов не в состоянии существенно изменить ситуацию.

Внутрисемейное производство позволяет компенсировать 5–7% различий в денежном доходе домохозяйств с безработными и без безработных. Причем среди домохозяйств, не имеющих в своем составе занятых, этот компенсационный механизм получил несколько большее развитие. Тем не менее он не играет решающей роли ни для одного типа домохозяйств.

Результаты независимых исследований свидетельствуют о довольно широком распространении среди безработных неформальной занятости, преимущественно на нерегулярной основе. Численность подрабатывающих безработных существенно превышает численность получателей пособий. Однако нерегулярная занятость, частично компенсирующая потерю стабильного дохода, не только не решает основной проблемы – доступа к стабильной занятости, но и служит препятствием в процессе поиска подходящего рабочего места.

Доля социальных трансфертов в денежных доходах домохозяйств с безработными составляет в среднем 16,5%, что лишь на 3,2 процентных пункта выше соответствующей доли для домохозяйств, не затронутых безработицей. В домохозяйствах, где нет работающих, трансферты образуют более половины денежных доходов, прежде всего за счет высокой доли пенсионных выплат. Следует отметить, что ни для одного типа домохозяйств, в том числе не имеющих в своем составе работников, доля социальных трансфертов не превышает 60% совокупного денежного дохода. Для домохозяйств, возглавляемых безработным и не имеющих в своем составе работников, соответствующая доля составляет менее трети. По-видимому, остальная часть денежного дохода формируется из двух основных источников – материальной поддержки родственников и доходов от подработки. Однако, как показывают результаты независимых исследований, помощь родственников и денежные сбережения достаточно редко служат компенсацией снижения уровня жизни таких семей.

Действующая в России с начала 1990-х годов система материальной поддержки безработных была изначально неэффективна, а по мере роста уровня и увеличения продолжительности безработицы перестала выполнять свою основную задачу – поддержание уровня жизни безработных на социально приемлемом уровне, позволяющем им сосредоточиться на активном поиске работы.

Литература

Обследование населения по проблемам занятости. Февраль 2000. М.: Госкомстат РФ, 2000.

Социальное положение и уровень жизни населения России. Официальное издание. М.: Госкомстат России, 1999.

Standing G. "Unemployment Benefits and Income Security". Discussion paper prepared for Geneva 2000: Follow-up to the World Summit on Social Development. – ILO: 2000.

Приложение. Возможные направления гармонизации ОНПЗ и ОБДХ

Данные обследования населения по проблемам занятости и обследования бюджетов домашних хозяйств в том виде, в котором они агрегируются и представляются сегодня, не дают практически никаких возможностей для сопоставления. Однако принципиальная возможность сопоставления некоторых данных ОНПЗ и ОБДХ на аналитическом уровне не исключена.

В этой связи принципиальное значение имеет схожесть подхода к формированию выборки обоих обследований. Несмотря на то, что при обработке и представлении результатов ОНПЗ за основу берутся микроданные по отдельным респондентам, это обследование, как и ОБДХ, представляет собой обследование домохозяйств (ОБДХ собирает информацию по всем членам домохозяйств, ОНПЗ – по лицам в возрасте от 15 до 72 лет). И в том и в другом случае используется двухступенчатая вероятностная выборка, построенная по территориальному принципу и стратифицированная с учетом структурных особенностей населения по аналогичным социально-демографическим признакам. В качестве генеральной совокупности при отборе выступают все типы домашних хозяйств за исключением коллективных, т.е. не обследуются лица, проживающие в общежитиях, школах-интернатах, домах-интернатах для престарелых и других институциональных заведениях, монастырях и прочих коллективных жилых помещениях. Информационной базой в обоих случаях служат данные микропереписи населения 1994 г. Начиная с 2005 г. в качестве основы выборки будут использоваться материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. Обе выборки применяют в качестве группировочных признаков размер домохозяйства, принадлежность жилого помещения, а для членов домохозяйства – пол, возраст, источник средств существования, образование, национальность. Таким образом, в принципе сопоставление данных обследований с методологической точки зрения вполне правомерно.

Для практической реализации возможности перехода от одного обследования к другому необходимо формирование блока ключевых переменных, общего для обоих обследований. По нашему мнению, наиболее приемлемый путь здесь – преобразование структуры базы микроданных ОНПЗ. Как уже отмечалось, сбор информации о занятости и безработице в рамках ОНПЗ проводится путем опроса населения в домашних хозяйствах. Далее в процессе компьютерной обработки материалов обследования на региональном уровне создаются три базы данных: 1) микроданных обследованных лиц, 2) домашних хозяйств, участвующих в обследовании, 3) регламентных таблиц и публикационных бюллетеней.

Сегодня на федеральном уровне база данных домохозяйств, участвующих в ОНПЗ, не формируется и не используется при представлении результатов обследования. При этом база микроданных обследованных лиц содержит не только возраст, пол, гражданство, семейное положение, уровень образования респондентов, т.е. их индивидуальные характеристики, но и сведения о составе домохозяйств, к которым они принадлежат (общее число членов домохозяйства, родственные отношения в домохозяйстве). Однако эта информация не находит практически никакого отражения в итоговых таблицах, публикуемых в статистических бюллетенях, доступных широкому потребителю.

В этой связи представляется оправданным формировать базу данных обследуемых домохозяйств не только на региональном, но и на федеральном уровне и разрабатывать на основе уже сегодня собираемых в рамках ОНПЗ данных ряд таблиц, характеризующих вовлеченность в экономическую деятельность на уровне семьи. Это позволило бы 1) более полно использовать накапливаемую информацию (в частности выделить семьи, где безработные являются потенциально первыми и потенциально вторыми работниками; семьи, не имеющие доходов от занятости; семьи с потенциально высоким риском бедности, например неполные); 2) создать основу для сопоставления ОБДХ и ОНПЗ, пользуясь которой возможно было бы сопоставить, прежде всего, стратегии потребления и стратегии на рынке труда различных типов семей.

В качестве опорной точки при формировании базовых таблиц может быть использована социально-демографическая типология домохозяйств. При этом наличие федеральной базы

данных обследуемых домохозяйств дало бы возможность вычленения характеристик домохозяйств и на основе других критериев (например, домохозяйства, затронутые безработицей).

Для решения задач данного проекта (измерения бедности безработных и их семей) в качестве центральной переменной идеально было бы использовать показатель безработного населения. В этом случае данные ОБДХ об уровне и структуре потребления семей с безработными могли бы быть дополнены данными ОНПЗ о причинах попадания в ряды безработных, длительности безработицы, стратегиях поиска работы, в зависимости от возраста, пола, типа домохозяйства, где проживает безработный, от того, является он/она первым или вторым работником и т.д.

К сожалению, при существующих методиках классификации респондентов по статусу экономической активности, применяемых ОНПЗ и ОБДХ, такой подход не вполне правомерен. ОНПЗ в соответствии с поставленными перед ним задачами фиксирует статус экономической активности на момент обследования и представляет моментальный снимок, застывший срез структуры населения по состоянию на момент опроса (контрольная неделя). Для целей ОБДХ принципиально важно определить соответствующий статус на протяжении длительного временного интервала, в течение которого отслеживаются расходы и структура потребления в домохозяйстве. Поэтому ОБДХ оперирует показателями «обычно экономически активное/неактивное», «обычно занятое», «обычно безработное» население, также разработанными и признанными в МОТ, однако не совпадающими со стандартными определениями занятости и безработицы. Таким образом, в качестве безработных в двух обследованиях будут классифицированы отличающиеся категории респондентов. Аналогично разные категории респондентов будут отнесены этими двумя обследованиями к категориям занятых и экономически неактивных.

Следует подчеркнуть, что выбор методики классификации респондентов по статусу экономической активности в каждом из обследований продиктован поставленными перед ним ключевыми задачами, согласуется с ними, а потому вряд ли целесообразно его кардинальное изменение.

Раздел 1Б. «Занятость» квартальной анкеты ОБДХ (2002 г.) подлежит некоторой корректировке. Вопросы 11–15 этого раздела структурированы таким образом, что часть реально безработных респондентов может быть ошибочно отнесена к категории занятых еще до ответа на вопрос о самоидентификации. Так, в число безработных не попадут респонденты, имевшие формальную занятость на протяжении контрольного периода, но пребывавшие без работы большую часть времени (или даже в течение всего периода) по причине, например, неоплачиваемого административного отпуска или отсутствия клиентов, заказов и занимавшиеся активным поиском нормально оплачиваемой работы. Для того чтобы избежать неоправданного отсева части референтной группы (безработные), следует убрать переход от вопроса 12 к вопросу 16. Это позволит уловить фактически безработных респондентов, сохранивших формальную непрерывную связь с прежним рабочим местом. Такие фактически безработные респонденты улавливаются в рамках ОНПЗ (в значительной мере уже в процессе автоматической корректировки).

В случае ОНПЗ, безусловно, представлял бы интерес сбор дополнительной ретроспективной информации об изменении статуса экономической активности респондентов, наличии у них перерывов в занятости (вынужденных и добровольных). Это позволило бы, с одной стороны, вычленить категорию семей, члены которых испытали безработицу на протяжении определенного периода времени в прошлом, с другой – получить данные о сравнительно малоисследованных аспектах российского рынка труда. Известно, что наряду с проблемой длительной непрерывной безработицы во многих современных экономиках актуальна проблема повторяющейся безработицы. Люди, оказывающиеся в рядах безработных несколько раз на протяжении года (часто теряющие работу), наряду с длительно безработными составляют уязвимую низкоконкурентоспособную группу на рынке труда, подверженную высокому риску бедности и нуждающуюся в специальных мерах социальной адаптации.

Сегодня выделить респондентов, являющихся занятыми на момент обследования, но имевших один или несколько периодов безработицы в недавнем прошлом, на основе ОНПЗ

не представляется возможным. Однако, учитывая высокую трудоемкость и стоимость ОНПЗ, вряд ли можно безоговорочно рекомендовать расширение анкеты в этом направлении. Следует также учесть, что исследования повторяющейся безработицы, как правило, осуществляются в рамках специальных целевых обследований.

Представляется, что для целей качественного анализа сопоставление характеристик семей, затронутых безработицей, полученных на основе ОНПЗ и ОБДХ, даже с учетом несовпадения критериев отнесения к безработным могло бы представлять интерес.

Анкета квартального опроса ОБДХ 2002 г. содержит новый раздел 2.А. «Сведения о главе домохозяйства». Содержащиеся в нем сведения (при наличии реструктурированных в направлении отражения информации на уровне домохозяйств данных ОНПЗ) открывают дополнительные возможности для сопоставления по таким критериям как статус занятости главы домохозяйства (работающий по найму, самостоятельно обеспечивающий себя работой), сектор экономики, отрасль. Несмотря на то, что основной задачей ОБДХ является сбор информации о расходах, в этот раздел включен также интервальный вопрос о среднемесячных денежных доходах домохозяйства.

По нашему мнению, было бы целесообразно включить интервальные вопросы о доходах также в ОНПЗ. Таких вопросов должно быть два: среднемесячный доход респондента от занятости и среднемесячный душевой доход домохозяйства из всех источников (построенный по той же интервальной шкале, что и в ОБДХ). Это позволило бы не только сопоставлять домохозяйства, выделенные по критерию доходной группы, но и получить дополнительные характеристики качества занятости респондентов, важнейшей из которых является уровень дохода от занятости. Проблема бедности безработных, как будет показано ниже, принадлежит к числу наиболее острых. Однако проблема работающих бедных, безусловно, затрагивает наиболее широкие слои населения и также нуждается в специальном анализе, требующем информационной базы.

Часть III

СПОСОБЫ УМЕНЬШЕНИЯ БЕДНОСТИ

Мария Ягодкина

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ЛЬГОТ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ

Целью данной работы является оценка значимости для домохозяйств-получателей различных социальных льгот и степени их влияния на уровень бедности.

Следует отметить, что в работах К. Бэттла, И. Зинина, Е. Китовой, И. Колосницына, Л. Мигрrunовой, С. Мисихиной, Л. Овчаровой, С. Смирнова, А. Суринова и др., посвященных системе социальных льгот, рассмотрены многие аспекты изучаемой темы: даны определения льгот, установлены основные их получатели с точки зрения уровня доходов, уточнены источники финансирования, проанализирован ряд регионов России и т.д. Однако такие вопросы, как количественное измерение эффективности действующей системы социальных льгот, оценка значения социальных льгот для домохозяйств-получателей с различным уровнем материальной обеспеченности и влияние концентрации льгот на уровень бедности домохозяйств требуют всестороннего исследования.

В данной работе на материалах выборочного Обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), проводимого Госкомстатом РФ, сделана попытка решить следующие задачи:

– с помощью специальных коэффициентов количественно измерить и сравнить эффективность системы социальных льгот в России в пяти регионах (Брянская область, Кировская область, Костромская область, Тамбовская область, Ханты-Мансийский автономный округ) за 1999 и 2002 гг.;
– выяснить значение социальных льгот для домохозяйств-получателей с различным уровнем материальной обеспеченности;
– оценить влияние концентрации льгот на уровень бедности домохозяйств.

1. Постановка проблемы

В исследовательском сообществе нет консенсуса относительно определения такой экономической категории, как *льгота*. Ряд ученых дают определение льготы по присущим ей признакам, к которым они относят исключенность из общих правил, перераспределительный эффект, облегчение жизни получателей (Бэттл и др., 2001). Другие исследователи считают, что следует различать «льготы» и «привилегии», «...обозначая понятием «льготы» - обоснованные, законные права, а понятием «привилегии» - незаконные, необоснованные преимущества» (Социальная сфера..., 1991. С.41–43). Согласно определению Госкомстата РФ, которого мы придерживаемся в данной работе, льгота – это частичное или полное освобождение граждан от оплаты товаров и услуг (Социальное положение..., 2002. С. 157).

Льготы, которые в настоящее время предоставляются в России, можно условно разделить на несколько больших групп в следующих областях их функционирования (Бэттл и др., 2001. С. 8–9; 94):

- денежные доходы – льготное налогообложение;
- денежные расходы – освобождение (или скидки) от оплаты жилья и коммунальных услуг, абонентной оплаты за телефон, стоимости вневедомственной охраны, бесплатный проезд на внутригородском транспорте, бесплатный (скидки с оплаты) проезд в пригородном транспорте, один раз в год (туда и обратно) на междугородном транспорте, скидка в оплате проезда в осенне-зимний период на междугородных видах транспорта без ограничения числа поездок, денежная компенсация за наем (поднаем) жилья, освобождение от уплаты за содержание детей в детских дошкольных учреждениях;
- обеспечение собственностью – капитальный ремонт жилых помещений на условиях, определяемых органами местного самоуправления, внеочередная бесплатная установка телефонов, бесплатное предоставление автотранспорта по медицинским показаниям;

- труд и занятость – предоставление дополнительных оплачиваемых отпусков, оплачиваемых выходных дней родителям детей-инвалидов, компенсаций за выслугу лет работающим в зонах с особым экономическим статусом;
- здравоохранение – бесплатное обеспечение (или со скидкой в оплате) лекарствами, бесплатное изготовление и ремонт (или со скидкой в оплате) зубных протезов, предоставление бесплатных путевок на санаторно–курортное лечение, денежные компенсации на лечение при убытии в отпуск, возмещение вреда пострадавшим в результате испытаний ядерного оружия, эксплуатации ядерных установок и ликвидации аварий на них;
- потребление – бесплатное обеспечение детей специальными молочными продуктами детского питания, компенсационные выплаты на питание школьникам и учащимся ПТУ, бесплатное питание в образовательном учреждении, бесплатное обеспечение школьников из многодетных семей формой или заменяющей ее одеждой;
- образование – льготное поступление в высшие и средние специальные учебные заведения абитуриентов из некоторых категорий населения (чернобыльцы, дети погибших в военных конфликтах и из многодетных семей, сироты и др.).
- регулирование региональных условий жизни (климат, загрязнение окружающей среды, конфликты) – льготы чернобыльцам и приравненным к ним категориям, жертвам социальных конфликтов – беженцам, вынужденным переселенцам, работающим на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах и др.

По федеральному законодательству (Социальные льготы..., 2001) льготы имеют следующие категории граждан: инвалиды, участники Великой Отечественной войны и члены их семей, дети-инвалиды в возрасте до 16 лет, пенсионеры, граждане, подвергшиеся радиации, многодетные семьи, беременные женщины, беженцы, безработные, ветераны труда, бывшие несовершеннолетние узники фашизма, ветераны боевых действий на территории других государств, Герои России и Советского Союза, Герои социалистического труда, полные кавалеры Ордена Славы, лица, награжденные медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией», знаком «Жителю блокадного Ленинграда», граждане, признанные пострадавшими от политических репрессий. Кроме того, существует значительная категория льготников, пользующихся благами в зависимости от их профессиональной принадлежности: военнослужащие, работники милиции, пожарные, судьи, работники прокуратуры, таможни и т.д., а также работающие на вредных и опасных производствах и в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях.

Существующая в настоящее время система социальных льгот и выплат является преемницей советской системы соцобеспечения, которая выполняла три основные задачи (Овчарова, 2001):

- поддерживала людей, имеющих особые заслуги перед государством;
- осуществляла выплаты, которые в некотором приближении можно назвать страховыми (пенсии, пособия по временной нетрудоспособности и пр.);
- выполняла функции социального обслуживания нетрудоспособных граждан, не имеющих должной поддержки со стороны семьи. Сюда же можно отнести выплату различных пособий (детские пособия, пособия многодетным и неполным семьям и пр.).

Первая задача всегда была главной. Несмотря на продекларированное «равенство в доступе к материальным благам», именно система социальных льгот и выплат со временем стала основным распределительным инструментом, обеспечивающим неравенство в обществе. Максимум льгот получали те, кто это заслужил: инвалиды войны, Герои, блокадники, представители высшей бюрократии, отдельные категории работников. Эти люди получали возможность доступа к качественным услугам – жилищным, медицинским, санаторно-курортным, транспортным, образовательным и пр. В большинстве случаев такая система поддерживала людей отнюдь не бедных.

При решении второй задачи в СССР руководствовались страховыми принципами, размер заработной платы трудящихся зависел от трудового вклада. Поскольку выполнение пер-

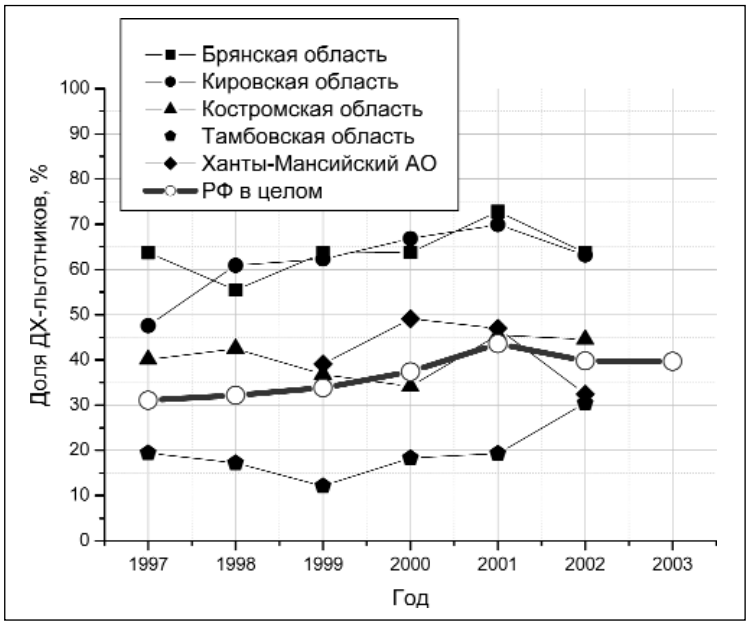
вых двух задач требовало значительных финансовых ресурсов, обеспечение третьей задачи было практически нереальным. В итоге малообеспеченные слои населения имели ограниченный доступ к различным социальным льготам и выплатам.

С началом реформ в России стало необходимо на государственном уровне оперативно реагировать на обострение социально-экономических проблем. Результатом этих изменений явились новые виды социальных льгот и выплат как на федеральном, так и на региональном, местном уровнях.

Согласно оценкам Минтруда РФ, около 70% населения пользуется различными видами социальной помощи: 236 категорий населения получают 156 видов социальных выплат и льгот (Мисихина, 1999. С. 12). Данные бюджетных обследований Госкомстата РФ за 1-й кв. 2003 г. показывают, что около 39,7% населения являются получателями социальных льгот (Доходы, расходы и потребление..., 2003, с.79).

Нужно сказать, что в России происходит постепенный процесс расширения групп льготников. Так, если в 1990 г. всего 19 категорий пассажиров могли пользоваться льготным проездом, то в 2000 г. их было уже 50 (Бэттл и др., 2001. С. 43). Этот процесс привел к увеличению числа домохозяйств-пользователей льготами в период 1997–2001 гг. Данная тенденция хорошо заметна на *рис. 1.*

Рис. 1. Динамика доли домохозяйств-льготников в отдельных регионах, 1997–2003 гг.
% к общему числу домохозяйств (по данным ОБДХ)



Как доля льготников, так и динамика ее изменений во времени в регионах сильно дифференцирована. Однако с 2002 г. как в целом по России, так и в большинстве рассмотренных регионов наметился спад числа льготополучателей, что говорит, скорее, о сокращении финансирования системы социальных льгот. Эта тенденция продолжилась в 2003 г.

Льготы как инструмент социальной политики широко используются в большинстве стран, включая Россию. Но в отличие от стран с традиционно рыночной экономикой, для которых характерно преимущественное предоставление социальных льгот бедным, в нашей стране бедное население не относится к приоритетной группе получателей социальных льгот.

Следует отметить, что в большинстве стран с переходной экономикой завершен переход от категориального принципа к принципу приоритетного предоставления льгот бедным. Оп-

ределенные шаги в этом отношении сделаны и в России. В частности, введена жилищная субсидия для бедных. Однако, по информации из различных источников, большинство льгот по-прежнему распределяется без учета материальной обеспеченности.

Так, по данным Госкомстата, основным потребителем социальных льгот в России являются не бедные домохозяйства, а на долю бедных слоев населения приходится всего 10% льгот (Социальное положение..., 2000. С. 19). Согласно экспертным оценкам (Бэттл и др., 2001. С. 7), в России 44% льгот по санаторно-курортному обслуживанию достается наиболее обеспеченным семьям, а 10% – наименее обеспеченным. Такая же тенденция справедлива и для других социальных льгот. Например, 92% льгот по оплате студенческого проезда приходится на обеспеченные семьи.

По материалам исследования С. Мисихиной (1999), среди получателей льгот и выплат число домохозяйств со среднедушевым денежным доходом ниже прожиточного минимума составляет только четверть. Как можно заметить, данные из разных источников отличаются, но сходятся они по крайней мере в одном: основными получателями различных видов социальной помощи являются не бедные домохозяйства.

Следствием категориального предоставления льгот стало то, что социальные обязательства государства вошли в противоречие с имеющимися ресурсами. По экспертным оценкам, в 2000 г. для полного финансирования системы льгот необходимо было 5% ВВП; при этом реальные затраты составили 1,1% (Александрова и др., 2003. С. 29). Если же проанализировать фактическую реализацию федеральных мандатов на уровне субъектов Федерации (табл. 1), то в России финансируется лишь 30% социальных законов.

Таблица 1

Расходы на содержание системы социальной защиты в РФ за счет государственных финансов, 1995–1999 гг. (млрд. руб., до 1998 г. – трлн. руб.)

Источник	1995	1996	1997	1998	1999
Всего	**256,5**	**374,3**	**515,2**	**484,2**	**740,9**
В % к ВВП	15,7	16,6	20,4	18,0	16,2
Бюджетная система	129,1	188,4	270,5	245,7	365,4
Федеральный бюджет	19,6	27,5	61,5	61,7	85,0
Бюджеты субъектов Федерации	109,5	160,9	209,0	184,0	280,4
Пенсионный фонд	88,7	129,6	176,6	167,0	271,4
Фонд социального страхования	17,5	26,8	30,4	31,1	43,9
Фонд занятости	6,4	7,3	8,8	8,6	12,0
Федеральный фонд обязательного медицинского страхования	0,5	0,8	1,1	1,3	2,0
Территориальные фонды обязательного медицинского страхования	14,2	21,3	27,8	30,4	46,0
Республиканский фонд социальной поддержки населения	0,13	0,06	0,03	0,08	0,2

Источник. Бэттл и др., 2001. С. 6.

В связи с существующими проблемами в функционировании системы льгот Правительством РФ предлагается ее реструктурировать. Разработана специальная Программа реформирования системы социальных льгот и компенсаций (Социальные льготы..., 2001. С. 10–15), согласно которой льготы будут оставлены лишь части *заслуженных* категорий населения (участники войны, труженики тыла, инвалиды войны, блокадники, чернобыльцы и пр.) и тем, кому льготы выдаются по *профессиональному признаку* (работники милиции, прокуратуры, суда, военнослужащие[1] и пр.). Всем остальным категориям льготников льготы отменят – и будут их выдавать только тем, кто беден (в зависимости от величины прожиточного минимума, установленного для данного региона). Разработчики данной Программы та-

[1] С 1 июля 2002 г. часть льгот была отменена: большинством военнослужащих и военных пенсионеров теперь оплачивается 100% (вместо 50) стоимости жилья и коммунальных услуг, в том числе за пользование и установку квартирного телефона.

ким образом предполагают реализовать адресный подход для социальной поддержки населения.

Следует учесть, что на выбор между натуральной и денежной формой поддержки населения влияет ряд экономических, административных и политических факторов (Tabor, 2002).

С экономической точки зрения, денежные трансферты меньше влияют на цены, чем натуральные, при этом обеспечивая их получателей большим выбором. Выдача льгот в натуральном выражении может вести к увеличению бремени, возлагаемого на налогоплательщиков, так как выгода, полученная от льгот, может быть меньше уплаченного налога с доходов.

Перевод льгот в денежную форму увеличивает предсказуемость общественных издержек и позволяет точнее определить бюджетные расходы по их финансовому обеспечению. Недостатком такого перевода является зависимость финансирования системы соцобеспечения от экономического развития страны, и при снижении уровня жизни возникает необходимость в увеличении расходов. Данная ситуация способствует либо возрастанию налогового бремени, либо росту дефицита бюджета либо ограничивает права получателей за счет сокращения доступа к помощи.

С *административной* точки зрения, управление денежными схемами помощи всегда требует большего планирования. В отличие от натуральных льгот сложно установить нижнюю границу денежной формы помощи. Скажем, легче выдать «тарелку супа и накормить голодного», чем точно рассчитать «правильный и справедливый» уровень пособия. Возникает необходимость в разработке критериев доступа к таким пособиям, проверке нуждаемости и т.д., что существенно осложняет процесс монетизации льгот.

Кроме того, несмотря на ряд преимуществ денежных форм поддержки бедного населения, существует такой факт, как «нерациональное поведение потребителя», т.е. люди могут начать покупать на выделяемые правительством деньги в виде соцпомощи сигареты, спиртное и т.д.

Другим аргументом против помощи бедным в денежной форме являются *политические* амбиции власти. Гораздо проще объяснить потребность в натуральной помощи, чем в увеличении денежных средств. Тем более, что реализация натуральных программ поддержки – более быстрый способ уверить своих избирателей в лояльности к их нуждам.

В связи с перечисленными факторами неизвестно, к чему может привести отмена существенной части льгот в России. С одной стороны, это, может быть, позволит значительно улучшить положение бедных. С другой стороны, возможно, в органы социальной защиты за получением помощи от государства выстроятся очереди из «новых бедных» из числа бывших льготников. В итоге это будет невыгодно и с экономической точки зрения, и с политической, поскольку резко возросшие административные расходы могут нивелировать весь ожидаемый эффект от отмены социальных льгот. Нельзя не учитывать и тот факт, что многие льготы выдавались людям за заслуги перед государством. Отмена же их может вызвать определенные социально-психологические проблемы.

2. Методология

В результате сравнения регионов РФ по доле домохозяйств, получавших хотя бы один вид дотаций и льгот в процентах от общего числа обследованных домохозяйств, выяснено, что количественный разброс льготников в 2001 г. был довольно существенный: от 19,3% в Тамбовской области до 72,8% в Брянской области (Социальное положение..., 2002). Среднее число льготников колебалось в пределах 50–60% (типичный пример – Костромская область). При этом доля льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств составила от 0,6% в Тамбовской области до 4,5% в Кировской области. К регионам, имеющим самый большой размер льгот в рублевом эквиваленте на получателя в месяц, относится, например, Ханты-Мансийский автономный округ. Именно непохожесть перечисленных регионов друг на друга и обусловила их выбор для настоящего исследования. Объектом исследования в нашей работе является домохозяйство.

В качестве временных точек для анализа мы выбрали 1999 и 2002 г.: в 1999 г. в наибольшей степени проявились последствия дефолта 1998 г. для уровня жизни населения, а 2002 г. – последний, за который имелись данные на момент написания работы, и отражающий результаты трех лет быстрого экономического роста. В настоящей работе все расчеты проводились в среднем на месяц на основе данных по регионам за 3-й кв. 1999 г. и 2002 г., так как в годовых анкетах вопросы о льготах отсутствовали. По каждому региону применялось взвешивание по методике Госкомстата РФ, с помощью чего были получены данные, выводы по которым можно распространить на весь регион.

Анализ уровня бедности

Для сопоставимости данных во времени для 1999 г. и 2002 г. была использована новая методика расчета прожиточного минимума, принятая в России в 2000 г. На основе данных о величине прожиточного минимума для каждого региона за 3-й кв. 2002 г., полученных в Госкомстате РФ, был рассчитан прожиточный минимум для 1999 г., исчисленный по новой методике, но в ценах 1999 г. Это было сделано с помощью корректировки региональных прожиточных минимумов за 2002 г. на темп роста прожиточного минимума в среднем по России за указанный период. Затем для каждого домохозяйства в регионах в соответствии с его социально-демографическим составом был определен индивидуальный прожиточный минимум.

В качестве показателя благосостояния домохозяйств был использован показатель располагаемых ресурсов, в котором учитываются льготы. Доля бедных (и крайне бедных) определялась на основе абсолютной концепции бедности по методике Госкомстата РФ, в соответствии с которой к бедным относятся домохозяйства со среднедушевыми располагаемыми ресурсами ниже величины прожиточного минимума, установленного для данного региона. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2003 г. № 512 «О перечне видов доходов, учитываемых при расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания им государственной социальной помощи», льготы входят в список доходов, которые необходимо учитывать для сравнения их с величиной прожиточного минимума и отнесения домохозяйства или граждан к бедным или не бедным.

Анализ уровня льготности

Кроме сложного вопроса о том, кого считать бедным, не менее сложен и вопрос, кого считать льготником. Важно определиться с тем, кто является единицей анализа – человек или домохозяйство. Получатели льгот живут в семьях, и ресурс от какой-либо льготы распределяется на всех членов семьи, поэтому правомерно рассматривать проблему влияния льгот в целом на уровень благосостояния домохозяйства, а не на отдельного человека. В рамках настоящей работы все домохозяйства в регионах были разделены на две категории: льготники и нельготники. По методике Госкомстата, к числу домохозяйств-получателей льгот[2] относятся домохозяйства, получавшие хотя бы один вид льгот, перечисленных в опросном листе ОБДХ. Уровень льготности в регионе определялся как их доля в общей численности обследованных домохозяйств. В настоящей работе изучается реальное потребление льгот, а не формальная возможность доступа к ним.

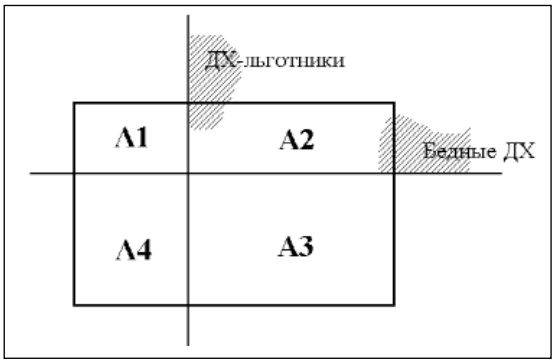
Измерение и сравнение эффективности системы льгот. Отметим, что проблему эффективности распределения системы льгот с точки зрения воздействия на бедность будем рассматривать в двух аспектах: *доступности* для бедных (сколько бедных получают льготы) и *приоритетности* бедных в общей численности получателей льгот (кто является основным получателем льгот: бедные или небедные).

---

[2] В качестве синонима для словосочетания «домохозяйства-получатели льгот» в дальнейшем по тексту будет использована аббревиатура «ДХ-льготники».

Для расчета соответствующих коэффициентов эффективности разделим все множество домохозяйств на бедных и не бедных, на льготников и не льготников (без учета стоимости льгот). В результате получаются следующие четыре группы: A_1 – бедные нельготники, A_2 – бедные льготники, A_3 – небедные льготники, A_4 – небедные нельготники (*рис. 2*).

Рис. 2. Схема оценки эффективности распределения социальных льгот



Введем два элементарных коэффициента эффективности:

$$K_1 = \frac{A_2}{A_1 + A_2}, \qquad (1)$$

$$K_2 = \frac{A_4}{A_3 + A_4}. \qquad (2)$$

Коэффициент K_1 показывает, сколько среди бедных льготников; K_2 – сколько среди небедных нельготников. Коэффициенты K_1 и K_2 могут принимать значения от 0 (совсем неэффективное распределение льгот *с точки зрения воздействия на бедность*) до 1 (очень эффективное распределение). Наиболее эффективный (идеальный) случай[3] воздействия льгот на бедность – это ситуация, когда все бедные получают льготы, а небедные льгот совсем не имеют, т.е. $K_1 = 1$ и $K_2 = 1$.

Эффективность распределения льгот с точки зрения *доступа* бедных и не бедных к льготам определяется путем сравнения K_1 и $1 - K_2$ в процентах. Чем больше эта величина, тем больше доступ бедных к льготам, т.е. доля льготников среди бедных выше, чем среди небедных. Для измерения данного эффекта был введен **дифференциальный коэффициент распределения льгот** ($K_{дифф}$, в %):

$$K_{дифф} - (K_1 - (1 - K_2)) \cdot 100\%. \qquad (3)$$

В дополнительном пояснении нуждается только разность $(1 - K_2)$ – она показывает, сколько среди небедных льготников. Таким образом, чем больше льготников среди бедных, тем выше $K_{дифф}$ и тем эффективнее система распределения льгот с точки зрения их доступности для бедных и недоступности для небедных. $K_{дифф}$ принимает положительные значения, если доля льготников среди бедных выше, чем среди небедных, а отрицательные – в обратном случае.

Следует заметить, что возможности применения $K_{дифф}$ в практике сравнительного анализа эффективности социальных программ ограничены. Этот показатель хорошо работает при региональных сопоставлениях, если уровень бедности остается неизменным, что не ха-

[3] Такой идеальный случай в настоящее время невозможен хотя бы из-за того, что есть заслуженные категории граждан, которые будут иметь в России льготы вне зависимости от их дохода. Тем не менее, система льгот должна стремиться к тому, чтобы таких получателей в ней было как можно меньше.

рактерно для динамики данного процесса в России. Поэтому при сравнительном анализе мы можем делать выводы об эффективности системы льгот только по соотношению знаков и стремлению к 100%. Но и этот вывод не однозначен, так как повышение доли льготников среди бедных может происходить как за счет роста уровня бедности, так и за счет роста уровня льготности. То есть, мы можем ответить на вопрос, *где* эффективнее система льгот с точки зрения их доступности для бедных, но не можем сказать *на сколько*.

Для более точной оценки эффективности социальных программ введен **интегральный коэффициент распределения льгот** ($К_{инт}$), с помощью которого учитывается *приоритет* бедных среди получателей льгот:

$$К_{инт} = (К_1 \cdot p + К2 \cdot (1 - p)) \cdot (1 - l), \qquad (4)$$

где p – доля бедных в рассматриваемом регионе;
l – доля льготников в рассматриваемом регионе.

Трактовка здесь однозначная: данный коэффициент может принимать значения от 0 до 1[4]; при этом более высокие значения свидетельствуют о более эффективной системе льгот.

Весьма не эффективными считаются гипотетические ситуации, когда:

- все бедные и все получают льготы (p=1, l=1);
- все бедные, но никто не получает льгот (p=1,l=0);
- все небедные и все получают льготы (p=0, l=1).

Очень эффективной считается ситуация, когда нет бедных и нет льготников. Интегральный коэффициент нивелирует влияние структурных различий в численности бедных и льготников. Его можно использовать при сравнительном анализе городов, регионов, стран по факту распределения льгот и судить о наличии перераспределительного потенциала в пользу бедных.

При оценке эффективности институтов социальной поддержки важно определить не только то, как распределены льготы, но и как они содействуют сокращению бедности. Это показывают **коэффициенты функционирования** ($К_{функц}$) и **адресности** ($К_{адр}$) **системы льгот**:

$$К_{функц} = \frac{2 \cdot \Delta_{крб} + 1 \cdot \Delta_{б}}{3}, \qquad (5)$$

$$К_{адр} = \frac{\Delta_{крб}}{\Delta_{б}}, \qquad (6)$$

$$\Delta_{б} = \frac{ДХ_{б_1} - ДХ_{б_2}}{ДХ_{б_1}}, \qquad (7)$$

$$\Delta_{крб} = \frac{ДХ_{крб_1} - ДХ_{крб_2}}{ДХ_{крб_1}}, \qquad (8)$$

где $D_{б}$, $D_{крб}$ - *коэффициенты динамики* уровней бедности и крайней бедности в результате включения стоимости льгот в располагаемые ресурсы домохозяйств;
$ДХ_{б_1}, ДХ_{крб_1}$ – число бедных и крайне бедных домохозяйств без учета стоимости льгот в располагаемых ресурсах;
$ДХ_{б_2}, ДХ_{крб_2}$ – число бедных и крайне бедных домохозяйств с учетом стоимости льгот в располагаемых ресурсах.

Под *эффективностью функционирования* системы льгот мы понимаем то, насколько наличие льгот в домохозяйстве снижает уровень бедности. Функционирование системы льгот будет эффективно в том случае, если в результате их распределения большее число бедных и крайне бедных домохозяйств будет выведено из этих состояний.

---

[4] Интегральный коэффициент не достигает 1, так как бедность в обществе будет всегда.

$K_{функц}$, $D_б$, $D_{крб}$ могут принимать значения от 0 до 1, и, чем ближе они к максимальным значениям, тем больше домохозяйств в результате оценки льгот «вышло» из бедности. Максимум помощи должны иметь крайне бедные семьи, поэтому изменению доли крайне бедных мы придаем больший вес. Предложенный коэффициент адресности позволяет проследить направленность системы льгот на приоритетную поддержку крайне бедных слоев населения.

Выяснение значения льгот

Для решения данной задачи исследования воспользовались индексами уровня, глубины и остроты бедности, предложенными Фостером, Гриром и Торбеком (см. Макоули, 1994).

Пусть $Y = \{y_{(1)} ... y_{(n)}\}$ – вектор семейных среднедушевых располагаемых ресурсов в порядке увеличения. Предположим, что $z>0$ является чертой бедности (руб.), n – общее число семей в совокупности, q – число бедных семей в совокупности, т.е. $Y_{(1)} < z$ ($j = 1,...q$). Тогда $g_{(1)} = (z - Y_{(1)})$ – недостающая до черты бедности часть среднедушевого располагаемого ресурса *i- ой* семьи.

В общем виде индексы уровня, глубины и остроты бедности можно представить в следующем виде:

$$P(a) = \frac{G^a(q)}{n \cdot z^a} \cdot 100\ \%\ (a > 0), \qquad (9)$$

где $G^a(q)$ семейные дефициты денежного дохода, возведенные в степень a.

$$G^a(q) = g^a_{(1)} + ... + g^a_{(q)} . \qquad (10)$$

Выбор разных значений для a позволяет выбрать и степень «отвращения к неравенству», т.е. при очень большом a этот индекс отразит положение самой бедной семьи. Индекс уровня бедности $P(0)$ показывает, как много домохозяйств находятся за чертой бедности, но не учитывает, насколько далеко от черты бедности они отстоят. Доходы людей могут увеличиваться, тем самым, приближая домохозяйство к черте бедности, но число бедных во всей совокупности может не меняться. Данный индекс соответствует количеству бедных домохозяйств, определенных по абсолютной концепции.

Индекс глубины бедности $P(1)$ отражает не только недостаток доходов у бедных домохозяйств, но также число семей, находящихся за чертой бедности. Индекс $P(1)$ нечувствителен к распределению доходов среди бедных домохозяйств, в то время как эта разница может быть довольно существенной. Индекс же остроты бедности $P(2)$ чувствителен к распределению доходов среди бедных домохозяйств. При этом он уменьшается пропорционально уменьшению доли бедных и квадрату изменения их дефицита доходов бедных.

С помощью *индекса недостатка доходов* можно измерить пропорциональную недостаточность доходов бедных. Он показывает, сколько денег в среднем домохозяйству не хватает до черты бедности (в процентах):

$$W = \frac{G(q)}{q \cdot z} \cdot 100\ \% . \qquad (11)$$

Таким образом, с помощью индекса $P(a)$ можно получить не только качественную, но и количественную оценку результатов изменений бедности среди подгрупп по отношению к глобальной бедности. Т.е. при росте данного индекса можно говорить о том, что положение людей в данной подгруппе ухудшилось из-за роста недостатков доходов, так как им требуется теперь больше средств, чтобы приблизиться к черте бедности, чем до такого изменения.

Влияние концентрации льгот на уровень бедности

Для оценки этого влияния применялся подход рефлексивных сравнений. В нем производится «базисное» обследование участников *до* проведения программы, а также обследование *после* ее проведения. В качестве ситуации «до» было принято гипотетическое положение, когда у домохозяйств нет никаких льгот. Ситуация «после» предполагала, что они получили все те льготы,

которыми пользовались в момент обследования. Разница между этими двумя конечными состояниями и определяется как влияние льгот на уровень бедности в обследуемых регионах.

Кроме того, в исследовании на всем протяжении работы использовались такие методы статистического анализа данных выборочного обследования, как частотный анализ, агрегирование данных, группировки, ранговые преобразования, описательные статистики, а также графические методы интерпретации данных. Все расчеты по настоящему исследованию были выполнены с применением статистического пакета SPSS.

3. Эффективность системы социальных льгот в 1999 и 2002 гг.

Прежде чем приступить к решению поставленных в исследовании задач, необходимо отметить, что уточнения требует вопрос распределения льгот между бедными и небедными категориями населения, поскольку наиболее реальным направлением совершенствования системы социальных льгот является их переориентация на беднейшие слои населения. Нужно в принципе понять, как распределены льготы, кому они достаются – бедным или небедным. Важно узнать, какими льготами реально пользуются малообеспеченные, а какие льготы им мало или совсем не доступны.

Так как Брянская, Кировская, Костромская, Тамбовская области и Ханты-Мансийский автономный округ (далее по тексту – АО) имеют разные финансовые возможности для реализации программы предоставления социальных льгот населению, то число домохозяйств с получателями льгот в 1999 и 2002 гг. оказалось неодинаковым (табл. 2). Это говорит о том, что различие финансовых возможностей у органов власти приводит к серьезным изменениям в численности получателей льгот.

Таблица 2

Доля льготников в пяти регионах РФ, 1999, 2002 гг., % от общего числа обследованных домохозяйств (по данным ОБДХ)

Регион	1999	2002
Брянская область	62,5	60,4
Кировская область	59,1	63,7
Костромская область	36,6	45,4
Тамбовская область	11,0	34,9
Ханты-Мансийский АО	29,0	37,9

Сначала рассмотрим ситуацию распределения крайне бедных и бедных домохозяйств *без учета* в располагаемых ресурсах льгот (назовем эту ситуацию условно сценарием 1). Отметим, что эта ситуация аналогична той, которая наступила бы, если были бы отменены все льготы у всех домохозяйств. В следующем пункте анализа мы учтем льготы в располагаемых ресурсах домохозяйств (назовем эту ситуацию условно сценарием 2).

Рассмотрение проблемы *эффективности распределения* действующей системы социальных льгот с точки зрения воздействия на бедность начнем с оценки уровней крайней бедности и бедности в обследуемых регионах (см. табл. 3).

Таблица 3

Доля крайне бедных и доля бедных по сценарию 1, 1999–2002 гг., % от общего числа обследованных домохозяйств (по данным ОБДХ)

Регион	Крайне бедные		Бедные	
	1999	2002	1999	2002
Брянская область	11,8	8,5	47,3	36,4
Кировская область	15,7	9,2	52,0	33,8
Костромская область	14,7	9,0	51,4	37,4
Тамбовская область	9,1	7,9	32,8	33,0
Ханты-Мансийский АО	12,0	1,8	40,4	17,5

Сопоставляя данные табл. 2 и 3, мы видим, что в 1999 и 2002 гг. в Брянской и Кировской областях льготников было больше, чем бедных, следовательно, был большой потенциал для помощи бедным за счет перераспределения льгот. В остальных регионах количество льготников практически совпадает с числом бедных домохозяйств (или меньше него), что свидетельствует о весьма ограниченных возможностях перераспределительного эффекта с целью сокращения бедности.

В 2002 г. за счет снижения бедности и увеличения доли льготников перераспределительный эффект стал наблюдаться также еще в Ханты-Мансийском АО. С 1999 по 2002 г. численность льготников в целом значительно повысилась: в Тамбовской области – более чем в три раза, а в остальных регионах это повышение находится в пределах 30%. Исключение составляет лишь Брянская область, где доля льготников даже снизилась. Отметим как положительный тот факт, что во всех регионах в оба года наблюдалось превышение доли льготников над долей крайне бедных домохозяйств.

Говоря о снижении бедности за исследуемый период, следует отметить, что если в 1999 г. уровень бедности составлял 33–52%, то в 2002г. – лишь 17–37%. Эти данные отражают объективную реальность: уровень жизни за прошедший период в стране повысился. Не последнюю роль в этом процессе сыграли высокие мировые цены на нефть в последние годы – это позволило максимально наполнить бюджет. Хорошим примером этому является Ханты-Мансийский АО: в нем снижение уровня бедности составило с 40% до 17%.

Как мы видим, ситуация в регионах неоднозначная, поэтому для их сравнения применим формулы (1) – (4) для расчета *эффективности распределения* системы социальных льгот за период с 1999 по 2002 г. Результаты расчетов сведены в табл. П1 Приложения.

В 2002 г. по сравнению с 1999 г. практически во всех регионах (кроме Брянской области) происходило расширение числа бедных среди льготников при одновременном снижении числа небедных среди нельготников, т.е. в этих регионах небедные стали получать льгот больше, чем в 1999 г. Дифференциальный коэффициент $К_{дифф}$ в трех регионах из пяти как в 1999 г., так и в 2002 г., был ниже нуля, что говорит о том, что большинство льгот доставалось небедным домохозяйствам.

Из-за снижения доли бедных и увеличения доли льготников в общей численности домохозяйств обследуемых регионов интегральный коэффициент снизился в 2002 г., т.е. система социальных льгот стала еще менее эффективной, чем была ранее, с точки зрения воздействия на бедность. Если же говорить о ранжировании регионов в 2002 г. по значению $К_{инт}$, то они расположатся следующим образом: наибольшее значение – в Кировской области, затем идут Брянская, Костромская области, Ханты-Мансийский АО и Тамбовская область. В среднем уровень данного показателя по регионам не превышает 0,57. Вообще говоря, при равном уровне льготности в регионах эффективнее будут распределены льготы там, где уровень бедности выше, т.е. льготы направляются в бедные регионы.

Посмотрим теперь, как изменилась картина бедности и эффективности системы социальных льгот после того, когда мы добавили стоимость получаемых социальных льгот к располагаемым ресурсам домохозяйств (табл. 4–5).

Таблица 4

Доля крайне бедных и доля бедных по сценарию 2, 1999, 2002 гг., % от общего числа обследованных домохозяйств (по данным ОБДХ)

Регион	Крайне бедные		Бедные	
	1999	2002	1999	2002
Брянская область	11,0	8,3	44,7	34,8
Кировская область	13,8	8,3	47,6	30,4
Костромская область	13,5	8,2	49,9	35,5
Тамбовская область	9,0	7,7	32,6	31,9
Ханты-Мансийский АО	10,2	1,7	33,9	16,4

Таблица 5

Снижение уровней крайней бедности и бедности под действием льгот (изменение по сравнению со сценарием 1), 1999, 2002 гг., процентные пункты (по данным ОБДХ)

Регион	Крайне бедные		Бедные	
	1999	2002	1999	2002
Брянская область	6,8	2,4	5,5	4,4
Кировская область	12,1	9,8	8,5	10,1
Костромская область	8,2	8,9	2,9	5,1
Тамбовская область	1,1	2,5	0,6	3,3
Ханты-Мансийский АО	15,0	5,6	16,1	6,3

В результате учета льгот можно сделать два вывода. *Во-первых,* снижение уровней крайней бедности и бедности колеблется в основном в небольших пределах – 3–10%. *Во-вторых,* в 1999 г. ситуация снижения этих уровней была более выигрышной для крайне бедных домохозяйств, а в 2002 г. – для бедных. Говоря об отличиях за отчетный период между регионами, можно заметить, что Костромская и Тамбовская области на большую сумму стали выдавать льгот, что привело к росту вышедших как из состояния крайней бедности, так и из бедности. В Кировской области заметные результаты наблюдаются по снижению бедности.

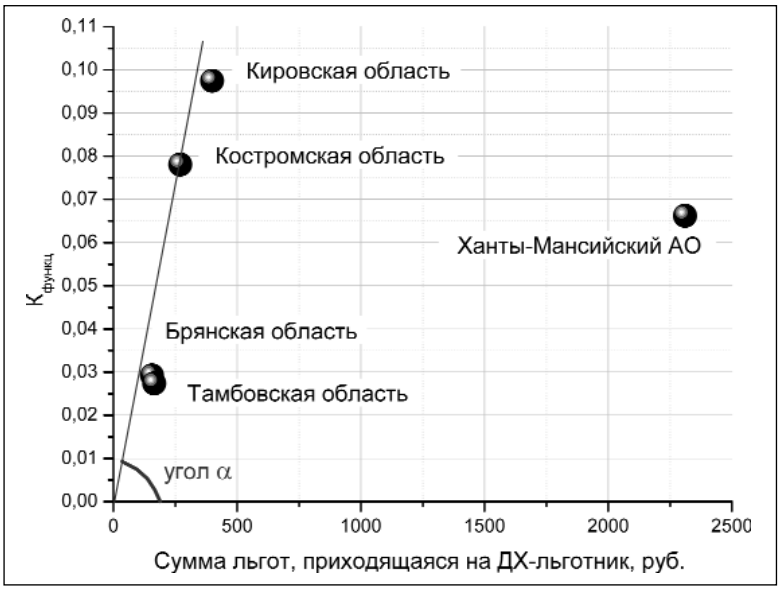
Теперь необходимо оценить, насколько и кому льготы помогли улучшить их благосостояние. На основании этого можно будет сделать вывод, является льгота ресурсом, помогающим домохозяйству выйти из состояния бедности, или нет. На основании формул (5) – (8) оценим *эффективность функционирования* системы льгот в рассматриваемых регионах за 1999 и 2002 гг. (см. табл. П2 приложения).

Проведенный анализ показал, что с 1999 по 2002 г. в большинстве регионов наблюдается снижение *эффективности функционирования* системы социальных льгот как по коэффициенту функционирования $K_{функц}$, так и по коэффициенту адресности $K_{адр}$. Улучшение ситуации наблюдается только в Костромской и Тамбовской областях за счет роста $D_б$, так как $D_{крб}$ не менялся. Таким образом, система льгот не только мало ориентирована на бедных – она еще меньше помогает крайне бедным домохозяйствам выйти из состояния крайней бедности. При этом, несмотря на снижение уровней крайней бедности и бедности в 2002 г., в 1999 г. система была в большей степени эффективной с точки зрения содействия сокращения бедности. Однако в 2002 г. система функционировала более стабильно из-за снижения разброса значений коэффициента функционирования.

Как мы отмечали выше, в Брянской области в 2002 г. наблюдался один из самых высоких уровней льготности, т.е. льгот при правильном их распределении с избытком могло хватить не только на крайне бедных, но и на всех бедных. Но, как можно увидеть из табл. П2, данная возможность не была реализована совсем, так как $D_б$ и $D_{крб}$ снизились в 1,2 раза и 3,5 раза соответственно по сравнению с 1999 г. Единственный регион, который смог улучшить адресность функционирования системы льгот, – это Ханты-Мансийский АО: в 2002 г. крайне бедные домохозяйства за счет льгот с той же вероятностью, что и бедные домохозяйства, «переходили» черту крайней бедности. В 2002 г. наиболее эффективно, согласно $K_{функц}$, система льгот функционировала в Кировской и Костромской областях.

При оценке эффективности функционирования системы льгот важно также учитывать валовой объем льгот с точки зрения расходования средств, так как при равных $K_{функц}$ лидером будет являться регион, где сумма льгот меньше. Для проведения такого анализа эффективности системы льгот в рассматриваемых регионах РФ необходимо скорректировать валовой объем льгот на долю льготников. На *рис. 3* показана зависимость $K_{функц}$ от суммы льгот, приходящейся на ДХ-льготника в регионах.

Рис. 3. Связь $K_{функц}$ и суммы льгот, приходящейся на ДХ-льготника



Тангенс угла а показывает отношение $K_{функц}$ к сумме льгот. Чем больше данный угол, тем более эффективной является система льгот, так как $K_{функц}$ увеличивается, а сумма льгот уменьшается. Для итогового рейтинга регионов нужно учитывать как $K_{функц}$, так и угол а. $K_{функц}$ показывает, как снижается бедность и крайняя бедность, а угол а – рациональность использования средств на эти цели. Рейтинг выглядит следующим образом: лидерами являются Кировская и Костромская области, затем идут Брянская и Тамбовская области. На последнем месте рейтинга – Ханты-Мансийский АО. Несмотря на то, что $K_{функц}$ у него высокий, но при этом средств тратится слишком много для достижения такого показателя.

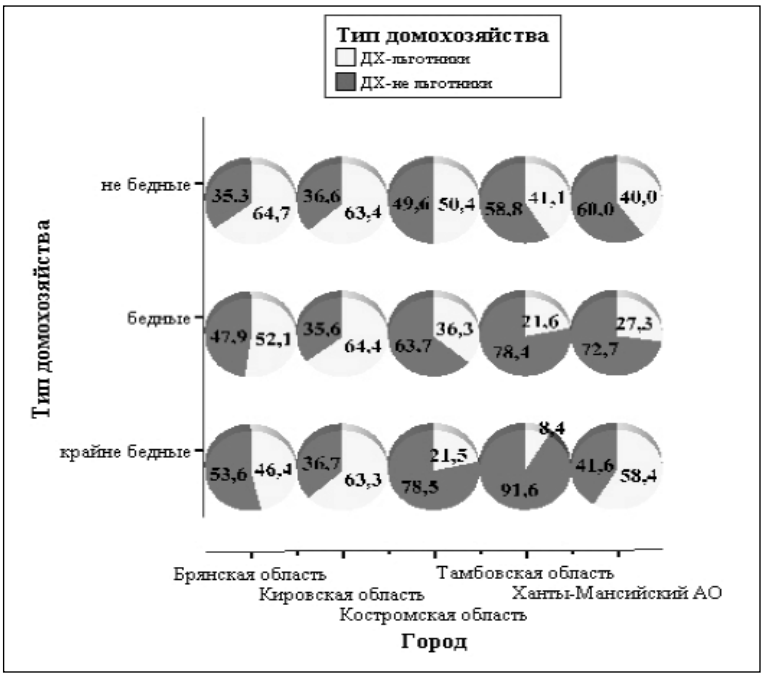
В целом наблюдается тенденция: чем выше или ниже уровень льготности, тем выше или ниже коэффициент функционирования. Это может быть связано с тем, что чем больше в обществе льготников, тем выше вероятность того, что домохозяйство будет иметь несколько льготополучателей. Это приводит к росту сумм льгот в отдельном домохозяйстве и, соответственно, к росту его располагаемых ресурсов, что способствует переходу домохозяйства из разряда бедных в число небедных. Такое перемещение по шкале доходов и увеличивает $K_{функц}$. Общим в пяти регионах является то, что при существующей системе распределения льготы не выводят получателей из бедности.

4. Значение социальных льгот для домохозяйств-получателей с различным уровнем материальной обеспеченности

Для решения второй задачи проекта рассмотрим в изучаемых регионах распространенность льготников среди крайне бедных, бедных и небедных домохозяйств в 2002 г.[5] (рис. 4). Следует отметить, что во всех пяти регионах есть большие различия по этому показателю.

[5] По сценарию 2 (есть льготы).

Рис. 4. Доли льготников и не льготников, 2002 г., % от общего числа крайне бедных, бедных и не бедных домохозяйств в регионах (по данным ОБДХ)



Среди крайне бедных. Минимальное число крайне бедных, пользующихся льготами, наблюдалось в Тамбовской области – всего 8,4% от общего числа крайне бедных домохозяйств в регионе. Наилучшая ситуация – в Кировской области, так как здесь их доля составляет 63,3%.

Среди бедных. В Брянской, Кировской, Костромской и Тамбовской областях наблюдается рост числа получателей льгот среди бедных домохозяйств по сравнению с крайне бедными, т.е. система льгот в большей степени ориентирована на бедные, чем на крайне бедные домохозяйства. Этот принцип нарушается в Ханты-Мансийском АО: здесь доля льготников среди бедных ниже такой же доли среди крайне бедных в два раза, но это скорее исключение, чем правило.

Среди небедных. Льготы, которые могли бы пойти крайне бедным или бедным домохозяйствам, забирают себе небедные. Среди таких домохозяйств всех пяти регионов наблюдается большое число получателей льгот (на уровне 40–60%).

Ранее мы рассматривали эффективность распределения и функционирования системы социальных льгот, которая рассчитывалась на основе доли бедных и небедных домохозяйств (индекс уровня бедности). Для более глубокого анализа эффективности необходимо рассмотреть также индексы глубины и остроты бедности и дефицита доходов, которые рассчитываются на основе показателей Фостера–Грира–Торбека. В соответствии с формулами (9) – (11) получили результаты, которые сведены в табл. П3 приложения.

Во всех регионах (кроме Кировской области) в 2002 г. индексы глубины, остроты бедности и дефицита доходов до учета льгот (сценарий 1) в располагаемых ресурсах домохозяйств были больше у нельготников, чем у льготников. Это говорит о несправедливости распределения льгот, т.е. льготы направлялись менее бедным льготникам.

После учета льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств (сценарий 2) разрыв между льготниками и нельготниками еще более увеличился: например, по индексу остроты бедности в среднем по анализируемым регионам на 17%. Таким образом, льготы в рассматриваемых регионах обеспечивают еще большую дифференциацию населения. Только в Кировской

области, наоборот, с помощью льгот была достигнута социальная справедливость: льготы улучшили положение более бедных льготников по сравнению с тем, каким оно было у них до учета льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств. Таким образом, из аутсайдеров льготники превратились в лидеров и стали менее депрессивно-бедными по сравнению с нельготниками. Это произошло из-за того, что резко уменьшился индекс уровня бедности, т.е. многие льготники смогли перейти черту бедности за счет получения льгот.

Анализируя табл. П3, отметим, что если отменить все льготы в регионах, то сумма льгот окажется более чем достаточной, чтобы восполнить дефицит доходов бедных только в Ханты-Мансийском АО – она ее превышает в 1,6 раза. В остальных регионах только часть всех бедных может получить дополнительную помощь: в Брянской области – 14,8%, в Кировской – 33,3%, в Костромской – 16,8%, в Тамбовской области – 9,0%.

В этих условиях становится приоритетной задача выбора из всей массы нуждающихся наиболее бедных. К таким мы относим крайне бедные домохозяйства (см. табл. П4 приложения). Интересно узнать, есть ли межрегиональные различия между домохозяйствами, пользующимися льготами, относящимися по своему уровню благосостояния к крайне бедным или бедным.

Отметим, что индекс дефицита доходов у крайне бедных льготников в два раза больше индекса дефицита доходов у бедных льготников во всех регионах по обоим рассматриваемым сценариям. Это связано с методикой расчета уровня крайней бедности. После учета льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств как среди бедных льготников, так и среди крайне бедных льготников наибольшие индексы глубины и остроты бедности получились в Кировской и Брянской областях, а в Тамбовской области – наименьшие значения этих показателей. Таким образом, льготы имеют разное значение для получателей в зависимости от места проживания.

После учета льгот в регионах дефицит доходов всех бедных семей снизился в среднем на 3–4%. В Кировской области данное снижение составило 11% за счет большего количества льгот и большей их стоимости. Дефицит доходов всех крайне бедных семей снизился на 4–9%, а максимальное сокращение наблюдалось в Брянской области (56,5%). Следовательно, льготы имеют на порядок большее значение для крайне бедных домохозяйств, чем для бедных (даже при существующей неэффективной системе распределения социальных льгот).

В отношении крайне бедных домохозяйств ситуация с распределением отмененных льгот складывается так же, как у бедных. За счет средств бюджета после отмены льгот станет возможным помочь (если средства пойдут только крайне бедным домохозяйствам) в Брянской области – 28,9% крайне бедных домохозяйств, в Кировской, Костромской, Тамбовской областях, соответственно, – 68,2%, 37,0%, 19,3% домохозяйств. В Ханты-Мансийском АО сумма льгот превышает дефицит доходов крайне бедных домохозяйств в семь раз.

В табл. 6 показано распределение всей суммы льгот на бедные и крайне бедные домохозяйства. Можно увидеть, что во всех регионах на бедных приходится не более 30% всей суммы льгот, а 70% средств получают небедные. При этом на долю крайне бедных распространяется всего 5% от всей суммы льгот. В Ханты-Мансийском АО ситуация наиболее критичная с использованием средств: только 2% денежных средств идет бедным и 0,1% – крайне бедным.

Таблица 6

Доля льгот, приходящаяся на бедные и крайне бедные домохозяйства, 2002 г., % от всей суммы социальных льгот (по данным ОБДХ)

Регион	Бедные	Крайне бедные
Брянская область	26,7	4,4
Кировская область	29,6	4,8
Костромская область	28,2	1,4
Тамбовская область	19,5	1,5
Ханты-Мансийский АО	1,8	0,1

Мы видим, что сумма льгот в большинстве регионов настолько мала, а бедность настолько велика, что средств бюджета не хватает, чтобы «вытянуть» из бедности даже крайне бедных. Таким образом, становится понятно, что льготы хотя и являются ресурсом социальной политики для целей снижения бедности, но проблему бедности в регионах нельзя решить только за счет средств «льготников» – необходимы дополнительные дотации государства.

Кроме того, понятно, что по различным мотивам государство, вероятнее всего, все льготы отменять не будет, что отражено в Программе реформирования системы социальных льгот и выплат (Овчарова, 2001). Части «заслуженных» льготников – инвалидам и участникам войны, блокадникам, чернобыльцам и др. – льготы оставят. Поэтому суммы сэкономленных средств будут меньше во всех регионах.

Еще один аспект, показывающий значимость льгот, – это доля, которую составляют льготы в располагаемых ресурсах домохозяйств. Официальная статистика дает такую информацию в среднем для всех домохозяйств. В настоящем исследовании было выяснено, какую долю составляют льготы у домохозяйств-получателей, являющихся крайне бедными, бедными и небедными (табл. 7).

Таблица 7

Доля льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств, 2002 г., % от суммы располагаемых ресурсов (по данным ОБДХ)

Регион	Все домохозяйства*	Домохозяйства-льготники			
		Все	Крайне бедные	Бедные	Небедные
Брянская область	1,8	2,9	4,5	3,9	2,7
Кировская область	3,7	6,3	9,2	9,3	5,7
Костромская область	2,6	5,6	4,6	7,1	5,3
Тамбовская область	1,1	3,1	5,5	4,8	2,9
Ханты-Мансийский АО	2,8	5,5	1,8	4,9	5,6

* Оценка Госкомстата (без учета стоимости поступивших в счет оплаты труда непродовольственных товаров и услуг).

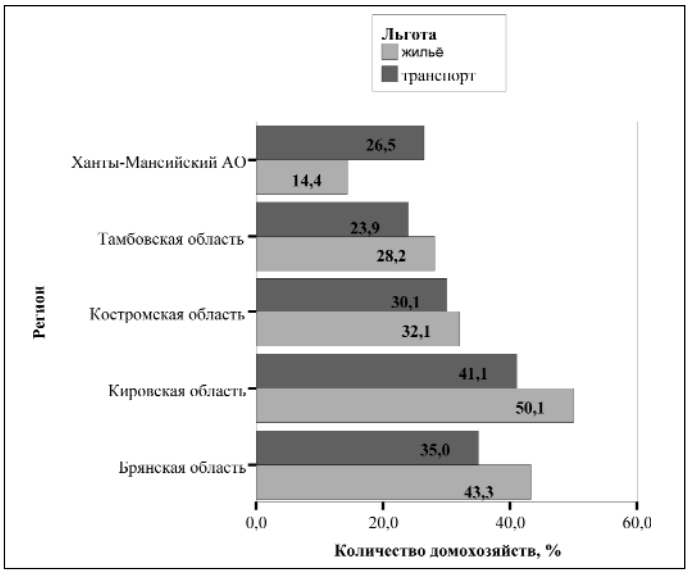
Как можно заметить, *во-первых*, льготы в располагаемых ресурсах всех льготников, как и предполагалось, составляют в два раза бо2льшую долю, чем в располагаемых ресурсах всех домохозяйств; *во-вторых*, набор лидеров по доле льгот у крайне бедных, бедных и небедных неоднороден. Так, если первое место (с самой большой долей льгот) принадлежит Кировской области для всех групп льготников без исключения, то в остальных регионах доля льгот сильно варьируется. Следовательно, отмена льгот по единому стандарту по-разному отразится на уровне бедности различных групп в региональном разрезе.

5. Льготы и бедность

В данном пункте отчета ответим на вопросы: 1) какими льготами в настоящее время пользуются бедные, крайне бедные и обеспеченные домохозяйства; 2) за счет каких льгот преимущественно снизилась бедность в регионах в результате учета льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств. Так как статистически значимые выводы можно делать, только если численность группы достаточно распространена, то из рассмотрения мы убрали те льготы, которыми пользовалось менее 20 домохозяйств (из первичной, невзвешенной выборки).

На *рис. 5* показаны наиболее распространенные льготы, которыми пользовались в 2002 г. домохозяйства обследованных регионов.

Рис. 5. Наиболее распространенные льготы в пяти регионах, 2002 г., % от числа домохозяйств (по данным ОБДХ)



Отметим, что набор самых распространенных льгот во всех регионах одинаковый (транспорт и жилье), но по масштабам их распространения регионы можно разделить на две группы: около 30% пользователей обеими льготами (Костромская, Тамбовская области и Ханты-Мансийский АО) и порядка 40–50% пользователей (Брянская и Кировская области).

Табл. 8 демонстрирует, что в Брянской и Кировской областях представлен самый «богатый» набор льгот – четыре вида; в остальных регионах количество видов льгот ограничивается двумя–тремя. Положительно то, что доступ к разным видам льгот открыт для малообеспеченных слоев населения.

Таблица 8

Льготы, которыми пользовались домохозяйства с разным уровнем материальной обеспеченности, 2002 г., % от всех пользователей льготой (по данным ОБДХ)

Льгота	Регион				
	Брянская область	Кировская область	Костромская область	Тамбовская область	Ханты-Мансийский АО
Крайне бедные					
Транспорт	5,6	2,8	2,8	0,9	1,1
Жилье	5,3	9,4	4,6	1,9	0,8
Питание	16,1	5,2	–	–	7,1
Отдых	–	5,2	–	–	–
Медицина	8,6	–	4,5	–	–
Бедные					
Транспорт	25,6	18,8	24,7	12,9	9,0
Жилье	25,6	29,6	26,7	17,5	14,6
Питание	55,9	48,7	–	–	24,0
Отдых	–	54,4	–	–	–
Медицина	31,5	–	24,0	–	–
Небедные					
Транспорт	74,4	81,2	75,3	87,1	91,0
Жилье	74,4	70,4	73,3	82,5	85,4
Питание	44,1	51,3	–	–	7,3
Отдых	–	45,6	–	–	–
Медицина	68,5	–	76,0	–	–

«–» – малораспространенная льгота в данном регионе.

Говоря о численности пользователей каждым видом льгот среди крайне бедных, бедных и небедных домохозяйств, отметим, что если доля льготников среди первых оценивается на уровне 10%, то среди бедных их уже 30%, а среди небедных – 70%. Это является еще одним недостатком системы социальных льгот в рассматриваемых регионах.

Не все меряется фактом получения льгот важно, сколько они стоят, сколько добавляют к доходам домохозяйств. Введение стоимостных параметров может кардинально менять картину. Можно предположить, что в целом льгота должна помогать домохозяйству повышать его уровень благосостояния, так как несет с собой определенный ресурс, который экономит семья за счет получения льготы.

Сравним положение домохозяйств, пользующихся какой-либо льготой в ситуациях до и после включения льгот в их располагаемые ресурсы. Таким образом, определим, за счет каких распространенных льгот домохозяйства в большей мере «вышли» из состояния бедности после добавления им ресурсов в виде льгот. Из-за того, что домохозяйство может пользоваться несколькими видами льгот одновременно, то оно может встречаться в сравнениях по разным льготам, т.е. повторы не исключены. Но об общей тенденции влияния тех или иных льгот на снижение бедности говорить допустимо; причем можно говорить только о максимуме влияния.

Во всех регионах максимальное число домохозяйств, вышедших *из бедности* и *крайней бедности*, достигло этого за счет пользования льготами на транспорт (в среднем 10–15% домохозяйств, пользовавшихся данной льготой, перестали быть бедными).

Третьей задачей нашего исследования было выяснить, как пересекаются льготы на уровне конкретного домохозяйства, поскольку официальная статистика таких данных не дает. И вот что получилось. Согласно данным табл. 9, доля домохозяйств, пользующихся одной льготой (из общего числа обследованных домохозяйств), в среднем по регионам составляет 25–30%, двумя льготами – 20–25%, тремя – 3–5%, более трех – 1%. Как можно заметить, в Брянской и Кировской областях наблюдается более высокий уровень концентрации льгот в отдельном домохозяйстве.

Таблица 9

Концентрация льгот в домохозяйстве, 2002 г., % от общего числа обследованных домохозяйств (по данным ОБДХ)

Количество льгот в домохозяйстве	Регион				
	Брянская область	Кировская область	Костромская область	Тамбовская область	Ханты-Мансийский АО
1	29,9	28,2	25,7	14,3	22,9
2	24,8	32,7	18,0	20,0	12,1
3	4,5	2,8	1,5	0,6	2,1
4	1,2	–	0,1	–	0,6
5	–	–	–	–	0,3

Результаты расчетов также показали следующую характерную зависимость. Во всех регионах по сценарию 2 *с увеличением* числа льгот процент крайне бедных и бедных среди них *снижается*. С точки зрения эффективности распределения льгот ситуация не оптимальная, так как максимум льгот получают менее нуждающиеся домохозяйства. Исключение, пожалуй, составляет в каждом регионе лишь максимум льгот: во всех регионах его получают наименее обеспеченные домохозяйства.

В табл. 10 показано влияние концентрации льгот на уровень бедности домохозяйств-льготников в 2002 г. Как следует из приведенных данных, в целом чем большим числом льгот пользуется домохозяйство, тем темп снижения бедности выше.

Таблица 10

Снижение бедности под действием льгот по сценарию 1*, 2002 г., % к уровню бедности (по данным ОБДХ)

Количество льгот в домохозяйстве	Регион				
	Брянская область	Кировская область	Костромская область	Тамбовская область	Ханты-Мансийский АО
1	5,4	8,7	7,4	13,7	24,5
2	15,2	25,2	20,1	14,1	26,7
3	0,0	15,2	45,4	0,0	0,0
4	0,0	–	0,0	–	0,0
5	–	–	–	–	0,0

* Без учета льгот в располагаемых ресурсах домохозяйств.

Анализ показал, что в Тамбовской области самые низкие показатели по снижению бедности, а лидером является Ханты-Мансийский АО. Полученный факт объясняется разницей в суммах льгот, которые прибавлялись к располагаемым ресурсам домохозяйств. При этом во всех регионах происходит «размывание» сумм льгот между низко- и высокодоходными децильными группами населения, из-за чего льготы не играют большой роли в располагаемых ресурсах домохозяйств-получателей.

6. Заключение

В настоящей работе была количественно измерена и сравнена эффективность системы социальных льгот в Брянской, Кировской, Костромской, Тамбовской областях и Ханты-Мансийском АО в 1999 и 2002 гг. Эта задача была решена с помощью специальных авторских интегрального и дифференциального коэффициентов распределения, коэффициента функционирования и коэффициента адресности. Уровень бедности в регионах определялся на основе абсолютной концепции бедности.

Анализ показал, что с точки зрения воздействия на бедность произошло снижение *эффективности распределения* системы льгот во всех регионах с 1999 по 2002 г. из-за расширения числа льготников за счет небедных. Наиболее эффективно льготы распределены в Кировской и Брянской областях.

В наблюдаемый период в большинстве регионов наблюдалось также снижение *эффективности функционирования* системы льгот с точки зрения содействия сокращению бедности. Система льгот не только мало ориентирована на бедных – она еще в меньшей степени помогает крайне бедным домохозяйствам. Единственный регион, который смог улучшить адресность функционирования системы льгот, – это Ханты-Мансийский автономный округ. В 2002 г. в нем крайне бедные домохозяйства за счет льгот с той же вероятностью «переходили» черту крайней бедности, как и бедные домохозяйства – черту бедности.

Улучшение макроэкономической ситуации в стране в 2000–2002 гг. положительным образом сказалось на стабильности системы: межрегиональный разброс коэффициента функционирования сократился по сравнению с 1999 г. При оценке эффективности функционирования системы льгот важно также учитывать валовой объем льгот с точки зрения расходования средств, так как при равных коэффициентах функционирования лидером будет являться регион, где сумма льгот меньше. Функционирование системы льгот в 2002 г. было наилучшим в Кировской и Костромской областях.

Общим в пяти регионах является то, что при существующей системе распределения льготы не выводят получателей из бедности, а лишь усиливают дифференциацию.

Значимость льгот для домохозяйств-получателей с разным уровнем материальной обеспеченности была выяснена с применением индексов Фостера–Грира–Торбека. Было сделано три вывода. *Во-первых,* во всех регионах льготы направлялись более обеспеченным домо-

хозяйствам; в*о-вторых,* отмена льгот по единому стандарту по-разному отразится на уровне бедности различных групп в региональном разрезе; *в-третьих,* льготы хотя и являются ресурсом социальной политики для целей снижения бедности, но проблему бедности нельзя решить только за счет средств льготников – необходимы дотации государства.

Было выяснено, что льготы в располагаемых ресурсах домохозяйств-получателей в 2002 г. составляли порядка 3–6%, причем у крайне бедных и бедных эта доля достигала и 9%. Наиболее распространенными являются льготы на транспорт и оплату жилья, причем первая играет большую роль в располагаемых ресурсах домохозяйств.

Влияние концентрации льгот на уровень бедности домохозяйств было оценено с помощью подхода рефлексивных сравнений, в котором производится «базисное» обследование участников *до* проведения программы, а также обследование *после* ее проведения. В качестве ситуации «до» было принято гипотетическое положение, когда у домохозяйств нет никаких льгот. Ситуация «после» предполагала, что они получили все те льготы, которыми пользовались в момент обследования. Разница между этими двумя конечными состояниями и определяется как влияние льгот на уровень бедности в обследуемых регионах.

По нашим оценкам получилось, что чем большим числом льгот пользуется домохозяйство, тем выше темп снижения бедности. В Тамбовской области в 2002 г. наблюдались самые низкие показатели по снижению бедности, а лидером является Ханты-Мансийский автономный округ. Это объясняется тем, что сумма льгот, которая прибавлялась к располагаемым ресурсам, в зависимости от доходного дециля в первом регионе была меньше, а во втором – больше, чем в остальных. Также было выяснено, как пересекаются льготы на уровне конкретного домохозяйства. Доля домохозяйств, пользующихся одной льготой из общего числа обследованных домохозяйств, в среднем по регионам составила 25–30%, двумя льготами – 20–25%, тремя – 3–5%. В Брянской и Кировской областях был более высокий уровень концентрации льгот.

При определении очередности осуществления реформы системы социальных льгот в регионах на определенный момент времени можно руководствоваться их ранжированием по величине интегрального коэффициента распределения и коэффициента функционирования.

Как нам представляется, наиболее реальным способом улучшения показателя интегрального коэффициента распределения является, *во-первых*, увеличение доли бедных домохозяйств-льготников; *во-вторых*, сокращение числа тех, кто не является бедным и пользуется льготами, т.е. льготы должны предоставляться только бедным слоям населения. Увеличение же коэффициента функционирования станет возможным, если льготы будут направляться в пользу малообеспеченных слоев населения – крайне бедных и бедных. При этом важно, чтобы льготы в денежном эквиваленте были гораздо выше, чем есть сейчас. Тогда количество домохозяйств, переходящих черту бедности, увеличится.

Как отмечает В. Гимпельсон, переориентация льгот на бедных за счет отказа небедным может ослабить лоббирование и политическую поддержку льгот со стороны небедных и, следовательно, привести к сокращению общего «пирога» льгот. Это следует иметь в виду при реформировании системы льгот.

Поток льгот может оказывать влияние на поведение домохозяйств на рынке труда, если льготы составляют в располагаемых ресурсах весомую часть (как, например, в Германии). Значительные размеры пособий снижают уровень экономической активности населения, что представляет в настоящее время серьезную проблему для германской системы соцобеспечения.

В России (это касается всех регионов) такое явление сейчас вряд ли возможна, так как льготы составляют не более 10% доходов. Однако эта мысль кажется интересной для будущих исследований, так как на массивах ОБДХ данную гипотезу проверить нельзя по причине отсутствия необходимой информации. Добавим, что перевод льгот в денежную форму не должен сопровождаться слишком большими размерами пособий, чтобы не способствовать росту иждивенческих настроений в обществе.

Те тенденции, которые выявились по всем направлениям настоящего исследования, могут быть характерны и для России. Однако по данным всего пять регионов нельзя об этом говорить с уверенностью. Выяснение этого вопроса – задача будущих исследований.

В качестве рекомендаций для ОБДХ можно предложить включить в анкету вопросы о принадлежности к льготным категориям (ветераны труда, инвалиды, многодетные и т.д.); вернуться к форме квартальной анкеты 1997–2001 гг., когда вопросы по льготам задавались каждому члену семьи, а не в целом на семью; включить в анкету вопросы об осведомленности в отношении своих прав на получение льгот и трудностей, связанных с реализацией этих прав, чтобы иметь возможность изучить не только реальное потребление льгот, но и формальную возможность доступа к ним.

Использование в расчетах предложенных интегрального и дифференциального коэффициентов распределения, коэффициента функционирования и коэффициента адресности позволят оценить эффективность действующей системы социальных льгот в России и проследить динамику изменений в ней с течением времени.

Литература

Александрова А. Л., Овчарова Л. Н., Шишкин С. В. Доходы населения и доступность социальных услуг / Независимый институт социальной политики, Фонд «Институт экономики города». – М.: Независимый институт социальной политики, 2003. – 98 с.

Бэттл К., Китова Е., Колосницын И., Суринов А. и др. Анализ уровня жизни и дифференциации доходов в регионах России при разработке адресных программ социальной помощи населению // В рамках российско-канадского проекта CEPRA. – М., 2001. – 179 с.

Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 1-м квартале 2002–2003 гг. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Госкомстат РФ, 2003. – 126 с.

Макоули А. Определение и измерение бедности / Бедность: взгляд ученых на проблему / Сборник статей под ред. М. А. Можиной. – М.: ИСЭПН РАН, 1994. – С. 19–21.

Мисихина С. Г. Социальные пособия, льготы и выплаты в РФ. Распределение по группам населения с различным уровнем дохода: проблемы и решения. – М.: ТАСИС, 1999. – 112 с.

Овчарова Л. Н. Как уйти от системы всеобщих льгот? // Бюллетень «Население и общество». – М.: Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – № 17–18 (23 апреля – 6 мая). – 2001. – С. 20 –27.

Социальные льготы гражданам Российской Федерации и направления их реформирования. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М.: ВЦУЖ, 2001. – 263 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002 // Сб. – М.: Госкомстат. 2002. – 453 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России // Статистический сборник. – М.: Госкомстат. 2000. – 503 с.

Социальная сфера: Политическое и духовное развитие общества / Отв. ред. В. Н. Иванов, В.З. Роговин. – М.: Наука, 1991. – 208 с.

Tabor S. R. Direct Cash Transfers. – World Bank Institute, 2002. – 65 p.

Приложение

Таблица П1

Эффективность распределения системы социальных льгот, 1999 и 2002 гг. (по данным ОБДХ)

Коэффициент	1999	2002	Относительное изменение, раз*
Брянская область			
K_1	0,58	0,55	1,05 (–)
K_2	0,33	0,36	1,09 (+)
$K_{дифф}$,%	–8,62	–9,00	1,04 (–)
$K_{инт}$	0,52	0,47	1,11 (–)
P,%	47,3	36,4	1,30 (–)
L,%	62,5	60,4	1,03 (–)
Кировская область			
K_1	0,58	0,68	1,17 (+)
K_2	0,40	0,39	1,02 (–)
$K_{дифф}$,%	–1,90	6,50	3,42 (+)
$K_{инт}$	0,55	0,57	1,04 (+)
P,%	52,0	33,8	1,54 (–)
L,%	59,1	63,7	1,08 (+)
Костромская область			
K_1	0,32	0,40	1,25 (+)
K_2	0,58	0,51	1,14 (–)
$K_{дифф}$,%	–9,87	–9,40	1,05 (+)
$K_{инт}$	0,40	0,37	1,08 (–)
P,%	51,4	37,4	1,37 (–)
L,%	36,6	45,4	1,24 (+)
K_1	0,12	0,24	2,00 (+)
K_2	0,90	0,60	1,50 (–)
$K_{дифф}$,%	1,58	–15,93	10,08 (–)
$K_{инт}$	0,30	0,24	1,25 (–)
P,%	32,8	33,0	1,01 (+)
L,%	11,0	34,9	3,20 (+)
Ханты-Мансийский АО			
K_1	0,29	0,32	1,10 (+)
K_2	0,71	0,61	1,16 (–)
$K_{дифф}$,%	–0,39	–7,05	18,08 (–)
$K_{инт}$	0,35	0,27	1,30 (–)
P,%	40,4	17,5	2,31 (–)
L,%	29,0	37,9	1,31 (+)

* + рост, – снижение, ... нет изменений.

Таблица П2

Эффективность функционирования системы социальных льгот, 1999 и 2002 гг. (по данным ОБДХ)

Коэффициент	1999	2002	Относительное изменение, раз*
Брянская область			
$D_{б}$	0,06	0,05	1,20 (–)
$D_{крб}$	0,07	0,02	3,50 (–)
$K_{функц}$	0,07	0,03	2,33 (–)
$K_{адр}$	1,30	0,46	2,82 (–)
Кировская область			
$D_{б}$	0,08	0,10	1,25 (+)
$D_{крб}$	0,12	0,10	1,20 (–)
$K_{функц}$	0,11	0,10	1,10 (–)
$K_{адр}$	1,38	0,95	1,45 (–)
Костромская область			
$D_{б}$	0,03	0,05	1,67 (+)
$D_{крб}$	0,09	0,09	1,00 (...)
$K_{функц}$	0,07	0,08	1,14 (+)
$K_{адр}$	3,07	1,87	1,64 (–)
Тамбовская область			
$D_{б}$	0,01	0,03	3,00 (+)
$D_{крб}$	0,02	0,02	1,00 (...)
$K_{функц}$	0,01	0,03	3,00 (+)
$K_{адр}$	2,09	0,74	2,82 (–)
Ханты-Мансийский АО			
$D_{б}$	0,16	0,07	2,28 (–)
$D_{крб}$	0,15	0,07	2,14 (–)
$K_{функц}$	0,15	0,07	2,14 (–)
$K_{адр}$	0,94	1,00	1,06 (+)

* + рост, – снижение, ... нет изменений.

Таблица П3

Показатели Фостера–Грира–Торбека для бедных домохозяйств, 2002 г.
(по данным ОБДХ)

Показатель	Сценарий 1			Сценарий 2		
	Льготники	Нельготники	Все	Льготники	Нельготники	Все
Брянская область						
P(0), %	32,9	41,8	36,4	30,2	41,8	34,8
P(1), %	9,8	14,5	11,7	8,7	14,5	11,0
P(2), %	4,4	6,8	5,4	3,9	6,8	5,1
W, %	29,8	34,6	32,0	28,8	34,6	31,6
G (q), *руб*	$1{,}7 \cdot 10^8$	$1{,}6 \cdot 10^8$	$3{,}3 \cdot 10^8$	$1{,}6 \cdot 10^8$	$1{,}6 \cdot 10^8$	$3{,}2 \cdot 10^8$
Кировская область						
P(0), %	36,1	29,8	33,8	30,7	29,8	30,4
P(1), %	12,8	11,5	12,3	10,4	11,5	10,8
P(2), %	6,2	5,8	6,1	4,9	5,8	5,2
W, %	35,4	38,5	36,4	33,7	38,5	35,4
G (q), *руб*	$3{,}0 \cdot 10^8$	$1{,}5 \cdot 10^8$	$4{,}5 \cdot 10^8$	$2{,}5 \cdot 10^8$	$1{,}5 \cdot 10^8$	$4{,}0 \cdot 10^8$
Костромская область						
P(0), %	32,5	41,4	37,4	28,4	41,4	35,5
P(1), %	9,9	14,9	12,7	8,1	14,9	11,8
P(2), %	4,1	7,1	5,8	3,2	7,1	5,4
W, %	30,4	36,1	33,8	28,5	36,1	33,3
G (q), *руб*	$7{,}6 \cdot 10^7$	$1{,}4 \cdot 10^8$	$2{,}2 \cdot 10^8$	$6{,}4 \cdot 10^7$	$1{,}4 \cdot 10^8$	$2{,}1 \cdot 10^8$
Тамбовская область						
P(0), %	22,9	38,4	33,0	19,7	38,4	31,9
P(1), %	6,1	14,1	11,3	5,3	14,1	11,0
P(2), %	2,4	6,7	5,2	2,0	6,7	5,0
W, %	26,7	36,7	34,3	26,6	36,7	34,5
G (q), *руб*	$5{,}2 \cdot 10^7$	$2{,}4 \cdot 10^8$	$3{,}0 \cdot 10^8$	$4{,}5 \cdot 10^7$	$2{,}4 \cdot 10^8$	$2{,}9 \cdot 10^8$
Ханты-Мансийский АО						
P(0), %	14,8	19,2	17,5	11,8	19,2	16,4
P(1), %	4,4	4,8	4,6	3,7	4,8	4,4
P(2), %	1,9	1,7	1,8	1,6	1,7	1,7
W, %	29,4	25,1	26,5	31,4	25,1	26,9
G (q), *руб*	$8{,}7 \cdot 10^7$	$1{,}6 \cdot 10^8$	$2{,}4 \cdot 10^8$	$7{,}4 \cdot 10^7$	$1{,}6 \cdot 10^8$	$2{,}3 \cdot 10^8$

Таблица П4

Показатели Фостера–Грира–Торбека для крайне бедных домохозяйств, 2002 г.
(по данным ОБДХ)

Показатель	Сценарий 1		Сценарий 2	
	Льготники	Все	Льготники	Все
Брянская область				
P(0) ,%	6,7	8,5	6,4	8,3
P(1),%	4,2	5,3	4,0	5,1
P(2),%	2,7	3,4	2,5	3,2
W, %	63,4	62,2	62,2	61,7
G (q), руб	$8{,}7 \cdot 10^7$	$1{,}7 \cdot 10^8$	$8{,}3 \cdot 10^7$	$7{,}4 \cdot 10^7$
Кировская область				
P(0) ,%	9,6	9,2	8,3	8,3
P(1),%	6,2	6,0	5,1	5,3
P(2),%	4,1	3,9	3,2	3,4
W, %	64,7	64,8	62,2	63,2
G (q), руб	$1{,}5 \cdot 10^8$	$2{,}2 \cdot 10^8$	$1{,}3 \cdot 10^8$	$2{,}0 \cdot 10^8$
Костромская область				
P(0) ,%	5,7	9,0	3,9	8,2
P(1),%	3,4	5,5	2,3	5,1
P(2),%	2,0	3,5	1,4	3,2
W, %	59,6	61,3	59,0	61,8
G (q), руб	$3{,}0 \cdot 10^7$	$1{,}0 \cdot 10^8$	$1{,}9 \cdot 10^7$	$9{,}1 \cdot 10^7$
Тамбовская область				
P(0) ,%	2,4	7,9	1,9	7,7
P(1),%	1,4	4,7	1,1	4,6
P(2),%	0,8	2,9	0,6	2,8
W, %	57,8	60,0	56,5	59,9
G (q), руб	$1{,}3 \cdot 10^7$	$1{,}4 \cdot 10^8$	$1{,}0 \cdot 10^7$	$1{,}3 \cdot 10^8$
Ханты-Мансийский АО				
P(0) ,%	2,9	1,8	2,5	1,7
P(1),%	1,7	1,0	1,5	0,9
P(2),%	1,0	0,6	0,9	0,6
W, %	59,5	58,1	59,6	58,1
G (q), руб	$3{,}2 \cdot 10^7$	$5{,}5 \cdot 10^7$	$3{,}0 \cdot 10^7$	$5{,}3 \cdot 10^7$

Светлана Герасимова

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СЕМЕЙ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Вступление России на путь экономических и социальных реформ и трансформационный кризис 1990-х годов не могли не отразиться на жизни российских семей. Потеря работы, инфляция, невыплата заработанной платы и рост цен, за которыми не успевали и не успевают зарплаты и пенсии, обусловили глубокое экономическое расслоение общества и попадание в тиски бедности значительной части населения России. Конечно, проблема бедных существовала и раньше. Но, говоря о бедных в советские времена, речь шла о так называемых «малоимущих» семьях, куда в основном попадали, помимо асоциальных элементов, семьи инвалидов и неполные и многодетные семьи, которым оказывало помощь государство.

В период реформ количество семей, проживающих за чертой бедности и очень близко от нее, так резко увеличилось, что стало очевидным, что полагаться на государство практически нереально, оказать адекватную помощь всем нуждающимся в ней невозможно в принципе и надо искать какие-то пути выхода самим. Какие же пути выхода из кризиса, а точнее сказать, пути выживания нашли для себя россияне? Почему одни семьи смогли не попасть за черту бедности, а другие – нет и почему некоторые семьи, попав в бедность, смогли из нее выйти, другие же стали так называемыми «хроническими» бедными и вряд ли смогут изменить свое положение без помощи извне? И если помощь все-таки необходима, то кто поможет бедным ? Будет ли это государство, родственники и друзья или какие-то другие резервы семьи, например работа на земельном участке?

Тема адаптации российских семей к новым экономическим реформам все чаще стала появляться в научных статьях и монографиях, и изучению этой темы уже стали посвящать отдельные исследовательские проекты. Так, например, в 1998 г. был успешно осуществлен Российско-британский проект «Новые формы занятости и стратегии выживания домохозяйств в России» (New Forms of Employment and Households Survival Strategies in Russia), финансируемый DFID.

По результатам проведенного исследования в четырех регионах России была написана совместная монография В. Кабалиной и С. Кларка «Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России» (1999). Поведение домохозяйств и их членов рассматривается исследователями как результат взаимодействия целого ряда факторов, как чисто экономических, так и экономико-социологических, например дружеских и родственных связей, традиций и обычаев. И хотя выборка, на основе которой проводилось данное исследование, не является репрезентативной для России в целом, результаты, полученные в рамках данного проекта, представляются нам очень интересными не шаблонными.

В конце 1990-х годов под руководством В. Радаева, руководителя Центра экономической социологии и социальной политики Института экономики РАН, и при поддержке Фонда Форда было проведено специальное обследование домашних хозяйств в трех разных типах регионов (Москва, Нижний Новгород и Иваново).

Наше исследование основано на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ)[1]. Тематика проекта РМЭЗ является весьма широ-

---

[1] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) представляет собой серию проводившихся в Российской Федерации в 1992–2003 гг. общенациональных репрезентативных опросов. Мониторинг проводится Институтом социологии РАН, Исследовательским центром «Демоскоп», Институтом питания РАМН и Университетом Северной Каролины (США). В ходе мониторинга опрашивалось около 4000 домохозяйств в 38 регионах России по трем типам вопросников: семейным, взрослым (начиная с 14 лет) и детским. Более подробно о методических аспектах исследования см.: Сваффорд и др., 1999.

кой, и благодаря этой широте можно разработать объясняющие модели, учитывающие множество переменных, влияющих на поведение человека. Привлекательность этой уникальной базы данных была еще и в том, что она является общедоступной, репрезентативной для России в целом, и на протяжении последних четырех лет в опросные документы данного исследования входили те индикаторы, которые позволили автору проекта решить поставленные перед ним задачи. Кроме того, РМЭЗ как нельзя лучше подходит для выполнения данного проекта еще и потому, что проводится специально для определения уровня бедности.

Тот факт, что исследование РМЭЗ является панельным, дало возможность автору проследить, как менялся выбор адаптационных моделей поведения россиян в зависимости от изменения их собственного экономического положения и социально-экономических условий в стране.

1. Исходные посылки

Задачи и гипотезы

Первая задача – рассмотреть стратегии адаптации россиян и изменения в их выборе в течение последних нескольких лет, а именно в 1998, 2000 и 2001 гг. Данная задача решается автором с помощью кросс-секционного анализа.

Можно предположить, что наибольшее влияние на выбор адаптационной модели оказывают региональные факторы, т.е. место проживания семьи. Гипотетически, мы скорее найдем приверженцев активной стратегии выживания в крупных городах и областных центрах, нежели в малых городах и селах. К числу определяющих факторов должны относиться доход семьи, возраст и пол самого человека, его принадлежность к тому или иному типу семьи. Существенной может оказаться и зависимость адаптационной модели от образовательного уровня, субъективной оценки своего материального состояния, от того, какую стратегию выбрали другие члены семьи.

Вторая задача, которую автор пытается решить в рамках данного исследования, – это анализ произошедших изменений в тех семьях, где были использованы разные адаптационные модели, выявить группы семей «хронически бедных», «вышедших из бедности» и «попавших в бедность» за исследуемый период, и понять, сыграла ли здесь свою роль выбранная модель выживания или нет. Данная задача решалась на панельном файле индивидуального уровня.

Методология

Концептуальная модель исследования направлена на описание и объяснение феномена выбора разных адаптационных моделей. Автор сделал сравнительный анализ трех самых распространенных адаптационных моделей по различным социально-демографическим характеристикам, а также некоторым субъективным характеристикам индивидов. Исследуемая совокупность была разбита на несколько групп по тому, какой модели преимущественно придерживается тот или иной индивид. Затем предполагалось нарисовать «портрет» человека, склонного к той или иной модели поведения, а затем и создать типологию российских семей по тому, какие адаптационные модели они для себя выбирают.

Зависимой переменной в нашем анализе практически всегда выступают разные адаптационные стратегии и модели, а независимыми – факторы, определяющие выбор этих моделей: пол, возраст, тип семьи, образование, региональные факторы[2], владение землей, уровень доходов семьи, попадание за черту бедности и др.

Автор воспользовался уже созданным индексом бедности (regional poverty threshold), сконструированным Барри Попкином, а также созданной им же переменной «общие расходы домохозяйства». Также автором были сконструированы и собственные индексы, а именно «тип семьи», «постоянная бедность», индекс индивидуальной адаптационной модели и индекс семейной адаптационной модели выживания.

---

[2] Под региональными факторами автор имеет в виду тип населенного пункта, в котором проживают домохозяйства, так как знает об ограничениях, которые наложены выборкой РМЭЗ на сравнительный анализ по регионам.

Описание данных

Для целей данного анализа мы использовали три волны мониторинга РМЭЗ, проведенные в 1998, 2000 и 2001 гг., которые дали нам соответственно 7580, 7568 и 7397 индивидов старше 14 лет.

Для того чтобы понять, как одни и те же семьи изменили свои адаптационные модели, и к каким последствиям это их привело, мы воспользовались панельной выборкой в 4187 индивидов.

К сожалению, количество анализируемых случаев уменьшалось не только из-за того, что мы «теряли» часть людей год от года, но и потому, что построение некоторых индексов, например «черты бедности», требует знания доходов всего домохозяйства, и если кто-то из членов семьи не был опрошен по индивидуальному вопроснику или если не была известна дата рождения кого-то из членов семьи, то данный индекс не мог быть проведен для такой семьи, и она исключалась из анализа.

Классификация стратегий

Мы заранее предполагали, что довольно большое количество предложенных путей выживания (а их предлагалось 16 в опросе 1998 г. и 14 в опросах 2000 и 2001 гг.) повлечет за собой необходимость их группировки для удобства дальнейшего анализа. А всякая классификация предполагает, что исследователь должен выбрать для себя критерии, по которым он сможет определить наличие выбора респондентом той или иной адаптационной модели.

Анализируя опыт прошлых исследований, автор нашел самые разные подходы к определению стратегий выживания. Например, в исследовании Я. Рощиной и М. Малышевой по проекту «Стратегии экономического выживания населения в современной России» (руководитель В. Радаев) под «стратегией» понимается комплекс поведенческих характеристик, включающих пять элементов: трудовую, предпринимательскую, финансовую, обменную и потребительскую активность. Наиболее близким к нашей точке зрения оказались стратегии выживания, с которыми работал С. Ярошенко. Его творческим коллективом были выделены такие стратегии выживания нуждающихся, как конструктивные и деструктивные по их вкладу в решение проблемы бедности. К первым была отнесена активность в сфере занятости, связанная с повышением социального капитала через переквалификацию и переобучение, а также подработки. К деструктивным были отнесены тенденции к экономической зависимости, выраженные в продолжительности получения социальной поддержки.

Автор данного проекта разделил подходы россиян к решению экономических проблем и выбору стратегии выживания следующим образом.

Активная адаптационная модель подразумевает под собой желание увеличить свои доходы и предпринимать все действия, которые могут к этому привести. Сюда вошли: работа на дополнительной работе, смена работы, переход с работы на государственном предприятии на частное, переобучение, чтобы получить новую работу (по индикаторам 1998 г.). В 2000–2001 гг. выбор активных путей адаптации осуществлялся из следующих вопросов-индикаторов: нашли дополнительную работу; выращивали что-то на своем участке на продажу или обмен; разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу; продавали продукцию собственного домашнего изготовления или перепродавали товары, которые сами не производили; сдавали внаем квартиру, дачу, комнату, гараж, автомобиль; клали деньги в банк под проценты, давали взаймы под проценты; оказывали услуги за плату (ремонт, частный извоз, репетиторство и т.п.).

Обратная активной стратегии адаптации – *пассивная стратегия* – характеризуется попытками уменьшить свои расходы и таким образом преодолеть трудности кризисного периода. Сюда мы поместили такие варианты ответов, как экономия на покупке одежды и обуви, экономия на питании и экономия на отпуске.

Кроме того, можно выделить *активно-пассивную стратегию*, которая включает некие действия, но не столь активные, как в первой группе. Сюда мы относим смену места жительства, съезд или разъезд с родственниками в целях экономии (по индикаторам 1998 г.), а также продажу собственных вещей. Сюда же можно включить такую стратегию выживания, как более интенсивная работа на приусадебном участке и производство продуктов натурального хозяйства. Заметим,

что в 1998 г. ответы на этот вопрос не вполне сопоставимы с 2000 и 2001 гг. (так как в первом случае не разделялось производство на продажу и для внутрисемейного потребления).

Неоднозначной стала для нас и классификация предложенных способов выживания в рамках *стратегии социальной помощи и поддержки*, которая характеризуется тем, что не требует активных действий первой стратегии, но в итоге имеет своей целью увеличить доход семьи. Сюда вошли: обращение за материальной помощью к родственникам, друзьям, в собес и другие государственные организации.

Активно-пассивную стратегию и стратегию социальной помощи можно рассматривать как отдельные стратегии адаптации, но при построении адаптационных моделей мы включил их в состав пассивной адаптационной модели.

Предложенное деление, естественно, является условным, и мы использовали его в качестве первого приближения (табл. 1).

Таблица 1

Доля респондентов, выбравших данную стратегию поведения, 1998, 2000, 2001 гг., %

Стратегия	1998	Стратегия	2000	2001
Активная		**Активная**		
Поменяли работу	12,1			
Перешли работать с государственного предприятия на частное	5,3			
Прошли переобучение, чтобы получить новую работу	2,1			
Нашли дополнительную работу	7,2			
		Нашли дополнительную работу	9,3	10,9
		Выращивали что-то на своем участке на продажу или обмен	8,1	7,6
		Разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу	7,6	6,1
		Продавали продукцию собственного домашнего изготовления или перепродавали товары, которые сами не производили	6,2	6,4
		Оказывали услуги за плату (ремонт, частный извоз, репетиторство и т.п.)	4,6	7,2
Сдавали в аренду свою квартиру	1,1	Сдавали внаем квартиру, дачу, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,1
		Клали деньги в банк под проценты, давали взаймы под проценты	1,2	1,4
Активно-пассивная		**Активно-пассивная**		
Поменяли место жительства	7,3			
С целью экономии съехались с родственниками	3,4			
С целью экономии разъехались с родственниками	1,6			
Стали больше выращивать на своем приусадебном участке	19,1	Стали больше выращивать на своем участке	23,9	18,4
Продавали свои вещи	4,6	Стали продавать вещи из-за нехватки денег	3,7	2,6
Обращались за материальной помощью к родственникам	20,5	Стали чаще обращаться за материальной помощью к родственникам, друзьям	22,8	18,7
Обращались за материальной помощью к друзьям	8,2	Стали чаще обращаться за материальной помощью в собес, другие организации	4,5	3,8
Обращались за материальной помощью в собес, другие организации	4,7			
Пассивная		**Пассивная**		
Стали экономить на покупке одежды и обуви	62,9	Стали экономить на покупке одежды и обуви	62,6	48,
Стали экономить на питании	53,5	Стали экономить на питании	49,4	36,33
Меньше стали тратить денег на отпуск	39,9	Стали экономить на отпуске	44,8	40,4

Начав работу по группировке отдельных стратегий, автор столкнулся с рядом трудностей. Например, в 1998 г. лишь 11,7% ответивших выбрали только одну стратегию из всех предложенных, 18,6% выбрали две стратегии, еще большее количество респондентов назвали сразу три стратегии – 21,3%, а все оставшиеся выбирали по четыре варианта стратегий и более. Поэтому когда автор проекта попытался сначала задать жесткие рамки для выбора адаптационных моделей, то получалась следующая картина: около половины респондентов имели смешанную адаптационную стратегию, куда входили самые разные варианты поведения.

Попутно заметим, что если респондент выбирал лишь один путь из предлагаемых, то в 26% случаев речь шла о пути экономии на предметах первой необходимости, в 15% случае – об экономии на питании, в 14% случаях – это был выбор пути более активной работы на земельном участке, в 10% случаях – респондент менял работу для того, чтобы приспособиться к новым экономическим условиям.

Если же респондент выбирал два способа выживания из предложенных шестнадцати, то с вероятностью уже 72% это был путь экономии на предметах первой необходимости, в 57% случаев речь шла об экономии на питании и около 11–12% приходилось на такие способы выживания, как работа на земельном участке и обращение к родственникам за материальной помощью. И чем больше способов выживания выбирал респондент (три–четыре), тем больше была вероятность найти среди них различные пути экономии и обращение к социальной поддержке.

2. Пассивные адаптационные стратегии

В табл. 2 приведены оценки, характеризующие изменения в выборе пассивных адаптационных стратегий. Если в 1998 г. стратегию экономии на одежде и обуви выбрало 62,9% россиян, то в 2000 г. – 62,6%, и в 2001 г. – 48,3%. Если мы посмотрим на изменения в стратегии экономии на питании, то мы увидим, что в 1998 г. ее выбрали 53,5% россиян, в 2000 г. – уже только 49,4%, а в 2001 г. – 36,3%. И только отпуск остался по-прежнему мало доступным благом для многих россиян – число выбирающих экономию на нем остается практически стабильным.

Таблица 2

Изменения в использовании некоторых способов пассивной социально-экономической адаптации, 1998–2002 гг., % опрошенных (по данным РМЭЗ)

Способ адаптации	1998	2000	2001	2002
Экономия на покупке одежды и обуви	62,9	62,6	48,3	41,5
Экономия на питании	53,5	49,4	36,3	30,0
Экономия на отпуске	39,9	44,8	40,4	34,9
Обращение за материальной помощью к друзьям или родственникам	24,2	22,8	18,7	14,0
Обращение за материальной помощью в собес и другие государственные организации	4,7	4,5	3,8	2,8
Стали больше выращивать на своем участке (не для продажи – а для себя)	–	23,9	18,4	15,4
Продажа личных вещей из-за нехватки денег	4,6	3,7	2,6	1,9
Всего опрошено	7580	7568	7397	7315

Источник. Расчеты сделаны не на панельном файле, а на файле структурной модели выборки («cross-sectional»).

Судя по предварительным данным РМЭЗ за 2002 г., все перечисленные показатели уменьшились в еще большей степени, и даже стратегию экономии на отпуске стали выбирать реже. Также уменьшился и процент россиян, выбравших стратегию социальной помощи, а если говорить об обращениях за материальной помощью в государственные службы занятости, то доля россиян, выбравших этот путь, сократилась почти в два раза. А доля людей,

выбравших модель социальной помощи от родственников и друзей, уменьшилось с 24% в 1998 г. до 14% в 2002 г.

Такие же положительные изменения, которые произошли в последние годы, были отмечены и в докладе Барри Попкина, сделанном им в марте 2003 г. на презентации очередной волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. Помощь от родственников и благотворительность становятся менее существенными источниками дохода: в 2001 г. они обеспечили 8% доходов в нижнем квинтиле и 9% доходов в квинтиле с самыми высокими доходами. В среднедоходных группах роль этих платежей еще менее заметна. Но тем не менее около четверти домохозяйств все еще указывают в качестве источника дохода материальную помощь от родственников или благотворительных организаций.

Доля денежного дохода от домашнего производства выросла на 10 процентных пунктов, а доля натурального дохода из того же источника сократилась на 3 процентных пункта и сейчас является наименьший в структуре доходов за все время проведения опросов РМЭЗ. Это подтверждает наши оценки: все меньшее число россиян выбирает стратегию адаптации, основанную на производстве натуральных продуктов для семьи, и роль производства продуктов питания для домашнего потребления постепенно сокращается.

Посмотрим, как распределяются стратегии выживания в семьях с разным уровнем доходов и расходов, есть ли значимые различия по полу, возрасту, типу населенного пункта и другим характеристикам. Мы будем использовать агрегированный индекс расходов домохозяйств и линию бедности Барри Попкина как наиболее объективный индикатор расходов домохозяйств, куда включаются не только денежные расходы, но и пересчитанные расходы на товары и услуги, которые были получены домохозяйством от производства и продажи продуктов натурального производства. (Стоимость продуктов, произведенных самим домохозяйством, высчитывалась за каждый продукт отдельно по рыночным ценам региона, в котором проживает домохозяйство.)

Пассивные адаптационные модели 1998 г.

В 1998 г. самое большое количество экономящих на покупке одежды и обуви – от 64% до 70% – мы найдем в первых децилях расходов домохозяйства , и самый низкий – 50% – в десятом дециле. Аналогичная картина просматривается и в отношении экономии на питании: в первых децилях таких индивидов будет в два раза больше, чем в последнем дециле. Думаем, что объяснение этого феномена кроется не только в том, что в первый дециль скорее всего попали жители сел, где рынок рабочих мест крайне ограничен, но и в том, что у более обеспеченных домохозяйств изначально был больший потенциал для маневра в момент кризиса.

Мы не нашли значительных различий между домохозяйствами с разным уровнем доходов в том, насколько часто они обращаются к материальной помощи родственников и друзей. То, что мы обнаружили достаточно большой процент обращающихся за такой помощью в 10-м доходном дециле, может говорить о том, что подарки, в том числе и в денежной форме, являются частью культурно-бытовых взаимоотношений между любыми категориями россиян, в том числе и хорошообеспеченными.

Кстати, такой малоэффективный способ адаптации, как обращение к государственным органам за помощью, выбрали практически в равной степени все семьи, каким бы ни был их доход, хотя семьи из первого дециля выбирали этот путь почти в два раза чаще, чем респонденты из последних трех децилей.

Анализ выбираемых стратегий по полу дает нам возможность утверждать, что женщины несколько чаще выбирают пассивные стратегии: доля женщин, выбирающих экономию на питании и покупке одежды, на 10 процентных пунктов выше, чем среди мужчин. Однако в отношении экономии на отпуске никаких значимых различий между мужчинами и женщинами обнаружено не было.

Мы можем сделать вывод, о том, что мужчины все-таки стремятся реализоваться и принести больший доход в семью, в то время как на долю женщин в большей степени выпадает ведение хозяйства и уход за детьми, поэтому она менее мобильна в смене работы, более склонна заниматься поиском субсидий и другой помощи от государства, а также в ее руках

обычно оказывается семейный бюджет и решение вопроса о закупке продуктов питания, одежды, обуви.

Также незначимым оказались и различия по полу при выборе стратегии увеличения дохода семьи путем производства натуральных продуктов на своих участках. Как мы и предполагали, при выборе этой стратегии наиболее объясняющим фактором должен стать факт владения землей и проживания в сельской местности. Действительно, в селах стратегию большего труда на земле выбирали в два раза чаще, чем в городах, и даже чаще, чем в поселках городского типа, которые мы в нашем анализе также рассматривали как отдельную категорию.

Практически полное отсутствие рабочих мест, возможности перейти с работы на государственном предприятии на частное и тем более получить новую квалификацию в селе сделало невозможным для жителей сел выбор активных адаптационных моделей. Кстати, наверное, и тот факт, что жители села активно трудятся на земле, в общем-то и не дает им временных возможностей (помимо объективных – отсутствия поблизости учебных заведений и рынка рабочих мест) включиться в другую, активную модель.

Кстати, заметим, что жители сел также не склонны выбирать и модель социальной помощи: они реже обращаются к друзьям и родственникам за материальной помощью, чем жители городов. Объясняющим фактором здесь может быть то, что родственники и друзья, скорее всего, находятся в точно такой же тяжелой экономической ситуации и просить у них помощи сложнее.

В выборе пассивной стратегии, основанной на экономии всех видов, различия меду разными типами семей составляют лишь несколько процентных пунктов. Самый большой разрыв – почти в 10 процентных пунктов – отделяет семьи, состоящие только из пенсионеров, по статье экономии на питании. Что же касается других вариантов поведения, то здесь вырисовывается более интересная картина. В самом трудном положении оказались неполные семьи с детьми и без пенсионеров. В нашей типологии этот тип домохозяйства определяется как «один взрослый с одним–двумя детьми без пенсионеров». Тот факт, что один человек оказался с детьми на руках, заставлял его в два раза чаще, чем все другие семьи, искать дополнительную работу, и в два раза чаще обращаться за помощью к друзьям.

С учетом того, что на одном человеке концентрируются все обязанности как по воспитанию детей, так и по обеспечению себя и детей материальными благами (работа на основной и дополнительной работе), то, конечно, времени на то, чтобы работать еще и на приусадебном участке, просто нет. В рассматриваемом нами типе семей мы обнаружили самый маленький процент выбравших стратегию работы на земельном участке. Чаще других типов семей стратегию работы на земле выбирали многодетные семьи: в два раза больше, чем семьи пенсионеров, взрослых без детей и с детьми. Так как многодетные семьи в большей мере концентрируются в селах, то именно место проживания служит определяющим фактором при выборе этой адаптационной модели в случае с многодетными семьями.

Выбор стратегии в определенной мере зависит и от возраста респондента. Тот факт, что большинство вошедших в возрастную группу до 19 лет, живет в семье со старшими членами, дает нам объяснение того, что среди молодой когорты гораздо меньше людей, выбравших пассивную адаптационную стратегию, да и вообще какую бы то ни было стратегию. Процент людей, выбирающих такие компоненты социальной стратегии адаптации, как материальная помощь друзей и родственников, в большей мере наблюдается в серединных возрастных категориях, а в возрасте после 60 лет процент выбора данной стратегии снижается в два раза. Автор склонен считать, что это может объясняться тем, что в более пожилом возрасте у человека становится меньше родственников и друзей – не членов домохозяйства, к которым он может обратиться за материальной помощью. Хотя у автора есть и другая гипотеза, частично она будет проверена дальнейшим анализом. Так как в возрастную группу после 60 лет входят в основном пенсионеры, то можно предположить, что социальные трансферты, получаемые ими в виде пенсий, и выбранная стратегия экономии дают тот необходимый минимум для жизни, который позволяет им не искать дополнительной материальной помощи у родственников и друзей.

Кстати, отметим, что почти 19% респондентов не выбрали никакой адаптационной стратегии, как будто данная проблема для них не существует. Анализ причин подобного поведения показал, что в основном в эту группу людей, вошли либо очень молодые, либо очень пожилые, а также те, чье объективное или субъективное материальное положение позволяло сделать такой выбор. Но в рамках данного проекта мы не стали разрабатывать это направление дальше, так как оно оказалось достаточно сложным, и здесь возможно множество объясняющих факторов такого поведения.

Пассивные адаптационные модели 2000 г.

Если мы обратимся к опросу 2000 г. и посмотрим, какие изменении произошли в выборе адаптационных моделей россиян, то мы увидим, что процент людей, выбравших стратегию экономии на покупке одежды и обуви, остался неизменным, несколько уменьшилось число людей, продолжающих экономить на питании; обращение за материальной помощью к друзьям и родственникам, а также продажа личных вещей из-за нехватки денег также незначительно, но уменьшились.

Нашей следующей задачей было исследовать, а произошли ли какие-то изменения внутри групп людей, выбирающих пассивные адаптационные стратегии, за прошедшие два года?

Семьи из первых пяти расходных децилей в 2000 г. стали экономить на покупке одежды и обуви, а также на отпуске еще больше, чем в 1998 г., но уже меньше стали экономить на питании. Если же говорить о последних децилях, то процент респондентов, выбравших пассивную модель адаптации, снизился по всем трем компонентам стратегии экономии приблизительно на 4 процентных пункта относительно 1998 г. Если в 1998 г. разница между первым и последним децилем в выборе стратегии экономии на одежде и обуви составляла 14 процентных пунктов, то в 2000 г. она составила 36 процентных пунктов, разница же между первым и десятым децилем в выборе стратегий экономии на питании и отпуске сохранилась неизменной. Мы можем сделать вывод, что благосостояние россиян увеличилось настолько, что позволило самым богатым увеличить свои расходы на одежду и обувь, а самым бедным – на питание.

Произошли изменения и в выборе такой адаптационной стратегии, как социальная помощь друзей и родственников. Разница между первым и десятым децилем в 1998 г. здесь составляла около 5 процентных пунктов. В 2000 г. первый дециль выбирал данную стратегию уже в два раза чаще, чем последний. Мы можем еще раз убедиться в том, что кризис 1998 г. ударил не только по бедным, но и по обеспеченным людям, и это хорошо видно по тому, какие адаптационные модели они выбирали. Но уже через два года ситуация изменилась к лучшему, и у более обеспеченных семей эти изменения к лучшему шли особенно динамично.

Гендерный фактор по-прежнему играет некоторую роль в выборе адаптационных моделей. Отметим сначала тот факт, что разница в 10 проц. пунктов между женщинами и мужчинами в выборе стратегии экономии на одежде и обуви сохранилась, причем не только соотношение, но и даже абсолютный процент. И мужчины, и женщины стали реже выбирать стратегию экономии на питании. Между мужчинами и женщинами сохранился небольшой разрыв в выборе стратегии обращения к помощи друзей и родственников (женщины, как и в 1998 г., обращаются к этой модели чаще, чем мужчины), но в целом число людей, выбирающих эту стратегию, сократилось.

Такой фактор, как место проживания семьи, объяснил нам, где же живут те семьи, в которых произошли улучшения экономического положения, которые стразу позволили сократить число людей, выбирающих стратегию экономии. Если в городах процент людей, выбравших стратегию экономии на питании и одежде уменьшился, то в сельских населенных пунктах он остался тем же или даже немного увеличился. Похожие изменения произошли в выборе стратегии социальной помощи друзей и родственников. Везде, кроме сел, процент выбравших данную адаптационную модель снизился, в селе он остался таким же. Наверное, это может говорить как о том, что существенных изменений в экономическом положении селян не произошло, так и о том, что данная стратегия для жителей села и не была превалирующей, и фактор экономического благополучия никак не связан с трансфертами от родственников и друзей. Что же касается того факта, что в крупных городах снизился процент

выбравших пассивные пути адаптации, то это может говорить как раз о том, что жители городов имели больше возможностей выбрать активную модель и, таким образом, увеличить свой доход и перестать экономить.

Сравнительный анализ изменений произошедших за два года в выборе стратегий в зависимости от типа семьи, показал, что стратегия экономия стала еще более популярной среди наименее защищенных групп населения: одиноких пенсионеров (семьи, состоящие только из пенсионеров) и многодетных семей: они стали выбирать стратегию экономии еще чаще, чем в 1998 г. (на 11 проц. пунктов – семьи с пенсионерами и на 5 проц. пунктов – многодетные).

Что же касается выбора стратегии социальной помощи, то она увеличилась только у семей одиноких пенсионеров, у всех остальных типов семей мы видим значительное уменьшение в выборе данной стратегии.

Очень интересен, на наш взгляд, сравнительный анализ выбора адаптационной модели и самооценки респондента по шкале субъективной бедности (это была девятибалльная шкала «нищий–богатый»). Те, кто охарактеризовали себя как «нищих» или стоящих на ступенях рядом с ними (второй и третьей), то есть сочли себя очень бедными, в два раза чаще выбирали стратегию экономии на одежде, чем на высшей ступени, в 4,5 раза чаще выбирали стратегию экономии на питании, в три раза чаще – экономию на отпуске и в три раза чаще были замечены в выборе адаптационной модели социальной помощи. Субъективно бедные россияне в четыре раза чаще обращались за материальной помощью в государственные службы и продавали свои вещи из-за нехватки денег.

Но процент людей, выбравших стратегию активной работы на своем земельном участке, оказался одинаково высоким и у самых бедных, и у самых богатых. Наверное, отношение к возделыванию земли и выращиванию для своего домохозяйства продуктов питания является чем-то большим, чем просто способ выжить. И дело здесь, наверное, не столько в получении дополнительного дохода, сколько в том, что семья получает качественные продукты со своего огорода, и неважно при этом, какой у нее доход и может ли она купить эти продукты на рынке или нет.

3. Активные адаптационные стратегии

Широко распространенная в 1998 г. стратегия выживания – стратегия экономии – для большинства воспользовавшихся ею, по их собственному же мнению, не принесла ожидаемых результатов, оказалась неэффективной. Возможно, из-за этого в 2000 и 2001 гг. число россиян, выбравших в качестве адаптационной стратегии модель экономии, стало снижаться, и некоторая часть людей выбрала активную стратегию (табл. 3).

Таблица 3

Изменения в использовании некоторых способов активной социально-экономической адаптации, 1998–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Способ адаптации	1998	2000	2001
Нашли дополнительную работу	7,2	9,3	10,8
Выращивали что-то на своем участке на продажу или обмен	–	8,1	7,6
Разводили скот, птицу, рыбу, другую живность на продажу	–	7,6	6,1
Продавали продукцию собственного домашнего изготовления или перепродавали товары, которые сами не производили	–	6,1	6,2
Оказывали услуги за плату (ремонт, частный извоз, репетиторство и т.п.)	–	4,6	7,2
Сдавали внаем квартиру, дачу, комнату, гараж, автомобиль	–	0,6	1,1
Клали деньги в банк под проценты, давали взаймы под проценты	–	1,2	1,5
Всего опрошено:	7580	7166	7397

«–» – невозможно получить сопоставимые цифры для сравнения из-за отсутствия замеряемых индикаторов

Источник. Расчеты сделаны не на панельном файле, а на структурной модели выборки (т.н. «cross-sectional»).

Правда, надо отметить, что такие способы активной экономической адаптации, как попытка заняться предпринимательством, смена профессии, специальности и места работы, а также переобучение по прежней или новой специальности, были выбраны крайне малым количеством людей. Так, например, попытки заняться предпринимательством – организовать собственное дело – были отмечены у 8,8% опрошенных в 1998 г., у 9,1% – в 2000 г. и у 10,9% опрошенных в 2001 г. Однако осуществить задуманное удалось только 2,5% опрошенных в 1998 г., 3,3% в 2000-м и 4,0% в 2001 г.

За 1998–2001 гг. доля россиян, сменивших одновременно и место работы, и профессию, снизилась с 16,5% до 10,8%, а сменивших только место работы – с 9% до 6,8%. Однако, рассматривая эти данные, необходимо учитывать, что мобильность людей в сфере труда в эти годы могла быть обусловлена разными обстоятельствами. Для одной части людей профессиональные перемены были следствием их активности и настойчивости в поиске новой, хорошо оплачиваемой работы, а для других – результатом потери прежнего рабочего места из-за сокращения штатов или закрытия предприятия.

Не лучшим образом складывается ситуация и с профессиональным переобучением: число респондентов, прошедших профессиональную переподготовку (в течение последних пяти лет) продолжает уменьшаться. Практически были лишены возможности пройти профессиональное переобучение лица, наиболее нуждающиеся в нем, – безработные и незанятые. Так, к концу 2001 г. профессиональную переподготовку прошли всего лишь 2,7% безработных мужчин и 7,1% безработных женщин. Среди незанятых мужчин и женщин эти показатели составили, соответственно, 4,1 и 2,9%. Это самые низкие показатели за все время проведения исследования РМЭЗ.

Поэтому одним из наиболее распространенных способов активной адаптации стала дополнительная оплачиваемая работа (так называемая постоянная вторичная занятость) и оказание услуг за плату (так называемая случайная, временная занятость), а также мелкий бизнес в виде разведения скота, птицы, рыб на продажу, выращивание продуктов на своем участке на продажу или обмен и мелкая торговля. Для сельских семей такая специфическая форма вторичной занятости, как ведение личного подсобного хозяйства, является одновременно и одним из основных способов выживания.

Семьи из верхнего дециля воспользовались такими способами активной адаптации, как продажа выращенной или произведенной продукции самим домохозяйством, живности, а также перепродажа товаров, которые домохозяйство само не производило, в три–пять раз чаще, чем семьи из первого дециля расходов. Правда, надо заметить, что этот факт говорит о том, что у более обеспеченных семей есть ресурсы для того, чтобы начать производить что-либо на продажу или закупать товары для дальнейшей перепродажи, и это еще раз подтверждает одну из наших гипотез о том, что для активного преодоления кризиса очень важным является человеческий капитал, накопленные знания и умения, и некоторый первоначальный капитал.

Анализ зависимости между активными путями адаптации и полом респондента доказывает тот факт, что мужчины чаще, чем женщины заняты на дополнительной работе, а также заняты в сфере предоставления услуг (ремонт, частный извоз, репетиторство), а женщины продают продукцию собственного производства или занимаются торговлей.

Оказание услуг за плату, возможно, более востребовано в городах и требует некоторой образовательной подготовки, поэтому этот путь активной адаптации в два раза чаще выбирается в областных центрах, нежели в селах. Но именно в селах, мы наблюдаем подавляющее число домохозяйств, выживающих за счет продажи выращенного на своем участке (16,6% в селах, 1,2% в городах и 8% в среднем по массиву).

Анализ выбора активных стратегий в зависимости от типа домохозяйства показал, что чаще активные пути адаптации, связанные с продажей выращенного на своем участке и произведенного в домохозяйстве, выбирают многодетные семьи. Мы можем интерпретировать это двояко: и как то, что многодетные семьи большей частью проживают в селах, и то, что в многодетной семье необходимо найти такую работу, которая бы позволяла большую часть времени проводить с детьми, в своем домохозяйстве.

Анализируя распределение активных стратегий по шкале самоопределения своего благосостояния, мы также обнаружили интересную зависимость: те респонденты, которые выбрали такие активные пути адаптации, как производство и выращивание на продажу или закупка товаров для дальнейшей перепродажи, относили себя к высшей ступени благосостояния в два раза чаще, чем в среднем по массиву. Никакие другие активные пути адаптации не показали столь ярких отличий.

Анализ активных стратегий 2001 г. подтвердил уже обнаруженные зависимости 2000 г. Мы можем добавить только то, что такая активная стратегия, как оказание услуг за плату, стала наблюдаться почти в два раза чаще, а различия по полу в выборе этой стратегии стали еще ярче: 11,7% мужчин и 3,3% женщин (в среднем по массиву – 7,2%), а в 2000 г. соотношение по полу было 7,4% и 2,3% соответственно.

В 2001 г. по сравнению с 2000 г. на 5 процентных пунктов увеличилась доля работающих взрослых из неполных семей с детьми, которые нашли дополнительную работу, и достигнутый показатель – 19,5% – является самым высоким среди всех других типов семей и в два раза выше, чем в среднем по массиву.

4. Интегральные показатели

На следующем этапе нашего исследования предполагалось построить сводный индивидуальный индекс стратегий выживания, а также попытаться выйти на уровень домохозяйства и построить семейный индекс выживания как сумму стратегий всех членов семьи.

Здесь автор столкнулся с тем, что, в зависимости от принятого им решения (авторской воли), сконструированные индексы могут показывать очень разные результаты. Например, если подойти к построению индивидуальной модели адаптации строго и в качестве активной модели рассматривать выбор хотя бы одного из предложенных активных компонентов, не обращая при этом внимания на то, сопутствует ли этому выбору также и какой-то из пассивных путей, то процент респондентов с активной моделью будет около 30%. Если же считать, что выбор активной модели предполагает, что респондент выбирает только какую-то активную стратегию и не может при этом пользоваться никакими пассивными путями выживания, то тогда процент будет гораздо ниже – всего 9%.

Автор решил построить свою модель исходя из приоритета активного компонента адаптации. Респондент считался выбравшим активную модель адаптации в том случае, когда он выбрал хотя бы один из предложенных активных компонентов (даже если он при этом одновременно не отрицал для себя возможности воспользоваться тем или иным пассивным компонентом). Если же респондент не выбрал ни одного из предложенных активных компонентов, но зато выбрал хотя бы один пассивный компонент, то он считался в рамках данного анализа выбравшим пассивную модель. Все оставшиеся, т.е. те, кто не выбрал ни одного активного и ни одного пассивного компонента, создали третью категорию индекса – так называемых «ничего-не-делающих».

При таком подходе к определению адаптационной модели мы получили следующие три категории респондентов: придерживающихся активной стратегии – 33,5%, пассивной (т.е., неактивной) – 45,1% и не выбравших ни одну из предложенных стратегий – 21,4% (по данным 1998 г.). Заметим еще раз, что в пассивную модель адаптации вошли не только стратегии экономии, но и стратегии обращения за социальной помощью любого вида. В табл. 4 представлены полученные индексы по трем волнам РМЭЗ на данных индивидуального уровня.

Таблица 4

Распределение индивидуальной адаптационной модели, 1998–2001 гг., %
(по данным РМЭЗ)

Адаптационная модель	1998	2000	2001
Активная	33,5	38,0	36,3
Пассивная	45,1	40,2	37,0
Ни активная, ни пассивная	21,4	21,8	26,8
Всего	100,0	100,0	100,
Количество наблюдений	7580	7166	7397

С построением семейной адаптационной модели возникают еще большие трудности. Стало очевидным, что выбираемая модель зависит от типа домохозяйства, и продиктована тем, какой тип поведения выбирается другими членами домохозяйства. Так, например, если домохозяйство состоит из одного члена, то в 25% таких семей выбор осуществляется в пользу активной модели, и в основном это семьи взрослых работоспособного возраста без детей. В 58% случаев – выбор семьи, состоящей из одного человека, падает на пассивную модель адаптации, и наибольшее количество таких случаев дает нам домохозяйство, состоящее из одного пенсионера. Наконец, в 16% случаях домохозяйство, состоящее из одного члена, не выбирает ни активной, ни пассивной модели, и тогда мы можем говорить о том, что доход этого домохозяйства по отношению к расходам таков, что не требует никаких предложенных путей выживания: ни активных, ни пассивных. Такая задача перед ним просто не стоит, или он ее таковой не считает.

Если взглянуть на то, каким образом осуществляется выбор семейной стратегии в домохозяйствах, состоящих из двух человек, то мы увидим, что одновременное присутствие активной модели адаптации у обоих членов семьи наблюдается только в 19,5% семей одновременное появление пассивной модели у всего домохозяйства – в 31,5% семей, и в подавляющем большинстве случаев (93%) речь идет о тех же пенсионерах и взрослых без детей, и лишь 7% таких семей – это семьи, состоящие из одного взрослого и одного ребенка.

И чем больше размер семьи, тем реже мы будем встречать единодушие всех членов семьи в выборе адаптационных стратегий. Тому есть несколько очевидных объяснений. Во-первых, не все члены семьи, как и не все семьи, в силу своих социально-демографических характеристик имеют равновероятную возможность выбирать ту адаптационную стратегию, которую они хотят. Кому-то не позволяет образовательный уровень, кому-то – необходимость тратить свое время на воспитание и уход за детьми, кто-то в силу возраста уже просто не может найти себе место на рынке труда, а кто-то еще не получил такой возможности и пока находится в семье на положении иждивенца. А во-вторых, очевидно, если в семье есть несколько человек со стабильным заработком, которые к тому же, будучи в расцвете сил, смогли активно включиться в дополнительную занятость, то вполне возможна вероятность того, что другим членам семьи выбирать активную модель адаптации уже просто не нужно.

Поэтому автор считает, что для правильного определения семейной модели адаптации необходимо разрабатывать ее для каждого типа домохозяйства отдельно. Но в рамках данного проекта был осуществлен более простой подход к определению семейной стратегии: семья считалась выбравшей активную модель в том случае, когда хотя бы один из ее членов выбрал такую модель для себя. Если в семье не было ни одного члена, который бы выбрал активную модель, семья классифицировалась как выбравшая пассивную модель поведения. И, как и в индивидуальных моделях, образовался класс семей, которые не выбрали ни пассивной, ни активной стратегии.

Таблица 5

Индекс адаптационных стратегий семейного уровня по типам домохозяйств, 2001 г., % (по данным РМЭЗ)

Семейная стратегия адаптации	Всего	Взрослые без детей	Пенсионеры	Один взрослый с 1–2 детьми без пенсионеров	Два и более взрослых с 1–2 детьми без пенсионеров	Один и более взрослых, 1–2 детей и 1 и более пенсионеров	Многодетные
Активная	51,6	47,8	25,7	46,0	64,7	56,6	88,4
Пассивная	34,5	38,5	50,1	46,0	24,9	32,2	5,8
Ни активная, ни пассивная	13,9	13,7	24,2	8,0	10,4	11,1	5,8

Следующим шагом стал анализ изменений стратегий одних и тех же индивидов в разные годы, для чего мы объединили наблюдения трех годов (1998, 2000 и 2001 гг.). Автором был построен индекс постоянной бедности, который классифицирует всех респондентов по тому,

попадали ли они за черту бедности в исследуемые годы. По нашим оценкам, на *индивидуальном* уровне 17,2% респондентов все три волны были ниже черты бедности, 26,6% – все три волны были выше нее, 10,5% попали за черту бедности и не вышли за нее и 38% респондентов попали за черту бедности в один из обследуемых годов, но смогли выйти из нее.

Оценки индекса на *семейном* уровне (по основным социально-демографическим типам домохозяйств) представлены в табл. 6.

Таблица 6

Индекс постоянной бедности и тип семьи, 1998–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Категория индекса	Всего	Взрослые без детей	Пенсионеры	Один взрослый с 1–2 детьми без пенсионеров	Два и более взрослых с 1–2 детьми без пенсионеров	Один и более взрослых, 1–2 детей и 1 и более пенсионеров	Многодетные
Три волны ниже черты бедности	18,7	15,4	1,8	35,0	25,8	24,7	46,1
Вышли из бедности	41,2	48,0	30,9	34,0	42,9	46,5	26,5
Три волны выше черты бедности	28,8	26,6	64,8	18,4	16,3	12,7	3,4
Попали в бедность	11,4	10,0	2,5	12,6	15,0	16,1	24,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Как мы видим, и как показывают многочисленные исследования, в категорию хронически бедных попадают прежде всего многодетные семьи и неполные (один взрослый с детьми), они же в большей степени попадают и во временную бедность, и мы практически не наблюдаем семей, состоящих только из пенсионеров в этой категории. А выйти из бедности оказалось более вероятным для семей взрослых без детей.

Совместное распределение двух индексов – постоянной бедности и вида адаптационной модели человека – представлено в табл. 7.

Таблица 7

Индекс постоянной бедности и адаптационные модели респондентов, 1998–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Категория индекса	Всего	Активная модель			Пассивная модель			Ни активная, ни пассивная		
		1998	2000	2001	1998	2000	2001	1998	2000	2001
Три волны ниже черты бедности	18,7	16,9	21,3	21,4	17,4	17,7	21,2	22,5	15,8	11,6
Вышли из бедности	41,2	40,9	37,4	39,6	43,8	43,5	39,6	37,4	43,4	45,4
Три волны выше черты бедности	28,8	29,1	26,9	25,3	29,7	29,8	29,4	27,2	30,3	32,5
Попали в бедность	11,4	13,1	14,5	13,7	9,2	8,9	9,8	12,9	10,5	10,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проанализировав таблицы сопряженности индекса постоянной бедности и индекса индивидуальной адаптационной модели, мы обнаружили следующую закономерность: среди респондентов, которые три волны подряд находятся ниже черты бедности, доля выбирающих активную адаптационную модель была ниже только в 1998 г., а в 2002 и 2001 гг. была даже выше, чем у остальных. Так как в нашей модели активная стратегия – это, по сути, активный поиск подработок, дополнительной работы и любого случайного заработка, то становится понятно, почему к этой модели прибегают в первую очередь те, кто является постоянно бедным и всяческими путями ищет выход из кризисной ситуации.

Семьи, которые «вышли из бедности» за 1998–2001 гг., практически в равной мере воспользовались как активной, так пассивной адаптационной моделью. Также заметим, что происходит увеличение числа респондентов, которые «вышли из бедности», не выбрав при этом

ни активной, ни пассивной стратегии. Это еще раз подтверждает тот факт, что активная стратегия в нашем понимании скорее должна рассматриваться как вспомогательная при выборе адаптационного пути, а те, кто «выходит из бедности» и тем более в нее не попадают, добиваются этого прежде всего за счет основной высокооплачиваемой работы, и чаще всего – на частном предприятии.

Исходя из полученных данных, мы видим, что порядка 40% респондентов смогли выйти из бедности, при этом 40,9% из них воспользовались активной адаптационной моделью, 39,6% – пассивной, а оставшаяся часть – 45,4% – не воспользовались ни активной, ни пассивной моделью (в 2001 г.). Таким образом, сделать однозначный вывод о том, что из бедности выходят те, кто выбрал активную позицию, а остаются в бедности те, кто выбрал пассивную, нельзя.

Обратимся теперь к анализу разных типов домохозяйств (табл. 8). Наше исследование подтвердило результат анализа стратегий выживания россиян, проведенный М. Локшиным и Р. Емцовым: вероятность выбора только пассивной стратегии у таких типов семей, как неполные (один взрослый с одним–двумя детьми) и одиноких пенсионеров, больше, чем у других типов семей, но вероятность попасть при этом в бедность, особенно хроническую – выше только у неполных семей. У пенсионеров, проживающих отдельным домохозяйством, как мы уже отмечали, эта вероятность самая низкая среди всех типов семей.

Таблица 8

Адаптационные стратегии по типам домохозяйства и индекс постоянной бедности, 1998–2001 гг., % (по данным РМЭЗ)

Тип семьи	Типы моделей	Всего	Три волны ниже черты бедности	Вышли из бедности	Три волны выше черты бедности	Попали в бедность
Взрослые без детей и пенсионеров	Активная адаптационная модель	33,4	31,2	31,2	37,2	37,4
	Пассивная адаптационная модель	39,9	57,1	37,5	34,2	39,8
	Ни активная, ни пассивная	26,7	11,6	31,3	28,6	22,8
Пенсионеры	Активная адаптационная модель	21,7	12,5	20,4	23,2	4,3
	Пассивная адаптационная модель	48,4	68,8	50,4	47,3	39,1
	Ни активная, ни пассивная	29,9	18,8	29,3	29,5	56,5
Один взрослый с 1–2 детьми без пенсионеров*	Активная адаптационная модель	36,9	30,6	45,7	42,1	23,1
	Пассивная адаптационная модель	45,6	55,6	40,0	36,8	46,2
	Ни активная, ни пассивная	17,5	13,9	14,3	21,1	30,8
Два и более взрослых с 1–2 детьми без пенсионеров	Активная адаптационная модель	42,6	46,4	39,5	43,7	43,7
	Пассивная адаптационная модель	31,4	36,7	31,1	22,5	32,5
	Ни активная, ни пассивная	26,0	16,9	29,4	33,8	23,9
Один и более взрослых, 1–2 детей и 1 и более пенсионеров	Активная адаптационная модель	37,4	34,9	36,1	23,2	56,3
	Пассивная адаптационная модель	33,6	39,4	31,7	33,9	29,6
	Ни активная, ни пассивная	29,0	25,7	32,2	42,9	14,1
Многодетные	Активная адаптационная модель	57,8	54,3	64,8	71,4	55,1
	Пассивная адаптационная модель	20,1	28,7	14,8	14,3	10,2
	Ни активная, ни пассивная	22,1	17,0	20,4	14,3	34,7

* Уровень значимости статистики X^2 в этом слое равен 0,517. Во всех остальных случаях он меньше 0,05%.

Хорошим примером здесь может служить ситуация, сложившаяся с таким типом домохозяйства, как семьи пенсионеров. Вероятность обнаружить этот социально-демографический тип домохозяйства в числе «постоянно бедных» практически равна нулю. И, разумеется, крайне мало пенсионеров может позволить себе выбрать активную стратегию.

Если же мы обратимся к структуре семейного дохода домохозяйств, состоящих из одних пенсионеров, то увидим, что в панельном файле семьи пенсионеров, выбравших активную адаптационную модель, в структуре доходов имели 38,5% государственных трансфертов и 36,4% дохода от продукции, произведенной в домохозяйстве. Выбравшие пассивную модель имели в структуре дохода 60,2% государственных трансфертов и 23,6% дохода от продукции, произведенной в домохозяйстве, т.е. пенсионеры, выбравшие активную модель, имели практически равный доход от государства и от собственного труда. К сожалению, мы можем констатировать здесь только зависимость между типом поведения домохозяйства и полученным результатом. И можем предположить, что если семья пенсионеров получает социальные выплаты от государства, незначительные в долевом отношении ко всему доходу, то она вынуждена искать дополнительный источник дохода, которым и становится в первую очередь производство продукции в самом домохозяйстве.

Посмотрим теперь, есть ли отличия в структуре дохода семей пенсионеров, которые «вышли из бедности» с разными стратегиями. Семьи пенсионеров, которые вышли из бедности с активной адаптационной стратегией, имели 53% дохода от государственных трансфертов и 32% дохода от продукции произведенной в домохозяйстве. Те же семьи, которые вышли из бедности с пассивной стратегией, имели 71% дохода от пенсий и льгот и лишь 16% дохода от продукции, произведенной в домохозяйстве.

Еще большая разница в структуре дохода обнаружилась при анализе тех семей, которые все три раунда обследований находились за чертой бедности. Семьи пенсионеров, выбравшие активную стратегию, имели даже 71% дохода от государственных трансфертов и только 27% дохода от продукции произведенной в домохозяйстве; выбравшие пассивную стратегию – 60% и 12% соответственно.

Заметим также, что домохозяйства пенсионеров, выбравшие активную адаптационную стратегию и вышедшие из бедности, занимались не только производством продукции, но и подработками, сдачей собственности внаем и даже работали на государственном или частном предприятии – т.е. использовали почти все возможные способы активной адаптации.

Согласно нашим оценкам, хотя роль государственных трансфертов достаточно велика в семьях пенсионеров, но если такие домохозяйства не выбирают ни модель экономии, ни активную модель адаптации, то их число среди тех, кто попал в бедность, становится в два раза больше, чем в среднем в рассматриваемой категории семей (семьях пенсионеров).

Анализ семей, состоящих из взрослых с детьми и без пенсионеров, показал, что роль государственных трансфертов в доходе семьи крайне незначительна. В семьях, которые вышли из бедности и не вышли из нее, существенная разница в структуре дохода наблюдается только в процентах дохода от производства и продажи собственной продукции – в первом случае она ниже, чем во втором, на 10 процентных пунктов. Это еще раз подтверждает тот факт, что активная подработка (случайная занятость и домашнее производство) вынужденно увеличивается в рассматриваемом типе бедных семьях, но не приносит им желаемого результата – выхода из бедности.

В неполных семьях выбор пассивной модели адаптации повышает риск остаться в числе постоянно бедных. И, напротив, выбирая активную модель, неполная семья имеет неплохие шансы оказаться в числе тех, кто вышел из бедности.

5. Заключение

Экономическое поведение большинства российских семей характеризует пассивная стратегия адаптации к новым рыночным условиям. Особенно типично это было в 1998 г. – сразу после августовского кризиса. К доминирующим способам выживания относилась экономия имеющихся средств, прежде всего на покупке вещей первой необходимости, на отпуске и питании. Однако уже спустя три года части российских семей удалось приспособиться к новой ситуации настолько, что доля прибегавших к экономии на покупке одежды и обуви снизилась с 62,9% до 48,3%, а экономивших на питании – с 53,5 до 36,3%. Но в то же время необходимо заметить, что улучшение ситуации в основном произошло в

городах и областных центрах, в семьях, относящихся к наиболее высокодоходным группам. Это в очередной раз доказывает тот факт, что более благополучная семья как в финансовом смысле, так и в плане человеческого капитала оказывается в более выгодном положении и потому быстрее адаптируется к экономическим условиям.

О позитивных изменениях в развитии механизмов адаптации свидетельствует также снижение числа обращавшихся за материальной помощью к родственникам или друзьям, а также в государственные организации, снижение количества домохозяйств, занимавшихся продажей вещей из-за нехватки средств и даже снижение числа семей, занимающихся ведением подсобного хозяйства как способом выживания. Одновременно шло последовательное снижение в структуре совокупного дохода домохозяйств, начиная с 1998 г., средней доли натуральных доходов от домашнего производства и частного сектора (с 17,8 до 7,5%), а также средних показателей доли доходов от помощи родственников, благотворительности и от продажи личного имущества.

Широко распространенная в 1998 г. стратегия выживания – стратегия экономии – для большинства воспользовавшихся ею, по их собственному же мнению, не принесла ожидаемых результатов, оказалась неэффективной. Возможно, из-за этого в 2000 и 2001 гг. число россиян, выбравших в качестве адаптационной модели модель экономии, стало снижаться, и некоторая часть людей выбрала активную стратегию.

Правда, надо отметить, что такие способы активной экономической адаптации, как попытка заняться предпринимательством, смена профессии, специальности и места работы, а также переобучение по прежней или новой специальности, были выбраны крайне малым количеством людей. За 1998–2001 гг. доля россиян, сменивших одновременно и место работы, и профессию, снизилась с 16,5% до 10,8%, а сменивших только место работы – с 9 до 6,8%.

Одним из наиболее распространенных способов позитивной адаптации стала дополнительная оплачиваемая работа (так называемая постоянная вторичная занятость) и оказание услуг за плату (так называемая случайная, временная занятость), мелкий бизнес в виде разведения скота, птицы, рыб на продажу, выращивание продуктов на своем участке на продажу или обмен, а также мелкая торговля. Для сельских семей такая специфическая форма вторичной занятости, как ведение личного подсобного хозяйства, является одновременно и одним из основных способов выживания.

Кто же остался в бедности? Прежде всего сельские жители, если они не выбрали активную адаптационную модель, многодетные и неполные семьи. При этом как в 2001-м, так и в 2000-м и даже в 1998 гг. помимо семей, выбравших пассивную либо активную модель (и часто смешанную активно-пассивную), всегда был достаточно большой процент семей, которые по нашей типологии отнесли себя к «ничего не делающим». Этот термин означает, что они не экономили, но и не принуждали себя к активным действиям. С помощью процедуры дисперсионного анализа нами был получен следующий результат: семьи с активной адаптационной моделью и семьи «ничего не делающих» для преодоления кризиса не отличались по среднедушевому доходу и расходу. Существенное отличие в средних доходах–расходах было замечено только между семьями, выбравшими пассивную модель и активную. Проследив изменения адаптационных моделей с 1998 по 2001 г., мы увидели, что часть людей, отказавшихся от пассивной адаптационной модели, перешли как в активную, так и в категорию «ничего не делающих», или, лучше сказать, не нуждающихся ни в пассивной, ни в активной модели в тех терминах, что был описаны в нашем исследовательском проекте. И тот факт, что средние доходы таких «ненуждающихся» семей крайне близки к средним доходам «активных» респондентов, доказывает, что как только постоянные доходы семьи достигают некоторого необходимого ей уровня, в большинстве случаев задача экономии, а также активного поиска дополнительного источника дохода исчезает.

Несмотря на то, что для создания индивидуальной и семейной адаптационной модели, автор пользовался в основном субъективными индикаторами, большая их часть была подтверждена объективными характеристиками индивидов и домохозяйств, которые также были представлены в вопросниках. И поэтому мы можем сказать, что даже такой относительно субъективный показатель, как выбираемые способы адаптации, как их декларировали сами

респонденты, показывает, что с 1998 по 2001 г. в России произошли положительные перемены. И это не только объективные сдвиги в экономических и социальных показателях, но и улучшение общего позитивного настроя многих семей относительно своего текущего положения и оценки будущих перспектив. Многие семьи перестали выживать и начали жить.

Но, говоря о преодолении частью российских семей экономического кризиса (чему свидетельствует уменьшение количества домохозяйств, находящихся за чертой бедности), мы не можем игнорировать тот факт, что путь выхода из кризиса у каждой семьи и у каждого индивида был свой. Набор субъективных и объективных характеристик каждого человека: уровень образования, возраст, наличие работы, тип семьи, в которой он проживает и особенно – в каком регионе он живет, влияет на выбор модель адаптации и на то, окажется ли она эффективной или нет.

Литература

Кабалина В.И., Кларк С.. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России. М.: РОССПЭН, 1999.

Кларк С. Бедность в России // «ЭКО», 1998. № 10–12.

Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Эволюция социального самочувствия россиян и особенности социально-экономической адаптации (1994–2001 гг.) // Россия реформирующаяся / Под. ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 160–183.

Можина М.А. «Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению бедности. М.: Московский центр Карнеги, 1998.

Мониторинг экономических условий в Российской Федерации. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения 1992–2002 гг., март 2003.

Мроз Т.А., Попкин Б. М. Бедность в период экономических преобразований в Российской Федерации. Университет Чикаго, 1995.

Овчарова Л.Н., Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Бедность в России // «Мир России». 2000. № 4.

Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: ИСЭПН, 2002.

Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Альтернативные подходы к определению бедности / Куда идет Россия: Трансформация социальной сферы и социальная политика. Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 209–218.

Радаев В.В. Кто поможет работающим бедным? // «Pro et contra». 2001. № 6.

Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П. М. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // «Мир России». 1999. № 3. С. 153–172.

Спрысков Д.С. Устойчивая бедность в России, проект «Политические реформы и преобразование социальной сферы в России», М., 2000.

Тапилина В.С. Представления населения о причинах бедности и богатства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 124–130.

Ярошенко С.С., Лыткина Т.С., Сидорова В.А. Социальная поддержка официальных бедных в условиях социальной трансформации: институт зависимости или канал восходящей мобильности, финальный отчет по проекту НИСП, Сыктывкар, 2003.

Clark S. Sources of Subsistence and the Survival Strategies of Urban Russain Households. // Work, Employment and Transition: Restructuring Livelihoods in Post-Communist Eastern Europe. A. Smith, A. Rainnie, A. Swain (eds.). Routledge, 2001.

Lokshin M., Yemtsov R. «Household strategies for coping with poverty and social exclusion in post-crisis Russia». // World Bank Pub. Date: February 26, 2001.

Mroz T. A., Henderson L., Bontch-Osmolovski M. and Popkin B. M.. «Monitoring Economic Conditions in the Russian Federation: The Russia Longitudional Monitoring Survey 1992–2002», USAID, 2003.

Елена Иванова

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ТРАНСФЕРТЫ КАК РЕЗЕРВ СНИЖЕНИЯ БЕДНОСТИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ

Старение населения в экономически развитом мире и ряде стран со средним уровнем экономического развития вызывает целый комплекс социально-экономических последствий, необходимость разработки или совершенствования программ социального обеспечения пенсионеров. В 2003 г. доля лиц пенсионного возраста в России составила 21% от общей численности населения и, учитывая современную демографическую ситуацию, имеет тенденцию к росту. На протяжении последнего десятилетия, по данным Госкомстата России, происходило абсолютное и относительное падение уровня жизни пенсионеров, что позволяет отнести их к группе риска, подверженной повышению уровня бедности. Так, средний размер назначенной пенсии составлял к концу XX столетия менее 70% величины прожиточного уровня пенсионера и около 30% среднего размера начисленной заработной платы.

Достижение пенсионного возраста в современной России стало фактором бедности. Согласно итогам обследования бюджетов домашних хозяйств в конце 1990-х годов, наибольшая доля бедных отмечалась именно в тех социально-демографических группах, доходы которых состояли из поступлений в виде фиксированной пенсии или зарплаты. К малоимущим и крайне бедным категориям населения в 2000 г. относилось более 30% пенсионеров по старости и 36% неработающих пенсионеров.

Оценки современного состояния доходов населения России позволяют сделать вывод о существовании экономического и социального неравенства между различными поколениями. Следует учесть, что полная информация о доходах населения практически недоступна, существуют лишь количественные оценки доходов, основанные на различных источниках информации. Между тем механизмы формирования, распределения и использования доходов в каждом конкретном случае очень специфичны. В эти процессы возможно вмешательство не только со стороны государства (так называемое вертикальное), но также и со стороны отдельных членов семьи, близких друзей и т.д. (горизонтальное). Различные виды трансфертов могут способствовать достижению экономического равенства между поколениями, но могут и усугублять неравенство.

1. Современное состояние исследований межпоколенных трансфертов

Среди исследований проблем межпоколенных взаимоотношений в Западной Европе отчетливо прослеживаются три принципиально важных компонента, характеризующих достижение равенства между поколениями (Attias-Donfut, 1995. P. 21): 1) размеры социальных выплат, направленные молодым и пожилым людям; 2) достижение справедливости в отношении последующих возрастных когорт – соблюдение прав современных молодых поколений на получение пенсии в размере, эквивалентном размерам пенсий, существующим в той или иной стране на данный момент; 3) право на справедливое возмещение поколению затрат, произведенных на благо общества (государства, семьи) в течение всего периода его жизни.

Если действие первого фактора отражает особенности фискальной политики государства и наглядно демонстрирует соотношения в перераспределении бюджетных средств и, соответственно, количественное выражение степени равенства в определенный период времени, то два других фактора требуют конкретизации. Следует уточнить, например, допустимо ли установление принципа эквивалентности в уровне жизни между разными поколениями пожилых людей, которые жили в разных эпохах и у которых, соответственно, сформировались особые, различающиеся потребности, окружение, нормы, отношения и т.д. Кроме того, особенности исторического опыта нашей страны показывают, что вклад, привнесенный несколькими поколениями в развитие экономики, общества или просто конкретной семьи, редко соотносился с размерами доходов, полученных ими.

Известно, что различные государственные социальные программы по сути своей представляют собой структурированные трансферты, перераспределяющие ресурсы между занятым и пожилым населением. Несмотря на отсутствие единого подхода к достижению сбалансированного социального взаимодействия поколений в развитых странах, можно выделить несколько общих тенденций в развитии ситуации. Так, в странах, наиболее благополучных с экономических позиций, все более отчетливо проявляется отход государства от решений практической стороны обеспечения жизни лиц пожилого возраста и снижение активности государства в области наращивания социально ориентированных программ. Дальнейшее усиление перераспределения потоков социальных благ при посредничестве государства в пользу старших поколений все больше ставится под сомнение.

Одновременно отмечается сохранение национальных черт и особенностей сложившихся систем в каждой из стран, которые с неизбежностью приходится учитывать, принимая решения по реформированию сферы социального и пенсионного обеспечения. Национальная и историко-культурная специфика социально-демографического и политического устройства государств накладывает дополнительные ограничения на возможность следования универсальным рекомендациям.

Как показывают работы зарубежных исследователей, межпоколенные трансферты не только составляют значительную часть в общем накопления благ в обществе, но и способствуют достижению экономической и социальной справедливости в отношениях между различными возрастными группами (Holtz-Eakin and Smeeding, 1994). Поиски моделей оптимального взаимодействия поколений направлены на разрешение конфликта между ними, в связи с чем происходит переоценка моделей осуществления трансфертов.

Межпоколенные внутрисемейные трансферты до сих пор являются социальной нормой и носят традиционный характер в Азии (Hermalin, 1997), Южной Европе (Clazer and Tomassini, 1999) и Восточной Европе (Kohli, 1999). В Западной Европе и США преобладают различные виды частной поддержки пожилых, имеющие избирательную направленность: во Франции, например, они чаще оказываются нуждающимся родителям (Attais-Donfut et Segalen, 1998), в США и Великобритании – родителям с ослабленным здоровьем либо потерявшим супруга и оставшимся одинокими (Wolf, 1994; McGarry and Schoeni, 1999).

«Альтруистские» модели, согласно которым частные трансферты направлены на уравнивание доходов между членами семьи, а дети оказывают своим родителям финансовую помощь, руководствуясь исключительно заботой об их благосостоянии, становятся все менее популярными (Barro, 1974; Becker, 1974, 1981; Pollak, 1988). На первый план выходят модели, описывающие трансферты с позиций взаимного «обмена» услугами и вкладами между поколениями на протяжении всего жизненного цикла семьи (Bernheim, 1991; Cox, 1987). Все большая роль отводится трансфертам как средству преодоления рыночных дисбалансов (Cox, 1992).

Среди исследователей современных межпоколенных трансфертов нет однозначных трактовок проблемы. Одни исследователи, критически относящиеся к усилению роли государства в распределении трансфертов, считают, что государственная социальная помощь не только не дополняет, но и ослабляет межпоколенные связи в семье (например, Kunemund and Rein, 1999). Другие в своих работах показывают, что объемы потоков материальных благ между различными поколениями в семье, несмотря на их относительную изоляцию друг от друга, имеют значительную величину (Kohli, 1999). В социологической литературе указывается и на другие виды помощи между поколениями: отмечаются ее значительные объемы в уходе за пожилыми и их обслуживанию (Bengtson and Achenbaum, 1994; Attais-Donfut, 1995), наличие эмоциональной поддержки (Lee 1996; Attais-Donfut 1995; Szydlik, 1996). Значение материальных трансфертов состоит не только в том, что они представляют собой важнейшую часть межпоколенных связей в семье, но также и в том, что они позволяют оценить взаимодействие и сочетание семейных и государственных видов социальной поддержки.

Исследования по данной проблеме, имеющие представительную выборку для населения отдельных стран, проводились в США (Lye, 1996; McGarry, 1998), Франции (Attais-Donfut, 1995), Германии (Kohli, 1999). Анализ указанных работ показывает, что в этих трех странах

существуют различные типы как семейных, так и государственных систем осуществления трансфертов. Если в США государственная система является либеральной, то в Германии и Франции – консервативной. В то же время механизм осуществления семейных трансфертов в Германии отличается от механизма, характерного для Франции, его «особый путь» связан с прошлым страны.

Семейные трансферты разделяются на две основные части: осуществляемые при жизни между членами семьи (inter vivos) и наследство. Первые представляют особый интерес для исследования, поскольку затрагивают особенности социальной политики. Как показывают исследования, пенсионеры не растрачивают накопленный ими капитал, а используют его для поддержки своих детей и внуков. Однако необходимо учитывать, что их накопления во время пенсионного возраста возможны благодаря действующей государственной пенсионной системе, отчислениям из доходов молодых работающих поколений, что способствует достижению баланса распределения материальных благ между поколениями.

В направлении движения семейных трансфертов преобладает поток от старших членов семьи к младшим. Так, в Германии помощь, оказываемая пожилыми людьми их детям и внукам, превышает обратный поток семейных трансфертов: 33% населения в возрасте 55–69 лет и 32% населения в возрасте 70–84 лет делают подарки своим молодым родственникам и только 13,5% и 3% получают от них помощь (Kohli, 1999).

В зарубежной литературе по интересующей нас проблематике сельское население, как правило, не выделяется отдельно от городского, что связано, по-видимому, с тем, что различия в жизненном укладе городского и сельского населения не носят столь существенного характера, как в России.

В России внутрисемейная поддержка имеет свою специфику, определяемую особенностями взаимоотношений между поколениями. Как показывают немногочисленные исследования, проведенные в России, родственные, межпоколенные трансферты, внутрисемейная поддержка и взаимопомощь играют важную (если не основную) роль в адаптации населения к кардинальной социально-экономической трансформации общества. Согласно исследованиям, затрагивающим в той или иной степени проблемы жизни пожилых людей, проживающих в городах, объем родственной (в том числе и межпоколенной) поддержки во всех ее формах: материальной, финансовой и инструментальной, в российском обществе велик и сопоставим с объемом внесемейных социальных трансфертов. По данным обследования, проведенного в 1997 г. М. Денисенко и С. Рощиным, пенсии городских пенсионеров составили 73% всей совокупной величины их личных доходов. По данным исследования уровня жизни городского населения, проведенного Л. Овчаровой и Л. Прокофьевой в 1992 и 1993 гг. в четырех городах советской России, около трети одиноких людей, в том числе и пенсионеров, назвали материальную помощь родственников одним из основных ресурсов для их выживания. При этом авторы отметили, что получение материальной помощи в малом городе, где уровень бедности наиболее высок, затруднено ввиду наличия относительно небольшого числа людей, способных эту помощь оказывать (в обследованных малых городах помощь получали лишь 8% домохозяйств, по сравнению с 16% в Санкт-Петербурге) (Овчарова, Прокофьева, 2000. С. 28).

Результаты социологического исследования, проведенного в селах семи российских регионов в 1990–1996 гг. в рамках двух исследовательских проектов «Социальная структура российского села» (1990–1994 гг.) и «Реальная экономика и политика российского села» (1995–1996 гг., руководитель Т. Шанин), позволили выявить некоторые тенденции изменения в локальных и семейных сетях социальной поддержки. Сравнивая сеть социальной поддержки сельской семьи при советской власти с ситуацией в момент проведения исследований, большинство респондентов отмечали непрочность, ненадежность и малочисленность вертикальных механизмов социальной поддержки. Логично было бы предположить, что при исчезновении или ослаблении многих вертикальных связей (с государственными предприятиями, партийными органами и т.п.) стратегия выживания сельской семьи будет направлена на укрепление горизонтальных связей с родственниками, друзьями, соседями, земляками, т.е. произойдет компенсаторное усиление горизонтальных нитей сети социальной под-

держки. Однако результаты указанного выше исследования показали, что ослабление и изменение характера вертикальных связей ведет не к усилению или ослаблению, а к трансформации традиционных горизонтальных отношений, причем в направлениях, которые прежде негативно воспринимались общественным мнением села (Штейнберг, 1999).

Под влиянием аграрных реформ на селе и, прежде всего, земельных отношений происходит процесс трансформации социальных связей в локальных семейных сетях социальной поддержки. Он выражается в переходе от установок на сочетание семейной солидарности родственных и дружеских отношений с патерналистской государственной системой социальной защиты населения к установкам на сочетание неформальных традиционных отношений с социальной солидарностью производственных и общественных организаций внутри села и за его пределами (Штейнберг, 1999. С. 239).

2. Особенности накопления благосостояния различными поколениями

Схема накопления богатства поколением в течение его жизненного цикла может быть представлена следующим образом. Предположим, что производительность капитала в экономике остается неизменной. Стоимость ресурсов, которые «занимает» новорожденный, чтобы оплатить расходы, превышающее размеры заработков, составляет величину ссуды с процентной ставкой «х». В течение периода превышения заработков над потреблением разница между ними «вкладывается в банк», чтобы накопить процентную ставку «х». Превышение расходов восполняется с помощью чистого объема трансфертных платежей, плюс прибыль на капитал, плюс чистый объем займа (см., например Stecklov, 1997. P. 534).

В качестве примера накопления благосостояния в течение жизненного цикла конкретного поколения приведем модель для развитых стран (Lee, 1995). Начинается она с быстрого накопления отрицательного сальдо благосостояния, которое достигает минимального значения в двадцатилетнем возрасте. К 35 годам происходит постепенное сокращение отрицательного значения до положительного сальдо. Затем величина благосостояния увеличивается и, наконец, в 60 лет достигает наибольшего размера. С 60 лет начинается уменьшение благосостояния до минимального значения в самых старших возрастах.

В свою очередь расчеты для племен амазонских охотников показали, что в первобытном обществе отрицательное сальдо благосостояния возрастает до 20 лет, затем, по мере прохождения поколений через старшие возраста, размеры благосостояния увеличиваются, но при этом положительное сальдо на протяжении всего жизненного цикла никогда не достигается. В республике Кот-д'Ивуар накопление благосостояния носит характер отрицательного прироста в молодых и средних возрастах, опускаясь до минимальных значений в возрастной группе 25–29 лет. Положительный прирост благосостояния наблюдается только в старших возрастах и охватывает возрастные группы, начиная с лиц, немного не достигших 50 лет.

Мы попытались оценить повозрастную динамику сальдо благосостояния в России на материалах базы данных 10-й волны обследования «Россия», проведенного в 2001 г. и содержащего информацию о субъективных оценках респондентами размера их доходов и расходов.

При определении трудового дохода учитывались следующие источники: среднемесячная зарплата, полученная по основному месту работы после вычета налогов и отчислений; деньги от продажи продукции предприятий, полученные в качестве оплаты труда, например в виде продуктов или непродовольственных товаров; среднемесячная зарплата на другом предприятии после вычета налогов; деньги от продажи продукции данного предприятия, полученной в качестве оплаты труда; доход от дополнительной работы (занятие пошивом, ремонтом, репетиторством и др.)[1].

Величина расходов определялась исходя из ответов на вопросы, содержащих оценку расходов домохозяйств на питание, одежду, коммунальные услуги, на отдых, развлечения, со-

[1] Денежные доходы от продажи продуктов, произведенных в личном подсобном хозяйстве, не учитывались, поскольку в основном продукты потреблялись самими членами обследуемых домохозяйств.

держание автотранспорта, покупку топлива, ремонт, финансовую помощь родным и близким, а так же сумм, данных в долг.

Величина доходов рассчитывалась на основе индивидуальных данных, полученных в ходе обследования взрослого населения. При определении абсолютных величин расходов использовались данные обследования домохозяйств. Чтобы сделать доходы и расходы сопоставимыми, расходы были пересчитаны для каждого члена домохозяйства. При этом мы провели индексацию расходов в зависимости от возраста. Расходы взрослого члена домохозяйства в возрасте 16 лет и старше составили 1, а расходы на детей в возрасте до 16 лет – 0,7 (или 70% от уровня расходов взрослых). При использовании данной индексации мы абстрагировались от различий в размерах потребления между женщинами и мужчинами, между молодыми и старшими взрослыми членами домохозяйств, между детьми разных возрастов.

Оценка затрат на детей в нашем исследовании достаточно условна. Несмотря на то, что она проводилась с учетом имеющегося опыта подобных расчетов в зарубежных странах (Gautier, 1994), мы учитывали специфику структуры расходов в нашей стране. По существующим оценкам (Орлов, 1995. С. 94), 25% россиян расходуют на питание 88% всех доходов, 51% населения – от 67% до 81%. Поэтому, если в основу индексации были бы положены различия в потребностях в калориях, то во многих домохозяйствах, попавших в выборку обследования «Россия», расходы на детей были бы выше.

Кроме того, многие специалисты пришли к выводу о том, что оценки уровня затрат на детей носят произвольный характер, несмотря на то, что за рубежом существует система весов, применяемая наиболее часто и принятая в качестве консервативной оценки (Deaton and Muellbauer, 1986).

Возрастные профили потребления и трудовых доходов рассчитывались по формуле:

$$c(x) = \frac{\sum_{i=1}^{N(x)} c_i(x)}{N(x)} \quad y(x) = \frac{\sum_{i=1}^{N(x)} y_i(x)}{N(x)},$$

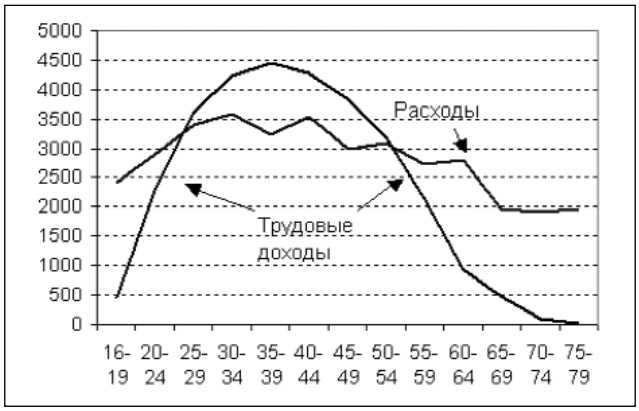
где

y_i– размер индивидуального трудового дохода; – размер индивидуального потребления; x – возраст, $c(x)$ – возрастной профиль потребления; $y(x)$ – возрастной профиль получения трудовых доходов; $N(x)$ – абсолютное число лиц в данном возрасте.

На *рис. 1* представлены результаты расчетов. Как видно из рисунка, в молодых возрастных группах (до 25 лет) и в старших (старше 50 лет) размеры трудовых доходов ниже, чем размеры расходов, в то время как население средних возрастов производит больше, чем потребляет.

Рис. 1. Возрастные профили расходов и трудовых доходов, 2001 г., руб. в месяц
(по данным обследования «Россия»)

Следует принять во внимание, что предложенный метод оценки уровня трудовых доходов, по данным обследования «Россия», с большой степенью вероятности способствовал не-



дооценке реального уровня трудовых доходов для населения, попавшего в выборку. Учитывая состояние экономики России в трансформационный период, низкую эффективность рынка труда, заработная плата не может быть показателем, адекватно отражающим реальную производительность в различных возрастных группах. Отчасти этим можно объяснить достаточно позднее пересечение двух линий на графике, в возрасте около 24 лет. В то же время это может быть связано со стремлением молодых к продолжению образования и, следовательно, более длительным периодом накопления человеческого капитала, что увеличивает возраст вступления в «экономическую независимость».

Другой важный недостаток использованного нами метода состоит в отсутствии учета личных накоплений при оценке размеров доходов населения старших возрастов. Для данной группы населения личные сбережения представляют собой важный гарант выравнивания размеров потребления и доходов. Однако в условиях современной России, в результате потери населением денежных сбережений, случаев прекращения выдачи банками денег с личных счетов, роль данного фактора в обеспечении указанного выравнивания для большей части пожилого населения незначительна.

Со всеми этими оговорками тем не менее можно высказать предположение, что в России наблюдается достаточно специфичная ситуация, когда отрицательное сальдо благосостояния существует не только в младших, но и в старших возрастных группах.

В принципе отрицательное сальдо благосостояния должно покрываться за счет действующих социальных гарантий, с помощью которых достигается признанный обществом уровень потребления. Социальные гарантии могут быть общенациональными, региональными, отраслевыми, финансируются они из федерального бюджета, бюджетной системы субъектов РФ и внебюджетных фондов. При этом все поступления из системы социальной защиты можно разделить на три условные группы: 1) денежные выплаты (пенсии, пособия и пр.); 2) льготы, состоящие в праве на снижение налогов, получение трансфертов в натуральной форме; 3) социальные услуги, потребляемые бесплатно или по ценам, не имеющим экономического значения. Указанные поступления адресуются конкретным социально-демографическим группам. Так, для молодых это расходы на бесплатное образование, в том числе на выплату стипендий, культурно-просветительную работу, здравоохранение и физическую культуру, на выплату пособий. Население старшего возраста получает выплаты в виде пенсий и пособий, льготной медицинской помощи.

Неравенство в уровне материального благосостояния возникает, если, во-первых, нарушаются пропорции распределения общественных трансфертов, выплат из социальных фондов между разными поколениями, и, во-вторых, разница между доходами и расходами в соответствующих возрастных группах не покрывается полностью, т.е. сальдо благосостояния имеет отрицательное значение.

Наряду с механизмами государственного перераспределения доходов определенную роль в выравнивании уровня жизни различных возрастных групп могут играть внутрисемейные трансферты. Резервы развития внутрисемейной межпоколенной поддержки в условиях России значительны (об этом свидетельствуют результаты отдельных обследований) и обусловлены богатым историческим наследием. Не случайно, при ответе на вопрос «Возможно ли взаимопонимание и сотрудничество между молодёжью и людьми старшего поколения?» доля утвердительных ответов значительно превысила долю отрицательных (обследование «Россия», 2001 г.).

3. Особенности межпоколенной поддержки в семьях пожилых людей, проживающих в сельской местности

Исследования, проведенные в городах России в 1990-е годы, показали, что объем внутрисемейных трансфертов традиционно велик и даже сопоставим с объемом социальной государственной поддержки (Овчарова, Прокофьева, 2000). Можем ли мы сказать это о сельской местности?

Особенности демографического портрета села характеризуются прежде всего быстрыми темпами старения населения. Каждый третий пожилой человек России – житель села. При

этом 68% пожилых сельских жителей составляют женщины, среди которых значительна доля одиноких. Учитывая низкое развитие социальной инфраструктуры на селе (социальное, медицинское, коммуникативное, транспортное и пр. обслуживание), более низкий по сравнению с городским уровень жизни сельских жителей, проблемы, с которыми сталкивается пожилой человек на селе. проявляются особенно остро.

В 2001 г. нами было проведено исследование в Воронежской и Тверской областях, цель которого состояла в определении роли родственных связей в жизни пожилых людей, постоянно проживающих в сельской местности. Исходя из поставленной цели были определены задачи исследования: выяснить интенсивность родственных контактов, направленность, объем и структуру межпоколенных трансфертов. Общий объем выборки составил 840 человек[2].

Определение системы родственных отношений и поддержки пожилых людей в количественном опросе пожилых людей. Межпоколенные связи мы рассматривали как совокупность отношений взаимного обмена между находящимися в фокусе нашего исследования пожилыми людьми (отдельные личности или супружеские пары) и их родственниками. Система межпоколенной родственной поддержки описывается с помощью ряда показателей, характеризующих как пожилых людей, так и их родственников, и трех основных атрибутов самого процесса обмена: пространства, денег и времени.

Особое значение для анализа представляет специальный блок вопросов о родственниках, участвующих в процессе обмена различными благами. Так, число родственников, их место жительства, отношения родства служат своего рода знаменателями частоты и характера обмена между пожилыми и молодыми членами семьи (например, отдельные виды помощи очень трудно оказывать, находясь на отдаленном расстоянии от пожилых). Представление о родственниках важно также для проверки различных гипотез о мотивации и социальной динамике обменных процессов (например, при исследовании различий в помощи, оказываемой или получаемой сыновьями и дочерями).

Более детальную картину межпоколенных отношений в семьях пожилых людей, проживающих в сельской местности, позволили получить результаты *качественного интервью*, проведенного в сентябре–октябре 2001 г. в Тверской области. Всего было опрошено 60 респондентов. Целью исследования являлось выявление типов взаимоотношений респондентов со своими родственниками и близкими людьми.

При проведении исследования был применен метод «мягкого» опросника. За основу интервью была взята диаграмма *«сети личных связей»,* предложенная и апробированная в исследовании (Kahn and Antonucci, 1980) и впоследствии использованная в исследовании семейной и общественной жизни пожилых людей Англии, получившем название «Keele study» (1996–1997 гг.).

В ходе качественного опроса нами исследовались многие спектры семейных взаимоотношений: характер помощи, регулярность ее оказания респондентам со стороны близких лю-

---

[2] При проведении количественного опроса пожилых людей была применена пятиступенчатая стратифицированная случайная выборка. Такой способ построения территориальной выборки позволил обеспечить наибольшую представительность результатов. На первой ступени отбирались области, в которых проводился опрос. В качестве объектов изучения выбраны две контрастные территории, где определяющим фактором стал характер сельскохозяйственного производства: черноземная Воронежская область и нечерноземная Тверская. На второй ступени внутри каждой из областей отбирались районы. В основу стратификации была заложена степень удаленности от областного центра и развитости территориальной инфраструктуры. На третьей ступени осуществлялся отбор населенных пунктов. Учитывая объем выборки, был использован метод одномерной стратификации, основанный на количестве домохозяйств в каждом из населенных пунктов. Структура выборки была приближена к распределению населения по типам сельских населенных пунктов. Четвертая ступень выборки предполагала отбор домохозяйств в каждом из включенных в выборку населенных пунктов. Предполагалось, что механический случайный отбор обеспечит всем домохозяйствам равные шансы попасть в выборку, что гарантировало репрезентативность на этой ступени отбора. Наконец, на пятой ступени проводился отбор респондента в семье.

дей; как складываются их каждодневные отношения; каковы мотивы оказываемой помощи; как помогают пожилые в воспитании своих внуков; каковы ожидания на помощь со стороны близких людей в будущем.

Пожилые люди и состав их домохозяйств

Среди опрошенных 71,7% составили женщины. Наиболее значительное превышение численности женщин над числом мужчин отмечалось в самых старших возрастах (70 лет и старше) – в пять раз. Перевес женщин наблюдался во всех видах брачного состояния за исключением состоящих в браке: женщины составляли 88% одиноких (разведенных, никогда не состоящих в браке, вдовствующих) среди всех респондентов и 92% среди респондентов самых старших возрастов. Таким образом, проблема пожилых в нашем исследовании приобретает гендерный характер.

С ростом территориальной и социальной мобильности сельской молодежи России на протяжении всего XX столетия, обусловленной целым комплексом экономических, социальных, исторических и политических причин, постепенно менялся состав сельских домохозяйств. Традиционные многопоколенные крестьянские хозяйства распадались, в результате чего традиционный характер межпоколенных связей в семье либо утрачивался, либо видоизменялся.

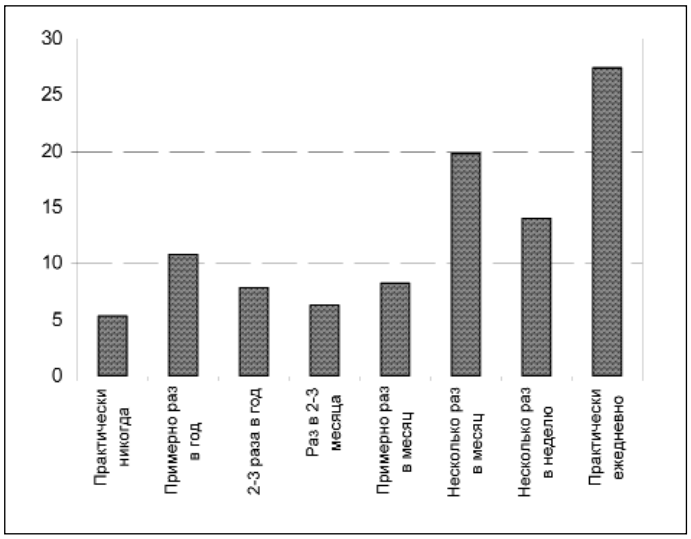
По результатам нашего обследования, 79% респондентов в Воронежской области и 77% в Тверской, проживали в домохозяйствах, состоящих из представителей только одного, старшего, поколения (в качестве границы пожилого возраста нами использовался официальный возраст выхода на пенсию – 55 лет для женщин 60 лет для мужчин). При этом доля одиноких пожилых составляла 40% в Воронежской области и 45% в Тверской. Данный показатель отражает особенности семейного состояния пожилых людей: вдовы и вдовцы составляли более половины всех опрошенных в Тверской области и были близки к этой величине в Воронежской области. Из всего числа вдовствующих пожилых людей более 80% являлись одинокими.

Доля домохозяйств, состоящих из нескольких поколений, относительно невелика: 11% опрошенных в Воронежской области и 15% в Тверской проживали вместе с детьми или другими представителями среднего поколения, и только 9% и 8%, соответственно, в семьях, состоящих из трех и более поколений: с детьми, внуками и правнуками. Невысокая доля двух- и трехпоколенных домохозяйств является следствием миграции молодежи из сел в города, а в случаях продолжения проживания на селе – отделения от родительской семьи в результате формирования собственной семьи (домохозяйства). Несомненно, указанные особенности структуры современных домохозяйств пожилых людей формируют специфические социальные связи и отношения между поколениями.

Опрошенные нами 840 респондентов включили в число членов своего родственного окружения всего 5193 родственников. Среднее число родственников составило семь человек в Воронежской области (среднее стандартное отклонение – 4,7) и 7,4 человека в Тверской области (среднее стандартное отклонение – 5,1). Различия по возрасту и полу респондентов существенных расхождений в значении указанного показателя не выявили. В социальной структуре родственников большую часть составляли работающие члены семьи и учащиеся. Доля родственников-пенсионеров значительно меньше, особенно в Тверской области (вдовство здесь распространено больше, чем в Воронежской области).

Молодые и средние поколения, выходцы из села, часто формируют свои семьи в других селах или городах, в разной степени удаленности от своих родителей. Однако связи со старшим поколением не нарушаются. В анкете содержался вопрос о том, как часто дети навещают своих родителей. Учитывались ответы трех старших детей; общее число детей, чьи ответы были учтены, составило 1500 человек. Оказалось, что практически никогда не видят своих родителей только 5,4% детей, практически ежедневно с ними встречаются 27,4%, несколько раз в месяц – 20% (*рис. 2*).

Рис. 2. Частота родственных контактов (как часто дети навещают своих родителей), 2001 г., % опрошенных (по данным обследования в Воронежской и Тверской областях)



Частота родственных контактов находится в прямой зависимости от территориальной удаленности родственников от пожилых людей: чем ближе живут первые, тем чаще они навещают последних.

Благосостояние пожилых

Благосостояние в широком смысле охватывает различные составляющие понятия, характеризующие качественные аспекты жизни. К ним относятся: здоровье и заболеваемость, социальная мобильность, состояние окружающей среды, доход и имущество, общественный порядок и безопасность, образование и доступность учреждений культуры, активная жизненная позиция.

Объективная оценка благосостояния пожилых людей производилась на основе определения среднедушевого дохода членов их домохозяйств. Величина дохода складывалась из основного источника в виде пенсий, получаемых практически всеми опрошенными (99,6%), и дополнительного, компоненты которого в нашем исследовании составляли: зарплата; алименты; продажа продукции ЛПХ; случайные заработки; доходы от промыслов, ремесла; помощь проживающих отдельно детей, внуков; помощь других родственников, знакомых; помощь, пособия государства и организаций.

Размер среднедушевого дохода определялся по пяти укрупненным типам домохозяйств: 1) состоящие из супружеской пары, 2) из супружеской пары с детьми, 3) одинокого пожилого человека, 4) матери (отца) с детьми, 5) пожилого человека, проживающего с другими родственниками. Результаты расчетов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Среднедушевые доходы в домохозяйствах пожилых людей, 2001 г., руб. в месяц
(по данным обследования в Воронежской и Тверской областях)

Величина прожиточного минимума в конце 2000 г. составляла 962 руб. для пенсионеров, 1285 руб. – для населения в целом. Данные табл. 1 показывают, что размер среднего дохода на ду-

Тип домохозяйства	Воронежская область				Тверская область			
	Число домохозяйств	Среднедушевые доходы, руб.			Число домохозяйств	Среднедушевые доходы, руб.		
		Средняя	Минимум	Максимум		Средняя	Минимум	Максимум
Все домохозяйства	**500**	**901**	**863**	**938**	**338**	**1036**	**986**	**1085**
в том числе								
Одинокий пожилой человек	197	971	914	1028	149	1196	1135	1258
Супружеская пара	169	1115	1066	1165	90	1188	1114	1261
Супружеская пара с детьми	45	651	559	744	24	719	600	837
Мать (отец) с детьми	70	467	390	545	63	644	510	778
Пожилой человек, проживающий с другими родственниками	17	434	261	607	11	589	402	776

шу населения во всех обследованных домохозяйствах в Воронежской области в 2001 г. был ниже указанного уровня, а в Тверской области он лишь немного его превышал. В обеих областях наименьшие доходы на душу населения наблюдались в домохозяйствах, состоящих из пожилого человека, проживающего с детьми, или с другими родственниками. В Воронежской области рассматриваемый показатель был более чем в два раза меньше прожиточного минимума для пенсионеров. Супружеские пары с детьми также в среднем имели доход ниже отмеченной черты.

Основным источником доходов пожилых людей являются пенсии. Сравнительно немногие домохозяйства получают дополнительные доходы – только 19% домохозяйств получали помимо пенсии социальные выплаты, льготы и пособия, 16% – доходы от личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и разведения скота (табл. 2). Доля доходов от ЛПХ и разведения скота в совокупном доходе всех домохозяйств составляет 13%, и наиболее значима в домохозяйствах, состоящих из одинокого родителя с детьми – 14,5%. Однако если этот показатель взвесить по числу домохозяйств данного типа, получающих отдельные доходы, в общем числе домохозяйств данного типа, то его значение не превышает 3% ни в одном из домохозяйств. Взвешенные доли других составляющих совокупного дохода в редких случаях превышают 2% (доля дохода от работы в домохозяйствах, состоящих из супружеской пары с детьми, и доля льгот в доходах матерей, или отцов, с детьми).

Таблица 2

Число и доля домохозяйств пожилых людей, получающих различные доходы, 2001 г.

(по данным обследования в Воронежской и Тверской областях)

Для обследованных домохозяйств характерна крайне низкая обеспеченность основными коммунальными и бытовыми удобствами (табл. 3). Водопровод имелся в наличии у 36% жите-

Вид дохода	Получатели		Доля в доходах, %	
	Число домохозяйств	% домохозяйств	Получающих данный вид дохода	Всех домохозяйств
Пенсии	838	100,0	96,5	96,5
Доход от ЛПХ и разведения скота	130	15,5	12,9	2,0
Выплаты, льготы, пособия	159	18,9	4,2	0,8
Заработная плата	28	3,3	21,4	0,7

лей Воронежской области и 9% Тверской. Магистральный газ проведен в 48% домов, принадлежавших респондентам Воронежской области, в Тверской – менее чем в 3% домов. В то же время более 85% домохозяйств Тверской области пользуются баллонным газом. Канализация в Тверской области также встречается реже: в домах у 5% опрошенных, тогда как в Воронежской обла-

сти – у 16%. На наличие телефона указали четверть проживающих в Воронежской области и 18% в Тверской. Наконец, теплый туалет был в домах лишь у 7% опрошенных в обеих областях.

Таблица 3

Наличие бытовых удобств в домах пожилых людей, 2001 г., % домохозяйств
(по данным обследования в Воронежской и Тверской областях)

Вид удобства	Всего		Воронежская область		Тверская область	
	Число	%	Число	%	Число	%
Баллонный газ	511	61,0	223	44,6	288	85,2
Магистральный газ	250	29,8	241	48,2	9	2,7
Водопровод	212	25,3	182	36,4	30	8,9
Канализация	100	11,9	82	16,4	18	5,3
Теплый туалет (туалет в доме)	58	6,9	34	6,8	24	7,1
Телефон	183	21,8	123	24,6	60	17,8

Таким образом, большая часть пожилых людей не имеет в своих домах и квартирах удобств, характерных для современного уровня развития цивилизации, что дает основание отнести большинство респондентов к группам риска, формирующим контингент бедных слоев населения. Приведенные данные свидетельствуют также о том, что обеспечение нормальной жизни пожилых требует больших затрат физических сил, а отсутствие элементарных удобств сказывается на состоянии их здоровья.

Внутрисемейные межпоколенные трансферты

Комплексная оценка уровня благосостояния пожилых людей, проживающих в сельских местностях Воронежской и Тверской областей России, позволяет сделать вывод о том, что обследованная часть населения относится к наименее обеспеченной его части. Закономерно возникает вопрос: существуют ли резервы улучшения положения сельских пожилых? Исследование роли различных доходов в формировании общего дохода домохозяйств позволяет сделать вывод о том, что основным, наиболее значимым источником доходов является пенсия. Доля государственных трансфертов, получаемых населением в виде пособий и отдельных льгот, крайне невелика. Что мы можем сказать о внутрисемейных межпоколенных трансфертах?

Получают помощь деньгами от близких людей, проживающих отдельно от респондентов, 32,6% опрошенных. Основную помощь оказывают дети и внуки – 23,5%, другие родственники помогают 3,9% респондентов, а друзья и соседи – менее чем 1%. В зависимости от размера домохозяйств денежную помощь чаще получают пожилые, проживающие в двухпоколенных и однопоколенных домохозяйствах.

Помощь одеждой получают 51,4% из числа всех опрошенных. Из них 39,5% приходится на помощь, оказываемую детьми, 8,1% – другими родственниками, 3,7% – друзьями и соседями. Продуктами питания помогают половине опрошенных, больший объем помощи получают одинокие.

Обратный поток финансовой поддержки (нисходящий) затрагивает большее число респондентов, чем поток получаемой помощи: более половины всех опрошенных оказывают денежную помощь близким, в том числе 46,2% – детям и внукам, 5,4% – другим родственникам, 1,7% – друзьям и соседям. Помощь одеждой, напротив, в данном направлении реже, чем в обратном. Наконец, помощь продуктами питания оказывается практически в равнозначных соотношениях.

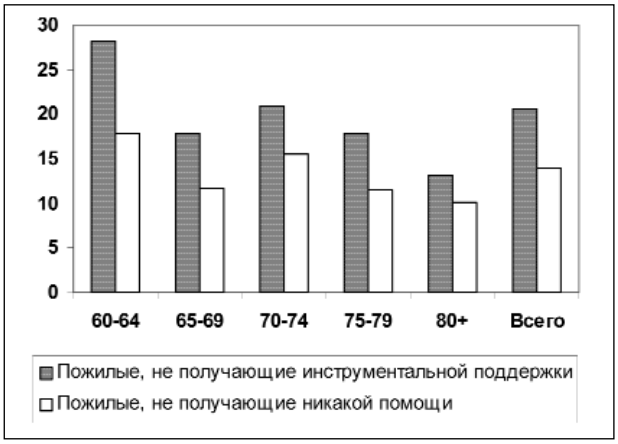
В обследовании учитывались и основные виды *инструментальной помощи*, оказываемые пожилым людям: помощь, связанная с лечением, покупка продуктов, приготовление пищи, стирка, уборка в доме, гигиенический уход, помощь, связанная с работой в огороде и саду (как повседневная, так и сезонная), с уходом за домашним скотом и птицей. Основную помощь респонденты получают от своих детей. Помощь в организации лечения, покупке про-

дуктов, работе на огороде и уходе за скотом пожилые получают от сыновей практически в тех же пропорциях, что и от дочерей. Однако в таких видах поддержки, как приготовление еды, стирка, уборка, гигиенический уход, приоритет принадлежит дочерям.

Братья, сестры и другие родственники помогают пожилым меньше, по сравнению с детьми, однако их помощь также является значимой и более существенной по сравнению с помощью внуков, соседей и друзей респондентов.

На отсутствие инструментальной поддержки от родственников и знакомых указало более 20% опрошенных, при этом чем меньше возраст пожилого человека, тем меньше вероятность помощи (*рис. 3*). Многие пожилые, в случае отсутствия поддержки со стороны близких, получают помощь от прикрепленных к ним сотрудников собесов.

Рис. 3. Доля пожилых, не получающих помощи со стороны родственников, соседей и знакомых, 2001 г., % опрошенных
(по данным обследования в Воронежской и Тверской областях)



В обследовании задавался вопрос о потребностях пожилых в финансовой и отдельных видах материальной помощи со стороны их близких: одеждой, продуктами питания, предметами обихода. Результаты ответов таковы: в финансовой помощи нуждаются 38,5% респондентов среди всех опрошенных, в том числе более 41,5% – среди одиноких, 50% – среди проживающих с детьми, 51,6% – среди проживающих с детьми и внуками. В помощи продуктами питания нуждаются 28,2%, одеждой – 19,5%, предметами обихода – 16,5%. Около 10% респондентов, в основном в самых старших возрастах, со слабым здоровьем, выразили потребность в разных видах физической помощи.

Финансовую и материальную помощь большая часть респондентов надеется получить от детей и внуков – 46,4%, на супруга (или супругу) надеются 16,7%, на государство – 16,2%. Доля пожилых, рассчитывающих в ближайшем будущем только на себя, превысила одну треть и составила 35,5%. Вызывает интерес то, что переехать к своим детям, проживающим отдельно от опрошенных пожилых, для получения различных видов помощи согласилось менее 20% пожилых.

Результаты качественного обследования

Качественное исследование позволило охарактеризовать несколько типов отношений между пожилыми людьми и окружающими их родственниками и другими близкими людьми.

Большинство респондентов (27 человек) указали в качестве основного источника помощи *супруга (супругу)*, в случае их наличия, или *детей и внуков*. Из них девять проживают с супругами, десять – одинокие, восемь – с детьми и внуками. Во всех семьях отмечаются тесные родственные связи, несмотря на различия в уровне материального благосостояния и объемах оказываемой помощи. Многие семьи сохранили традиционный тип взаимоотношений.

Дружные многодетные семьи. У Марии Сергеевны восемь детей, у которых сложилась судьба по-разному, но маму и папу они никогда не забывают, практически всегда с ними находится кто-то из детей (или внуков) рядом. Помогают во всем.

Проблемные семьи. Пример: семья, в которой муж респондентки (Татьяна Карповна) выпивает: «Шубу, ковер, посуду – все пропил». Татьяне Карповне очень стыдно за поведение своего мужа, но прогнать его она не может. У нее сын, на помощь которого она надеется, но только в случае необходимости, и внучки – одна в послеродовом отпуске, вторая – студентка, обе редко навещают свою бабушку.

«Новые деревенские». Это семьи тружеников. Раиса Павловна и Николай Алексеевич имеют собственное хозяйство: помимо участка земли, на котором они выращивают овощи, у них есть пасека и мини-птицеферма. Все их три сына получили высшее образование, работают, живут хорошо. Отношения в семье – дружеские, поскольку родители и дети материально независимы друг от друга. Девиз Николая Алексеевича: «Знание, трудолюбие, смекалка. Сознание должно быть выше потребности человека». На государство супруги не жалуются: «А чем оно поможет? Пенсию платят, и слава богу».

Второй тип взаимоотношений был выявлен у семи респондентов, считающих самыми близкими людьми из своего окружения *соседей и других родственников.* Из них пять одиноки (три вдовы, не имеющие детей, и две пожилые женщины никогда не состоявшие в браке), две пожилые женщины проживают со своими родственниками (одна с сыном и невесткой, вторая – с сыном и сестрой). Если в пяти указанных случаях надежда на соседей и других родственников вполне оправдана, то в двух других она носит скорее вынужденный характер: тяжелая болезнь сына в одном случае, девиантное поведение сына – в другом.

Взаимопомощь с соседями проявляется, например, таким образом: «Я им воду ношу, они распилят мне дрова, калитку поправят, подобьют что». Часто соседи дают деньги в долг.

Семь респондентов надеются прежде всего на помощь *государства.* Из всех опрошенных в данную группу попали два инвалида (один – с детства), один женатый пожилой мужчина, две бездетные вдовы и три многодетные матери. Ожидания респондентов направлены на увеличение их пенсий, помощь со стороны местных отделений собесов. Связи с детьми либо ослаблены, либо практически отсутствуют.

Многодетная мать, родившая девять детей, из которых выжили пятеро, говорит: «Не надо мне от моих детей ничего. Убьют еще! Огород вспашут, и на том спасибо». Другая мать (3 детей): «Им самим ни на что не хватает. Как они могут помочь? Только не трогайте моих детей!».

Наконец 15 опрошенных *рассчитывают только на себя.* Семь человек из них одиноки, семь живут с супругами, одна пожилая женщина – с сыном. «У каждого своя забота и своя работа, а сил не будет – пойду в “престарелый” дом», – так охарактеризовала одна из опрошенных свое отношение к жизни. Отношение к государственной поддержке, несмотря на то, что все получают пенсию, отрицательное. Многие считают, что государство их «обокрало». Детей своих они не осуждают за отсутствие помощи с их стороны, поскольку те не могут найти себе работу, оплачиваемую в достаточных размерах, а часто просто безработные.

Респонденты высказали разные причины своей изоляции: «Что на государство надеяться. 50 лет отработал, а пойди к ним – гроб-то купить не помогут»; «Раньше народ был дружный, а теперь все друг от друга прячутся»; «Наше государство пенсионеров за людей не считает»; «Сейчас дети сами живут без работы».

В выборку попали также яркие личности, умевшие найти себя и реализовать свои способности как в предыдущей эпохе социализма, так и в нынешней, полагаясь при этом только на себя. К таким людям относится Геннадий Дмитриевич. До перестройки он руководил строительством плотин. Жил очень обеспеченно. В 1990-е годы организовал

собственное хозяйство, впоследствии столкнулся с объективными трудностями, ограничившими расширение его деятельности, но сохранил оптимизм и продолжает работать, используя собственные ресурсы. «Я человек независимый, доходы не считаю, считаю расходы». На помощь своих выросших сыновей (их у него три) не надеется: «С восходом вставать и до восхода ложиться: кто из молодых будет работать так, как мы? Раньше люди уважали друг друга. Сейчас развал. Каждый – не за себя, а себе».

4. Заключение

Результаты эмпирического исследования, представленные выше, показывают, что родственные связи играют большую роль в жизни пожилых людей, проживающих в сельской местности, и носят взаимный характер. Основная часть пожилых (78%) проживает в домохозяйствах, состоящих только из представителей старшего поколения, при этом половина из них одиноки. Женщины составляют более 70% среди всех опрошенных пожилых и 88% среди одиноких (не имеющих супруга).

Среди опрошенных большинство населения можно отнести к бедным слоям населения. Однако финансовую помощь от своих близких получает только треть. Напротив, более половины пожилых сами помогают деньгами, в основном, своим детям и внукам. Финансовые трансферты таким образом циркулируют внутри большинства семей в пользу ее младших поколений.

Материальную помощь от родственников и близких получает половина респондентов, но и в этом случае обратный поток (прежде всего продуктами питания) равноценен. Практически все пожилые нуждаются в тех или иных видах инструментальной поддержки, однако получают ее от своих близких далеко не все.

Результаты количественного и качественного исследований показали, что только около половины респондентов надеется на помощь со стороны своих ближайших родственников. Другая половина либо имеет альтруистские установки на помощь детям и внукам, надеясь на помощь с их стороны только в случае крайней необходимости, либо поддерживает с ними отношения на основе специфических, индивидуальных для каждого респондента, мотивов.

В отличие от общественных трансфертов, которые имеют конкретное воплощение, частная поддержка остается незаметной, носит неформальный, спорадический характер, что затрудняет ее оценку и сравнение с другими видами поддержки. В исследовании мы предприняли попытку с помощью нестандартных методов провести оценку частных трансфертов в семьях пожилых людей, проживающих в сельской местности.

Результаты исследования позволили расширить представление о межпоколенной поддержке в семьях пожилых людей, проживающих в сельской местности, что необходимо для исследований в области социального обеспечения пенсионеров, а также при поиске путей увеличения их ресурсной базы. Практика социальной работы с пожилым населением также требует конкретных знаний о жизни людей. В противном случае она будет неадресной и малоэффективной. Результаты исследования позволяют дополнить информацию для экспертной работы в области совершенствования социальной политики, направленной на улучшение жизни пожилых, проживающих в российской сельской местности, а следовательно, и решения проблемы бедности в данной группе населения.

Совершенствование социальной поддержки пожилых людей, на наш взгляд, должно проводиться в трех направлениях: 1) определение и обоснование наименее социально защищенных групп пожилых людей как потенциального адресата мер социальной поддержки; 2) оценка вида, размеров, регулярности (единовременности) оказания необходимой помощи определенным группам пожилых; 3) формирование оптимальных механизмов для ее оказания.

Результаты проведенного нами исследования показали, что наиболее социально уязвимыми являются одинокие пенсионеры и пожилые люди, проживающие с безработными детьми и их семьями. Первая группа представлена в основном женщинами (88%). Как показали оценки предпочитаемого вида помощи, большинство из них нуждаются не только в материальной, но, прежде всего, в регулярной физической помощи: заготовке дров, возделыва-

нии земельного участка, доставке продуктов.

Для второй группы пожилых людей (проживающих с безработными детьми) характер социальной поддержки должен быть прежде всего ориентирован на трудоустройство неработающих детей, совершенствование системы выплат пособий по безработице в сельской местности.

Механизмы оказания помощи пожилым необходимо дифференцировать в зависимости от социально-демографических характеристик адресата и вида востребованной помощи.

Межпоколенная внутрисемейная поддержка как одно из важнейших направлений совершенствования системы обеспечения пенсионеров имеет большие резервы развития. Как показали результаты исследования, практически все опрошенные, в том числе и проживающие одни в своем домохозяйстве, имеют родных и родственников. Меры политики по укреплению внутрисемейной поддержки вряд ли могут носить административных характер, здесь более действенны механизмы, направленные на формирование общественного мнения, создание морально-психологических стимулов, воздействующих на увеличение интенсивности родственной помощи.

Литература

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Научный доклад. Вып. 24.: М. Московский Центр Карнеги. 1998.

Денисенко М. Благосостояние и трансферты пожилых людей в городах России//Демографические и социально-демографические аспекты старения населения. Кн. 1, М., Диалог-МГУ, 1999.

Иванова Е. Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности: Доклад, представленный на Пятой международной конференции «Реформирование общественного сектора»: 1–24, 2002.

Иванова Е.И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 1. Серия «Грантовые проекты НИСП». М.: 2003. С. 135–164.

Краснова О. Исследование структуры социальной поддержки пожилых людей / Психология зрелости и старения. Лето: 1998. С. 28–51.

Малева Т. (ред.) Современные проблемы пенсионной сферы: Научные доклады. Вып. 16.: М. Московский Центр Карнеги, 1997.

Овчарова Л., Прокофьева Л. (2000) Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период. Мониторинг общественного мнения. №4 (48): 23–31.

Орлов А. Угрозы в социальной сфере // Вопросы экономики. 1995. № 1.

Штейнберг И. Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика / Под ред. Теодора Шанина. М., 1999. С. 233–234.

Attais-Donfut C. (ed.) (1995) Les solidarities entre generations: vieillesse, familles, etat. Paris: Nathan.

Attais-Donfut C. et Segalen M. (1998) Grands-parents. La famille a travers les generations, Paris: Odile Jacob.

Bengtson V. and Achenbaum W. (1994) *The changing contract across generations*. New York: Aldine de Gruyter.

Cox D.(1987) Motives for private income transfers. In: Journal of Political Economy 95 (June): 508–546.

Deaton A. and Muellbauer J. (1986). "Measuring child costs in poor countries," Journal of Political Economy. 94, No.4: 720–744.

Gautier A. (1994). "Estimating the direct cost of children: Methodological issues" in Olivia Ekert-Jaffe (ed.), Standards of Living and Families: Observation and Analysis. London: John Libbey.

Glaser,K. F., Tomassini C. (1999) Proximity to children: a comparison of Britain and Italy. Paper presented at the Annual Meeting of PAA, March, New York.

Hermalin A. I. (1997) Drawing policy lessons for Asia from research on ageing. Asia-Pacific Population Journal 12 (4): 89–102.

Holtz-Eakin D. and Smeeding T. M. (1994) Income, wealth, and intergenerational economic relations of the aged. In: Demography of Aging, National Academy Press, Washington. D.C.:102–145.

Kahn R. and Antonucci T. (1980) Convoys over the life course: Attachment, roles and social support. In: Life-Span Development and Behavior, vol.3, New York: Academic Press.

Kohli M. (1999) Private and public transfers between generations: linking the family and the state. European Societies 1: 81–104.

Kunemund H. and Rein M. (1999) There is more to receiving than needing: theoretical arguments and empirical explorations of crowding in and crowding out. Ageing and Society, 19: 93–121.

Lee R. D. (1995). "Population age structure, intergenerational transfers, and wealth: a new approach, with implications for the United States", *Journal of Human Resources* 29, No.4 1027–1063.
Lye D. N. (1996) Adult child-parent relationships. Annual Review of Sociology 22: 79–102.
McGarry K. and Schoeni R. F. (1998) Transfer behavior within the family: Results from the asset and health dynamics survey. The journals of Gerontology: Social Sciences 52B: 82–92.
Parsons T. (1942) Age and sex in the social structure of the United States. In: American Sociological Review, 7.
Preparing for an aging world. The case for cross-national research. (2001) Washington DC National Academy Press: 155–199.
Szydlik M. (1996) Parent-child relations in East and west Germany shortly after the fall of the wall. International Journal of Sociology and Social Policy 16, 12: 63–88.
Wolf D. A. (1994) The elderly and their kin: patterns of availability and access. In Demography of Ageing. Committee on Population. Pp. 146–194. Washington DC: National Academy of Press.

Приложение

Предложения по совершенствованию учета межпоколенных внутрисемейных трансфертов в ОБДХ

Опыт наших исследований позволил выявить значительные расхождения при определении абсолютных размеров финансовой и материальной поддержки родственников за год: многие пожилые люди их либо забыли, либо оценили очень приблизительно. Чтобы определить реальные объемы финансовых и материальных поступлений, необходимо вести их подробный учет по статьям доходов и расходов в течение достаточно длительного периода времени. Трехступенчатый метод опроса, используемый при проведении ОБДХ, создает возможности для подобного учета.

Современное состояние учета внутрисемейных межпоколенных трансфертов в ОБДХ. В дневнике в пункте «В» среди продуктов, произведенных или поступивших в домашнее хозяйство без оплаты и использованных сегодня для приготовления завтрака, обеда или ужина, учитываются продукты в виде подарков. В пункте «Г» записываются продукты питания, купленные в период ведения дневника и израсходованные на приготовление продуктов длительного хранения, на корм домашним животным, проданные или подаренные родственникам и знакомым.

В правилах заполнения журнала указывается на необходимость учета расходов в виде денег, отданных безвозмездно, в долг или в счет погашения долга.

Опросный лист также содержит некоторую информацию о межпоколенных трансфертах. В разделе 2 «Доходы домохозяйства» в пункте 9 среди основных источников средств существования главы домохозяйства указываются «алименты, деньги и подарки от родственников, проживающих отдельно, и других частных лиц»; в пункте 12 указываются источники дополнительных денежных средств. В пункте 24 спрашивается о получении помощи в натуральном виде от предприятия или организации, где он работает, а также государства, благотворительных фондов. В разделе 3 «Расходы домохозяйства» задаются вопросы, позволяющие оценить некоторую роль межпоколенной финансовой и материальной поддержки в общей структуре расходов. В пункте 24: «Оказывали ли Вы в течение последних трех месяцев какую-либо финансовую помощь родственникам, друзьям, другим лицам, не принадлежащим к вашему домашнему хозяйству?». В пункте 26: «Покупали ли Вы в течение последних трех месяцев подарки родственникам, друзьям, другим лицам, не принадлежащим к вашему домашнему хозяйству?».

Как видно из содержания вопросов, все указанные виды материальных и финансовых поступлений и расходов относятся к укрупненной группе субъектов обмена. Отдельно родственники не выделяются в самостоятельную группу.

Указанный недостаток позволяет выявить методологическую недоработку обследования в вопросах изучения *направлений* потоков материальных благ.

В целях определения объемов и направлений материального потока благ между родственниками, по нашему мнению, следует конкретизировать формулировку указанных вопросов.

В дневнике в пункте «В» выделить отдельно продукты, полученные в виде подарков а) от родственников, б) соседей, в) друзей и знакомых. В пункте «Г» записывать продукты питания, проданные или подаренные а) родственникам, б) соседям, в) друзьям и знакомым.

В журнале учет расходов в виде денег, отданных безвозмездно, в долг или в счет погашения долга вести в разрезе тех же групп-субъектов процесса обмена материальными благами.

Опросный лист также следует дополнить более конкретными формулировками о направлениях доходов и расходов. В разделе 2 «Доходы домохозяйства» в пункте 9 выделить отдельно такие источники средств существования главы домохозяйства, как а) алименты, б) деньги и подарки от родственников, проживающих отдельно, в) деньги и подарки от других частных лиц. В пункте 24 выделить вопрос о размерах помощи в натуральном виде, получаемой от а) родственников, б) других частных лиц. В разделе 3 «Расходы домохозяйства» в пункте 24 следует указать размеры финансовой помощи, выделенной а) родственникам, б) друзьям, в) другим лицам, не принадлежащим к данному домашнему хозяйству. В пункте 26 также следует конкретизировать направления и объемы поддержки в форме подарков по тем же субъектам обмена.

Сборник статей по проблемам бедности. Авторы - победители конкурса научных работ, проведенного в рамках совместного проекта "Совершенствование измерения, мониторинга и анализа бедности в России" с участием Всемирного банка, Министерства по делам международного развития Великобритании, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, Федеральной службы государственной статистики РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Министерства финансов РФ. В представленных работах исследуются причины, способствующие развитию бедности, и анализируются пути и средства ее преодоления.

Всемирный банк
Представительство в России
ул. Большая Молчановка,
36/1, 121069 Москва, Россия
Тел.: 7(095) 745 7000
Факс: 7(095) 745 7002
www.worldbank.org.ru
moscow@worldbank.org

Алекс
ИЗДАТЕЛЬСТВО

www.alexpublishers.ru

ISBN 5-9618-0018-0